

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2023

№ 76

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор.
E-mail: surovtshev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор.
E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сиэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шеффлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджатауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафаэль** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief;
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology);
Deriglazova L.V. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science);
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor;
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology);
Borisov E.V. (Tomsk, Russia);
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia);
Syrov V.N. (Tomsk, Russia);
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia);
Ladov V.A. (Tomsk, Russia);
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia);
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia);
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tsелищев В.В.** (Institute of Philosophy and Law of Sb RAS, Novosibirsk, Russia); **Диев В.С.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Константиновский Д.Л.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Черныш М.Ф.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Малинова О.Ю.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Sоловьев А.И.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Шестопал Е.Б.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Шуберт К.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Андрушкевич А.Г. Реальное следование конститутивным правилам	5
Борисов Е.В. Познаваемость в гибридной эпистемической логике.....	11
Горбачев М.Д. Иллюзионизм и квалиа	18
Корнилаев Л.Ю. Перспективизм и контекстуализм.....	27
Нехаева И.Н. Эстетическое суждение, способность воображения и свидетельство от первого лица.....	35
Петрова А.В., Ладов В.А. «Исследователь» как эпистемологический статус субъекта: социальная этика и метапозиция	46
Хитрук Е.Б. «Невидимый Садовник или Слепой Часовщик?»: аргумент «от законов природы» в контексте полемики между теизмом и натурализмом.....	54

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Alexandrov E. Proclus and Kūkai: Beauty of the Gothic and Heian Japan	67
---	----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Барышев А.А., Карапур В.В. Благополучие как практика: концептуализация, картина и тематический обзор исследований	82
Журавлева Е.Ю. Эпистемические риски софтверизации современной научно-исследовательской деятельности.....	102
Закирова А.Ж. От толерантности к культурной компетентности	110
Качай И.С. Онтологическая природа творчества: древневосточная, ренессансная и просветительская философские традиции	121
Крутов А.В. Политическое событие по Бадью: от построения ситуации до оценки прогрессивности	131
Погожина Н.Н. Современные тенденции коммуникативного взаимодействия науки и общества.....	141

СОЦИОЛОГИЯ

Аверина Е.А. Роль технических средств реабилитации в формировании отношения к людям с инвалидностью.....	153
Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В., Леонтьева Э.О. Этничность как стигма: взаимодействие волн миграции на Дальнем Востоке России.....	163
Вайсбург А.В. Трансформация образа жизни студентов медицинского вуза после трудоустройства «красную зону» (по материалам интервью со студентами ФГБОУВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации).....	182
Долженко Р.А., Долженко С.Б., Свинин С.В. Молодежь завода, их ожидания и ценности работы	192
Зборовский Г.Е. Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества российских вузов в новых условиях: методологические подходы к исследованию	206
Резанова З.И., Сыпченкова Ю.Е. Риск коммуникации в сфере здоровья: тематическая фокусировка событийного потока COVID-19 в новостном дискурсе	217

ПОЛИТОЛОГИЯ

Андреева А.А., Дрожащих Н.В., Нелаева Г.А. Извинения государств за преступления колониальной эпохи: Нидерланды в процессе «преодоления прошлого»	229
Морозова О.С., Рудась Т.П. Возможности неформальных политических институтов в стабилизации политических отношений в Западной Африке	240
Зеленева И.В. Слагаемые успеха внешней политики России в Индийском океане	249

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Andrushkevich A.G. Realistic following constitutional rules	5
Borisov E.V. Knowability in terms of hybrid epistemic logic	11
Gorbachev M.D. Illusionism and qualia	18
Kornilaev L.Yu. Perspectivism and contextualism	27
Nekhaeva I.N. Aesthetic judgment, the power of imagination, and first-person testimony	35
Petrova A.V., Ladov V.A. The “researcher” as an epistemological status of a subject: Social ethics and metaposition	46
Khitruk E.B. “The Invisible Gardener or the Blind Watchmaker?”: An argument “from laws of nature” in the context of the controversy between theism and naturalism	54

HISTORY OF PHILOSOPHY

Alexandrov E. Proclus and Kūkai: Beauty of the Gothic and Heian Japan	67
--	----

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Baryshev A.A., Kashpur V.V. Well-being as practice: Conceptualization, cartography and a thematic review of studies	82
Zhuravleva E.Yu. Epistemic risks of the softwarization of modern research activities	102
Zakirova A.Zh. From tolerance to cultural competence	110
Kachay I.S. The ontological essence of creativity: Ancient Eastern, Renaissance and Enlightenment philosophical traditions	121
Krutov A.V. A political event according to Badiou: From constructing a situation to assessing progressiveness	131
Pogozhina N.N. Modern trends in the communicative interaction of science and society	141

SOCIOLOGY

Averina E.A. The role of technical rehabilitation means in shaping attitudes towards people with disabilities	153
Bliakher L.E., Kovalevskii A.V., Leont'eva E.O. Ethnicity as a stigma: Interaction of migration waves in the Russian Far East	163
Vaisburg A.V. Transformation of medical university students' lifestyle after employment in the “red zone” (based on interviews with students of Tver State Medical University)	182
Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Svinin S.V. Youth of the plant, their expectations and labor values	192
Zborovsky G.E. Resource mobilization of the academic community of Russian universities in new conditions: Methodological approaches to research	206
Rezanova Z.I., Sypchenkova Yu.E. Risk communication about health: Thematic focus of the COVID-19 event flow in news discourse	217

POLITICAL SCIENCE

Andreeva A.A., Drozhashchikh N.V., Nelaeva G.A. State apologies for colonial-era crimes: The Netherlands “dealing with its past”	229
Morozova O.S., Rudas T.P. The capability of informal political institutions to stabilize political relations in West Africa	240
Zeleneva I.V. Components of Russia's foreign success in the Indian Ocean	249

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 16

doi: 10.17223/1998863X/76/1

РЕАЛЬНОЕ СЛЕДОВАНИЕ КОНСТИТУТИВНЫМ ПРАВИЛАМ

Александр Геннадьевич Андрушкевич

Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, andryusha.fsf@gmail.com

Аннотация. В статье речь идет о проблеме следования правилу. Предполагается, что различные типы правил представляют собой различные способы их реализации. Среди всего множества правил выделяются конститутивные правила, применительно к которым демонстрируется возможность решения проблемы следования правилу без апелляции к точке зрения сообщества.

Ключевые слова: следование правилу, конститутивные правила, реализм, Ф. Петит

Для цитирования: Андрушкевич А.Г. Реальное следование конститутивным правилам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 5–10. doi: 10.17223/1998863X/76/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

REALISTIC FOLLOWING CONSTITUTIONAL RULES

Alexandr G. Andrushkevich

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, andryusha.fsf@gmail.com*

Abstract. All existing rules can be divided into two types: regulatory and constitutive ones. Based on constitutive rules, new forms of activity arise. Therefore, the fact of their existence in a certain sense can be considered objective. Once a constitutive rule for the game of solitaire has been created, it is no longer dependent on the community. The article examines the possibility of a direct solution to the problem of following constitutive rules. Based on the concept of Philip Pettit, it is assumed that the essence of following constitutive rules lies in two aspects. Firstly, it is the desire of the subject to carry out the corresponding activity, which necessarily implies the desire to fulfill the corresponding rules. Secondly, it is the objective nature of the existence of such rules that do not need understanding or interpretation. The correctness of following constitutive rules is established through the presence of aspiration or desire in the subject and through the result of his activity.

Keywords: rule-following, constitutive rules, realism, Philip Pettit

For citation: Andrushkevich, A.G. (2023) Realistic following constitutional rules. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk*

Чаще всего к проблеме следования правилу и критике точки зрения общества подходят с позиции, которая подразумевает акцентирование внимания именно на употреблении языка. Однако сама постановка проблемы и, соответственно, нюансы скептического ее решения в определенном смысле подразумевают если не необходимость, то как минимум состоятельность ситуации, при которой мы вправе расширить поле рассмотрения проблемы на иные аспекты активности человека, в рамках которых в той или иной степени эта самая активность основана или подразумевает наличие определенных правил. Учитывая данное обстоятельство, а также наше искреннее желание пролить свет реализма на сложившуюся ситуацию и в очередной раз поставить под вопрос наиболее востребованную скептическую стратегию преодоления противоречия, связанного со следованием правилу, мы не теряем оптимизма. Предполагается, если для определенного круга правил представится возможным однозначно и непротиворечивым образом избежать скептицизма, то в перспективе данный подход можно будет применить к тем множествам правил (т.е. разнообразных видов активности человека, регулируемых правилами, среди которых и употребление языка), которые в рамках данного исследования не будут рассмотрены.

Таким образом, данная статья представляет собой попытку обоснования состоятельности иного, *реалистического* рассмотрения феномена следования правилу и основана на утверждении, что масса всех существующих правил неоднородна и различные правила в определенной степени предполагают различный *характер* следования им.

В статье «Что такое речевой акт?» Дж. Серль вводит различие всех существующих правил на два основополагающих типа. По мысли Серля, сама необходимость в том или ином правиле может быть продиктована двумя принципиально различными обстоятельствами. Так, в первом случае некоторая разновидность деятельности человека или определенная форма поведения может нуждаться в правилах, которые бы ее регулировали. Такие правила Серль называет регулятивными [1. С. 153–154]. Мысль, что правила сервировки стола или подачи блюда, дорожного движения или организации труда возникают на основании соответствующей формы человеческой активности и призваны в первую очередь оптимизировать ее, сделать максимально удобной, эффективной, безопасной и т.п. Во втором случае речь идет о правилах, на основании которых выстраивается та или иная деятельность, без и до которых данная форма деятельности оказывается просто невозможной. Такие правила называются конститутивными [1. С. 153–154], и, насколько мы можем судить, удачными примерами для них будут разнообразные игры и некоторые правовые отношения.

Отметим, что для обоих видов правил характерным является их нормативный характер, т.е. определенный содержащийся в самих формулировках правил императив. Но уже сейчас следует указать и на различие, которое парадоксальным образом является следствием нормативного характера обоих видов правил. Различной является целевая необходимость, с которой мы обращаемся в одних случаях к регулятивным правилам и к конститутивным – в других. Хотя сам Серль в своей работе не обращает внимания на указанную

целевую необходимость и акцентирует свое внимание на интенциональной составляющей языка, для нас она (необходимость выполнения правила) играет решающую роль.

Представим себе Джона, который выкладывает карты на стол в соответствии с правилами игры в пасьянс. Закончив выкладывать карты на стол, Джон начинает перекладывать их таким образом, что до определенного момента у наблюдателя складывается мнение, что Джон играет в пасьянс. Однако как только Джон сталкивается с ситуацией, когда у него нет возможности для следующего хода, он раскрывает ранее закрытые карты и выбирает одну, которая необходима ему для того, что продолжать перекладывать карты. Как можно интерпретировать описанное? Нарушил ли Джон правила игры в пасьянс? Наиболее предполагаемый нами ответ – да. Но что, в сущности, представляет собой игра в пасьянс? Очевидно, что одиночную игру, заключающуюся в перекладывании карт определенным образом. Если способ перекладывания карт не соответствует правилам игры, то это более не пасьянс. Мы предполагаем, что уже сейчас может возникнуть соблазн обратиться к точке зрения сообщества: если Джон раскладывает пасьянс не так, как это делают другие, то он делает это неправильно. Но на подобного рода замечание есть возражения у Г.П. Бейкера и П.М.С. Хакера, которые в своей работе «Скептицизм, правила и язык» пишут: «...точка зрения сообщества подставляет понятие общественного *согласия*, которое не является *внутренним свойством правила*» [2. С. 122]. Безусловно, применительно к регулятивным и конститутивным правилам сущность соответствующего *внутреннего свойства* будет различной. Попробуем прояснить ее на примере с конститутивным правилом игры в пасьянс.

Первоочередным обстоятельством, которое как бы лежит на поверхности, оказывается то, что вне и без данного правила (правило раскладывания пасьянса) игра оказывается невозможной. Конечно, мы можем предположить такую случайную последовательность выкладывания карт и перемещения их с места на место, которая для стороннего наблюдателя будет идентична игре в пасьянс. Однако мы пусть и с меньшей вероятностью, но все-таки можем допустить случайное перемещение карт, вызванное порывом ветра или дрожью поверхности, на которой разложены карты, которая точно так же для стороннего наблюдателя окажется идентичной игре в пасьянс (правда, в подобном случае абсурдным окажется допущение, что пасьянс решил разложить ветер). Таким образом, для данного конститутивного правила принципиальным оказывается наличие *намерения* следовать правилу. Более того, подобного рода намерение, по всей видимости, находится в тесной связи с осознанием того факта, что следование данному правилу есть *единственный* способ сыграть в пасьянс. Причина столь ультимативного утверждения была отмечена нами в начале настоящего абзаца, и в существе своем она определяет категорический характер необходимости следования правилу. Никак нельзя сыграть в бильярд без использования кия; невозможно играть в футбол без запрета для полевых игроков трогать мяч руками; принципиально нельзя разложить пасьянс без соответствующих правил перекладывания карт на столе. Простое перемещение шаров по сукну руками не имеет ничего общего с игрой в бильярд, равно как и игра, в которой допустимо для полевых игроков касаться мяча любой частью тела, мало похожа на футбол.

Из всего вышесказанного мы делаем вывод, что применительно к следованию конститутивным правилам оказывается, во-первых, принципиальным наличие намерения осуществить определенную деятельность в соответствии с определенным правилом, и, во-вторых, наличие данного правила. Вероятно, наше последнее допущение кому-то может показаться избыточным, но все-таки данный вопрос требует уточнения, которое будет дано несколько позже.

Филипп Петит в своей работе «The Reality of Rule-following» отмечает, что в определенных случаях имеет место намерение для человека выполнять определенные действия в соответствии с определенным правилом: «...мы пришли к выводу, что склонность следовать правилу может иметь двойную функцию, служа не только для того, чтобы вызвать реакцию агента, но и для того, чтобы подчеркнуть правило, которому он намеревается следовать» [3. Р. 10]. Учитывая то обстоятельство, что некоторые формы активности (как, например, игра в пасьянс) следуют рассматривать как невозможные без соответствующих правил, мы можем продолжить мысль Ф. Петита: иногда стремление реализовать определенную форму поведения утвердительно указывает на существование соответствующего правила. Как минимум, подобное утверждение мы находим справедливым для разнообразных игр. Нет ничего удивительного, что если Билл хочет сыграть в футбол, то он намерен или склонен соблюдать правила игры, соблюдать правила, которые с необходимостью должны предшествовать самой игре. Мы хотим подчеркнуть, что желание разложить пасьянс или сыграть в футбол *a priori* предполагает и подразумевает желание следовать соответствующим правилами. Было бы крайне абсурдно иметь желание сыграть в футбол и при этом хотеть касаться мяча руками (кроме вратарской позиции).

Однако правильно ли Джон раскладывает пасьянс? Правильно ли Билл соблюдает правила игры в футбол? Мы полагаем, что для ответа на подобные вопросы можно обойтись без апелляции к сообществу или введения социального элемента. Одним из недостатков позиции Ф. Петита, на наш взгляд, является интерпретация сущности правил: «Склонность, на основании которой я представляю себе правило, заставляет меня в одно время реагировать на одно и то же решение одним способом, в другое время – на другое. Или склонность заставляет меня реагировать одним способом, в то время как противоположная склонность, связанная с теми же порождающими примерами, заставляет вас реагировать другим способом» [3. Р. 12–13]. Безусловно значимой идеей Петита является идея выстраивания стойкой связи между склонностью или намерением человек следовать правилу и самим правилом, но ход его мысли уводит нас к вопросу о *понимании* агентом правила. Отсюда может возникнуть ощущение, что правило обязательно представляет собой некоторую неоднозначную и расплывчатую сущность, для установления строгих критериев, содержания и границ которой у нас будто бы нет четких оснований. Но что, если допустить мысль о том, что в определенных ситуациях само правило представляет собой некоторую объективную и, соответственно, независимую от субъектов сущность? Мы предполагаем, что применительно к ряду конститутивных правил, вводимых Дж. Серлем, подобная претензия оказывается более чем состоятельной. Безусловно, мы совершили бы страшную ошибку, заявив, что правила игры в пасьянс ни в коей степени не связаны с человеком и всегда существовали как бы отдельно от него. Это

было бы в корне неверным заявлением, которого мы совершать не намерены. В определенный момент времени один человек или группа людей создали правила игры в пасьянс точно так же, как другие люди в другой момент времени создали правила игры в футбол. Для обоих случаев, как мы думаем, справедливо утверждение о том, что данные правила в общей форме создавались со схожей целью – дать возможность для новой формы игровой активности человека. Возможно, что примеры, к которым мы обратились, не до конца корректны, поскольку данные правила вовсе не являются конститутивными, так как оба случая игровой активности развивались стихийно и правила вводились скорее для регламентирования и регулирования пасьянсов и футбольных матчей. Если вдруг это так, то разбирающийся в вопросе читатель сможет заменить выбранные нами примеры на игру «Камень-ножницы-бумага» или настольную игру «Монополия».

Продолжая мысль, хотим еще раз подчеркнуть – применительно для некоторых конститутивных правил справедливым кажется утверждение о том, что с момента их возникновения они существуют в качестве объективных критериев или однозначных принципов организации и осуществления тех или иных видов активности человека. Отсюда следует обстоятельство, которое позволяет нам под более реалистичным углом посмотреть на проблему следования правилу. Если Джон намеревается разложить пасьянс, то он сообразует свои действия с правилами игры в пасьянс. Иметь намерение осуществить q и не желать при этом соблюдать условия выполнимости q представляется чем-то в высшей степени противоречивым. И если некоторые правила следует рассматривать не в качестве поддающихся интерпретации и определяемых степенью их понимания агентом, но в качестве объективных установок (как, к примеру, мы понимаем принципы и законы природы), то, во-первых, нам не придется апеллировать к мнению сообщества или искать в социуме гарантии *правильного* выполнения правила, и, во-вторых, мы получим более надежный критерий оценки того, правильно ли правило было выполнено. Так, если все правила игры в футбол были соблюдены, то люди, которые имели намерение сыграть в футбол, действительно смогли это сделать, и то, на что они потратили свои время и силы, является футбольным матчем.

Также обратим внимание на недостатки концепции Ф. Петита, отмеченные В.А. Ладовым, а именно вероятность и интерактивность [4. С. 286]. Вероятность в качестве характеристики следования правилу исключается тогда, когда мы соглашаемся с объективностью существования некоторых конститутивных правил. Нет никакой доли вероятности в том, что Джон правильно воспользовался правилами игры в пасьянс в том случае, если (1) он имел намерение это сделать и (2) в конечном итоге он разложил пасьянс. И избыточным становится замечание самого Ф. Петита о том, что человек, осуществляющий определенную деятельность, обязательно должен находиться в позиции взаимодействия с сообществом: «...следующий правилу субъект находился в позиции взаимодействия с другими носителями тенденции к действию» [3. Р. 16]. Факт апелляции к сообществу, который и является *sine qua non* разрастающегося скептицизма, отпадает за ненадобностью, поскольку единственная сущность, с которой человек должен выстраивать взаимодействие, – это само правило. А источником связи служит намерение субъекта.

Резюмируя, отметим, что для некоторых случаев следования правилу можно привести аргументы правильного их выполнения. Речь идет о конститутивных правилах, на основании которых инициируется или создается новая форма активности. Данные правила можно рассматривать в качестве объективной и независимой от сообщества сущности, следование которым автоматически входит в сферу желаний или стремлений человека тогда, когда человек имеет намерение осуществить ту деятельность, которая данным правилом регулируется. Не менее объективным критерием правильного следования правилу выступает результат действий субъекта.

Список источников

1. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151–169 с.
2. Бейкер Г.П., Хакер П.М. С. Скептицизм, правила и язык. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. 240 с.
3. Petit P. The Reality of Rule-following // Mind. January. 1990. Vol. XCIX, № 393. P. 1–21.
4. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Серия: Библ. аналит. филос. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.

References

1. Searle, J.R. (1986) Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. In: Gorodetskiy, B.Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 17. Moscow: Progress. pp. 151–169.
2. Baker, G.P. & Hacker, P.M. (20008) *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Skepticism, rules and language]. Translated from English. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya.”
3. Petit, P. (1990) The Reality of Rule-following [The Reality of Rule-Following]. *Mind*. 393. pp. 1–21.
4. Ladov, V.A. (2023) *Illyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The illusion of meaning: The problem of rule-following in analytical philosophy]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya.”

Сведения об авторе:

Андрушкиевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrushkevich A.G. – junior researcher, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2023;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*
*The article was submitted 20.10.2023;
approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 164.3

doi: 10.17223/1998863X/76/2

ПОЗНАВАЕМОСТЬ В ГИБРИДНОЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

Евгений Васильевич Борисов

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация. Формализация понятия познаваемости в эпистемической логике остается открытой проблемой. Проиетти предложил формализацию этого понятия в гибридной бимодальной логике первого порядка. Цель данной статьи имеет критический характер: я показываю, что понятие познаваемости, предложенное Проиетти, применимо только к немодальным пропозициям, поскольку в применении к модальным пропозициям оно дает континтуитивные результаты.

Ключевые слова: познаваемость, эпистемическая логика, гибридная логика, *de re*, *de dicto*.

Для цитирования: Борисов Е.В. Познаваемость в гибридной эпистемической логике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 11–17. doi: 10.17223/1998863X/76/2

Original article

KNOWABILITY IN TERMS OF HYBRID EPISTEMIC LOGIC

Evgeny V. Borisov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, borisov.evgeny@gmail.com

Abstract. The formalization of the notion of knowability in terms of epistemic logic is a serious problem even if a satisfactory formalization of knowledge is available. This has been clearly demonstrated, in particular, by the Fitch paradox. Recently, Carlo Proietti suggested a formalization of knowability in terms of a first-order hybrid epistemic logic (FHL). In the paper, I examine a slightly simplified version of FHL (the simplification does not affect the outcomes) that contains, in addition to the standard first-order modal vocabulary, a set of state variables (ranging, given a model, over possible worlds), two hybrid sentential operators $\downarrow s$. and $@_s$, and a term operator $s: _$ (in all the three hybrid operators s is a state variable). In FHL, the knowability of a proposition φ is expressed by a formula in which all terms and quantifiers occurring in φ are interpreted (given a model) *de re*, that is, with respect to the actual world. For instance, the knowability of $(\exists x)P(x, a)$, where a is an individual constant, is expressed by $\downarrow s. \Diamond \downarrow r. K \Diamond \downarrow q. @_s (\exists x) @_q (P(s.x, s.a))$. If we evaluate the latter formula with respect to a possible world w , we interpret both $(\exists x)$ and a with respect to w , that is, *de re*. I show that this approach yields intuitively correct results only when applied to nonmodal propositions, that is, propositions without alethic or epistemic modal operators. It does not work, however, when applied to propositions containing an individual constant or a quantifier in the scope of a modal operator. For instance, $\Diamond (\exists x)P(x)$ says, with respect to a possible world w , that in a possible world u that is alethically accessible from w , there is an object with the property P . It follows that the knowability of this proposition at w means that the quantifier should range over the domain of u , not w . But the formal representation of knowability suggested by Proietti makes the quantifier range over the domain of w , which makes it counter-intuitive. This shows that Proietti's approach provides just a partial solution to the problem.

Keywords: knowability, Fitch paradox, epistemic logic, hybrid logic, *de re*, *de dicto*

For citation: Borisov, E.V. (2023) Knowability in terms of hybrid epistemic logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 11–17. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/2

Введение

Понятие познаваемости представляет особую трудность для формализации средствами эпистемической логики: даже если мы нашли удовлетворительную формальную репрезентацию знания в эпистемической логике, мы сталкиваемся с новыми проблемами при попытке формализовать понятие познаваемости. Это показывает, в частности, парадокс Фитча, впервые сформулированный в [1] (см. обзор современных подходов к его решению в [2–4]). Карло Проиетти предложил формализацию понятия познаваемости в гибридной бимодальной логике первого порядка, которую он называл «first order hybrid modal logic», FHL¹ [5]. Цель данной статьи имеет критический характер: я показываю, что понятие познаваемости, предложенное Проиетти, применимо только к немодальным пропозициям, поскольку в применении к модальным пропозициям оно дает контринтуитивные результаты. Ниже изложены синтаксис и семантика FHL, представлена формализация понятия познаваемости в FHL и показано, что эта формализация неприменима к модальным пропозициям.

Синтаксис и семантика FHL

Алфавит FHL содержит алфавит стандартной бимодальной логики, включающей алетическую и эпистемическую модальность, а также некоторые символы, специфические для гибридной логики. В алфавит стандартной бимодальной логики входят следующие категории символов: бесконечное счетное множество индивидных переменных (x, y, \dots), бесконечное счетное множество индивидных констант (a, b, \dots), бесконечное счетное множество n -местных предикатов для любого натурального $n > 0$ (P, Q, \dots), логические союзы \sim и $\&$, оператор возможности \Diamond , эпистемический оператор K , квантор \exists , скобки. (Другие логические связки и операторы могут быть добавлены посредством стандартных определений.) Символы языка FHL, характерные для гибридной логики, таковы: 1) бесконечное счетное множество переменных для возможных миров (s, t, \dots), 2) сентенциональные операторы $\downarrow s$. и $@_s$, где s – переменная для возможных миров².

Синтаксис и семантика FHL задаются следующими дефинициями.

Терм FHL рекурсивно определяется следующим образом:

$x \mid a \mid s:t$,

где x – индивидная переменная, a – индивидная константа, s – переменная для возможных миров, t – терм.

Формула FHL определяется следующим образом:

¹ В [6] я предложил близкую по формальным характеристикам логику, основанную на гибридной логике Коцурека [7], и исследовал возможность ее использования для формализации понятия познаваемости.

² Все перечисленные множества символов попарно не пересекаются.

$$P(t_1, \dots, t_n) \mid s \mid \sim\phi \mid \phi \& \psi \mid \Diamond\phi \mid \Box\phi \mid \downarrow s.\phi \mid @_s\phi \mid (\exists x)\phi,$$

где P – n -местный предикат (n – натуральное число и $n > 0$), t_1, \dots, t_n – термы, x – индивидная переменная, s – переменная для возможных миров¹.

Модель FHL. Модель FHL – это упорядоченная пятерка $M = \langle G, R, E, D, I \rangle$, где G – это непустое множество (множество возможных миров); R – отношение алетической достижимости; E – эпистемическое отношение достижимости (R и E суть бинарные отношения на G , при этом R – это отношение эквивалентности, а E рефлексивно); D – доменная функция, назначающая каждому возможному миру непустое множество (домен); I – интерпретация констант и предикатов. I определяется следующим образом: пусть $D(M)$ – это объединение доменов всех возможных миров; тогда I отображает индивидные константы и возможные миры на элементы $D(M)$, а n -местные предикаты и возможные миры – на n -местные отношения на $D(M)$ ⁿ.

Оценка переменных в модели. Оценка переменных в модели $\langle G, R, E, D, I \rangle$ – это функция, отображающая множество индивидных переменных на $D(M)$, а множество переменных для возможных миров – на G .

Вариант оценки переменных. Пусть g – оценка переменных в модели $M = \langle G, R, E, D, I \rangle$, x – индивидная переменная, s – переменная для возможных миров, $e \in D$, $w \in G$. Тогда $g[e/x]$ – это оценка переменных в M , отображающая x на e , а все переменные, отличные от x , на $g(x)$. Аналогично для $g[w/s]$.

Денотация в модели. Пусть $M = \langle G, R, E, D, I \rangle$ – модель, w – возможный мир в M , а g – оценка переменных в M . Тогда денотат терма t в M для w при g обозначается как $Ig(t, w)$ и определяется следующим образом: 1) если t – индивидная переменная, то $Ig(t, w) = g(t)$; 2) если t – индивидная константа, то $Ig(t, w) = I(t, w)$; 3) если $t = s:u$, где s – переменная для возможных миров, а u – терм, то $Ig(t, w) = I(u, g(s))$.

Истина в модели. Пусть $M = \langle G, R, E, D, I \rangle$ – модель, w – возможный мир в M , а g – оценка переменных в M . Тогда истинность относительно M , w и g обозначается как \models и определяется следующим образом:

$M, w, g \models P(t_1, \dots, t_n)$ е.т.е. (если и только если) $\langle Ig(t_1, w), \dots, Ig(t_n, w) \rangle \in I(P, w)$;

$M, w, g \models s$ е.т.е. $w = g(s)$;

$M, w, g \models \sim\phi$ е.т.е. неверно, что $M, w, g \models \phi$;

$M, w, g \models \phi \& \psi$ е.т.е. $M, w, g \models \phi$ и $M, w, g \models \psi$;

$M, w, g \models \Diamond\phi$ е.т.е. $M, u, g \models \phi$ для некоторого u , такого что wRu ;

$M, w, g \models \Box\phi$ е.т.е. $M, u, g \models \phi$ для каждого u , такого что wEu ;

$M, w, g \models \downarrow s.\phi$ е.т.е. $M, w, g[w/s] \models \phi$;

$M, w, g \models @_s\phi$ е.т.е. $M, g(s), g \models \phi$;

$M, w, g \models (\exists x)\phi$ е.т.е. $M, u, g[e/x] \models \phi$ для некоторого $e \in D(w)$.

¹ Здесь описана версия FHL, упрощенная в следующих трех аспектах. 1) У Проиетти язык FHL содержит функциональные термы, которые я здесь игнорирую. 2) Проиетти включает в язык FHL номиналы – характерные для гибридной логики атомарные формулы, каждая из которых интерпретируется как истинная в одном и только одном возможном мире. Номиналы я тоже игнорирую. 3) Оператор аскрипции знания у Проиетти индексирован термом, т.е. выглядит как K_t . Интуитивно K_t означает, что денотат t знает, что ϕ . Используемую здесь упрощенную версию FHL можно рассматривать как логику знания для одного агента. Перечисленные упрощения несущественны для дальнейшего: они позволяют сократить рассуждения, но не влияют на результат статьи.

Формализация понятия познаваемости в FHL

Чтобы формализовать понятие познаваемости в FHL, Проиетти определяет функцию перевода для негибридных формул, т.е. формул без гибридных операторов и термов вида $s:t$. Функция перевода – функция от негибридных формул к формулам – определяется относительно двух переменных для возможных миров. Обозначим функцию перевода для переменных s и r как $\sigma[s, r]$. Эта функция определяется рекурсивно следующим образом:

1. $\sigma[s, r](P(t_1, \dots, t_n)) = P(s:t_1, \dots, s:t_n);$
2. $\sigma[s, r](\sim\phi) = \sim\sigma[s, r](\phi);$
3. $\sigma[s, r](\phi\&\psi) = \sigma[s, r](\phi) \& \sigma[s, r](\psi);$
4. $\sigma[s, r](\exists x)\phi = @_s(\exists x)@_r\sigma[s, q](\phi);$
5. $\sigma[s, r](\Diamond\phi) = \Diamond\downarrow q.\sigma[s, q](\phi),$ где q – новая переменная для возможных миров;
6. $\sigma[s, r](K\phi) = K\downarrow q.\sigma[s, q](\phi).$

Используя функцию перевода, Проиетти формализует тезис о познаваемости пропозиции ϕ следующим образом:

$$(П\phi) \quad \downarrow s.\Diamond\downarrow r.K\sigma[s, r](\phi)^1.$$

Поясним мотивацию этого определения функции перевода и ее использования в (П\phi) на двух примерах.

Пример 1. Рассмотрим пропозицию $P(a)$, где P – одноместный предикат, a – индивидная константа. Тезис о познаваемости этой пропозиции в мире w гласит, что в некотором возможном мире, алетически достижимом из w , известно, что денотат a в w имеет свойство P . Или более детально: существует мир u , алетически достижимый из w , такой что во всех мирах, эпистемически достижимых из u , денотат a в w имеет свойство P . Здесь важно, что мы приписываем денотату a в w некоторое свойство в мирах, отличных от w . Эти истинностные условия можно выразить квазиформулой $\Diamond KP(a_w)$, где a_w – квазитерм, отсылающий к актуальному денотату a , т.е. к денотату a в w . Гибридный язык FHL позволяет вместо квазитерма a_w использовать официальный терм $s:a$ (вместе с оператором $\downarrow s.$, помещенным вне области действия \Diamond и K): указанные истинностные условия имеет формула $\downarrow s.\Diamond KP(s:a)$. Эта формула эквивалентна $\downarrow s.\Diamond\downarrow r.KP(s:a)$, поскольку в последней в области действия $\downarrow r.$ нет ни одного вхождения r . При этом $P(s:a)$ – это $\sigma[s, r](P(a))$. Таким образом, $\downarrow s.\Diamond\downarrow r.KP(s:a)$, т.е. $\downarrow s.\Diamond\downarrow r.K\sigma[s, r](P(a))$, адекватно отображает тезис о познаваемости $P(a)$, как и должно быть в свете (П\phi). Этот пример показывает мотивацию первого пункта определения функции перевода: он позволяет «привязать» все термы рассматриваемой формулы к актуальному миру (т.е. к миру, в котором мы начинаем процесс истинностной оценки формулы), тем самым обеспечивая всем термам интерпретацию *de re*.

Пример 2. Тезис о познаваемости пропозиции $(\exists x)P(x)$ в w гласит, что в некотором мире u , алетически достижимом из w , известно, что все объекты из домена w имеют свойство P . Опять же: начиная процесс эвалюации в w , мы интерпретируем квантор относительно эпистемических альтернатив u .

¹ Данные здесь определение σ и формулировка (П\phi) несколько отличаются от оригинальных. Это обусловлено тем, что я, как отмечено выше, использую упрощенную версию FHL. В частности, у Проиетти оператор K индексирован термами, что отражается в шестом пункте определения σ и в (П\phi).

однако мы хотим, чтобы квантор пробегал по домену w . Выразим эти условия квазиформулой $\Diamond K(\exists x)_w P(x)$, где квазиквантор $(\exists x)_w$ пробегает по домену актуального мира независимо от того, относительно какого мира мы его интерпретируем. Эти истинностные условия выражает формула FHL $\downarrow s. \Diamond \downarrow r. K @_s (\exists x) @_r P(x)$. При оценке этой формулы в w происходит следующее: 1) $\downarrow s$. ассоциирует s с миром w , 2) \Diamond переносит нас в некоторый мир u , алетически достижимый из w , 3) $\downarrow r$. ассоциирует r с u , 4) K переносит нас в эпистемические альтернативы u , 5) $@_s$ возвращает нас в w , 6) будучи в w , мы интерпретируем $(\exists x)$ на домене w , после чего 7) $@_s$ возвращает нас в u , где мы оцениваем $P(x)$. В итоге мы получаем истинностные условия, которые хотели получить. Поскольку $@_s(\exists x) @_r P(x)$ эквивалентна $@_s(\exists x) @_r P(s:x)$, а последняя – это $\sigma[s, r](\exists x)P(x)$, тезис о познаваемости $(\exists x)P(x)$ выражается формулой $\downarrow s. \Diamond \downarrow r. K \sigma[s, r](\exists x)P(x)$, как и должно быть в свете (Пφ). Это иллюстрирует мотивацию четвертого пункта определения функции перевода: он позволяет интерпретировать все кванторы, встречающиеся в φ, в актуальном мире, тем самым обеспечивая кванторам, как и термам, интерпретацию *de re*.

Итак, смысл данной формализации познаваемости состоит том, что все термы и кванторы, фигурирующие в φ, в (Пφ) получают интерпретацию *de re*. Это обеспечивает интуитивно привлекательную репрезентацию познаваемости *немодальных* пропозиций, т.е. пропозиций, выражаемых формулами, не содержащими оператора возможности и оператора аскрипции знания.

Мое возражение против (Пφ) состоит в том, что эта формализация познаваемости дает континтуитивный результат применительно к *модальным* пропозициям. Рассмотрим, например, пропозицию, выражаемую формулой

$$\Diamond(\exists x)P(x). \quad (1)$$

По определению функции перевода

$$\sigma[s, r](\Diamond(\exists x)P(x)) = \Diamond \downarrow q. @_s (\exists x) @_q (P(s:x)). \quad (2)$$

Применяя (Пφ) к (1) с учетом (2), мы получаем следующую формализацию тезиса о познаваемости (1):

$$\downarrow s. \Diamond \downarrow r. K \Diamond \downarrow q. @_s (\exists x) @_q (P(s:x)). \quad (3)$$

Однако истинностные условия (3) не совпадают с интуитивными истинностными условиями (1). В самом деле: (1) говорит, что в одном из возможных миров, достижимых из действительного, существует объект, имеющий свойство P . Высказывая пропозиции, которые формализуются как (1), мы часто не предполагаем, что объект, о котором идет речь, существует в актуальном мире. Например, если бы мы высказали предположение «Кант мог бы иметь детей», мы утверждали бы, что в некотором возможном мире существует индивид, являющийся ребенком Канта, но при этом мы не предполагали бы, что этот индивид существует и в действительном мире, поскольку мы знаем, что в действительности у Канта детей не было. Еще один пример: говоря «однажды кто-то пробежит 100 м за 9 с», мы предполагаем, что тот, кто это сделает, будет существовать в будущем, но допускаем, что он еще не родился, т.е. сейчас еще не существует. (В этом примере оператор возможности имеет темпоральную интерпретацию, т.е. прочитывается как «однажды в будущем».) В обоих примерах квантор существования пробегает по области возможного мира, в который нас – при истинностной оценке (1) – переносит оператор возможности, т.е. в обоих примерах квантор имеет интерпретацию

de dicto. Однако нетрудно убедиться в том, что в (3) он имеет интерпретацию *de re*, т.е. пробегает по области действительного мира.

Аналогично дело обстоит с модальными пропозициями, содержащими индивидную константу, если она должна интерпретироваться *de dicto*. Рассмотрим, например, пропозицию $\Diamond P(a)$. Пусть константа *a* является формальным эквивалентом определенной дескрипции «чемпион мира по шахматам», *P* означает «быть бразильцем», а оператор возможности имеет темпоральную интерпретацию. Говоря «однажды чемпионом мира по шахматам станет бразилец», мы не утверждаем, что нынешний чемпион мира по шахматам является бразильцем: мы это говорим о будущем чемпионе. Таким образом, интуитивный смысл данной пропозиции требует интерпретировать константу *de dicto*. Однако (Пφ) представляет ее познаваемость формулой $\downarrow s. \Diamond \downarrow r. K \Diamond \downarrow q. (P(s:a))$, в которой, как нетрудно проверить по определению истины, константа интерпретируется *de re*, т.е. относительно текущего момента.

Эти примеры показывают, что предложенная Проиетти формализация познаваемости интуитивно корректна только к немодальным пропозициям; применительно к модальным пропозициям она дает континтуитивные результаты¹.

Заключение

Проиетти попытался дать единообразную формализацию познаваемости для всех пропозиций. Однако, как было показано в статье, его формализация применима только к немодальным пропозициям. Это обусловлено тем, что (Пφ) предполагает интерпретацию *de re* для всех термов и кванторов, содержащихся в φ. Поэтому если интуитивный смысл φ требует, чтобы тезис о познаваемости этой пропозиции содержал интерпретацию *de dicto* для некоторых термов или кванторов в φ, предложенная Проиетти формализация познаваемости оказывается некорректной. Это показывает, что проблема интуитивно адекватной логической репрезентации понятия познаваемости остается открытой. На мой взгляд, эта проблема может быть решена на основе двух формализаций познаваемости – для модальных и немодальных пропозиций. В [8] я предложил формализацию понятия познаваемости, которая подходит для большинства модальных пропозиций, в том числе для приведенных выше контрпримеров для (Пφ). Возможно, комбинация этой формализации и (Пφ) могла бы оказаться продуктивной. Однако такого рода комплексные решения сопряжены с серьезными техническими трудностями, поэтому их исследование представляет собой отдельную задачу.

Список источников

1. Fitch F. A Logical Analysis of Some Value Concepts // Journal of Symbolic Logic. 1963. Vol. 28. P. 113–118.
2. Kvanvig J. The Knowability Paradox. Oxford : Clarendon Press, 2006.
3. Fara M. Knowability and the Capacity to Know // Synthese. 2010. № 173. P. 53–73.
4. Brogaard B., Salerno J. Fitch’s Paradox of Knowability // The Stanford Encyclopedia of Philosophy: <https://plato.stanford.edu/entries/fitch-paradox>. 2019.

¹ Говоря «модальные пропозиции», я игнорирую пропозиции, содержащие модальный оператор, но эквивалентные немодальным пропозициям. Примером такой пропозиции является $P(a) \ \& \ (\Diamond \phi \rightarrow \Diamond \phi)$, эквивалентная $P(a)$.

5. *Projetti C.* The Fitch-Church Paradox and First Order Modal Logic // *Erkenntnis*. 2016. Vol. 81. P. 87–104.
6. *Борисов Е.В.* Парадокс Фитча в свете гибридной логики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 39–47. doi: 10.17223/1998863X/70/3
7. *Kocurek A.W.* The problem of cross-world predication // *Journal of Philosophical Logic*. 2016. Vol. 45, № 6. P. 697–742.
8. *Borisov E.V.* Knowability without rigidity // *Filosofija. Sociologija*. 2021. Vol. 32, № 3. P. 194–202.

References

1. Fitch, F. (1963) A Logical Analysis of Some Value Concepts. *Journal of Symbolic Logic*. 28. pp. 113–118.
2. Kvanvig, J. (2006) *The Knowability Paradox*. Oxford: Clarendon Press.
3. Fara, M. (2010) Knowability and the Capacity to Know. *Synthese*. 173. pp. 53–73. DOI: 10.1007/s11229-009-9676-8
4. Brogaard, B. & Salerno, J. (2019) Fitch’s Paradox of Knowability. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/fitch-paradox>
5. Projetti, C. (2016) The Fitch-Church Paradox and First Order Modal Logic. *Erkenntnis*. 81. pp. 87–104. DOI: 10.1007/s10670-015-9730-5
6. Borisov, E.V. (2022) Fitch’s Paradox in Light of Hybrid Logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 70. pp. 39–47. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/70/3
7. Kocurek, A.W. (2016) The problem of cross-world predication. *Journal of Philosophical Logic*. 45(6). pp. 697–742. DOI: 10.1007/s10992-015-9389-z
8. Borisov, E.V. (2021) Knowability without rigidity. *Filosofija. Sociologija*. 32(3). pp. 194–202. DOI: 10.6001/fil-soc.v32i3.4491

Сведения об авторе:

Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, chief researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принятая к публикации 13.12.2023
The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 141

doi: 10.17223/1998863X/76/3

ИЛЛЮЗИОНИЗМ И КВАЛИА

Максим Дмитриевич Горбачев

НИУ ВШЭ, Москва, Россия, mgorbachev@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению позиции иллюзионистской теории сознания в отношении феноменальных свойств опыта – квалиа. После обзора позиции иллюзионистов автор выделяет ее потенциальные преимущества и проблемы и приходит к выводу, что последние более значимы и не позволяют отстаивать иллюзионизм без существенных изменений.

Ключевые слова: иллюзионизм, квалиа, феноменальный опыт, трудная проблема сознания, Фрэнкиш

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Горбачев М.Д. Иллюзионизм и квалиа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 18–26. doi: 10.17223/1998863X/76/3

Original article

ILLUSIONISM AND QUALIA

Maxim D. Gorbachev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
mgorbachev@hse.ru

Abstract. Illusionism is a physicalist theory of consciousness, according to which phenomenal consciousness is an introspective illusion that appears as a result of the functioning of introspective mechanisms that represent non-phenomenal properties as phenomenal ones. In contrast to classical qualia, which are subjective, ineffable, and our perception of them is direct and unmistakable, illusionism offers “zero qualia” – properties of experience, by virtue of which we are disposed to claim that we possess classical qualia, without actually possessing them. Zero qualia are quasi-phenomenal properties. Perceptual illusions are usually given as examples. For instance, even knowing the mechanism of the focus with the “sawing” of a person, I will still be subject to an illusion – it will seem to me that I see two halves of a person not connected to each other. Illusionists believe that if I can be wrong in such cases, then I can be wrong in the case of qualia: there is something that seems to me – my experience has phenomenal properties, and that is real – the absence of qualia. Cost-effectiveness is one of the main advantages of the illusionist approach to qualia. Although it is equally important that, firstly, illusionism allows us to expand and improve our argumentation about qualia, having illusionist arguments against them before us; and, secondly, it emphasizes the difference between qualia and is available for study from a third-person perspective. The latter may suggest the idea of both illusion and specific reality of qualia. However, problems with the illusionist approach are more significant. One can note the strategy of counterargument against the possibility of zombies, which boils down to the assumption of their impossibility and does not offer a strong argumentative alternative. It is also impossible to justify one’s own position, since, if qualia are illusory, everything can be an illusion, including the content of the illusionist approach. In addition, the

conceptualization that illusionists often point to as the reason for the belief about qualia does not actually cover current qualia, but is aimed at past ones. Therefore, the statement about the possibility of an error about qualia loses its force, and, therefore, so does the statement about the lack of special access to them.

Keywords: illusionism, qualia, phenomenal experience, hard problem of consciousness, Frankish

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Gorbachev, M.D. (2023) Illusionism and qualia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 18–26. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/3

Понятие «квалиа» в современной философии сознания обсуждается в контексте разных проблем – более или менее частных, но, пожалуй, именно иллюзионизм стал тем контекстом, при помещении в который квалитативные свойства опыта оказываются наименее ясными и наиболее загадочными. Квалиа, согласно Льюису, который ввел этот термин в используемом в современной философии значении, это понятие, отсылающее к качественным характеристикам опыта (или данности); они субъективны и невыразимы, а наше восприятие их непосредственно и безошибочно [1. Р. 121–124]. Иллюзионизм – вдохновленная физикализмом теория сознания, согласно которой феноменальное сознание – это интроспективная иллюзия; нам в результате функционирования механизмов интроспекции, репрезентирующих нефеноменальные как феноменальные, только кажется, что мы обладаем феноменальным сознанием, хотя на самом деле это не так [2]. Подробно останавливаться на общем содержании иллюзионистского подхода я не буду и отсылаю к упомянутому выше переводу. В этом тексте я обращаюсь только к отношению иллюзионизма к квалиа и укажу на проблемы этого отношения, а также на ряд положительных следствий, которые стоит учитывать и использовать.

«Нулевые» квалиа

Чтобы указать на преимущества или недостатки иллюзионистской теории в контексте квалитативных свойств опыта, нужно понять, каков статус квалиа для иллюзионистов. Один из наиболее авторитетных иллюзионистов Кит Фрэнкиш, проясняя этот статус, выделяет три возможные стратегии говорить о квалиа: классическая – как это делает упомянутый Льюис; «диетическая» – утверждать, что квалиа являются не более чем субъективным ощущением, тем, каково это – обладать некоторым опытом; и, наконец, «нулевая» – считать, что квалиа – это свойства опыта, в силу которых мы расположены утверждать, что обладаем классическими квалиа, не обладая ими на самом деле [3. Р. 2]. Это проясняет Деннет, замечая, что Санта Клаус не является причиной чьего-либо убеждения о нем: квалиа, как и Санта Клаусу, не нужно существовать, чтобы мы могли формировать убеждения об их существовании и обладании ими [4]. Важно при этом, что такой подход не является элиминативистским и не просто отрицает существование феноменальных свойств опыта, но отрицает *реальное* их существование, оставляя их в качестве иллюзии, которой мы подвержены. Возвращаясь к предложенным Фрэнкишем стратегиям, замечу, что выбор в пользу «нулевых» квалиа он де-

лает потому, что считает, что мы просто не можем оставаться на средней, «диетической», позиции и вынуждены выбирать: либо квалиа субъективны, невыразимы, а наше восприятие их непосредственно и безошибочно, либо они только кажутся таковыми [3]. Причем первое, судя по всему, неприемлемо для иллюзионистов в силу их изначальных физикалистских и сциентистских интуиций. Признавая субъективность и невыразимость, мы исключаем феноменальность из объектов научного познания с перспективы третьего лица, что для иллюзионистов недопустимо. А против безошибочности, основанной на непосредственном доступе к квалиа, говорят различные примеры иллюзионисты в физикалистском духе экстраполируют и на феноменальный опыт. Именно в силу первого Фрэнкиш не считает, что трудная проблема сознания, сформулированная Чалмерсом, радикально отличается от других проблем, которые решает психология или биология [5. Р. 300].

В качестве примеров иллюзий приводятся, как правило, ошибки восприятий. Например, даже зная механизм фокуса с «распиливанием» человека, я все равно буду подвержен иллюзии – мне будет казаться, что я вижу две половины человека, не соединенные между собой. Или когда я заглядываю в холодильник и не вижу там искомое, но после предложения посмотреть внимательнее обнаруживаю это прямо перед собой. Чтобы эти примеры демонстрировали возможность ошибки о своем феноменальном опыте, иллюзионисты, по всей видимости, понимают опыт функционально – это, огрубляя, некоторое взаимодействие моей сенсорной системы с миром, выраженное в физических состояниях моего мозга [2]. Если в первом примере это менее актуально, то во втором такое понимание позволяет утверждать, что *на самом деле* мой опыт содержал искомый продукт, но в результате искажающего действия интроспективных механизмов мне кажется, что это не так. Если же, скажет иллюзионист, я могу ошибаться в таких случаях, то я могу ошибаться и в случае с квалиа: есть то, что мне кажется, – мой опыт обладает феноменальными свойствами, и то, что реально, – отсутствие квалиа. Уже сейчас это может звучать для читателя абсурдно, ведь, скажут многие, в случае квалиа то, что мне кажется, и есть реальность [6], и отрицание этой реальности приводит к отрицанию наличия у меня субъективного опыта. Но на проблемах рассматриваемого подхода я остановлюсь позже. Сейчас я просто эксплицирую его содержание.

В качестве демонстрации несостоительности концепции квалитативных свойств опыта Деннет приводит свои знаменитые интуиции, где пытается также показать, что мы не можем достоверно знать о своих квалиа: если, например, я много раз пил кофе в одном и том же заведении, но вдруг его вкус стал казаться мне другим, а мой друг утверждает, что он не изменился, но изменилось отношение к тому же вкусу; можем ли мы сказать, где все же произошли изменения: в кофе или в моих квалиа [7]. Деннет приходит к выводу, что не можем, и поэтому у нас нет непосредственного доступа к ним, а значит, мы можем ошибаться насчет них. Подчеркну, что именно на указании отсутствия привилегированного эпистемологического доступа к квалиа строится большая часть содержания иллюзионизма. Именно поэтому мы должны сомневаться в существовании квалиа – ведь мы не можем знать о них достоверно.

В качестве альтернативы феноменальным свойствам иллюзионисты вводят нулевые квалиа, которые являются квазифеноменальными свойствами – нефеноменальными физическими свойствами, которые интроспекция неверно репрезентирует как феноменальные [2. Р. 4]. Это позволяет иллюзионизму, с одной стороны, утверждать, что для нас есть ощущение, каково это – быть нами, на которое Нагель указывал в качестве основания считать существо сознательным [8. Р. 323], а с другой – что за этим ощущением не стоит никаких невыразимых, непосредственно данных свойств. Последнее подчеркивает Фрэнкиш, когда пишет, что разница между кажущейся осведомленностью об определенном феноменальном ощущении и действительной осведомленностью, как между недостоверной интроспективной репрезентацией чувства и достоверной – субъективно здесь нет никакой разницы [2]. Это замечание подталкивает к мысли, что иллюзионисты просто отрицают, что квалиа существуют так же достоверно и фиксируемо, как физические состояния, но при этом они не отрицают, что существует некоторая действительная ситуация, которую реалисты связывают с существованием квалиа. Для иллюзионизма реалисты просто ошибаются в том, что помимо физической картины мира есть те самые феноменальные свойства, с которыми мы не можем работать теми же инструментами, а квалиа – это миф [9], появившийся в результате той самой искажающей репрезентации. Не исключено, что спор между иллюзионистами и реалистами вызван тем, что первые в силу физикалистских интуиций предъявляют слишком высокие требования к реальности квалиа, а вторые таких требований не предъявляют и ограничиваются тем, что для утверждения реальности квалиа, как и для трудной проблемы сознания, достаточно одного факта, что есть то, каково быть нами [10. Р. 49]. Иными словами, иллюзионисты делают еще один шаг – они видят, что феноменальность не отвечает требованиям физической реальности, и заключают, что она есть, но только в качестве иллюзии.

На этом я закончу представление отношения иллюзионизма к квалиа и перейду к рассмотрению его преимуществ и недостатков, а читателя, желающего получить более детальное представление об иллюзионистских квалиа, отсылаю к двум упомянутым работам Фрэнкиша, которые, на мой взгляд, наиболее репрезентативны для современного иллюзионизма.

В пользу иллюзионистских квалиа

Забегая вперед, скажу, что не считаю возможные преимущества иллюзионизма в подходе к квалиа достаточными для того, чтобы принимать все его следствия и – что важнее – посылки. Как и, возможно, читатель, я порой оказываюсь в замешательстве перед тезисами иллюзионистов, поскольку, судя по всему, не разделяю некоторые имплицитно содержащиеся в этой теории и необходимые для следования ей метафизические предпосылки. Однако во взглядах иллюзионистов можно найти перспективные интуиции, некоторые из которых я рассмотрю в контексте квалиа.

Одно из первых преимуществ, на которое, вероятно, укажет иллюзионист, – это меньшая в сравнении с реалистическими теориями онтологическая стоимость иллюзионизма. Причем такое преимущество он обнаруживает не только в сравнении с дуализмом в тех или иных его формах, но и с недуалистическим реализмом в отношении квалиа. В первом случае иллюзионизм

позволяет не вводить нечто принципиально отличное от физического, что обеспечивает реальность субстанционально рассматриваемых квалиа. Во втором случае реалисту хотя и не приходится вводить еще одну субстанцию, но он все еще вынужден вводить и обосновывать кардинально отличные от наблюдаемых с перспективы третьего лица феноменальные свойства, которые при этом, добавит Фрэнкиш, будут пониматься в более сильном смысле, чем иллюзионистские квалиа [2]. Однако даже с казалось бы явным преимуществом есть серьезные проблемы – будучи последовательными иллюзионистами, мы приходим к выводу, что ничего не существует; ни физического мира, ни чего-либо еще [13]. Едва ли мы готовы заплатить такую цену.

Однако хотя кого-то иллюзионизм действительно может привлекать именно экономичностью, главная его ценность скорее в другом. Это подтверждается и одним из главных аргументов в его защиту: если иллюзионизм может быть верен, то мы должны рассматривать эту опцию. Здесь речь идет уже не об экономии, а о классическом соответствии теории реальности. И это говорит не только о ценности иллюзионизма как варианта, который нельзя исключить (я считаю, указанная в предыдущем параграфе проблема – следствие аргументации иллюзионизма, а не того положения дел, которое эта теория отстаивает), ведь, как считает Деннет, решение легких проблем сознания может открыть нам механизм источника трудной проблемы и мета-проблемы Чалмерса [11. Р. 50]. Кроме того, сомнение в реальности квалиа, которые долгое время считали чем-то известным и «превосходно реальным» [4. Р. 2], просто методологически полезно, ведь иметь перед собой иллюзионистскую опцию и учитывать ее не значит принимать ее. Это может позитивно сказаться на наших подходах к квалиа, которые в полемике с иллюзионизмом приобретут большую ясность и аргументативную силу.

Переходя от метафилософских к содержательным преимуществам иллюзионизма в отношении к квалиа, я отметил бы одно наиболее, на мой взгляд, важное. А именно: указание на несоответствие феноменальных свойств опыта наблюдаемому в физическом мире от третьего лица. А тот факт, что об этом говорят иллюзионисты, придает такому замечанию еще большую ценность, ведь даже реалисты не всегда это замечают. Как скажет Деннет, краснота красных вещей в мире зависит от происходящего в нашей голове; да, после он добавит, что не от красноты, происходящей в голове, но важнее первая часть, где констатируется разрыв между физическим миром и квалиа [4. Р. 6]. Этот разрыв виден еще сильнее на примерах, которые иллюзионисты обычно не рассматривают. Красные вещи весьма стабильны, поэтому упомянутое несоответствие лучше видно в случае, например, со страхом, радостью, удовольствием или неудовольствием от музыки или картины. При этом нам совсем не обязательно утверждать, что это несоответствие говорит нам о том, что квалиа не существуют вообще, ведь это несоответствие может быть вызвано как неверной репрезентацией тех самых квази-феноменальных качеств, так и особенностями реально существующих квалиа с учетом того, что, как я предположил ранее, требования к этой реальности у иллюзионистов и реалистов разные. Поэтому иллюзионизм в первую очередь обращает наше внимание на этот разрыв и только затем делает шаг в сторону физикализма и нереальности квалиа. И тот первый шаг должен учитывать любой подход к квалиа. Здесь я соглашусь с Хамфри, считающим, что указанное несоответ-

ствие говорит, скорее, в пользу реализма, который он назвал сюрреализмом, поскольку феноменальное свойство ярче, чем нефеноменальное [12].

Проблемы иллюзионистских квалиа

Таких проблем достаточно для многих статей, но в предлагаемом тексте я выборочно остановлюсь на некоторых из них, которые кажутся мне важными и интересными.

Согласно аргументу зомби, мы можем представить физически идентичных нам существ, но лишенных феноменального сознания; в отличие от нас у них все происходит в «темноте» – без субъективного опыта [14]. Иллюзионизм как опция, во многом противопоставляющая себя позиции Чалмерса и заменяющая трудную проблему проблемой иллюзии, вероятно, должен предложить контраргумент. Но иллюзионисты считают, что мы либо должны признать невозможность зомби, либо считать себя зомби, если единственное, чего они лишены, – феноменальное сознание [2]. В первом случае мы сталкиваемся с той же проблемой, что и Чалмерс, если пытается перейти от логического суждения о представимости к метафизическому о существовании. Иллюзионист делает такой же шаг, но в другую сторону: если бы мы знали, какую роль играет физическое и какие функции оно выполняет, мы бы не смогли ясно представить таких существ, скажет он [2]. Но такое заявление оказывается не более чем метафизическими предположениями, таким же, как и у Чалмерса. Огрубляя, можно свести позицию первых к предположению о невозможности зомби, а последнего – к их возможности. Соответственно, и соотношение квалиа и физического зависит в обоих случаях во многом от метафизических предпосылок позиции, что не делает иллюзионизм предпочтительнее. Более того, если мы считаем, что обладать иллюзорными квалиа значит иметь искажающую осведомленность о внутренней информации, то напрашивается вывод о том, что и компьютеры, и машины с автопилотом обладают иллюзией квалиа, что может значить, что они такие же зомби, как и мы [11]. Однако даже многие физики считают, что нет никаких – пусть и иллюзорных – свойств «каково это» быть роботом [15].

Я уже упоминал о том, что иллюзионизм приводит нас к выводу, что ничего не существует. Но помимо абсурдности такой позиции проблема заключается еще и в том, что иллюзионизм не может обосновать ни существование иллюзии, ни существование каких-либо квазифеноменальных свойств, ни тех механизмов, в результате реализации которых эти свойства неверно представлены нами как феноменальные. И здесь появляется подпорка иллюзионистской конструкции в виде темпоральных квалиа, которые конституируют иллюзию, хотя и сами при этом являются иллюзорными и неверно представляющими время как длящееся [16]. Дело в том, что если мы признаем отсутствие непосредственного доступа к квалиа, то будет последовательным признать и то, что все наши феноменальные свойства опыта искажены – или ошибочны. Однако, судя по всему, основанием для утверждения существования иллюзии феноменальности или квазиквалиа оказывается сам феноменальный опыт. Кроме того, если иллюзионист не признает, что мы осведомлены (*acquainted*) о нашей осведомленности (*acquaintance*), перестают работать ряд иллюзионистских аргументов, согласно которым нам не нужен реальный референт, чтобы объяснить квалиа или феноменальное сознание

[17. Р. 17]. Если же иллюзионист не признает этого, то остается неясным, какие у него есть основания считать содержание своей позиции верным. Если иллюзорны квалиа, то иллюзорны и квазиквалиа, и интроспективные механизмы, ведь последние даны нам тем же образом, что и иллюзия феноменальности, которую иллюзионист обвиняет в недостоверности и в отсутствии реального референта. А в пределе в этом случае, как уже упоминалось, иллюзорно все, а значит, ничего не существует [13].

Последняя проблема, на которую я хочу обратить внимание, по какой-то причине обычно остается одной из самых незаметных, хотя, на мой взгляд, именно в обращении к ней могут заключаться потенциальные стратегии аргументации против иллюзионизма. Как я указывал ранее, иллюзионисты считают, что некоторые интроспективные репрезентирующие механизмы ставят нас в положение, когда мы из-за этих механизмов склонны выносить суждения об обладании квалиа, не обладая ими на самом деле. Более того, иллюзионизм иногда предпринимает попытку показать, что трудная проблема сознания не настолько очевидно и с необходимостью возникает, как может показаться. Когда Чалмерс пишет, что для постановки трудной проблемы достаточно, чтобы обладание субъективным опытом для нас было каким-то [10. Р. 49], он не учитывает, что необходима концептуализация сознания как именно феноменального сознания. За это и могут зацепиться иллюзионисты, утверждая, что концептуализация феноменального сознания может оказаться ошибочной, как и любая другая концептуализация. Так, например, я галлюцинирую и ошибочно концептуализирую галлюцинацию как реальность и думаю, что окружающие тоже ее наблюдают; или я испытываю фантомные боли и думаю, что конечность, которая «болит», не ампутирована. Пью кофе и решаю, что он мне не нравится, потому что изменился вкус, хотя на самом деле он остался тем же. Или – один из наиболее сложных для анализа примеров, на мой взгляд, синдром Антона-Бабинского, при котором (в одной из возможных вариаций) я в своей концептуализации ошибаюсь настолько, что считаю себя зрячим, хотя лишен зрения. Все эти примеры иллюзионисты могут взять на вооружение, опровергая тезис о непосредственном и безошибочном доступе к квалиа. Если оставить это рассуждение в настоящем виде, я могу согласиться с отсутствием непосредственного доступа к квалиа, ведь они будто бы неизбежно проходят этот путь репрезентирующей концептуализации. (Чтобы не вводить читателя в заблуждение, подчеркну, что стратегия с указанием на роль концептуализации хотя и применяется почти всеми, если не всеми иллюзионистами, но играет неключевую роль, которая обычно отдается указанию на репрезентацию в рамках интроспективных механизмов в функционально-физикалистском смысле).

Однако в таком случае не учитывается, что квалиа могут рассматриваться как включающие широкий спектр компонентов [18], а концептуализация может пониматься как направленная на прошлый опыт, так и являющаяся частью опыта. Так, например, можно указать на то, *каково* размыщление о квалитативности моего опыта разглядывания ананаса с учетом моего осознания, что это фрукт определенного вкуса, который я не очень люблю и с которым связана какая-то забавная история. Все это, а не только зрительное восприятие, входит в феноменальные свойства опыта и по умолчанию не отделено от этого восприятия. Но когда иллюзионист говорит об искажаю-

щей концептуализации, он имеет в виду концептуализацию прошлых состояний – пусть и бывших всего мгновение назад. Эта концептуализация уже не может быть направлена на актуальное квалитативное состояние, которое включает саму эту концептуализацию. В настоящем квалиа всегда неконцептуализированы. Так, в примере с кофе размыщление о том, что же изменилось – он или мое отношение к нему – появляется уже на втором шаге, когда я концептуализирую опыт пития кофе, бывший секунду назад. Можно ли сказать, что я ошибался, когда ощущал нечто, пробуя кофе? Сейчас мне кажется, что нет. Особый доступ к квалиа заключается не в том, что мы всегда высказываем истинные пропозиции о них, а в том, что нам не в чем ошибаться, поскольку всякий раз эти пропозиции высказываются о прошлых квалиа, но не могут охватить мой актуальный феноменальный опыт. Так, я могу ошибиться, посчитав, что не завидую кому-то, но в том опыте, о котором я высказал такое утверждение в момент его испытания, не в чем было ошибаться, как и в опыте такого высказывания. Уже затем я могу сказать, что сказал так по какой-то на самом деле неактуальной причине, но это снова концептуализация прошлого, в которой мы естественно можем ошибаться, а не квалиа, которые невыразимы не только в смысле вербально непередаваемы, но и концептуально не схватываемы в настоящем. Но именно они и являются ресурсом для концептуализации иллюзорности. Возможно, поэтому квалиа – это не слон в комнате, а сама комната [19].

Список источников

1. Lewis C.I. Mind and the world-order: Outline of a theory of knowledge. Courier Corporation, 1956. 446 p.
2. Frankish K. Illusionism as a theory of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, № 11–12. P. 11–39.
3. Frankish K. Quining diet qualia // Consciousness and Cognition. 2012. Vol. 21, № 2. P. 667–676.
4. Dennett D.C. A history of qualia // Topoi. 2020. Vol. 39, № 1. P. 5–12.
5. Frankish K., Sklutowá K. Illusionism and its place in contemporary philosophy of mind // Human Affairs. 2022. Vol. 32, № 3. P. 300–310.
6. Searle J.R. The mystery of consciousness. New York Review of Books, 1990. 224 p.
7. Dennett D. C. Quining qualia // Consciousness in contemporary science. 1988. P. 42–77.
8. Nagel T. What is it like to be a bat? // The philosophical review. 1974. Vol. 83, № 4. P. 435–450.
9. Tye M. Consciousness, color, and content. mit Press, 2002. 198 p.
10. Chalmers D. The meta-problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2018. Vol. 25, № 9–10. P. 6–61.
11. Dennett D.C. Welcome to strong illusionism // Journal of Consciousness Studies. 2019. Vol. 26, № 9–10. P. 48–58.
12. Humphrey N. Redder than red illusionism or phenomenal surrealism? // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23, № 11–12. P. 116–123.
13. Clark A., Friston K., Wilkinson S. Bayesing qualia: Consciousness as inference, not raw datum // Journal of Consciousness Studies. 2019. Vol. 26, № 9–10. P. 19–33.
14. Brown C.D. Why illusionism about consciousness is unbelievable // Ratio. 2022. Vol. 35, № 1. P. 16–24.
15. Chalmers D.J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of consciousness studies. 1995. Vol. 2, № 3. P. 200–219.
16. Farr M. Explaining temporal qualia // European Journal for Philosophy of Science. 2020. Vol. 10, № 1. P. 8.
17. Chalmers D. Debunking arguments for illusionism about consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2020. Vol. 27, № 5–6. P. 258–281.

18. Bayne T., Cognitive phenomenology / ed. M. Montague. Oxford : Oxford University Press on Demand, 2011. 378 p.
19. Humphrey N. The invention of consciousness // *Topoi*. 2020. Vol. 39, № 1. P. 13–21.

References

1. Lewis, C.I. (1956) *Mind and the World-Order: Outline of a Theory of Knowledge*. Courier Corporation.
2. Frankish, K. (2016) Illusionism as a theory of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 23(11-12). pp. 11–39.
3. Frankish, K. (2012) Quining diet qualia. *Consciousness and Cognition*. 21(2). pp. 667–676.
4. Dennett, D.C. (2020) A history of qualia. *Topoi*. 39(1). pp. 5–12.
5. Frankish, K. & Sklátová, K. (2022) Illusionism and its place in contemporary philosophy of mind. *Human Affairs*. 32(3). pp. 300–310.
6. Searle, J.R. (1990) *The Mystery of Consciousness*. New York Review of Books.
7. Dennett, D. C. (1988) Quining qualia. In: Marcel, A.J. & Bisiach, E. (eds) *Consciousness in Contemporary Science*. Oxford University Press. pp. 42–77.
8. Nagel, T. (1974) What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*. 83(4). pp. 435–450.
9. Tye, M. (2002) *Consciousness, Color, and Content*. MIT Press.
10. Chalmers, D. (2018) The meta-problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 25(9–10). pp. 6–61.
11. Dennett, D.C. (2019) Welcome to strong illusionism. *Journal of Consciousness Studies*. 26(9-10). pp. 48–58.
12. Humphrey, N. (2016) Redder than red illusionism or phenomenal surrealism? *Journal of Consciousness Studies*. 23(11-12). pp. 116–123.
13. Clark, A., Friston, K., & Wilkinson, S. (2019) Bayesing qualia: Consciousness as inference, not raw datum. *Journal of Consciousness Studies*. 26(9-10). pp. 19–33.
14. Brown, C.D. (2022) Why illusionism about consciousness is unbelievable. *Ratio*. 35(1). pp. 16–24.
15. Chalmers, D.J. (1995) Facing up to the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 2(3). pp. 200–219.
16. Farr, M. (2020) Explaining temporal qualia. *European Journal for Philosophy of Science*. 10(1). p. 8.
17. Chalmers, D. (2020) Debunking arguments for illusionism about consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 27(5-6). pp. 258–281.
18. Bayne, T. & Montague, M. (eds) (2011) *Cognitive Phenomenology*. Oxford University Press on Demand.
19. Humphrey, N. (2020) The invention of consciousness. *Topoi*. 39(1). pp. 13–21.

Сведения об авторе:

Горбачев М.Д. – аспирант аспирантской школы по философским наукам факультета гуманитарных наук, приглашенный преподаватель, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва, Россия). E-mail: mgorbachev@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gorbachev M.D. – postgraduate student of the Postgraduate School of Philosophy of the Faculty of Humanities; visiting lecturer, intern researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mgorbachev@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 05.04.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 165.0

doi: 10.17223/1998863X/76/4

ПЕРСПЕКТИВИЗМ И КОНТЕКСТУАЛИЗМ

Леонид Юрьевич Корнилаев

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия,
LKornilaev@kantiana.ru*

Аннотация. Настоящее исследование предполагает сравнение эпистемологических стратегий перспективизма и контекстуализма. Основанием для подобного сравнения является их общая установка на релятивизацию и ограниченность знания, а также возможность их органичного взаимодополнения в философской практике. Исследование может значительно расширить и заострить эпистемологические дискуссии и позволит выявить основания для разработки интегрированных контекстуально-перспективистских эпистемологических моделей.

Ключевые слова: перспективизм, контекстуализм, теория познания, знание

Благодарности: исследование поддержано Российским научным фондом № 22-28-02041, <https://rscf.ru/project/22-28-02041/>, проект «Перспективизм как эпистемологическая программа», Балтийский федеральный университет им. Канта (БФУ им. Канта).

Для цитирования: Корнилаев Л.Ю. Перспективизм и контекстуализм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 27–34. doi: 10.17223/1998863X/76/4

Original article

PERSPECTIVISM AND CONTEXTUALISM

Leonid Yu. Kornilaev

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
LKornilaev@kantiana.ru*

Abstract. Perspectivism and contextualism refer to epistemic strategies that focus attention on a set of factors that cover the cognitive process not so much from the perspective of the subject-object relation, but from the perspective of the environment in which this cognitive relation is immersed. The set of factors can be regarded as a kind of a background, on which the cognitive act is realized and thanks to which it becomes possible in general, and also as a set of restrictions, significantly narrowing the cognitive possibilities in a particular epistemic situation. Contextualism is a set of philosophical views that emphasize the significance and determining role of the context in which this or that cognition is realized. Any cognitive act cannot be considered in isolation from the context, attributing the status of “knowledge” to the result of cognitive activity is possible only in relation to some context. Perspectivism points to the dependence of all cognition on its limiting factors (position, point of view, view, angle of view, horizon, focus, direction, picture, perspective), the totality of which constitutes the cognitive situation. Perspective factors limiting cognition and concepts in which they are expressed form a special problem field for philosophical analysis proper. This article attempts an extended comparison of the epistemological strategies of perspectivism and contextualism. A brief comparison of the programs shows that while they are justifiably autonomous and independent, they turn out to be close to one another and can complement one another. Perspectivism and contextualism capture different sides of the cognitive

process, receive different material as a result of their analysis, and do not exclude each other's results. Perspectivism demonstrates to a greater extent the realization of the structuralist approach to the analysis of the epistemological situation, while contextualism is an application of the functionalist approach. With different emphases, both programs lead to a more complete picture of cognitive activity as a whole.

Keywords: perspectivism, contextualism, theory of knowledge, knowledge

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02041, <https://rscf.ru/project/22-28-02041/>

For citation: Kornilaev, L.Yu. (2023) Perspectivism and contextualism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 27–34. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/4

Введение

Перспективизм и контекстуализм можно отнести к познавательным стратегиям, акцентирующими внимание на совокупности факторов, охватывающих познавательный процесс не столько с точки зрения отношения субъекта и объекта познания, сколько с точки зрения той среды, в которую погружено это познавательное отношение. Совокупность факторов может рассматриваться как своего рода фон, на котором познавательный акт реализуется и благодаря которому он вообще становится возможным, а также как набор ограничений, значительно сужающий познавательные возможности в конкретной познавательной ситуации.

Контекстуализм – это совокупность философских взглядов, подчеркивающих значимость и определяющую роль контекста, в котором реализуется то или иное познание. Любой познавательный акт невозможно рассматривать в отрыве от контекста, приписывание статуса «знания» результату познавательной деятельности возможно только относительно какого-либо контекста. Знание трактуется как контекстозависимое. Утверждение зависимости от контекста в познании, по мнению философов-контекстуалистов, способно дать ответ на проблему радикального скептицизма [1]. Проблематика эпистемологического контекстуализма в последние два десятилетия достаточно широко разрабатывается. Программными для контекстуализма являются труды К. ДеРоуза [2], Д. Льюиса [3], С. Коена [4, 5] Э. Сока [6] и др. В России имеются исследования о сущности контекстуализма как эпистемологической программы И.Т. Касавина [7], В.Н. Поруса [8], Е.В. Востриковой и П.С. Куслия [9] и др.

Перспективизм указывает на зависимость всякого познания от ограничивающих его факторов (позиция, точка зрения, взгляд, угол зрения, горизонт, фокус, направление, картина, перспектива), совокупность которых составляет познавательную ситуацию. Перспективистские факторы, ограничивающие познание, и понятия, в которых они выражены, образуют особое проблемное поле для собственно философского анализа. Всякий познавательный акт оказывается ограничен рамками определенной перспективы, за пределы которой невозможно выйти, можно только сменить перспективу. «Истина о мире зависит от положения, которое мы занимаем к бытию, исходя из которого мы мир понимаем и исходя из которого мы действуем в нем» [10. S. 1]. Описанием позициональности познающего, его познавательного ориентирования, функций и структуры перспективы познающего занимаются перспективисты.

Данное направление в последние годы также продемонстрировало активность. В трудах Ф. Каульбаха [10. S. 1], В. Штегмайера [11], Х. ф. Засса [12] наблюдается стремление выделить и описать набор перспективистских понятий. Попытки разработки самостоятельной эпистемологической программы перспективизма предпринимаются Р. Гиром [13], М. Массими [14] и др.

В настоящей статье предпринимается попытка расширения сравнения эпистемологических стратегий перспективизма и контекстуализма¹. Основанием для сравнения перспективизма и контекстуализма является их общая установка на ограниченность знания, а также возможность их органичного взаимодополнения в философской практике. Центральная теоретическая модель перспективизма будет соотнесена с контекстуалистским подходом. В современных условиях повышенного внимания к человеческому, культурному и историческому содержанию познания данное исследование может значительно расширить и заострить эпистемологические дискуссии, а также позволит выявить основания для разработки взаимодополняющих эпистемологических моделей.

Представляется важным сделать следующее методологическое замечание. В каждом из описываемых эпистемологических направлений имеются самые различные трактовки. Перспективизму может приписываться как статус эпистемологической автономности, так и разновидности релятивизма или реализма. Контекстуализм также имеет различные виды. Например, И.Т. Касавин рассматривает ряд областей познания, где используется контекстуализм: герменевтика, аналитическая философия, психология, социальная антропология, лингвистика [6]. Вышедшая в 2021 г. книга Дж. Бенойста «Toward a Contextual Realism» [15] предлагает концепцию контекстуального реализма, являющегося альтернативой концепции реалистического перспективизма. Автор рассматривает в седьмой главе взаимосвязь релятивизма с контекстуализмом, но оставляет без внимания возможное сравнение с перспективизмом. Таким образом, даже в самых современных исследованиях теоретическая проблема соотношения перспективизма и контекстуализма остается неразрешенной. В данной статье для сравнения будут использоваться самые общие положения контекстуализма и перспективизма: контекстуализм как эпистемологическая установка на значимость контекста в атрибуции знания; перспективизм как эпистемологическая установка, подчеркивающая значимость структуры познавательной позиции. В статье предпринимается попытка прояснить концептуальное различие ключевых понятий «перспектива» и «контекст», отношение перспективизма и контекстуализма к знанию вообще, определить место контекста и перспективы в познании, выявить роль понятия «эпистемологическая позиция / ситуация» в двух эпистемологических программах.

Концепты «перспектива» и «контекст»

Этимологически слова «контекст» и «перспектива» уже задают определенный оттенок, который накладывается при дальнейшем использовании слова для обозначения познавательной программы. Контекст – от лат. com-

¹ Проблема соотношения перспективизма и контекстуализма была поставлена Х. ф. Засом [12. S. 15].

(con-) – «вместе» и *textere* – «ткать, плести»; *contextus* – «соединение», «связь», «сплетение», «сцепление». Использование понятия «контекст» в гносеологическом ключе призвано показать, что познание никогда не бывает автономным, оно всегда происходит в сплетеении с множеством фактов, процессов, других познаний и др. «Перспектива» – от лат. *«perspicere»* – «видеть», «смотреть внимательно», «просматривать». Так, слово «перспектива» при гносеологическом расширении дает оттенок, предполагающий попытку «пронзить» познаваемый объект, познание в таком случае предполагает внутреннее всматривание, взглядывание. Перспектива и контекст могут рассматриваться как «базовые метафоры», придающие определенный образ познавательному процессу («контекст» – семантическая категория, в то время как «перспектива» – оптическая, перцептивная), а могут получать более фундаментальное значение. Так, можно упомянуть попытки указать на априорность перспективистских понятий, на необходимость наличия априорных концептов для возможности различить контекст.

Знание

Контекстуализм концентрируется вокруг проблемы приписывания знания. Какое утверждение можно назвать знанием, в каких случаях пропозиция «*S* знает, что *P*» является истинной, и может ли оно таковым являться? Ответы на эти вопросы приводят, в частности, к варианту, что приписывание знания зависит от контекста. Одно и то же событие может трактоваться как знание и не может трактоваться как знание¹. Трактовка зависит от критерии обоснованности, которые задаются контекстом (сильные и слабые стандарты). При слабых критериях (или стандартах) приписывание знания может считаться истинным, в то время как при сильных критериях, обоснования становятся недостаточно и приписывание знания невозможно. Контексты смещают семантическое содержание глагола «знать». Примером предельного смещения, по мнению Льюиса, может быть эпистемология, в которой стандарты знания настолько высоки, что полноценное приписывание знания никогда не становится возможным. «В сильном контексте эпистемологии мы ничего не знаем, но в более слабых контекстах мы знаем многое» [3. Р. 551]. Контекстуализм – это философское учение о требованиях, предъявляемых к знанию, и, следовательно, по мнению некоторых исследователей, скорее является не самостоятельной эпистемологией, а «дополнением к любой теории познания» [16. Р. 115].

Перспективизм исходит не столько из проблемы приписывания знания, сколько из объяснения структуры процесса получения / приписывания знания. В перспективизме не идет речь об обоснованности знания, а объясняется структура уже полученного знания, результата познавательной деятельности

¹ Пример из книги К. ДеРоуза [1. Р. 4–6] в моем кратком и вольном пересказе. Допустим, что я был на работе и в рабочее время увидел, например, пальто Джона на вешалке, а самого Джона не видели. Если нам зададут вопрос «Был ли Джон на работе?», например, в дружеской беседе в кафе вечером, то мы скажем, что «Да, был, я это знаю, так как видел его пальто в офисе», и наш ответ будет истинен, так как контекст разговора в кафе задает низкие стандарты обоснованности. А если, например, окажется, что Джон что-то наворил и его разыскивает полиция и нам зададут тот же вопрос в полиции, то мы уже скажем «Я этого не знаю, Джона не видел, я видел только пальто». И в данном контексте с более высокими стандартами обоснованности будет уже не хватать. Получается, что одному и тому же факту в разных контекстах мы приписывает как знание, так и незнание.

и подчеркивается его ограниченность. Перспективизм утверждает фундаментальную зависимость от перспективы, точки зрения и эпистемологической позиции в целом. Любая субъективная попытка познания конституируется этой зависимостью. Перспективистская программа предполагает реконструкцию и прояснение тех факторов, которые участвуют в формировании перспективы и которые обусловливают эпистемические акты. При описании факторов используются понятия «позиция», «точка зрения», «взгляд», «угол зрения», «горизонт», «фокус», «картина», «контекст» (в перспективистском прочтении), «аспект» и др. Систематическое и связанное их описание дает представление о гносеологическом фундаменте перспективизма.

Контекстуализм предлагает сконцентрироваться на проблеме приписывания знания, в то время как перспективизм – скорее на структуре познавательной ситуации, в которой находится познающий. Любое выдвижение пропозиции предполагает наличие перспективы, несмотря на возможность принципиальной неполноты знания и плюрализма истин. Вопрос о приписывании знания и его истинности в перспективизме вытесняется описанием ограниченного знания и реконструкцией ограничивающих его факторов. В контекстуализме знание объявляется контекстозависимым, в перспективизме, если можно так выразиться, – перспективоограниченным. Зависимость от контекста и ограниченность перспективой вскрывают две разных характеристики знания как такового. Зависимость предполагает вплетение в контекст и необходимость учета этого контекста при операции приписывания знания, ограниченность перспективы фиксирует пределы, в которых знание доступно. С точки зрения знания при кажущейся близости и взаимопроникновении указанные характеристики проясняют разные слои знания в целом. Есть основания полагать, что обе стратегии могут существовать автономно друг от друга и выявлять каждая свои особенности проблемы знания.

Эпистемологическая позиция

Отличительной чертой и перспективизма, и контекстуализма является их особенное внимание к сопровождающим познавательный акт процессам и обстоятельствам. Совокупность всех факторов и обстоятельств, сопутствующих познанию, лучше всего отражается в понятии эпистемологической позиции или эпистемологической ситуации. Рассматриваемые познавательные стратегии указывают на решающее значение факторов познавательной ситуации для формирования знания.

Контекстуализм утверждает контекстозависимость знания. Что значит зависимость от контекста? Это значит внимание к познавательной ситуации, в которой находится познающий. Де Роуз вводит такое понятие, как «сила эпистемологической позиции» [1. Р. 7–9]. С точки зрения контекстуалистов, «можно быть в сильной эпистемологической позиции по отношению к некоторому утверждению, в которое вы верите, это означает, что ваша вера в это утверждение в значительной степени обладает свойством или свойствами, наличие достаточного количества которых необходимо для того, чтобы истинная вера представляла собой часть знания» [1. Р. 7]. Перспективистская эпистемологическая стратегия также обращается к анализу познавательной ситуации и описывает ее, опираясь на содержание и связь таких понятий, как «позиция» / «точка зрения», «взгляд», «угол зрения», «горизонт», «фокус»,

«направление», «картина», «аспект» и др. Перспективисты последовательно раскладывают познавательную ситуацию на структурные элементы, тем самым реконструируют целостную картину ограничений, которые накладывает на познание позиция познающего, его перспектива.

С точки зрения эпистемологической позиции главным отличием двух программ оказывается то, что перспективизм в отличие от контекстуализма вскрывает структуру познавательной ситуации, дает ее структурное понимание. В то время как контекстуализм более заостряет внимание на совокупном функционировании всех элементов эпистемологической ситуации. Контекстуализм призван показать, как то или иное взаимодействие элементов «фона» познавательного акта влияет на приписывание статуса знания результатам познания.

Еще одним вариантом рассмотрения двух программ внутри эпистемологической ситуации является отношение к познающему. Перспектива может трактоваться как совокупность субъективных факторов, точки зрения именно субъекта. Эпистемологическая ситуация со всеми ограничивающими познание факторами – результат сформированной перспективы субъекта, его позиции, взгляда, точки зрения. Контекст же можно рассматривать как совокупность внешних по отношению к субъекту, внеся субъективных и объективных факторов, сопровождающих познание. Контекст в отличие от перспективы оказывается субъектнонезависимым. Хотя, безусловно, остается проблемой субъективное влияние на контекст. Выбирается ли он познающим или мы детерминированы контекстом, из которого нельзя выйти. Комментарием на эту проблему может быть трактовка контекста в качестве одного из перспективистских факторов, в случае утверждения выбора контекста субъектом контекст становится перспективистским понятием, фиксирующим ограниченность познания. И в таком случае контекст становится в один ряд таких перспективистских понятий, как «горизонт», «аспект» и др.

Заключение

Краткое сравнение двух эпистемологических стратегий показывает, что при их оправданной автономности и самостоятельности они оказываются близкими друг другу и могут друг друга дополнять. Ключевым содерхательным сходством оказывается повышенное внимание к особенностям познавательной ситуации, в которой оказывается познающий. Особенности, как внешние по отношению к субъекту познания, так и внутренние, оказывают с точки зрения рассматриваемых гносеологических учений решающее значение в трактовке истинности получаемого знания, в определении его пределов и ограничений. Перспективизм и контекстуализм фиксируют разные стороны познавательного процесса, получают разный материал в результате своего анализа и не исключают результаты друг друга. Перспективизм демонстрирует в большей степени реализацию структуралистского подхода к анализу эпистемологической ситуации, в то время как контекстуализм представляет собой применение функционалистского подхода. При различии акцентов обе программы приводят к формированию более полной картины познавательной деятельности в целом. Если «контекст» и «перспективу» освободить от их семантических и оптических коннотаций и интерпретировать их как логические элементы познания в целом, то их взаимосвязь становится более явной.

Список источников

1. DeRose K. Solving the Skeptical Problem // *The Philosophical Review*. 1995. Vol. 104, № 1. P. 1–52.
2. DeRose K. *The Case for Contextualism. Knowledge, Skepticism, and Context*. Oxford : Oxford University Press, 2009. 288 p.
3. Lewis D. Elusive Knowledge // *Australasian Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 74, № 4. P. 549–567.
4. Cohen S. Contextualism Defended // *Contemporary Debates in Epistemology*. Malden : Blackwell, 2005. P. 56–62.
5. Cohen S. Contextualism Defended Some More» // *Contemporary Debates in Epistemology*. Malden : Blackwell, 2005. P. 67–71.
6. Sosa E. Skepticism and Contextualism // *Philosophical Issues*. 2000. Vol. 10. P. 1–18.
7. Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // *Эпистемология и философия науки*. 2005. № 4. С. 5–17.
8. Порус В.Н. Контекстуализм в философии науки // *Эпистемология и философия науки*. 2018. № 2. С. 75–93.
9. Вострикова Е.В., Куслий П.С. Контекстуализм и проблема аскрипции знания // *Эпистемология и философия науки*. 2021. № 4. С. 110–126.
10. Kaulbach Fr. *Philosophie des Perspektivismus*. 1.Teil. Wahrheit und Perspektive bei Kant, Hegel und Nietzsche. Tübingen : Mohr (Paul Siebeck), 1990. 333 S.
11. Stegmaier W. *Philosophie der Orientierung*. Berlin, New York : De Gruyter, 2008. 804 S.
12. Sass H. von. Perspektiven auf die Perspektive // *Perspektivismus. Neue Beiträge aus der Erkenntnistheorie, Hermeneutik und Ethik*. Hamburg : Meiner, S. 9–34.
13. Giere R.N. *Scientific Perspectivism*. Chicago: University of Chicago Press, 2006. 170 p.
14. Understanding Perspectivism. *Scientific Challenges and Methodological Prospects* / ed. by M. Massimi, C.D. McCoy. New York : Routledge, 2019. 210 p.
15. Benoist J. *Toward a Contextual Realism*. Harvard: Harvard University Press. 2021. 216 p.
16. Heller M. The Proper Role for Contextualism in an Anti-Luck Epistemology // *Nous*. 1999. Vol. 33 (s13). P. 115–129.

References

1. DeRose, K. (1995) Solving the Skeptical Problem. *The Philosophical Review*. 104(1). pp. 1–52.
2. DeRose, K. (2009) *The Case for Contextualism. Knowledge, Skepticism, and Context*. Oxford: Oxford University Press.
3. Lewis, D. (1996) Elusive Knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*. 74(4). pp. 549–567.
4. Cohen, S. (2005a) Contextualism Defended. In: Steup, M., Turri, J. & Sosa, E. (eds) *Contemporary Debates in Epistemology*. Malden: Blackwell. pp. 56–62.
5. Cohen, S. (2005b) Contextualism Defended Some More. In: Steup, M. & Sosa, E. (eds) *Contemporary Debates in Epistemology*. Malden: Blackwell. pp. 67–71.
6. Sosa, E. (2000) Skepticism and Contextualism. *Philosophical Issues*. 10. pp. 1–18.
7. Kasavin, I.T. (2005) Kontekstualizm kak metodologicheskaya programma [Contextualism as a methodological program]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4. pp. 5–17.
8. Порус, В.Н. (2018) Contextualism in philosophy of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2. pp. 75–93. (In Russian).
9. Vostrikova, E. V. & Kusliy, P.S. (2021) Contextualism and the problem of knowledge ascription. *Epistemology and Philosophy of Science*. 4. pp. 110–126. (In Russian).
10. Kaulbach, Fr. (1990) *Philosophie des Perspektivismus*. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck).
11. Stegmaier, W. (2008) *Philosophie der Orientierung*. Berlin, New York: De Gruyter.
12. Sass, H. von (2019) Perspektiven auf die Perspektive. In: Sass, H. von (ed.) *Perspektivismus. Neue Beiträge aus der Erkenntnistheorie, Hermeneutik und Ethik*. Hamburg: Meiner. pp. 9–34.
13. Giere, R.N. (2006) *Scientific Perspectivism*. Chicago: University of Chicago Press.
14. Massimi, M. & McCoy, C.D. (eds) (2019) *Understanding Perspectivism. Scientific Challenges and Methodological Prospects*. New York: Routledge.
15. Benoist, J. (2021) *Toward a Contextual Realism*. Harvard: Harvard University Press.

16. Heller, M. (1999) The Proper Role for Contextualism in an Anti-Luck Epistemology. *Nous*. 33(s13). pp. 115–129.

Сведения об авторе:

Корнилаев Л.Ю. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: LKornilaev@kantiana.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kornilaev L.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kалининград, Russian Federation). E-mail: LKornilaev@kantiana.ru.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.11.2022;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*
*The article was submitted 25.11.2022;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 7.01

doi: 10.17223/1998863X/76/5

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СУЖДЕНИЕ, СПОСОБНОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВО ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Ираида Николаевна Нехаева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, i.n.nekhaeva@utmn.ru

Аннотация. В статье представлен критический анализ проблемы эстетического свидетельства. В современных дискуссиях не учитывается факт различия между свидетельством от третьего лица и свидетельством от первого лица. Данное различие заключается в том, что в свидетельствах от третьего лица конститутивную роль играет перцептивное восприятие и так называемый ‘принцип знакомства’ (как право на знание), а в свидетельствах от первого лица – продуктивная деятельность воображения, которая достоверным образом сообщает о том, что именно мне может нравиться или не нравиться, даже без знакомства с самим объектом.

Ключевые слова: эстетическое свидетельство, эстетическое суждение, перцептивный опыт, принцип знакомства, воображение

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-02052, <https://www.rscf.ru/project/22-28-02052/>

Для цитирования: Нехаева И.Н. Эстетическое суждение, способность воображения и свидетельство от первого лица // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 35–45. doi: 10.17223/1998863X/76/5

Original article

AESTHETIC JUDGMENT, THE POWER OF IMAGINATION, AND FIRST-PERSON TESTIMONY

Iraida N. Nekhaeva

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, i.n.nekhaeva@utmn.ru

Abstract. There is much debate surrounding the nature of aesthetic testimony, mostly concerning questions of its epistemic value. Testimonies are assumed to serve as a reliable source of information about objects about which we obtain knowledge from other people. For example, we usually trust a person to testify that s/he saw a red object. However, we are not inclined to trust it when it comes to aesthetic experience. It seems that we are not ready to accept his/her testimony that he saw a beautiful object until we get to know it ourselves. This kind of asymmetry observed in relation to perceptual and aesthetic testimonies requires explanation. Contemporary discussions of aesthetic testimony completely ignore the distinction between third-person testimony and first-person testimony. This difference lies in the fact that perception and the so-called ‘acquaintance principle’ (as a right to knowledge) play a constitutive role in third-person testimony, while, in first-person testimony, it is the productive activity of imagination that reliably reports that I may or may not like it, even without getting acquainted with the object itself. The acquaintance principle is closely related to the concept of ‘awareness’, which strictly limits our experience to the realm of the actual and perceptual. To form a belief based on third-person testimony, we only need to show trust in witnesses – other people. By receiving third-party testimony, we form beliefs

that indicate the firmness of our belief that things in the world are this way and no other way. However, in cases of aesthetic experience this is not enough – one cannot simply claim to convey, through third-person testimony, the relevant beliefs of the witness, even in matters where s/he is an expert. In the example of the red object, the person is demonstrating his/her participation in the general agreement to call the representations that s/he experiences in his/her perceptual experience of being affected by the color red by the word ‘red’. In aesthetic experience, in his/her judgment about an object, a person each time re-experiences his/her own agreement with the object of experience no longer perceptually, but transcendentally – when perceptions, having no empirical origin, nevertheless a priori show their relationship to the objects of experience. The very activity of imagination here prefigures experience, which simply follows the image that has arisen, creating new objects or bundles of properties that I have not had acquaintance with before.

Keywords: aesthetic testimony, aesthetic judgment, perceptual experience, acquaintance principle, imagination

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02052, <https://www.rscf.ru/project/22-28-02052/>

For citation: Nekhaeva, I.N. (2023) Aesthetic judgment, the power of imagination, and first-person testimony. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 35–45. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/5

Если бы Бог вдруг непосредственно
осветил нашу душу, чтобы мы могли
осознать все наши представления,
мы совершенно ясно и отчетливо
увидели бы все тела в мире, точно так,
как если бы они были у нас перед глазами.

И. Кант. Из рукописного наследия
(материалы к «Критике чистого разума»,
Opus postumum)

Нет никаких сомнений в том, что каждый из нас хотя бы один раз попадал в ситуацию, которая требовала дополнительной информации в виде помощи или свидетельства компетентного лица. В нашей повседневной жизни такие свидетельства бесценны и выполняют важнейшую жизненную функцию получения нами необходимых знаний. Однако в мире искусства эпистемический статус эстетических свидетельств ставится под вопрос, рождая множество споров. Одной из глубинных причин продолжающихся дебатов, по-видимому, явились три *Критики* Иммануила Канта и, я не побоюсь предположить, его провокационная формулировка проблемы *достоверности эстетических суждений*¹, которая, вероятно, и стала источником большинства современных дискуссий вокруг феномена *эстетического свидетельства*.

В первом разделе я попытаюсь выяснить, в чем подлинная причина столь высокого интереса к эстетическому свидетельству. Затем я продемонстрирую, что этот интерес связан скорее с вопросами познания (нашими практиками предоставления доказательств и обоснований, основанных на доверии), нежели с постижением прекрасного. Далее я обращаюсь к способности вооб-

¹ Манфред Кюн, в частности, отмечает, что Кант был так сильно увлечен своей собственной оригинальной философской системой, что эта идея захватывала его всецело и настолько, что относительно чужих исследований (своих учеников и друзей) он обычно занимал одну-единственную позицию, настаивая на постоянной терапии любых теоретических взглядов посредством созданного им инструмента критики [1. С. 447–453].

ражения, показывая, что даже без моего непосредственного знакомства с объектом эстетического опыта она позволяет мне судить о нем. В итоге я прихожу к выводу, что благодаря продуктивной деятельности воображения я способна давать достоверные свидетельства об объектах, с которыми я прежде никогда не сталкивалась в своем перцептивном опыте.

1. Стандартные свидетельства от третьего лица

Свидетельство – это то, что мы обычно выражаем посредством слов нашего языка¹. Предполагается, что свидетельства служат надежным источником информации или знаний, полученных от других людей. Однако на этот счет в современных дискуссиях существует множество мнений и споров, в основном касающихся вопроса эпистемической ценности таких свидетельств. Если речь идет о стандартных свидетельствах, или свидетельствах от третьего лица (С3), то, кажется, они вполне соответствуют нашим запросам на получение обоснованных и надежных знаний, сопровождаемых верой в свидетельства того, кто доставляет нам эти знания. Но и в этом случае, как отмечает Дженинфер Лэйки, мы рискуем не достичь желаемого: недостаточно просто заявить, что при обмене свидетельствами происходит передача эпистемических свойств, поскольку такой обмен предполагает, прежде всего, передачу *убеждения* самого говорящего и только вместе с этим убеждением – трансляцию эпистемических свойств [3. Р. 434]. Благодаря большому количеству примеров Лэйки показывает, что это не всегда работает: во многих случаях можно не знать убеждения говорящего и даже не иметь веры в то, что он намеревается передать, т.е. не доверять ему как надежному свидетелю или, напротив, доверять, но не знать его истинных убеждений и тем не менее получить (или, соответственно, не получить) желаемый результат в виде надежного знания².

Это усложняется еще и тем, что всякое свидетельство ценится своим *содержанием* и, если два человека – свидетельствующий и принимающий свидетельство – имеют своей целью передачу и получение некоторой информации, то важнейшим фактором здесь является формирование последним своего убеждения на основе содержания свидетельства первого [3. Р. 433]. Такое положение дел сопровождается двумя факторами: (1) поскольку свидетельствующий свидетельствует посредством слов языка, он не создает их каждый раз заново, а пользуется уже существующим набором выражений, который является конечным, и, соответственно, легко представить, что такой набор выражений вполне может и не отвечать его требованиям; (2) содержа-

¹ Элизабет Фрикер, например, настаивает на том, чтобы считать свидетельство (*learning from words*) своего рода источником знания *suī generis*, не сводимого ни к какому другому виду – восприятию, памяти, умозаключению, а также к любым их комбинациям [2. Р. 125].

² В доказательство этому Лэйки приводит ситуацию с благочестивой христианской учительницей Клариссой, чья вера основана на твердой убежденности в истинность креационизма и ложность эволюционной теории. Несмотря на это, она признает, что существует огромное множество научных доказательств, опровергающих оба эти убеждения. Она согласна с тем, что ее приверженность креационизму основана не на доказательствах, а на ее личной вере в Бога. Кларисса считает своей первостепенной обязанностью как учителя излагать материал, который наилучшим образом подтверждается имеющимися фактами, и, вне всякого сомнения, им является эволюционная теория. Таким образом, на уроке биологии Кларисса утверждает: «Современный человек произошел от человека прямоходящего». И хотя она даже не верит в то, что утверждает, ее ученики формируют соответствующее истинное убеждение, основанное на ее вполне достоверном свидетельстве [3. Р. 434].

ние свидетельства свидетельствующего не передается принимающему свидетельство в виде копии, а формируется им самостоятельно, а это значит, что само по себе свидетельство как свидетельство *от третьего лица* (С3) следует отличать от содержания свидетельства, которое кладет в основу своего убеждения принимающий свидетельство.

Существенным признаком С3 является вынесение суждения, основанного на *чужом* свидетельстве (и в этом случае нам пока не важно, ведет оно к надежному и достоверному знанию или нет). Для того чтобы сформировать убеждение на основе С3, мне необходимо проявить доверие к носителю информации, а это всегда другой человек. И как бы мы ни старались тщательно анализировать С3 в надежде нащупать хотя бы какие-то признаки живой и непосредственной сообщаемости убеждения от свидетельствующего к принимающему, мы получаем лишь сырой материал для наших убеждений. Сторонники стандартной формы свидетельства (С3), вслед за Марком Оуэном Уэббом, могли бы здесь возмутиться: «Я не обязан полагаться только на свои собственные когнитивные ресурсы; я могу свободно заимствовать ресурсы других людей. Если же я не стану этого делать, то буду безнадежно заперт в бедном наборе убеждений только о тех вещах, которые я сам пережил и могу вспомнить» [4. Р. 261]. Допустим, что это так; но в конечном счете это никак не связано с общим принципом, который был бы применим к любым формам свидетельства и независимым образом подтверждал бы тезис о том, что ‘свидетельства в целом надежны’ [2. Р. 139], – ведь именно к такому принципу, как известно, стремится стандартная форма свидетельства в своем требовании передачи надежного и достоверного знания. Однако Фрикер отмечает, что при таком фундаменталистском подходе подобного рода подтверждения безупречности свидетельства обнаружить просто невозможно, и уточняет: «но, к счастью, и не нужно», поскольку «поиск таких обобщений о надежности или ненадежности свидетельства в инклузивном смысле, направленных на взаимосвязанность убеждений как однородного целого, никогда не будет отвечать целям просветительского проекта» [2. Р. 139]. По ее мнению, любые общие принципы не выходят за рамки конкретных типов свидетельств, ранжированных в зависимости от предмета, характеристик свидетельствующего или того и другого вместе [2. Р. 139].

В целом, соглашаясь с Фрикер, мы тем не менее оказываемся в тупике. Это вынуждает нас пойти еще дальше и обратиться к свидетельству от первого лица (С1).

2. Эстетические свидетельства от первого лица

Прежде чем говорить о С1, которые мы далее будем противопоставлять С3, нам следует сделать небольшое, но весьма существенное уточнение, касающееся самой формы свидетельства. Речь пойдет о таком эпистемическом свойстве свидетельства, как *опыт непосредственного перцептивного знакомства*. Прежде всего, не следует смешивать наши *убеждения* с тем, что мы обычно называем *свидетельствами prima facie*. Убеждение – это моя твердая уверенность в том, что состояния дел в мире обстоят так-то и так-то, которое может быть получено из опыта перцептивного знакомства с таким положением дел, но может быть получено и из чужого свидетельства, которому я доверяю. Само же по себе свидетельство всегда имеет связь с опытом перцептив-

ного знакомства. Чтобы некая информация, которой я владею, расценивалась кем-то как свидетельство, я должна иметь опыт личного знакомства с тем состоянием дел, о котором я свидетельствую. Например, мой сын позвонил мне и сообщил, что сегодня утром на пробежке он видел кенгуру. Я рассказала об этом своему другу, который в качестве *моего* свидетельства в этом случае может принять только факт моего общения с сыном, а не то, что сын видел кенгуру, так как это последнее является не моим личным свидетельством, а свидетельством моего сына, которое я, конечно, могу передать своему другу с помощью оговорки «*мой сын мне сказал...*». Иными словами, я могу свидетельствовать своему другу только о звонке сына и общении с ним, поскольку сам этот звонок и есть то, что доступно мне непосредственно в моем перцептивном опыте. Так в чем же принципиальное отличие наших свидетельств от наших убеждений? Убеждения указывают лишь на *твёрдость веры в то, что дела в мире обстоят именно так и никак иначе*, поэтому в случае если у моего друга есть основание не доверять моему сыну, то ему совсем не обязательно знать о содержании самого сообщения сына, а достаточно моего свидетельства о том, что это сообщение поступило от него. Но, когда речь идет о свидетельстве, то важным условием для того, чтобы принять содержание этого свидетельства, становится *доверие*. Таким образом, на основе сказанного мной мой друг может составить лишь убеждение о том, что у меня был разговор с сыном. Но если бы у моего друга не было оснований не доверять моему сыну, то он мог бы так же, как и я, принять его сообщение в качестве свидетельства и составить на его основе убеждение, что на улице был кенгуру.

Наличие доверия становится необходимым условием свидетельства и такой его функции, как *быть переданным*. Однако требование доверия образует между свидетельствующим и принимающим свидетельство некоторый зазор, исключающий прямые и непосредственные отношения между ними. Когда я рассказываю моему другу о том, что я общалась с сыном и узнала от него, что он на пробежке видел кенгуру, мое свидетельство принадлежит к С3. В первой части моего сообщения я лишь передаю информацию, свидетельствуя о том, что я общалась с сыном. Вторая же часть сообщения (когда я говорю о том, что мой сын видел кенгуру) имеет два режима: (1) относится к простой передаче информации (мой сын видел кенгуру), (2) является доказательным¹ и работает только при условии, что мой друг доверяет моему сыну, т.е. мое свидетельство обретает силу доказательства в случае, если у моего друга есть для этого подходящие основания, а именно, доверять моему сыну. Иными словами, для свидетельства нам всегда требуются *основания*, наличие которых придает им столь ценную для нас обоснованность и надежность. В этом смысле свидетельство, как утверждает Лейки, должно быть ‘свидетельствующим’, а не ‘перцептивным’. Он приводит интересный пример: представьте, что у вас голос сопрано и я слышу, как вы сопрановым голосом поете «У меня голос сопрано». Лейки утверждает, что нельзя относить к свидетельству то, что я сам слышу непосредственно своими ушами, поскольку

¹ В частности, Кейн Тодд обращает внимание на идею Роберта Хопкинса о том, что в функциональном плане свидетельства следует разделять на *передающие* информацию и *доказывающие* [5. Р. 278–283].

так вы не будете свидетельствовать о своем сопрановом тембре, а только «о специфике показаний говорящего» [3. Р. 433] (в данном случае – поющеого).

Выше мы утверждали, что свидетельство всегда связано с опытом перцептивного знакомства, однако основанием для свидетельства, как видно из примера Лейки, не может служить непосредственно сама перцепция. Если говорить в терминах Канта, мы не можем свидетельству присваивать *право* быть самим собой, т.е. быть свидетельством, если исходим из эмпирической дедукции (т.е. из перцептивного опыта), поскольку в этом случае будет решаться вопрос не о правомерности присваивать свидетельству определенный смысл и значение (а вместе с этим и получение твердого убеждения), которые имеют место только в случае трансцендентальной дедукции, а о *факте*, объективная реальность которого доказывается лишь с помощью опыта и размышлений [6. С. 92]. Такой ход мысли лучше всего согласуется с формой свидетельствования из априорных принципов¹, что позволяет нам добраться до ‘скольного грунта’ в вопросах свидетельства. Таким образом, мы получим больше возможностей для нашего понимания свидетельской деятельности, если обратимся к *эстетическим свидетельствам*² – ведь, именно в случае таких свидетельств нас не удовлетворяет даже мнение эксперта, которому мы в общем-то доверяем. И даже сто голосов таких экспертов, которые твердят мне, что данное здание, стихотворение или пейзаж прекрасны, не принудят меня к тому, чтобы я почувствовала внутреннее одобрение и *согласие* с ними [11. С. 217]. Поэтому здесь нам, скажем так, «придется ограничить *веру*, чтобы освободить место *красоте*».

В своих размышлениях над ролью эстетического свидетельства Роберт Хопкинс задается следующим вопросом: если эстетические суждения, согласно Канту, являются объективными (общезначимыми), могут ли они выполнять роль доказательства [12. Р. 210]? Кант, как известно, отрицает это и тем не менее настаивает на их объективности. Хопкинс видит здесь противоречие: получается, что Кант соглашается с объективностью эстетических суждений, но отрицает их доказательную силу. Кажется, что отсутствие такой силы автоматически лишает суждения вкуса их эпистемических свойств, поскольку в этом случае у нас не может быть так называемого ‘эстетического аргумента’, и мы с неизбежностью вынуждены резюмировать – вопросы красоты не допускают свидетельства. Канта, безусловно, беспокоит вопрос, почему мы не можем что-то знать о красоте от других людей? Но он приходит к отрицательному ответу по причине, понятной из следующего примера: «...в самом деле, кто-нибудь может перечислить мне все ингредиенты какого-то блюда и о каждом из них заметить, что оно мне вообще-то приятно, и, кроме того, справедливо похвалить это блюдо как полезное для здоровья – я останусь глухим ко всем этим доводам, пробую блюдо *своим языком* и *нёбом* и на основании этого (а не исходя из общих принципов) высказываю свое суждение» [11. С. 218]. И здесь возникает интересный нюанс, актуальный для

¹ Кант подчеркивает, что когда речь идет о предметах, которые мыслятся только разумом, но которые не могут быть даны нам в опыте именно так, как разум их мыслит, нам следует подсмотреть у самого разума его способ мыслить, ибо сами «попытки мыслить их... дадут нам затем превосходный критерий того, что мы считаем измененным методом мышления, а именно что мы *a priori* познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [6. С. 18–19].

² О том, что следует понимать под эстетическим свидетельством и эстетическим опытом, подробнее см. [7. С. 66–81; 8. С. 112–126; 9. С. 97–111; 10. С. 82–96].

нашего исследования, но который не был замечен ни Кантом, ни Хопкинсом. В дискуссиях об эстетическом свидетельстве не учитывается факт различия между свидетельством от третьего лица (C3) и свидетельством от первого лица (C1)¹. Действительно, как это следует из кантовского примера, мы можем игнорировать C3 (ведь я лучше знаю, что мне нравится, а что нет!) даже в случае, если это третье лицо – мой близкий родственник, который очень хорошо изучил все мои предпочтения. Однако *мои собственные суждения* о том, что мне нравится или не нравится, могут быть противопоставлены не только свидетельству, высказанному кем-то другим (C3), но и моему собственному свидетельству (C1). Например, мой близкий знакомый обращается ко мне: «Вчера в музее я видел картину Малевича. Думаю, она тебе понравится!». Я могу подтвердить или опровергнуть это, заметив для себя, что то же самое я могла бы сказать себе сама. Именно в этом последнем случае я никак не обошлась бы без *способности воображения*, но в ее еще более радикальной форме, в которой я способна представить себе даже то, с чем не была знакома ранее (в смысле непосредственного столкновения в реальности). Отсутствие непосредственного перцептивного опыта картины Малевича никак не мешает мне понять, что именно мне нравится или не нравится, а значит, полученный мною эстетический опыт не может быть ограничен только областью перцептивного (актуального) опыта.

3. Способность воображения и свидетельство от первого лица

Наша способность воображения, согласно Канту, «есть способность представлять предмет также и *без его присутствия в созерцании*» [6. С. 110]. Согласно такому определению, воображение является способом *представления* объектов, которые не даны нам непосредственно. Подобные представления сопровождают нас постоянно в течение всей жизни: например, когда мы смотрим на дом и видим только переднюю его часть, мы можем сказать также, что видим и его заднюю часть, учитывая работу нашего воображения. Однако такое утверждение вызывает сильные возражения, например, у номиналистов, которые, опираясь на принцип знакомства Бертрана Рассела, настаивают на получении нами знаний об объекте только в условиях *непосредственного контакта*. А поскольку данный принцип, кажется, выдерживает конкуренцию с упомянутым выше свидетельством из априорных принципов (C1), то я буду обращаться к нему с целью выхода к предельным основаниям в вопросах свидетельства. Я покажу, что воображение (взятое в его радикальной форме как C1) справляется с *осведомленностью*² не только не хуже, но даже лучше, позволяя свидетельствующему прямо свидетельствовать об объекте.

¹ Например, Аарон Мескин считает, что Малcolm Бадд является одним из немногих исследователей, кто полагает, что эстетические свидетельства могут иметь «определенный эпистемологический вес» [13. Р. 67]. И хотя Бадд допускает, что можно составить суждение о некотором арт-объекте, будучи с ним *не знакомым*, он тут же подчеркивает одновременно присутствие того, кто с этим произведением знаком, и мое доверие к нему. Соответственно, речь здесь идет о C3, а не о C1.

² С точки зрения Рассела, быть осведомленным об объекте означает быть знакомым с ним благодаря чувственным данным: «мое знание о столе как физическом объекте не является непосредственным знанием. Оно получено через знакомство с чувственными данными, составляющими внешний вид стола. Мы видели, что можно без абсурда сомневаться в том, существует ли стол вообще, но нельзя сомневаться в чувственных данных» [14. Р. 47].

Говоря о различии между знакомством и описанием, Рассел указывает на специфику *познавательного* отношения к объекту, которое в случае знакомства заключается в том, что я *непосредственно осознаю* сам объект. Здесь очень важно не упустить тот факт, что под ‘непосредственным осознанием’ Рассел понимает *когнитивное* отношение, данное мне именно в представлении об объекте, а не в суждении о нем¹. Эти две формы (представление и суждение), согласно Казимиру Твардовскому, являются «двумя резко обособленными классами психических феноменов без лежащих между ними переходных форм» [16. С. 44]. В представлении предмет *представляется* (*vorstellens*) только в виде ‘предикативного потока’ чувственных восприятий (перцепций), поэтому когда Рассел говорит о знакомстве, то он обращается к чувственным данным, которые, будучи разделенными в наших чувствах, в итоге собираются мною в единый сложный объект. Описание такого объекта, с его точки зрения, дает мне возможность утверждать, что я могу быть знакома со своим собственным опытом. Что касается суждений, то, согласно Твардовскому, в них предмет либо *признается*, либо *отвергается*, поэтому между представлением суждения и совершением суждения огромная разница. Признавая или отвергая предмет суждения, оно наделяет его чувственными свойствами. Но если между представлением и суждением нет перехода, тогда не удивительно, что мой знакомый в примере с моим сыном чувствует недостаток чего-то еще, что ему требуется для обоснованности свидетельства моего сына; это ‘что-то еще’ есть доверие. Таким образом, доверие здесь служит условием обоснованности свидетельства. Свидетельство моего сына, хотя и является суждением, не выполняет роль полноценного сообщения, поскольку для этого суждение должно было бы сообщить о представлениях моего сына, что невозможно.

В примере с картиной Малевича мой знакомый в попытке засвидетельствовать мое согласие или мое собственное суждение о картине Малевича также терпит крах, поскольку мое согласие не может передать ни одно суждение, кроме моего собственного, принимающего в данном примере форму С1. Выходит, что благодаря моему воображению, которое и позволяет мне это делать, я свидетельствую о собственном согласии даже и без того, чтобы иметь представления об объекте такого свидетельства, – ведь, я еще не видела картину Малевича.

С точки зрения Канта, наши представления могут применяться как эмпирически (расселовский вариант осведомленности), так и трансцендентально, когда представления, не имея эмпирического происхождения, тем не менее, *a priori* относятся к предметам опыта [6. С. 73–74]. Удивительно, что Рассел не замечает, как его принцип знакомства жестко ограничивает понятие осведомленности и наш опыт требованием быть актуальным и перцептивным. Но предметы можно мыслить не только эмпирически, ведь у человека есть еще способность воображения, где конститутивную роль играет уже не перцептивное восприятие (как право на знание), а сама эта деятельность воображения, которую Дэвид Веллеман называет *префигурирующим опытом*. «Когда я

¹ Рассел следующим образом раскрывает то, что он понимает под знакомством: «Я говорю, что знаком с объектом, когда имею к нему непосредственное познавательное отношение, т.е. когда непосредственно осознаю сам объект. Когда я говорю о когнитивном отношении, я имею в виду не то отношение, которое является суждением, а то, которое является представлением» [15. Р. 108].

создаю образ, предвосхищая опыт (prefiguring an experience), который последует за ним, мне не нужно уточнять, что именно подготавливает этот опыт: в контексте образа опыт просто ‘следует’, – т.е. следует за самим образом. Соответственно, образ предопределяет переживание просто как предстоящее и тем самым создает контекст для бессознательного размышления о субъекте этого переживания как о ‘мне’ [17. Р. 73–74]. Такая деятельность моего воображения *создает* новые объекты, или пучки свойств, которых у меня не было ранее, – совсем не так как при знакомстве, когда, *повторяя* уже известное мне, я конструирую разные объекты (подобно Lego) из уже наличных элементов. Для большей наглядности и только в качестве иллюстрации¹ (а не в строго математическом применении) используем так называемый ‘диагональный аргумент’ Кантора [18].

s_1	0	0	0	0	0	0	0	...
s_2	1	1	1	1	1	1	1	...
s_3	0	1	0	1	0	1	0	...
s_4	1	0	1	0	1	0	1	...
s_5	1	1	0	1	0	1	1	...
s_6	0	0	1	1	0	1	1	...
s_7	1	0	0	0	1	0	0	...
...
s	1	0	1	1	1	0	1	...

Допустим, я знакома со всеми объектами нашего мира, о которых я могу сказать, что они мне нравятся. Эти объекты образованы на основе бесконечного множества перцепций ($s_1 - s_n$). Благодаря продуктивной способности воображения я не только могу представить себе новый объект, с которым не была знакома ранее (s), но, и это важно, в отношении которого я способна вынести достоверное суждение, что он будет мне нравиться так же, как и те объекты, с которыми я уже знакома. Таким образом, установленное нами различие между С1, в основе которого лежит продуктивная деятельность воображения, и С3, сформированного опытом непосредственного восприятия объектов, намечает новые и неожиданные перспективы в понимании наших способов приобретения обоснованного и достоверного знания в области эстетического опыта².

Список источников

1. Кюн М. Кант : биография. М. : Дело, 2021. 608 с.
2. Fricker E. Against Gullibility // Knowing From Words. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 125–161.
3. Lackey J. Knowing from Testimony // Philosophy Compass. 2006. Vol. 1, № 5. P. 432–448.
4. Webb M. Why I Know Just About as Much as You // Journal of Philosophy. 1993. Vol. 90, № 5. P. 260–270.
5. Todd C. Quasi-Realism, Acquaintance, and the Normative Claims of Aesthetic Judgement // British Journal of Aesthetics. 2004. Vol. 44, № 3. P. 277–296.
6. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 591 с.
7. Нехаев А. Номиналистическая теория эстетического опыта // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2023. № 1. С. 66–81.

¹ Я благодарю Андрея Нехаева за этот аргумент, который он мне подсказал в личной беседе.

² Множество интересных пересечений с данной идеей можно найти у Саманты Матерн [19].

8. Чубаров И. Авангардный код и товарная форма Contemporary Art: эстетический опыт как опыт экстремального восприятия // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2023. № 1. С. 112–126.
9. Некаева И. Эстетический опыт, воображение и свидетельство // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2023. № 1. С. 97–111.
10. Салин А. Против nominalisticheskoy teorii esteticheskogo opyta – v zashchitu deskriptivnogo podkhoda // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2023. № 1. С. 82–96.
11. Кант И. Критика способности суждения. СПб. : Наука, 2001. 512 с.
12. Hopkins R. Beauty and testimony // Royal Institute of Philosophy Supplement. 2000. Vol. 47. P. 209–236.
13. Meskin A. Aesthetic Testimony: What Can We Learn from Others about Beauty and Art? // Philosophy and Phenomenological Research. 2004. Vol. 69, № 1. P. 65–91.
14. Russell B. The Problems of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1997. 167 p.
15. Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911. Vol. 11, № 1. P. 108–128.
16. Твардовский К. К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. М. : РОССПЭН, 1997. С. 38–159.
17. Velleman J.D. Self to Self // The Philosophical Review. 1996. Vol. 105, № 1. P. 39–76.
18. Cantor G. Über eine elementare Frage der Mannigfaltigkeitslehre // Jahresbericht der Deutschen Mathematiker-Vereinigung. 1890/1891. Bd. 1. S. 75–78.
19. Matherne S. Kant's Theory of the Imagination // The Routledge Handbook of the Philosophy of Imagination. London : Routledge, 2016. P. 55–68.

References

1. Kühn, M. (2021) *Kant: biografiya* [Kant: A Biographie]. Translated from German. Moscow: Delo.
2. Fricker, E. (1994) Against Gullibility. In: Bimal Krishna Matilal, B. & Chakrabarti, A. (eds) *Knowing From Words: Western and Indian Philosophical Analysis of Understanding and Testimony*. Dordrecht: Kluwer Academic. pp. 125–161.
3. Lackey, J. (2006) Knowing from Testimony. *Philosophy Compass*. 1(5). pp. 432–448.
4. Webb, M. (1993) Why I Know Just About as Much as You. *Journal of Philosophy*. 90(5). pp. 260–270.
5. Todd, C. (2004) Quasi-Realism, Acquaintance, and the Normative Claims of Aesthetic Judgement. *British Journal of Aesthetics*. 44(3). pp. 277–296.
6. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
7. Nekhaev, A. (2023) Nominalisticheskaya teoriya esteticheskogo opyta [Nominalistic theory of aesthetic experience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1. pp. 66–81.
8. Chubarov, I. (2023) Avangardnyy kod i tovarnaya forma Contemporary Art: esteticheskii opyt kak opyt ekstremal'nogo vospriyatiya [The avant-garde code and commodity form of Contemporary Art: Aesthetic experience as an experience of extreme perception]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1. pp. 112–126.
9. Nekhaeva, I. (2023) Esteticheskii opyt, voobrazhenie i svidetel'stvo [Aesthetic experience, imagination and testimony]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1. pp. 97–111.
10. Salin, A. (2023) Protiv nominalisticheskoy teorii esteticheskogo opyta – v zashchitu deskriptivnogo podkhoda [Against the nominalistic theory of aesthetic experience – in defense of the descriptive approach]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1. pp. 82–96.
11. Kant, I. (2001) *Kritika sposobnosti suzheniya* [Critique of Judgment]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Hopkins, R. (2000) Beauty and testimony. *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 47. pp. 209–236.
13. Meskin, A. (2004) Aesthetic Testimony: What Can We Learn from Others about Beauty and Art? *Philosophy and Phenomenological Research*. 69(1). pp. 65–91.
14. Russell, B. (1997) *The Problems of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
15. Russell, B. (1911) Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 11(1). pp. 108–128.
16. Twardowski, K. (1997) *Logiko-filosofskie i psikhologicheskie issledovaniya* [Logical-philosophical and psychological studies]. Translated from Polish. Moscow: ROSSPEN. pp. 38–159.

17. Velleman, J.D. (1996) Self to Self. *The Philosophical Review*. 105(1). pp. 39–76.
18. Cantor, G. (1890/91) Über eine elementare Frage der Mannigfaltigkeitslehre. *Jahresbericht der Deutschen Mathematiker-Vereinigung*. 1. pp. 75–78.
19. Matherne, S. (2016) Kant's Theory of the Imagination. In: Kind, A. (ed.) *The Routledge Handbook of the Philosophy of Imagination*. London: Routledge, 2016. pp. 55–68.

Сведения об авторе:

Некаева И.Н. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: i.n.nekhaeva@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nekhaeva I.N. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Philosophy, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: i.n.nekhaeva@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*

*The article was submitted 20.10.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 165.4 + 167 + 130.2

doi: 10.17223/1998863X/76/6

«ИССЛЕДОВАТЕЛЬ» КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС СУБЪЕКТА: СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА И МЕТАПОЗИЦИЯ

Ангелина Валерьевна Петрова¹, Всеволод Адольфович Ладов²

^{1, 2} Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия

¹ angelina.gukovaa@yandex.ru

² ladov@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается метааналитическая позиция 'исследователя' как метод решения эпистемологических вопросов, связанных с социальными теориями. Определяются условия, необходимые для формирования такой позиции, ее влияние на процесс анализа. Целью исследования является изучение форм применения метаэпистемической рефлексии для выяснения контекста, формирующего мнение исследователя, играющего ключевую роль в процессе создания эпистемологических выводов.

Ключевые слова: эпистемологический статус, социальная этика, метапозиция, эпистемическая ответственность

Для цитирования: Петрова А.В., Ладов В.А. «Исследователь» как эпистемологический статус субъекта: социальная этика и метапозиция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 46–53.
doi: 10.17223/1998863X/76/6

Original article

THE “RESEARCHER” AS AN EPISTEMOLOGICAL STATUS OF A SUBJECT: SOCIAL ETHICS AND METAPOSITION

Angelina V. Petrova¹, Vsevolod A. Ladov²

^{1, 2} Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation

¹ angelina.gukovaa@yandex.ru

² ladov@yandex.ru

Abstract. In contemporary society, epistemological questions are gaining increasing relevance, particularly in the realm of social sciences, where formalizing concepts and theories can be challenging. Meta-epistemological analysis emerges as a vital tool for understanding the nature of knowledge and the foundations of its truth. This text delves into epistemological assertions within social theories and institutional interactions. Within this context, complexities arise when normatively assessing and analyzing epistemological judgments, especially in conditions where subjects hold equal epistemological statuses. Ethical, cultural, and psychological aspects play a significant role in shaping epistemological positions. The primary focus is on the role of intellectual motivation and the formation of a distinct epistemological metaposition referred to as the “researcher’s position”. The authors propose viewing the epistemic status of a researcher as a combination of their competencies, an ethical stance driven by a quest for truth, and a readiness for self-reflection. This

connection with ethical principles and epistemic humility implies that not only the researcher's abilities and competencies contribute to knowledge formation but also their moral convictions and their commitment to fairness and objectivity in research activities. The concept of a "researcher" is introduced as a pivotal epistemic status that a subject can adopt when articulating or analyzing epistemic judgments. This status encompasses the subjects' competencies, ethical commitments, and willingness to suspend judgment for reevaluation. This position enables the interpretation of judgments from the perspective of their normativity and truthfulness, fostering a high degree of trust in the knowledge formation process. Another significant aspect highlighted in the article is the emphasis on epistemological self-reflection. This process entails individuals or collectives contemplating their methods of acquiring, interpreting, and evaluating knowledge. It is crucial to understand how we arrived at knowledge, which methods and approaches we employed, and which factors may have influenced our epistemological approach. Reflecting on the foundations underlying the choice of a particular standpoint becomes pivotal in resolving conflicts and ensuring the normativity of epistemic assertions.

Keywords: epistemological status, social ethics, metaposition, epistemic responsibility

For citation: Petrova, A.V. & Ladov, V.A. (2023) The "researcher" as an epistemological status of a subject: social ethics and metaposition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 46–53. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/6

В чем причина важности метаэпистемологического анализа эпистемологических установок в современном социальном поле: социальных концепциях, институтах, высказываниях? С момента возникновения эпистемологических дилемм в античности они стали значительно сложнее с развитием философии и науки. Древние греки, начиная с Платона и Аристотеля, уже задавались вопросами о природе познания и истины, а с развитием модернистского мышления в Новое время эпистемологические искания оказались связаны с большим количеством иногда с трудом поддающихся обнаружению факторов, что породило необходимость в более сложном и многообразном метаанализе, способном учесть все эти факторы и их взаимодействие. Метаэпистемологическая аналитика становится тем актуальнее, чем сложнее и многообразнее становится вопрос о знании, его основаниях и интерпретации в условиях современных изменений, зачастую вовсе отвергающих возможность какой бы то ни было устойчивости в этом вопросе. Одним из аспектов метаэпистемологии является рефлексия над условиями, в которых возникает и формируется знание, ценностными ориентирами, направляющими и очерчивающими процесс познания, а также указание на факторы, потенциально значимые в процессе эпистемологического осмысливания. В то время как традиционная эпистемология пытается определить природу, происхождение и границы знания, метаэпистемология ставит под сомнение предпосылки и методологические основания такого исследования.

Данная работа фокусируется на эпистемологических утверждениях в социальных теориях и в рамках институциональных взаимодействий, что обусловлено тем фактом, что формализация в таких теориях особенно затруднена, что делает соблюдение эпистемологической строгости гораздо более сложным процессом.

В контексте эпистемологических утверждений в рамках социальных теорий мы сталкиваемся с рядом сложностей в процессе попытки их нормативной оценки и анализа с точки зрения разных представлений о знании. Особо-

бенно сложным представляется факт того, что в пределах социального пространства мы имеем дело с субъектом – как тем, кто формулирует эпистемологические предположения, так и тем, к кому эти предположения могут быть обращены, например, в контексте институционального взаимодействия.

Во время предшествующего анализа [1] была предпринята попытка ответа на один из ключевых метаэпистемологических вопросов – на каких основаниях можно полагаться на суждения субъекта и считать их отображением действительности? Этот вопрос связан с основаниями знания, его источниками и критериями истины. Высказанное предложение звучит следующим образом: чтобы решить указанное затруднение, в первую очередь необходимо учитывать эпистемологический статус субъекта, выдвигающего суждение. Однако сама по себе такая формулировка не отражает всего многообразия факторов, которые необходимо учитывать, чтобы определить необходимый и достаточный для такого ответственного решения эпистемологический статус.

В нашем предыдущем исследовании мы стремились определить рамки и выяснить возможность существования такого специфического эпистемологического статуса, как «исследователь», а также найти условия для установления этого статуса. В качестве методов оценки эпистемического статуса было предложено использовать обращение к интеллектуальному уровню исследователя и причинам, побудившим его к эпистемологическим изысканиям. Если человек, делающий утверждение, находится в соответствующем контексте, имеет необходимые знания и компетенции, то его утверждения могут считаться более надежными. Необходимость обнаружения и определения такой эпистемологической позиции объясняется тем, что самой значительной сложностью в рамках эпистемологических исследований в социальном контексте становится вопрос интерпретации и анализа той позиции и того места, которые занимают интерпретатор или автор утверждения по отношению к самому утверждению.

Однако проведенная работа требует существенных уточнений:

- Во-первых, необходимо более полно сформулировать границы и особенности такого эпистемологического статуса субъекта, как «исследователь».
- Во-вторых, обсудить сложности, связанные с практическим применением методологии, позволяющей обнаружить и занять подобную позицию в отношении исследуемой теории.

Рассмотренные методы оценки эпистемического статуса субъекта, исходя из предложенных условий, имеют ряд критически важных особенностей, которые необходимо обсудить, прежде чем применять данный метод.

Когда мы говорим о субъектах разного эпистемического статуса, мы признаем, что процесс познания не является монолитным или универсальным. Разные люди, сообщества или культуры могут приходить к знаниям разными способами и иметь разные представления о том, что это знание включает в себя. Мы указали, что определение эпистемического статуса субъекта, совершившего эпистемическое высказывание, необходимо для оценки самого этого высказывания, в особенности в социальных науках. Однако субъект в данном случае вовлечен в процесс формирования утверждений, что делает процесс их оценки сложной задачей. В социальном контексте многие утверждения подвергаются сомнению из-за невозможности определить объективные критерии истины. Вследствие этого вопрос об особой

форме эпистемологии – социальной – становится одним из центральных в современной метаэпистемологической дискуссии. Социальные исследования фокусируются на субъекте как на объекте исследования и на том, как субъект может быть несвободен от различных социальных влияний.

В результате необходимость рассматривать возможность существования субъектов разного эпистемического статуса и, более того, разграничивать их и давать им разные права в отношении обладания, распоряжения и взаимодействия со знанием кажется разумным и даже необходимым выходом. Однако в связи с подобным допущением мы сталкиваемся с рядом новых трудностей, отсылающих нас в область этики.

В частности, имеется прямая связь с этической проблематикой – еще одним вопросом, который занимает в современных метаэпистемологических дискуссиях одно из центральных мест. Поскольку роль субъекта адресата и автора тех или иных эпистемологических высказываний практически невозможно отрицать, так невозможно отрицать и влияние культурных, психологических и этических аспектов. Однако само по себе рассуждение о том, при каких условиях, а следовательно, кто имеет право высказывать и оценивать эпистемические суждения, может быть спорным. Современные исследования широко обсуждают вопрос о том, насколько серьезны искажения в восприятии и оценке знания исходя из этнических, гендерных, образовательных и культурных факторов. Из этого следует, что невозможно полностью отбросить вопросы этики в метаэпистемологических исследованиях, когда речь идет о субъекте. Кроме того, как мы постараемся показать далее, этический анализ необходим, чтобы дополнить предложенный метаанализ и избежать существенных искажений в процессе определения эпистемологического статуса «исследователь». Если возможно – сделать его более гибким в условиях изменяющегося контекста. В частности, обозначая условия возникновения особой позиции 'исследователя', мы учитываем критерий компетенции и осведомленности в области затрагиваемого вопроса, но гораздо более принципиально важным является интеллектуальный мотив «исследователя» – причина, побудившая его к отысканию истины.

Хилари Корнблит в своей статье «Вера перед лицом противоречий» описывает различные ситуации разногласий, указывая на то, что не в каждой из них обладание лучшей эпистемической позицией помогает разрешить их или отыскать истину. В идеальном случае нам стоит согласиться с тем, что человек, обладающий более глубокими компетенциями в рассматриваемом вопросе, будет скорее всего прав. Так, в споре новичка в арифметике и человека, давно практикующего такие арифметические операции, как сложение и вычитание, при возникновении разногласий скорее всего будет прав специалист. Точно так же существует ряд разногласий, которые вполне можно разрешить, обращаясь к надежному источнику, например, можно проверить свою убежденность в том, какой город является столицей страны, обратившись к карте или учебнику. Однако не всегда ситуации разрешаются через приписывание оппоненту низшей доказательной позиции или меньшей компетентности в вопросе.

Когда речь идет о социально-философских теориях, мы затрагиваем сложную сеть посылок, где необходимо аккуратное и последовательное введение формальных критериев. Однако есть существенная сложность, заключающаяся

в том, что ряд элементов – причин – влияющих на то, на каких основаниях будет выстроена философская теория, не поддается строгому анализу.

Х. Корнблит указывает, что в отношении формальных областей философии или эмпирических наук показательной является также и история становления, в рамках которой постепенное распределение мнений, консенсусы и аргументация показывают то, что нынешним положениям и экспертам, их высказывающим, можно доверять, а также есть возможность строгой оценки истинности. «Консенсус и почти консенсус по формальным вопросам в рамках философии настолько тяжелы, как я предложил, потому что в этих формальных областях есть история неоспоримого прогресса. На этом фоне консенсус среди экспертов является грозным вопросом» [2]. Причиной подобного положения дел становится постепенная проверка положений, которая проводится на протяжении длительного времени, и по мере развития дисциплины критерии контроля и анализа только совершенствуются, поскольку ошибочные установки не выдерживают проверки временем.

Однако подобное уже не работает в менее формализованных областях философии. Далее Хилари Корнблит упоминает о ситуации столкновения мнений эпистемических сверстников – субъектов, равно подкованных в спорном вопросе, потративших равновесное время на обдумывание и анализ аргументов (собственных и оппонента). Следовательно, такой критерий, как «компетентность», уже не может быть единственным необходимым для определения позиции «исследователя». Единственным решением подобного затруднения, особенно в сфере неформализованных областей философии, Х. Корнблит видит приостановку суждения для тщательного и вдумчивого дальнейшего анализа.

Если рассматривать данную ситуацию с точки зрения анализа, то единственным условием, отличающим таких эпистемологических сверстников – субъектов равного эпистемического статуса, становятся условия, формирующие их изначальное предпочтение в выборе и формулировке мнения. На это же указывает в своей статье Келли: «Когда сталкиваются эпистемологические сверстники, то мы должны обращаться не к аргументам, не к разногласиям, а к причинам, по которым наши аргументы различаются и существует разногласие» [3. Р. 181].

Из этого следует – если мы говорим о субъектах равного эпистемологического статуса, то роль играет распределение причин, по которым они занимают определенную позицию. В результате мы можем утверждать, что именно определение причин, которые лежат в основании того или иного выбора, является приоритетной задачей, и, таким образом, мы можем если не обойти, то смягчить указанное этическое затруднение, поскольку позиция 'исследователя' в большей степени методологическая позиция, основанная на приостановке суждения и постепенном отыскании основания, на котором суждение или теория выстраиваются именно для того, чтобы избежать ошибочности в восприятии суждения.

Такая установка может помочь субъектам избегать потенциальных искаений в их работе, вызванных личными предвзятыстями, интересами или социокультурным контекстом.

Почему с этической точки зрения важен именно интеллектуальный мотив? Линда Загзебски прочно соединяет мотив эпистемологических изысканий

ний с избеганием искажений в ходе отыскания истины, поскольку, с ее точки зрения, «успех в достижении истины зависит от поведения в ходе отыскания истины, к которому приводит замечательный мотив интеллектуальной добродетели» [4. Р. 44]. Иными словами, твердая этическая установка в отношении поиска и достижения истины позволяет относиться к собственной деятельности с большей эпистемической строгостью.

Однако подобное может быть сложно осуществить на практике.

Алвин Голдман вовсе предлагает отказаться от рациональности и обоснования в поиске истины и ввести такую форму эпистемологии, как верити-стически центрированная эпистемология, т.е. эпистемологическая установка, стремящаяся к тому, чтобы достичь истины в целом, но не пытающаяся отыскать жесткие критерии истинности, подвергающиеся критике со стороны релятивизма. Веритативная эпистемология – это эпистемология, которая фокусируется на условиях, при которых то или иное утверждение может считаться истинным. В русле веритативной эпистемологии А. Голдмана значение имеют условия, в которых формируется истинностное или веритативно положительное эпистемологическое состояние. Согласно этому, в некоторых случаях положительным веритативным состоянием могут обладать даже не-знание и невежество.

В то же самое время такой подход, с точки зрения А. Голдмана, позволяет избежать и самого релятивизма, стремящегося отказаться от любой установки. «‘Верити-стический’ обозначает центрирование на истине, в отличие от заботы о обосновании или рациональности» [5. Р. 1]. То есть А. Голдман предлагает ранжировать степень доверия к убеждению на основании того, что стремление к истине и вера в истину имеют большую ценность, чем процесс и регламентация каждого шага: «по моему мнению, обоснование и рациональность – более сложные темы, чем истина. Таким образом, стиль объективистской социальной эпистемологии, который я пытался разработать, акцентирует внимание на истине, а не на обосновании и рациональности» [5. Р. 6].

Еще одна мысль А. Голдмана может иллюстрировать важность исследования именно причин выбора того или иного мнения. Того, почему субъект будет придерживаться определенного контекста. Он предполагает, что в социально ориентированных эпистемологических высказываниях, которые находятся в рамках определенных систем или институтов, иногда предпочтительно не одно только стремление к истине. В ряде ситуаций предпочтительно неведение, например, когда оно касается частной жизни или финансирования избирательных компаний. Таким образом, неведение о подобных вещах с социальной или институциональной точки зрения будет предпочтительнее. Тем не менее в общем и целом подобное действие является средством достижения истинности в глобальном плане, важном на уровне институтов и всего социума. В качестве примера А. Голдман приводит избирательные компании, где сокрытость истинного голоса приводит к истинности выбора, поскольку голосующий не может и не должен опасаться санкций за свой голос или не имеет возможности продать этот голос.

Делая вывод из всего вышесказанного, мы можем утверждать, что «исследователь» – это эпистемический статус, который субъекту необходимо примерить на себя в случае необходимости высказывать или анализировать эпистемические суждения.

Сама по себе эпистемическая позиция исследователя – это определенная императивная метапозиция, в определенном смысле идеализированная в отношении этических, ценностных и моральных предпосылок субъекта.

Строго говоря, это идеальная эпистемологическая позиция, соединяющая в себе компетенции субъекта, определенную этическую установку, связанную со стремлением к истине, эпистемическую скромность и готовность к приостановке суждения для перепроверки. Вероятнее всего, нам нужно соединить подобную этическую установку с эпистемологическими интересами. В таком случае позиция «исследователя» – это метапозиция, которую можно использовать и как форму саморефлексии над основаниями собственных эпистемических высказываний или теорий, а также для анализа социальных теорий с особой позиции субъекта, соблюдающего «эпистемическую скромность» (Х. Корнблит). Почему именно саморефлексия? Эпистемологическая саморефлексия – это процесс, в ходе которого индивид или коллектив рефлектирует над своими способами приобретения, интерпретации и оценки знания. Это не просто размышление о том, что мы знаем, но и размышление о том, как мы пришли к этому знанию, какие методы и подходы мы используем для его приобретения и какие предпосылки или предвзятости могут влиять на наш эпистемологический подход. Рефлексия в отношении оснований, которые являются причиной выбора той или иной точки зрения, особенно в ситуации равной аргументации между субъектами равного эпистемологического статуса, приобретает особую методологическую значимость для субъекта, примеряющего статус «исследователя».

Таким образом, позиция «исследователя» предлагается как условие, при котором высказывания можно интерпретировать с точки зрения их нормативности и истинности, а также как условие возможности интерпретации эпистемологических высказываний в рамках социального поля и социальных теорий. Только занимая такую позицию, мы можем попытаться оценить те условия, которые влияют на выдвижение нами суждений.

Думается, что позиция «исследователя» формулируется и переосмысляется в отношении каждой теории и каждого эпистемологического высказывания отдельно. Подобную метапозицию можно занимать как в отношении своего высказывания или теории, так и в отношении высказываний и теорий в социальном поле. В обоих случаях такая установка будет определенной формой саморефлексии в отношении своих установок и предпочтений, связанной с эпистемологической скромностью и основанной на установке интеллектуальной добродетели. В результате основная задача «исследователя» – избежать собственной предвзятости и обнаружить психологические, лингвистические, этические, культурные и иные основания, на которых выстраивается эпистемическое суждение.

Список источников

1. Петрова А.В. Метаэпистемологический анализ концепции «диффузного цинизма» // Вестник Томского гос.ударственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 66–75.
2. Kornblith H. Belief in the face of controversy // Oxford University Press. Electronic data. 2010. URL: <https://sites.google.com/site/hkornblith/home/publications/belief-in-the-face-of-controversy> (accessed: 20.08.2023).
3. Kelly T. The Epistemic Significance of Disagreement // Oxford Studies in Epistemology. 2005. Vol. 1. P. 167–196.

4. Zagzebski L. Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology. Oxford University Press, 2020. 380 p.
5. Goldman A. Social Epistemology: Theory and Applications // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2009. № 64. P. 1–18.

References

1. Petrova, A.V. (2022) Meta-epistemological analysis of the concept “diffuse cynicism.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo udarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 69. pp. 66–75. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/69/8
2. Kornblith, H. (2010) *Belief in the Face of Controversy*. Oxford University Press. [Online] Available from: <https://sites.google.com/site/hkornblith/home/publications/belief-in-the-face-of-controversy> (Accessed: 20th August 2023).
3. Kelly, T. (2005) The Epistemic Significance of Disagreement. *Oxford Studies in Epistemology*. 1. pp. 167–196.
4. Zagzebski, L. (2020) *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*. Oxford University Press.
5. Goldman, A. (2009) Social Epistemology: Theory and Applications. *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 64. pp. 1–18.

Сведения об авторах:

Петрова А.В. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Petrova A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, leading researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023;

одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 13.12.2023

The article was submitted 20.10.2023;

approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 215

doi: 10.17223/1998863X/76/7

«НЕВИДИМЫЙ САДОВНИК ИЛИ СЛЕПОЙ ЧАСОВЩИК?»: АРГУМЕНТ «ОТ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ ТЕИЗМОМ И НАТУРАЛИЗМОМ

Екатерина Борисовна Хитрук

Томский государственный университет, Томск, Россия, lubomudreg@gmail.com

Аннотация. В данной статье осуществлен анализ аргумента «от простых законов природы», предложенного в работах современного британского философа Ричарда Суинбёрна. Показано, что аргумент «работает» только при принятии реалистической трактовки законов природы. Аргумент рассмотрен также в более широком контексте современной полемики между теистами и натуралистами с привлечением притчи о Невидимом Садовнике, сформулированной Джоном Уиздомом.

Ключевые слова: Ричард Суинбёрн, Джон Уиздом, Энтони Флю, законы природы, теизм, натурализм, Невидимый Садовник, Слепой Часовщик, успех науки

Для цитирования: Хитрук Е.Б. «Невидимый Садовник или Слепой Часовщик?»: аргумент «от законов природы» в контексте полемики между теизмом и натурализмом // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 54–66. doi: 10.17223/1998863X/76/7

Original article

“THE INVISIBLE GARDENER OR THE BLIND WATCHMAKER?”: AN ARGUMENT “FROM THE LAWS OF NATURE” IN THE CONTEXT OF THE CONTROVERSY BETWEEN THEISM AND NATURALISM

Ekaterina B. Khitruk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, lubomudreg@gmail.com

Abstract. This article examines the argument proposed in the philosophy of Richard Swinburne “from simple laws of nature” or “from the success of science”. The argument is to point to the fact that the development of science has led to the discovery of universal and simple (that is, knowable) laws of nature, which confirms a certain correlation between human cognitive abilities and the structure of the world. Such a correlation is probable, according to Swinburne, only under the condition of the existence of God as an intelligent Creator of nature and a person who created the world consciously according to such laws that can be known by rational beings. Swinburne emphasizes that, with this type of reasoning, God is not considered as a “God of the gaps” (that is, as a hypothesis explaining what science has not yet been able to explain). On the contrary, the very success of science in explaining the laws of the existence of the world can be considered as a justification for the existence of God, who created nature according to such laws that a person (scientific community) is able to reveal with certain intellectual efforts. In the article, the argument “from simple laws of nature” is analyzed in the context of the controversy between realism and anti-realism in the interpretation of laws of nature. It is inferred that the argument “works” only under the condition of a realistic interpretation of laws of nature, in which they are interpreted as something objective, existing independently of the knowing person. If the

researcher proceeds from anti-realism in the interpretation of laws of nature and considers them as the fruit of human intellectual activity (laws are formulated, not discovered), then the correlation between the structure of the world and the human mind cannot be detected. Consequently, it cannot be concluded that there is an intelligent Creator who established the prerequisites for such a connection. The argument “from laws of nature” is also considered in the article in the broader context of the controversy between theism and naturalism, the essence of which was figuratively expressed in the middle of the 20th century by the British philosopher John Wisdom in the form of the parable of the Invisible Gardener. It is concluded that Swinburne’s argument modernizes the controversy between the Believer and the Skeptic from this parable, since it makes the subject of their interest not only plants in the garden (empirical facts), but also their own intellectual activity (the success of science).

Keywords: Richard Swinburne, John Wisdom, Anthony Flew, laws of nature, theism, naturalism, Invisible Gardener, Blind Watchmaker, success of science

For citation: Khitruk, E.B. (2023) “The Invisible Gardener or the Blind Watchmaker?”: An argument “from the laws of nature” in the context of the controversy between theism and naturalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 54–66. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/7

Надо возделывать наш сад.
Вольтер «Кандид и оптимизм»

В данной статье анализируется предложенный британским философом Ричардом Суинбёрном «аргумент от простых законов природы». Аргумент рассматривается в контексте соотношения реализма и антиреализма в трактовке законов природы, а также в более широком контексте современной полемики между теизмом и натурализмом.

Теистическая интуиция и современное естествознание

Представители современного натурализма, апеллируя к «опасной идеи» эволюции [1], настаивают на том, что естествознание за последние сто с лишним лет сделало настолько серьезный рывок вперед, что любое рассуждение о Творце мира становится не столько необоснованным, сколько в принципе избыточным. Если можно в объяснении функционирования законов природы обойтись без привлечения гипотезы о Божественном начале, то это сделать необходимо в целях создания максимально стройной, обоснованной и лаконичной модели реальности.

Как отмечает в своей работе «Пространство и время в современной картине Вселенной» известный британский физик Пол Девис, «в наше время нет необходимости предполагать, будто структура Вселенной требует какого-то „организатора“, который создал бы ее в определенном состоянии» [2. С. 273]. Эта структура, по убеждению ученого, выстраивается «естественным» образом, «само собой» [2. С. 273]. Кроме того, П. Девис считает необходимым подчеркнуть, что такое видение реальности является достижением современной науки, разрушающим религиозные «домыслы»: «Мы далеко отошли от библейского толкования сотворения мира. По Библии свет и тепло, порядок и жизнь – все возникло из тьмы и пустоты. Вселенная там рассматривается как результат, следствие действия Бога, который решил придать форму уже существовавшим до этого, но неинтересным пространству и времени. Современная наука представляет все это совершенно иначе. Вселенная родилась в обжигающем жаре и свете, а потом стала остывать и темнеть. Вместо боже-

ственного „Да будет свет!“ ученый говорит: „Да будет тьма!“, ибо лишь в темной, холодной Вселенной заключенная в Солнце энергия может с пользой применяться для питания живых систем на Земле» [2. С. 273–274].

Оставляя в стороне довольно спорную трактовку Библейского сюжета о творении, представленную в данной цитате, а также то, что П. Девис рассматривает Библию как научный трактат, нужно отметить, что такой способ оценки научных достижений (т.е. противопоставление их религиозному мировоззрению, которое зачастую трактуется довольно специфическим образом) не является исключением для научных и научно-популярных работ современных представителей естествознания [3. С. 27–28; 4. С. 18; 5. С. 12–13]. Развитие науки представляется в этих работах как успешное соперничество с религией. Но соперничество какого рода? Представляется ли ученым, размышляющим в такой антирелигиозной перспективе, что верующие люди вынуждены игнорировать научные факты в силу своих религиозных («антинавучных» в такой интерпретации) убеждений или в силу неспособности их понять и соответственно принять (интеллектуальная слабость, которая одновременно является и причиной их веры)?

Ключевым объяснением отсталости религиозных людей в среде натуралистов принято считать утверждение о том, что достижения современной науки контринтуитивны, т.е. противоречат интуициям обыденной жизни [5. С. 14]. В своей обыденной жизни человек привык иметь дело с тем, что гармония и сложность являются результатами действия разумных существ по заранее продуманному плану. Религиозные системы поддерживают и развивают эту интуицию, предлагая образ Творца, спланировавшего и реализовавшего творение сложной и гармоничной Вселенной. Однако современное естествознание открывает реальность, которая не должна соответствовать человеческим интуициям, и на поверку (по убеждению натуралистов) им и не соответствует. Как отмечает Ричард Докинз в своей знаменитой работе «Слепой часовщик», «наш мир находится во власти креативных достижений инженеров и деятелей искусства. Мы полностью привыкли к мысли о том, что элегантная сложность – признак преднамеренного, продуманного замысла. Это, вероятно, наиболее сильная причина для веры, исповедовавшейся подавляющим большинством когда-либо живших на Земле людей – веры в наличие некоего сверхъестественного божества» [6. С. 23].

Иными словами, различие натурализма и теизма кроется не в способности (или неспособности) признать факты, открытые современной наукой, а в способности связать эти факты в целостное мировосприятие. В случае теизма это мировосприятие будет свидетельствовать о наличии разумного Творца, а в случае натурализма будет раскрывать Вселенную в качестве вызывающего удивление и восхищение самоорганизующегося механизма – Слепого Часовщика или Древа Жизни. Интересно, что, с точки зрения натуралистов, эта самостоятельная Вселенная заслуживает благоговения не меньшего, чем то, которое религиозные люди испытывают по отношению к Разумному Творцу. В работе «Опасная идея Дарвина: эволюция и смысл жизни» известный американский философ Д. Деннет пишет следующее: «Древо Жизни не является ни совершенным, ни бесконечным во времени и пространстве, но оно актуально, и если это не ансельмово „существо, превыше которого ничего невозможна помыслить“, то это, без сомнения, существо, которое превыше всего,

что кто-либо из нас мог бы помыслить во всех подробностях. Есть ли в мире что-то священное? „Да“, – говорю я вслед за Ницше. Я не могу ему молиться, но я могу свидетельствовать о его великолепии. Наш мир священен» [1. С. 443]. Таким образом, и в случае теизма, и в случае натурализма реальность рассматривается как нечто священное, однако по принципиально разным причинам.

На данном этапе становится очевидным, что противостояние науки и религии, о котором идет речь, на самом деле таковым вовсе не является. Самы по себе наука и религия не имеют достаточных для «конкуренции» точек со-прикосновения, поскольку, по меткому замечанию известного американского ученого-генетика Фрэнсиса Коллинза, Бог находится вне природы, а следовательно, «наука не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть Его существование» [7. С. 129]. Конкурируют скорее различные мировоззренческие установки, различные представления о «священном», различные метанарративы – теистический и натуралистический, религиозный и квази-религиозный [8. Р. 57].

Известный британский философ Джон Уиздом в своей статье «Боги» в середине XX столетия проиллюстрировал основное различие между натурализмом и теизмом с помощью притчи о Невидимом Садовнике:

«Два человека возвращаются в свой давно заброшенный сад и находят среди сорных трав несколько на удивление жизнеспособных старых растений. Один из них говорит другому: „Должно быть, приходил садовник и как-то ухаживал за ними“. Расспрашивая соседей, они обнаруживают, что нет свидетелей того, чтобы кто-то работал в их саду. Первый человек говорит другому: „Должно быть, он работал, пока люди спали“. Другой отвечает: „Нет, его бы кто-нибудь услышал и, кроме того, всякий, кто заботился о растениях, уничтожил бы эти сорняки“. Первый продолжает: „Посмотри, как они обработаны. В этом ощущается наличие цели и чувства прекрасного. Я полагаю, что некто приходит, некто невидимый для смертных глаз. Я полагаю, что, чем внимательнее мы будем искать, тем больше подтверждений этому мы найдем“» [9. Р. 191].

Поиски продолжаются, обнаруживаются то свидетельства заботы Садовника, то свидетельства ее отсутствия. В результате нахождение новых свидетельств перестает иметь какой-либо смысл. Гипотеза о Садовнике перестала быть экспериментальной (верифицируемой) [9. Р. 192]. Таким образом, разногласия между теми, кто считает этот мир садом, о котором заботится Невидимый Садовник, и теми, кто считает его пустыней, не основываются на фактах. И тот и другой имеют в своем распоряжении те же самые факты, но один прозревает за ними разумную заботу, а второй – нет. Эта ситуация схожа также с тем, как два человека смотрят на одно и то же произведение искусства, один находит его прекрасным, а другой – нет, хотя видят они одно и то же [9. Р. 195]. Никакое «фактологическое» свидетельство не способно ни открыть красоту второму, ни отнять ее ощущение у первого...

Как отмечал в своей работе «Атеизм» французский философ Александр Кожев, отличие между теистом и атеистом может быть сведено к наличию у первого и отсутствию у второго теистической интуиции, которая никак не связана с «доказательствами» [10. С. 165–166]. Теист может использовать доказательства, оперируя ими как «показательствами», направленными на

развитие теистической интуиции, но «живого смысла» для атеиста они иметь не будут [10. С. 166].

Притча о Садовнике была развита в знаменитом эссе британского философа Энтона Флю «Теология и фальсификация» (1950 г.). Если Уиздом использовал притчу для того, чтобы продемонстрировать отсутствие возможности верификации теистических убеждений, то Флю делает акцент на невозможности их фальсификации: Скептик и Верующий тщательно исследуют сад в поисках следов заботливого Садовника, однако Его следы не удается обнаружить никакими усилиями. При этом верующий продолжает настаивать на существовании Садовника – невидимого, не издающего звуков, бестелесного… «И, в конце концов, Скептик отчаивается: „Что остается от твоего исходного утверждения? Чем отличается тот, кого ты называешь невидимым, бестелесным, совершенно неуловимым Садовником от воображаемого садовника, да и вообще от утверждения, что Садовник не существует?“» [11. С. 25].

При всей емкости образа притча все же не отражает того глубокого драматизма, с которым сталкиваются утверждения Верующего и Скептика в реальной жизни. «Нам говорят, – продолжает Э. Флю, – что Бог любит нас, как отец любит своих детей. Нас заверяют в этом. Но затем мы видим ребенка, умирающего от неизлечимого рака горла. Земной отец ребенка сходит с ума от безрезультатных попыток спасти ребенка, но его Небесный отец не проявляет никаких явных признаков заботы о своем чаде» [11. С. 26]. При этом Верующий продолжает настаивать на Божественной любви, утверждая, что она непостижима и непохожа на любовь человеческую, но все же есть, безусловно есть, не может не быть… Да что вообще должно случиться, – спрашивает Флю, – чтобы Верующий пришел к выводу, что Бог не любит людей, что Он не существует? «Что может случиться или что должно случиться, что станет опровержением Божьей любви или самого существования Бога?» [11. С. 26].

Очевидно, что никакой реальный и ужасный в своей реальности факт не может переубедить Верующего – ни болезнь ребенка, ни природные катастрофы, ни Освенцим [12. С. 105]. Его убеждения, следовательно, не верифицируемы и не фальсифицируемы. Однако не в меньшей степени не верифицируемы и не фальсифицируемы и убеждения Скептика. Что именно должно случиться (т.е. какой именно эмпирический факт должен быть зафиксирован), чтобы Скептик убедился в наличии Садовника? При отсутствии того, что Александр Кожев называет теистической интуицией, а Алвин Плантинга чувством божественного (*sensus divinitatis*) [13. С. 479], любой эмпирический факт может быть истолкован атеистическим способом. Даже если этот факт является воплощенным Сыном Божиим, атеист увидит в Нем только мечтательного или злонамеренного человека.

При всей серьезности вопроса о возможности верификации и фальсификации теистических убеждений притча о Невидимом Садовнике содержит в себе еще один значимый элемент, на который в дискуссиях такого рода не принято обращать внимание. Дело в том, что помимо сада и Невидимого (или воображаемого) Садовника в притче задействованы Верующий и Скептик, занимающиеся активным исследованием сада. Их попытка обнаружить эмпирические доводы «за» или «против» существования Садовника по сформулированным выше причинам не может увенчаться успехом. Однако сами они

тоже находятся в саду! Как они там оказались? Не является ли их интеллектуальная работа сама по себе свидетельством заботы Невидимого Садовника о благополучии сада? Заботы, которую сами они еще не распознали, занимаясь теологическими дебатами, в то время как, возможно, они оказались в саду, чтобы способствовать его процветанию?

Аргумент «от законов природы» или «от успеха науки»

Среди множества современных попыток преодоления распространенного стереотипа о несовместимости науки и религии концепция выдающегося британского философа Ричарда Суинбёра отличается установкой, согласно которой наука и религия не только не противоречат друг другу, но само существование науки и ее успешное развитие в течение последних сотен лет убедительно свидетельствуют в пользу бытия разумного Создателя мира. Сам Суинбёрн называет свой аргумент «аргументом от простых законов природы» и формулирует его следующим образом:

«Если мы привержены стратегии научного объяснения, то хотя мы при этом и можем объяснить законы низшего уровня законами более высокого уровня, но у нас нет никакого объяснения, почему природа подчиняется этим наиболее фундаментальным законам. Однако такое подчинение выражается попросту в том, что все, что ни есть во Вселенной, ведет себя в точности одинаковым образом. Такое всеобъемлющее единобразие в качестве всеобщего непосредственного факта в высшей степени априори невероятно. Таким образом, простые законы природы, будучи весьма вероятными в случае, если Бог есть, оказываются очень мало вероятными в противоположном случае. Так что само их наличие и действие – надежное свидетельство в пользу бытия Бога» [14. С. 94].

Иными словами, наличие универсальных, простых и единообразных законов природы делает возможным успешное познание данных законов разумными существами. Такая корреляция между «простыми» законами природы и познавательными усилиями человека вероятна только в том случае, если мир сотворен Богом в расчете на то, что в нем появятся, адаптируются и будут успешно проявлять свои познавательные способности разумные и свободные существа.

Если бы фундаментальные законы природы не обладали регулярностью и единообразием и как следствие предсказуемостью, приспособление к ним разумных существ было бы попросту невозможным: «В нашем мире существуют регулярности в поведении объектов среднего размера, которые не трудно установить и использовать... Эти регулярности наблюдаются постоянно и устанавливаются с высокой степенью точности. Тяжелые объекты падают на землю; люди и другие наземные животные нуждаются в жизни в воздухе; семена, посаженные в почву и получающие воду, вырастают в растения; хлеб питает людей, а трава – нет...» [15. С. 51]. Все эти регулярности имеют определяющее значение для выживания людей и животных и, кроме того, выступают основанием для убежденности разумных существ в возможности адекватного познания реальности. Указанная убежденность способствует, в свою очередь, становлению и развитию научного знания.

Таким образом, вопреки распространенному представлению о том, что теистическая гипотеза «цепляется» за неисследованные наукой области, что-

бы утвердить свою необходимость в современном мире¹, Р. Суинбёрн настаивает на том, что само развитие науки может быть рассмотрено в качестве довода, обосновывающего теистическую гипотезу. «Обратите внимание, – пишет Р. Суинбёрн, – что я не постулирую существование „Бога зазоров“, Бога, призванного объяснить то, что наука еще не объяснила. Я постулирую бытие Бога для объяснения того, что объясняет наука. Я не отрицаю объяснений науки, я постулирую бытие Бога для объяснения того, почему наука в состоянии предлагать объяснения. Сам успех науки в демонстрации того, насколько глубинно упорядочен естественный мир, дает весомые основания считать, что у самого этого порядка есть еще более фундаментальная причина» [15. С. 64].

Итак, успех современного естествознания, с точки зрения Р. Суинбёрна, свидетельствует о наличии корреляции между универсальными законами природы и познавательной деятельностью человека. Эта корреляция является вероятной только в том случае, если существует разумный и всеблагой Творец мира. Соображения относительно того, что законы природы (структура Вселенной) являются результатом ее самоорганизации, а человек лишь приспосабливается к тому порядку, который появился естественным образом, с точки зрения философа, не являются убедительными. Дело в том, что сторонники идеи самоорганизации могут продемонстрировать то, что сознательные и тем более разумные существа способны успешно приспособиться к существующим законам природы, успешное приспособление к которым свойственно сознательным и разумным существам.

Почему существуют именно такие законы природы? С точки зрения натуралиста ответом на этот вопрос будет служить научное описание процесса становления структуры Вселенной. Но с точки зрения теиста натуралистическое описание в лучшем случае предлагает ответ на вопрос «как» – как сформировалась наблюдаемая структура Вселенной, но ничего не говорит о том, «почему» существуют именно такие закономерности, которые способствовали именно такому способу формирования. Только теистическая гипотеза, с точки зрения Р. Суинбёрна, дает ясный ответ на вопрос «почему?», сохраняя при этом ценность и важность научных ответов на вопрос «как?».

«Почему?» – потому что Бог создал мир, зная (или рассчитывая на то), что в нем зародится сознательная жизнь, а затем и существа, обладающие разумом и свободой. «Итак, – заключает Р. Суинбёрн, – у людей есть значительные возможности для приобретения истинных и глубоких верований относительно мира. У нас есть также значительные возможности не только для многообразного и сложного оформления своей среды, но и для формирования самих себя. Ведь мы в состоянии делать очень разнообразный по своему характеру выбор между добром и злом, а наш выбор оказывает очень ощущимое воздействие на мир. У щедрого Бога есть основание для создания таких существ, как люди» [15. С. 83].

¹ «Наука все чаще отвечает на вопросы, которые раньше были прерогативой религии. Религия, собственно, была первой попыткой ответить на вопросы, которые интересуют всех нас: почему мы здесь, откуда мы взялись? В давние времена ответ был почти всегда одинаковым: все создали боги... В наши дни наука предлагает более ясные и убедительные ответы, но многие по старинке держатся за религию, потому что им так комфортнее и потому что они не доверяют науке или не понимают ее» [3. С. 24].

Таким образом, теистическая гипотеза оказывается тесно связанной с теистической антропологией, т.е. представлением о том, что существование человека представляет собой исключительную ценность. Будучи образом и подобием Божиим, именно человек является «венцом творения», «собеседником» и «другом» Бога, «хозяином» мира, призванным обустраивать Вселенную и способствовать ее процветанию. Такое представление о человеке является, в свою очередь, предметом критики со стороны атеистов и натуралистов, нередко перерастающей в настоящую иронию, блестящим примером которой является одно из эссе Бертрана Рассела под названием «Кошмар богослова». В этом эссе повествуется о сне «знаменитого богослова» Таддеуса, в котором тот, попадая на небеса, обнаруживает, что Бог никогда не слышал о таких существах, как люди [16. С. 308–311].

Однако в этой связке «законы природы – познающий человек – Творец», на которой базируется аргумент «от простых законов природы», критике может быть подвержено не только представление об особенном статусе человека во Вселенной и исключительном значении его познавательных способностей. Сами «законы природы» представляют собой довольно спорный концепт, допускающий неоднозначные философские трактовки.

Реализм и антиреализм в трактовке «законов природы»

Как отмечал знаменитый британский математик и философ Альфред Норт Уайтхед в своей работе «Приключения идей», можно выделить четыре основных учения о законах природы: «учение об имманентности законов природы, учение о законах природы, регулирующих извне поведение предметов природы, учение о законах природы как о наблюдаемом порядке следования явлений (т.е. законы понимаются как простое описание) и, наконец, последнее учение – о законах как о конвенциональной интерпретации» [17. С. 154].

Из этих четырех учений только первые два можно назвать реализмом в том смысле, что законы природы рассматриваются в них как то, что действительно существует в самой природе (внутренне ей присуще или внешним образом ей сообщено). Два же других учения делают акцент на познавательных способностях человека, скорее приписывающих (на тех или иных основаниях, конечно) закономерности природе, чем обнаруживающих их в ней.

Вообще попытка проинтерпретировать познание природы как поиск незыблемых законов ее существования, с точки зрения А.Н. Уайтхеда, имеет метафизические, а точнее, схоластические источники. «Схоласти, – пишет Уайтхед, – верили в метафизическую диалектику, которая давала им точное знание природы вещей, включая сюда физический мир, структуральный мир и бытие Бога. Отсюда они дедуцировали различные законы природы, как имманентные, так и установленные извне» [17. С. 160]. Совершенно очевидно, с точки зрения Уайтхеда, что «живая наука» не может базироваться на дедукции такого рода, поскольку ставит на первое место наблюдаемые факты и их последовательность. И лишь затем, обобщая факты, ученый формулирует (не обнаруживает) законы природы.

Иными словами, законы природы существуют там, где существует мыслящий человек, и в этом смысле нет никакой возможности рассуждать о корреляции природных законов, с одной стороны, и познавательных способностей человека – с другой. Неудивительно в такой перспективе, что «законы

природы» соответствуют познавательным способностям человека, ведь именно ими эти законы и порождаются.

Как отмечал знаменитый немецкий физик Вернер Гейзенберг, современный ученый проникает в такие области природы, которые уже недоступны непосредственно чувственному наблюдению, и это делает еще более очевидным то обстоятельство, что ученый работает скорее не с природой самой по себе, а с нашим вопрошанием о ней: «в естествознании предметом исследования является уже не природа сама по себе, а природа, поскольку она подлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречает самого себя» [18. С. 301].

Эта «встреча с самим собой» может располагать «метафорой» законов природы, если она уместна и полезна [19. Р. 201], но может и отказаться от нее, если обнаружится, что ее использование более не целесообразно.

Конечно, антиреализм в трактовке законов природы не является единственной перспективой при рассмотрении аргумента «от простых законов природы», но, безусловно, доводы антиреалистов делают необходимым прояснение данного аргумента в плане уточнения используемой при его формулировке трактовки законов природы. В своей статье «Аргумент от законов природы: новое осмысление» Р. Суинбёрн осуществляет проработку своего аргумента в этом отношении.

Р. Суинбёрн, как и А.Н. Уайтхед, настаивает на том, что сама концепция «законов природы» изначально зародилась в недрах религиозного мировоззрения и сохраняет в себе тесную с ним связь, что делает натуралистическое использование данной концепции в высшей степени затруднительным. ««Законы природы», – пишет Р. Суинбёрн, – изначально мыслились как законы, установленные Богом для природного мира, и, таким образом, их исток и „малая родина“ – это теистическое миросозерцание» [14. С. 103].

Но не только обращение к истокам концепции «законов природы» вынуждает исследователя отказаться от «метафорической», «антиреалистической» трактовки данной концепции. Достижения современной науки, свидетельствующие об единобразном и, соответственно, предсказуемом поведении природных объектов, не дают никаких оснований для отказа от реалистической трактовки законов природы. Если бы познание занималось только абстрагированием от наблюдаемых фактов и конструированием теоретических закономерностей без возможности установления адекватной связи с объективной реальностью, прогресс науки, а также тесно с ним связанный прогресс условий существования человека были бы попросту невозможны. «Вся Вселенная. – пишет Р. Суинбёрн, – в целом управляетя одними и теми же законами – это хорошо обоснованное обобщение опыта изучения пространственно-временной области, доступной нашим телескопам, области, гигантски пре-восходящей размеры той, где мы ближайшим образом обитаем» [14. С. 94]. Единообразие законов природы, таким образом, рассматривается Р. Суинбёрном в качестве очевидного и неоспоримого вывода из целокупного научного опыта наблюдения за природой и ее исследования.

Однако при этом само значение данного концепта должно быть уточнено. Р. Суинбёрн обращается к анализу значимых, на его взгляд, трактовок законов природы для того, чтобы, обозначив их недостатки, остановиться на той, которая представляется ему наиболее адекватной.

Первую концепцию Р. Суинбёрн условно называет концепцией «регулярности» и возводит к философии Д. Юма. Данная концепция исходит из того, что законы природы означают «попросту то, как ведут себя вещи – вели, ведут и будут вести» [14. С. 94]. И, хотя такая трактовка законов природы рассматривает их как наблюдаемый факт (в той мере, в какой можно наблюдать регулярное поведение природных объектов, например, расширение куска меди при нагревании), она не способна обосновать предсказуемость в поведении объектов, в то время как научное знание предполагает наличие такой предсказуемости. В рамках данной концепции сбывающиеся предсказания «от прошлого опыта» должны рассматриваться как чистая случайность [14. С. 97]. Однако частота сбывающихся предсказаний в сфере научных исследований демонстрирует скорее необходимость, чем случайность успеха научного прогнозирования.

Вторая концепция рассматривает законы природы как существенный аспект мира, несводимый к простой последовательности событий. В рамках данной трактовки законы природы понимаются как свойство «физической необходимости, которая является составной частью мира. Эта физическая необходимость может мыслиться как отдельно от объектов, которыми она управляет, так и в качестве конститутивных аспектов самих этих объектов» [14. С. 97]. В заданной таким образом перспективе разговор о законах природы трансформируется в разговор об универсалиях, существующих либо отдельно от объектов (как платонические идеи), либо в них самих (как аристотелевские формы). Проявляясь в наблюдаемых объектах, универсалии все же не могут быть к ним вполне сведены, из чего вырастает вопрос о соотношении универсальных связей (связей между универсалиями, законов природы) и самих вещей. Что это соотношение собой представляет? Почему вообще существуют универсалии и оказывают определяющее воздействие на поведение физических объектов?

Ответ на эти вопросы возможен, по убеждению Р. Суинбёрна, только благодаря привлечению теистической гипотезы, которая делает осмыслинным и существование универсалий, и их влияние на физические объекты. Тот же эвристический потенциал Р. Суинбёрн усматривает и в привлечении теистической гипотезы для разъяснения трудностей, возникающих в рамках концепции «регулярности», которые были описаны выше. Успешность научных прогнозов объясняется только с привлечением Бога как источника наблюдаемой регулярности в поведении природных объектов.

Оптимальным же вариантом Р. Суинбёрн считает концепцию, согласно которой законы природы представляют собой физическую необходимость, являющуюся конститутивным аспектом природных объектов. Эта физическая необходимость не «прилагается» к объектам извне, а внутренним образом конституирует их по принципу «субстанции–способности–склонности» (substances–powers–liabilities) [14. С. 102]. Иными словами, определенные физические объекты должны рассматриваться как субстанции, обладающие некоторыми способностями вызывать эффекты, а также склонностями проявлять данные способности в определенных условиях. «Законы природы, – пишет Р. Суинбёрн, – тогда суть всего лишь (логически) случайные регулярности – но регулярности не просто в пространственно-временной последовательности (как у Юма), а в каузальной последовательности, регулярности в действии каузаль-

ных способностей (проявленных или непроявленных) субстанций всякого рода. Расширение меди при нагревании является законом только в том смысле, что всякий кусок меди обладает каузальной способностью к расширению и склонностью обнаруживать эту способность при нагревании» [14. С. 102]. Однаковые способности и склонности делают возможным группирование субстанций по типам. Формирование же единой научной «теории всего» будет строиться через объяснение макроскопических субстанций с их способностями и склонностями посредством изучения составляющих их микроскопических субстанций с их способностями и склонностями. «Такое представление о последних детерминантах всего происходящего как о простых субстанциях и их каузальных способностях и склонностях предоставляет объяснение происходящего в мире, причем в привычных для нас терминах» [14. С. 102–103].

Концепция «субстанции–способности–склонности» является, с точки зрения Р. Суинбёрна, разумным компромиссом между концепцией «регулярности», сводящей законы природы к случайному поведению объектов, и концепцией «универсалий», настаивающей на незыблемой необходимости законов природы, сообщающих объектам «правила» их поведения.

Как можно заметить, все концепции законов природы, которые рассматривает Р. Суинбёрн, являются реалистическими. Хотя в них по-разному трактуется природа законов, все они обретают смысл только в теистической перспективе. Только Бог может обеспечить предсказуемость поведения объектов в контексте концепции «регулярности», только Бог может рассматриваться источником существования универсалий и их влияния на поведение объектов в контексте теории «универсалий» и только Бог в конечном итоге может сообщать субстанциям те способности и склонности, которые регулируют производимые ими эффекты в контексте теории «субстанции–способности–склонности».

Таким образом, в каком бы смысле ни трактовались законы природы, если они рассматриваются как то, что присуще природе самой по себе, их «действенное проявление» в окружающем мире должно быть рассмотрено как «веское свидетельство (одно из звеньев цепи кумулятивной аргументации) в пользу бытия Божия» [14. С. 109].

Заключение

Итак, пора вернуться в заброшенный сад. Верующий и Скептик продолжают свои теологические дебаты, учитывая при этом не только растения в саду, но и свое собственное присутствие в нем, свою собственную исследовательскую активность.

Верующий указывает на то, что сама возможность находиться в саду, ориентироваться в нем, осуществлять исследовательскую активность и, более того, испытывать надежду на окончательное понимание происходящих в саду процессов (построение «теории всего») свидетельствует о том, что заботливый Садовник способствует его процветанию таким «простым», но при этом «изящным», «замысловатым» образом.

Скептик же, напротив, утверждает, что не существует никакого совпадения между устройством сада и интеллектуальной активностью его исследователей. Процессы, составляющие собой жизнь сада, «сложны, случайны и необратимы», что не оставляет никакой надежды на обнаружение «прямой связи» между

«описанием мира и самим миром» [20. С. 54], а следовательно, не обнаруживает оснований для признания бытия разумного Садовника, якобы продумавшего заранее возможность такой «прямой связи». Законы природы, – продолжает Скептик, – не обнаруживаются, а порождаются нашей интеллектуальной активностью, «порождаются нашей психологической потребностью найтись среди явлений природы, не стоять перед ними чуждо и смущенно» [21. С. 429]. Мы должны признать поэтому, что законы природы «суть ограничения, которые мы предписываем нашим ожиданиям по указаниям опыта» [21. С. 425].

Возможно, эти непримиримые разногласия однажды поспособствуют тому, что Верующий и Скептик отвлекутся от дебатов, осознав свою собственную ответственность за состояние того сада, в котором они оказались. В конце концов, независимо от того, является ли сад результатом самоорганизации Слепого Часовщика или продуктом творческой активности Невидимого Садовника, он нуждается в заботе человека. Так будем же «заботиться о нашем счастье, пойдемте возделывать свой сад» [22. С. 355].

Список источников

1. Деннет Д. Опасная идея Дарвина : Эволюция и смысл жизни. М. : НЛО, 1995.
2. Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. М. : Мир, 1979.
3. Хокинг С.У. Краткие ответы на большие вопросы. М. : Эксмо, 2018.
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М. : Corpus ACT, 1989.
5. Марков А., Наймарк Е. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий. М. : ACT : Corpus, 2014.
6. Докинз Р. Слепой часовщик. Как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной. М. : ACT : Corpus, 2019.
7. Коллинз Ф. Доказательство Бога : Аргументы ученого. М. : Альпина нон-фикшн, 2008.
8. Dennett D.C., Plantinga A. Science and Religion: are they compatible? Oxford : Oxford University Press, 2011.
9. Wisdom J. Gods // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. Vol. 45 (1944–1945), Р. 185–206.
10. Кожев А. Атеизм и другие работы. М. : Практис, 2006.
11. Флю Э. Теология и фальсификация // Вопросы философии. 2016. № 4. С. 25–26.
12. Жижек С. Монструозность Христа. М. : РИПОЛ классик, 2020.
13. Аналитический теист: антология Алвина Плантинги. М. : Языки славянской культуры, 2014.
14. Суинбёрн Р. Аргумент от законов природы: новое осмысление. Философия религии : альманах 2008–2009. М. : Языки славянских культур, 2010.
15. Суинберн Р. Есть ли Бог? М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
16. Рассел Б. Почему я не христианин. М. : Политиздат, 1987.
17. Уайтхед А.Н. Приключения идей. М. : ИФРАН, 2009.
18. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М. : Прогресс, 1987.
19. Mumford S. Laws in Nature. New York : Routledge, 2004.
20. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М. : УРСС, 2003.
21. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003.
22. Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 2.

References

1. Dennett, D. (1995) *Opasnaya ideya Darvina: Evolyutsiya i smysl zhizni* [Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meaning of Life]. Translated from English. Moscow: NLO.
2. Devis, P. (1979) *Prostranstvo i vremya v sovremennoy kartine Vselennoy* [Space and Time in the Modern Universe]. Translated from English. Moscow: Mir.
3. Hawking, S.W. (2018) *Kratkie otvety na bol'shie voprosy* [Brief answers to big questions]. Translated from English. Moscow: Eksmo.

4. Dawkins, R. (1989) *Egoistichnyy gen* [The Selfish Gene]. Translated from English. Moscow: Corpus AST.
5. Markov, A. & Naimark, E. (2014) *Evolyutsiya. Klassicheskie idei v svete novykh otkrytiy* [Evolution. Classical Ideas in the Light of New Discoveries]. Translated from English. Moscow: AST: Corpus.
6. Dawkins, R. (2019) *Slepoy chasovshchik. Kak evolyutsiya dokazyvaet otsutstvie zamysla vo Vselennoy* [The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe without Design]. Translated from English. Moscow: AST: Corpus.
7. Collins, F. (2008) *Dokazatel'stvo Boga: Argumenty uchenogo* [Proof of God: The Arguments of a Scientist]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn.
8. Dennett, D. C. & Plantinga, A. (2011) *Science and Religion: Are they Compatible?* Oxford: Oxford University Press.
9. Wisdom, J. (1944–1945) Gods. *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 45. pp. 185–206.
10. Kozhev, A. (2006) *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and Other Works]. Moscow: Praksis.
11. Flew, E. (2016) *Teologiya i fal'sifikatsiya* [Theology & Falsification]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 25–26.
12. Žižek, S. (2020) *Monstruoznost' Khrista* [The Monstrosity of Christ: Paradox or Dialectic?]. Moscow: RIPOL klassik.
13. Plantinga, A. (2014) *Analiticheskiy teist: antologiya Alvina Plantingi* [Analytical Theist: An Anthology of Alvin Plantinga]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Swinburne, R. (2010) Argument ot zakonov prirody: novoe osmyslenie [The argument from laws of nature reassessed]. In: Shokhin, V.K. (ed.) *Filosofiya religii: al'manakh 2008–2009* [Philosophy of Religion: Almanac 2008–2009]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
15. Swinburne, R. (2006) *Est' li Bog?* [Is There a God?]. Translated from English. Moscow: St. Apostle Andrew Biblical and Theological Institute.
16. Russel, B. (1987) *Pochemu ya ne khristianin* [Why I Am Not a Christian]. Translated from English. Moscow: Politizdat. (In Russian).
17. Whitehead, A.N. (2009) *Priklyucheniya idey* [Adventures of Ideas]. Translated from English. Moscow: RAS.
18. Heisenberg, W. (1987) *Shagi za horizont* [Steps Beyond the Horizon]. Translated from English. Moscow: Progress.
19. Mumford, S. (2004) *Laws in Nature*. New York: Routledge.
20. Prigogine, I. & Stengers, I. (2003) *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]. Translated from English. Moscow: URSS.
21. Mach, E. (2003) *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psichologii issledovaniya* [Knowledge and Delusion. Essays on the Psychology of Research]. Translated from German. Moscow: BINOM. Laboratoriya znanii.
22. Kant, I. (1964) *Sochineniya v shesti tomakh* [Writings in six volumes]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.

Сведения об авторе:

Хитрук Е.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Хитрук Е.Б. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 06.07.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/76/8

ПРОКЛ И КУКАЙ: ГОТИЧЕСКАЯ КРАСОТА И ЭПОХА ХЭЙАН В ЯПОНИИ

Эмиль Александров

Университет Нотр-Дам, Фримантл, Австралия,
emile.alexandrov1@my.nd.edu.au, emile931@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется историческое воздействие философий Прокла и Кукая на соответствующие традиции. Показывается, что эти философы предлагают сходное космологическое понимание красоты, которое значительно повлияло на эстетическое развитие Средневековья и периода Хейан в Японии. Через изучение культурного влияния Прокла и Кукая наше исследование показывает, что оба они видели все проявления красоты как космическую проекцию (исходящую из Единого и Дхармакаи соответственно), которая превосходит индивида и его способности. В итоге наше исследование показывает, что как Прокл, так и Кукай считали свои сочинения транс-субъективным выражением красоты космического порядка.

Ключевые слова: красота, Прокл, Кукай, готика, Хейан, Денис, Сюже, Сингон, Единое, Базилика Сен-Дени, неоплатонизм, буддизм

Для цитирования: Alexandrov E. Proclus and Kūkai: Beauty of the Gothic and Heian Japan // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 67–81. doi: 10.17223/1998863X/76/8

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

PROCLUS AND KŪKAI: BEAUTY OF THE GOTHIC AND HEIAN JAPAN

Emile Alexandrov

University of Notre Dame Australia, Fremantle, Australia,
emile.alexandrov1@my.nd.edu.au, emile931@gmail.com

Abstract. This paper explores the historical impact of the philosophies of Proclus and Kūkai on their corresponding traditions. I show that both figures present a congenial cosmological account of beauty that significantly influenced the aesthetic developments of the Middle Ages and Heian Japan. Proclus associated Beauty with a penultimate description of the One: Beauty is the highest depiction attributable to the One, although Proclus admits that it remains inadequate. For Proclus, Beauty also serves as the ubiquitous emanating principle of

the cosmos. As such, Beauty is omnipresent in all grades of reality, an account later appropriated by Pseudo-Dionysius the Areopagite. The Areopagite rendered this Proclean scheme in a Christian format that ultimately contributed to the emergence and development of the Gothic. As this study shows, the French Abbot Suger, tasked with rebuilding the Basilica of St. Denys, was moved by expressions of beauty found in the *Corpus Dionysiacum*. Suger thence rendered key features of Dionysius' appropriation of Proclean cosmology into the Gothic architectural design of the Basilica. A similar historical trajectory is observed in Kūkai, who saw nature's alluring beauty as the natural expression of the Dharmakāya, inspiring the development of his Shingon school. Hence, in Kūkai's account, the Heian establishment's overemphasis on nature's beauty exhibits the Dharmakāya's unravelling of its cosmic text. Kūkai thus sought to interpret the Dharmakāya's text in harmony with the society of his time. By introducing his writing and literary craft theory, Kūkai saw Dharmakāya's expression expressing itself through him. Like Proclus' progenies reimagining his Neoplatonic emanation of Beauty in the architectural design of the Gothic Basilica, Kūkai's Shingon school supplanted an aesthetical imperative into the foundation of Esoteric Buddhism of Heian Japan. Much of Heian society's architecture, poetry, and literature were directly influenced by the teachings of Kūkai's Shingon school. As scholars regularly attest, Kūkai's Shingon school constructed an elaborate conglomeration of rituals and practices while focusing on beauty. By observing Proclus' and Kūkai's cultural impact, I argue that both understood all manifestations of beauty to be of a cosmic projection transcending the individual – grounded in the One and Dharmakāya, respectively. In sum, this study shows that both Proclus and Kūkai determined their writings to be a trans-subjective and beautiful expression of the cosmic order.

Keywords: Beauty, Proclus, Kūkai, Gothic, Heian, Denys, Suger, Shingon, One, Basilica of St. Denys

For citation: Alexandrov, E. (2023) Proclus and Kūkai: Beauty of the Gothic and Heian Japan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 67–81. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/8

Introduction

Despite inhabiting different epochs and cultures that likely had little to no interaction until at least the high Middle Ages, it is striking that Proclus and Kūkai held a consonant understanding of the nature of beauty. Proclus' conception of Beauty is indebted to the Greek tradition going back to Plato and the Pythagoreans, while Kūkai's account is primarily based on Buddhist scripture imported from Tang China. Both figures were immensely influential in the subsequent development of their respective cultures. In Proclus, I will focus on the adoption of his cosmology by Pseudo-Dionysius, who later influenced the French Abbot Suger's rebuilding of the Basilica of Saint-Denis in Paris. Proclus' cosmology of Beauty was incorporated into the design of the Basilica, ultimately inaugurating what is now known as Gothic architecture. Kūkai's impact on Heian Japan was also primarily based on his writings, appreciated for their beautiful composition and rich aesthetic symbolism. While Heian society was renowned for its emphasis on beauty in architecture, poetry and the like, Kūkai's aesthetic writings were unprecedented, especially in developing Esoteric Buddhism. After observing Proclus' and Kūkai's influence on their cultures, the paper shows that both understood all manifestations of beauty to be of a trans-subjective power, namely, the One and Dharmakāya, respectively. Both understood their contributions to be a part of the natural ordering of the universe, a central cosmological postulate vital to their thinking. Despite conceding that no description in language can encapsulate the One, Proclus nonetheless associated Beauty with the One. Beauty naturally emanates throughout the cosmos whilst naturally drawing all beings back towards

itself. In Kūkai's case, the beauty of the world reflects the expression of the Dharmakāya, and so all Buddhist practices must seek resonance with the Dharmakāya, which Kūkai saw mirrored in nature. Thus, Kūkai designed his Shingon practices with this understanding of beauty. In sum, this paper shows that Proclus and Kūkai viewed the human being's appreciation of beauty as demonstrative of the trans-subjective design of the cosmos.

Proclus' Cosmology of Beauty

Of the four thinkers known as Neoplatonists or Late Platonists, Proclus presented the most systematic philosophy of his predecessors, Plotinus, Porphyry, and Iamblichus¹. The topic of Beauty is no exception in Proclus' voluminous extant works and commentaries². Unlike Plotinus' cosmological ambiguity regarding Beauty's role as the drawing power of One/Good (from here on the One), Proclus further refined this cosmology. Additionally, any strict correlation of Beauty with the One as observed in Plotinus, i.e., the Good is “the ‘source and principle’ of Beauty” and “is the primary Beauty” [3] (*Enn.* 1 (1) §1.6.9: [40–45])³ – is resounded with more transparency in Proclus⁴. In his commentary on *Alcibiades I* (the standard introductory dialogue for the Neoplatonists), Proclus accepts the Platonic idea that Beauty is a force that “withdraws us” from beautiful appearances towards Beauty itself. While in this way Proclus can also claim that the “beautiful is the same as the good” [5] (*Alc. I Comm.* 16–17), he concludes that the drawing force of Beauty – whether through desire or love – is the *goodness of Beauty* itself. Therefore, it does not follow that assimilation with the One correlates with assimilation with Beauty, for it is improper to speak of the One at all since it is altogether beyond comprehension: “it secretly and ineffably [κρυφίως καὶ ὄπρήτος], prior to all orders, irradiates [ἐλλάμπει] everything with its own gift, and they partake of the good differently according to their own rank” (*Alc. I Comm.* 181–182). Effectively, Beauty represents the pinnacled description of the One, beyond which one must remain silent; as Proclus concluded in his *Parmenides* commentary, Plato's silence “brings to completion the study of the One” [6] (*Parm. Comm.* 76K)⁵. From here on, we see that Proclus' One matches Plotinus' own as the source and principle of Beauty, albeit concluding more decisively regarding the latter's placement.

So, speaking of Beauty instead of the One is more appropriate from this basic cosmological outline. We gather that Beauty is the ultimate and the illimitable

¹ John Dillon and Lloyd Gerson recognise these four as the major figures of Neoplatonism [1. P. xiii]. In his *The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity*, Gerson chose to do away with the ‘pejorative label’ Neoplatonism in preference for Late Platonism [2. P. 3].

² In keeping with the primary sources, I only capitalise Beauty when discussing Plotinus, Proclus and Pseudo-Dionysius.

³ For all Greek references from Plotinus, Proclus and Pseudo-Dionysius, I will follow the standard academic citation format and leave the citations in the main body of the paper. In Plotinus, I list the *Ennead*, followed by the treatise number, chapter and paragraph number, and then the line number. For Proclus, except for the *Parmenides Commentary* where I only name the page number, I quote the page, chapter and then line number where applicable. For Pseudo-Dionysius, I name the work title and paragraph number in that order. All Pseudo-Dionysius' works are from the complete works edition cited.

⁴ Also see *Enn.* 6 (43) §6.2.18 and *Enn.* 6 (38) §6.7.32. Plotinus scholar Rist argued that Plotinus indeed correlates beauty with the One in his *Plotinus: The Road to Reality* in a chapter entitled “Beauty, The Beautiful, and The Good.” See [4. P. 53–65]. So it would not be problematic to argue that Plotinus and Proclus are in agreement, although we can say that Proclus is less ambiguous.

⁵ Also see [7] *Crat. Comm.* 67: [5–10].

radiating principle that permeates the cosmos. In Proclus' cosmology, all beings receive a degree of Beauty or, instead, are beautiful according to their rank. Therefore, for Proclus, the cosmos is inherently beautiful. In *The Elements of Theology*, Proclus underpins his comprehensive cosmology with two hundred and eleven propositions, of which, for our concerns, proposition fifteen is crucial: “*All that is capable of reverting upon itself is incorporeal*” [8] (*El. Th.* 15: [30]). Since Beauty is incorporeal and present to varying degrees according to a being’s rank – ‘peaking’ in the One, it follows that Beauty is the penultimate reversion principle. In other words, Beauty reverts upon itself from the lowest levels of the cosmos back towards itself; all the “Ideas are beautiful by partaking of Beauty” (*Parm. Comm.* 757). Proclus illustrates this in another vital passage that is worth citing in full:

Beauty shines out in bodies [ἐναστράπτει τοῖς σώμασι], and the Good is manifest through the perfection [ἀγαθὸν κατὰ τὸ τέλειον] that appears in every product of the forms when it has its natural completion. Hence in this triad the Good comes first, Beauty second, and Justice third (*Parm. Comm.* 810).

Besides Beauty’s role and position in his cosmology, Proclus shows that as long as Beauty is manifest, regardless of its seemingly utter perfection, it remains ‘after’ the ineffable One. In sum, if anything can be said about the One, it is that the One is ineffable in its perfect Beauty, although Proclus admits that it may not be “lawful to speak of it in this way” (*Alc. I Comm.* 181).

Proclean Beauty and the Emergence of the Gothic

As Proclus scholar Gersh observed, Proclus’ thought more generally proved immensely influential from the sixth to the seventeenth century [9. P. 1–27]. In particular, Proclus’ cosmology of Beauty significantly impacted the early Middle Ages. This includes the often-underappreciated influence on thinkers of the Islamic Golden Age. A prominent example of this is in the ninth-century Arabic adoption of thirty-two of the propositions of *The Elements of Theology* circulated as *The Book of the Pure Good* (كتاب الإيضاح لأرسطوطيليس في الخير المحسن) [10. P. 58]. The Arabic manuscript was later translated into Latin as *The Book of Causes* (*Liber de Causis*) [11. P. 4–7; 12. P. 77–78]. Perhaps the most prominent Islamic Neoplatonist, Al-Fārābī, owed much of his understanding of intellectual union with the primordial causes to this Arabic rendering of Proclus [13. P. 413]. These are brief and important markers for Proclus’ ideas as they percolated throughout the Middle Ages. In the case of Pseudo-Dionysius the Areopagite’s (from here on Denys) adoption of Proclean ideas, a significant impact on the aesthetics of the Middle Ages is observed. As Josef Stiglmayr and Hugo Koch in 1895 showed, the *Corpus Dionysiacum* is saturated with Proclean themes [14, 15]. Even earlier in 1842, August Friedrich Gfrörer suggested that Denys may have been a student or perhaps a Christian convert seeking to assimilate the Christian faith with Proclean philosophy [16. P. 569].

Proclus’ influence on Christian theology through Denys resulted in the latter serving as an essential precursor to the development of Gothic architecture. Gothic architecture emerged precisely during the rebuilding of the Basilica of Saint-Denis in Paris during the 12th century [17. P. 518]. As one scholar noted, the twelfth-

century French Abbot Suger (1081–1151), who was tasked with the rebuilding of the Basilica, drew upon Denys' writings to develop its Gothic style: “Its pointed arches, clusters of columns, and vaulted ceilings would sculpt light into an allegory of the divine ascent proclaimed by the Areopagite” [18. P. 65]. Jean Leclercq would add that Suger used Denys' ideas to project visually the “symbolism of light in the basilica he had built” [19. P. 27]. Denys' appropriation of Proclus' cosmological ordering, specifically, the varying degrees of Beauty that emanate from the One, is architecturally rendered in the Gothic Cathedral. Denys' description of the divine light that shines upon the corporeality of creation to varying degrees “provided a theological rationale and inspiration for the aesthetic impulses animating such early patrons of gothic architecture” [17. P. 519]. Furthermore, the “Dionysian influence on early gothic architecture is all the more significant because it was likely mediated to Suger by the writings and teachings of Hugh of Saint Victor, who produced one of the first medieval commentaries on the Dionysian text, *The Celestial Hierarchy* [17. P. 519]. In other words, Suger's outlook was very much shaped by Hugh and Eriugena, who commented on and translated Denys' work [20. P. 34].

While Denys adopted Proclus' emanationist scheme, he blended the latter's ideas with the theology of light per the Gospel of St. John. Thus, Denys' creation is an act of illumination, representing varying gradations of the divine light following Proclean cosmology. Gothic scholar Otto Von Simson claimed in his *The Gothic Cathedral*, “such influence is eminently likely, even on the mere basis of circumstantial evidence” [21. P. 54–57]. Whereas Simson highlighted Denys' emphasis on the divine light, Denys' writings betray at least an equal emphasis on Beauty. Further still, I am willing to argue that the *Corpus Dionysiacum* equates the divine light with Beauty. A prominent example is Denys' recital of a quasi-poetic prayer entitled ‘*What is the divine darkness?*’ at the start of *Mystical Theology*:

...beyond unknowing and light, up to the farthest, highest peak of mystic scripture, where the mysteries of God's Word lie simple, absolute and unchangeable in the brilliant darkness of a hidden silence [κρυφιομένου σιγῆς γνόφου]. Amid the deepest shadow [σκοτεινοτάτῳ] they pour overwhelming light [ύπερλάμποντα] on what is most manifest. Amid the wholly unsensed and unseen they completely fill our sightless minds with treasures beyond all Beauty [ύπερκάλων] (*Mys. Theo.* 997a–997b).

This idea of illuminating darkness is depictive of the Gothic form; as Simson explained, no inner space of the Gothic is to remain dark: “They seem to merge, vertically and horizontally, into a continuous sphere of light, a luminous foil behind all tactile forms of the architectural system” [21. P. 54–57]. Moreover, the gradual illumination of all inner chambers of the Gothic structure is an architectural rendition of Denys' description of illuminating the ‘deepest shadow.’¹

¹ The word *skoteinotátō* can also mean ‘deepest dark,’ which would be more consistent with Denys' earlier word choice *gnophos* (from the root word δόνοφος) for ‘darkness.’ Denys deliberately (and metaphorically for artistic and inspirational effect) refers to a brilliant darkness beyond light and any human comprehension. See [23. P. 288, 1274].

So by reimagining Proclus' relation between the One and Beauty, Denys advanced light concurrently with Beauty *qua* Good, or as one scholar argues, Denys equated Beauty itself with God [24. P. 128–129]. In the *Divine Names*, Denys explained that since the light emerges from the Good, “the Good is also praised by the name ‘Light,’ just as an archetype is revealed in its image.” (*Div. Na.* 697c). With this in mind, Denys saw it fit to pronounce:

The Beautiful is therefore the same as the Good [ἐστι τὰ γαθῷ τὸ καλόν], for everything looks to the Beautiful and the Good as the cause of being, and there is nothing in the world without a share [μετέχει] of the Beautiful and the Good (*Div. Nam.* 704b).

Thus, all beautiful things are a manifestation of God. The light that shines through the inner chambers of the Cathedral allows God’s divine Beauty to become visually present. The light unifies the whole; the Cathedral’s gradual illumination shows that all of God’s Beauty reaches all of creation: “light is conceived as the form that all things have in common, the simple that imparts unity to all” [21. P. 55]. The intention is also to rouse the religious sentiment in the perceiver, drawing one towards the Beauty of the light as it shines upon the beautiful inner chambers and crevices of the Cathedral. Even the darkest of corners is inevitably illuminated and beautified.

Therefore, it is not unfounded to claim that the Gothic is, at least in some measure, a ‘product’ of Denys’ writings or, perhaps more strongly, if I may: the Basilica of Saint-Denis in Paris is the architectural rendition of the *Corpus Dionysiacum*. While Denys is indebted to Proclus in corresponding Beauty with the Good, it is the latter that deployed a detailed cosmology to explain Beauty’s emergence in varying forms of art. For Proclus and like Kūkai, as we will soon see, the central point is that Beauty emerges in the world through symbols and preparatory stages for union with the divine. Great works of art, statues, architecture or poetry all contain a divine presence that draws us towards the One. To take the Proclean angle, the religious fervour in the Gothic Cathedral’s perceiver represents the natural drawing power of the cosmos. The emergence of the Gothic is the cultural and architectural expression of the cosmos’ Beauty.

Proclus’ Inspiration: Beyond the Subject

It is important to note that Proclus’s cosmology was not based on a subjectivistic metaphysics prone to Heidegger’s critique of the *subjectum* or *ἐποκείμενον* [25. P. 61–67]. As covered earlier, Proclus’ emanationism is a holistic cosmology transcending the subject. Proclus details this throughout his *Elements of Theology*, although proposition thirty-three explains that all that proceeds (πρόοδος), reverts (ἐπιστροφή) and remains (μονή) does so in a cyclic activity: “all things proceed in a circuit” (*El. Th.* 33: [11–15]). Therefore, the soul, the intellect and Beauty’s procession occur cyclically, aesthetically, historically, topologically and so on, since Proclus’ cosmos is a unified whole: “*Every effect remains in its cause, proceeds from it, and reverts upon it*” (*El. Th.* 35: [9–10]). For Proclus, the individual soul is but a minute reflection of the overall expression of the cosmic order and can only be understood as such. To determine the continuity of influence solely from Proclus to Denys onwards to Suger as a causal chain of events leading

to the inauguration of the Gothic movement overlooks the holistic nature of Proclus' cosmology. Beauty illuminates the world of matter to infinite complexity, influencing all spheres of the human (and non-human), be it social, cultural or ideological. All historical periods and their characteristics are not just a product of ideas from a particular philosophical lineage or idea akin to Blumenberg's "Darwinism in the realm of Words" [26. P. 159]. The emergence of the Gothic is instead a trans-subjective projection of the cosmos beginning with Beauty (after-the-One). Beauty's inspiring power remains central to Proclus' cosmology and crucial for understanding artworks, architecture, etc.

In inspiration, however, the soul models itself after beings of higher cosmological rank, i.e., gods and daemons, to allow for their reflection in the world of matter:

And as the art of “telestic [τελεστικὴ]” consecration through certain symbols and ineffable signs fashions [ἀπεικάζε] the statues which are in this way like the gods and makes these statues [ἀγάλματα] suitable for the reception [ύποδοχὴν] of divine illumination [θείον ἐλλάμψεον], so too by the same power of assimilation [ἀφομοιωτικὴν δύναμιν] the art of legislation institutes names as effigies of their objects, when it represents through echoes [ῥήχων] of this sort or that the nature of real beings; and having instituted them it handed them on to men for use (*Cra. Comm.* 19,1: [11–20]).

Divine illumination grants the perceiver a simultaneous reception *hypodochē* of the divine in beautiful art. In other words, Beauty emanates simultaneously with its drawing power for assimilation. Since all beings proceed in a cyclic activity, the projection of beautiful art fosters reversion in the inspired. In the context of Gothic architecture, the French Abbot Suger contributed to the Gothic by rebuilding the Basilica of Saint-Denis in Paris; the Gothic was cosmologically pre-existent in Proclus' cosmos. Beyond the artistic capacity of Suger, the Cathedral echoes *ēchōn* the Beauty of a higher order. Suger's soul nonetheless remains inextricably bound to Proclus' more grandeur cosmological order. It is for this reason that Proclus described the artisan as creating at the behest of the gods as “guardians and protectors,” albeit to the “forms at their own level and to the formulae which they possess of artificial things” (*Cra. Comm.* [22,1: 11–23,1: 1]). Thus, Gothic architecture reflects the higher Beauty in one historical period, namely, eleventh-century Paris. Moreover, following Proclus' cyclic activity, the perceivers of the Basilica are drawn back to Beauty.

As Van Den Berg explained, Proclus described two forms of divine presence: the visual arts, such as statues of the gods and literature, i.e., Plato's myths [27. P. 231]. These divine presences are a product of the first manifestation of the One that is Beauty; it is a “perceptible manifestation (if only to the soul's eye) of the One or the Good” that otherwise remains hidden in its perfection [27. P. 235]. Proclus is also explicit that Beauty is a power that produces beautiful things, whether the Beauty in words or phenomena, “and thus every primary cause produces all similars from itself” (*Pl. Theo.* 99). It is precisely this power of Beauty that gave rise to the construction of temples projected by beautiful architectural design: “Hence temples imitate the heavens, but altars the earth; statues resemble

life” (*Pl. Theo.* 27). Proclus then compared the temple to the soul of the human being; the illumination of a temple corresponds to the soul’s divine inspiration:

And as in the most holy of the mysteries [τελετῶν ἀγιωτάτωις], they say, that the mystics at first meet with the multiform, and many-shaped genera; which are hurled forth before the Gods, but on entering the interior parts of the temple, unmoved, and guarded by the mystic rites, they genuinely receive in their bosom divine illumination [Θείαν ἔλλαμψιν], and divested of their garments, as they would say, participate of a divine nature [Θείου μεταλαμβάνειν]; – the same mode, as it appears to me, takes place in the speculation of wholes [Θεωρίᾳ τῶν ὅλων] (*Pl. Theo.* 58).

The likening of the soul to a temple is reiterated throughout Proclus’ writings, which likely influenced Denys. This analogy is important for Proclus to describe Beauty’s manifestation in perceivable objects¹. The continued emanation of Beauty is allegorised as the illumination of the inner parts of the temple. In the soul’s inspiration, the temple is illuminated, thus allowing for participation *metalambein* in that which is divine. As Proclus admits to believing (*ton auton oimai*), it is through divine inspiration that one can contemplate the whole *theōriā ton holōn*.

Kūkai and the Heian Period

Kūkai (774–835) was likely the most important figure of early Esoteric Buddhism and the founder of the Shingon school during Japan’s Heian period. Kūkai lived through the end of the Nara period (710–794) and the beginning of the Heian period (794–1185), usually understood to be the transition from Ancient to Early Middle Ages Japan. In Japanese history, several features define the Heian period, such as the emergence of warrior culture, the inviolable code of love, the cherry blossoms’ symbolism and the Japanese script’s emergence [28. P. 3–66]. More importantly, the Nara period’s archaic religiosity remained, although it was subject to amelioration. It is from out of this cultural milieu that prioritised the beauty of art, poetry and literature that Kūkai emerged.² As one scholar of Japanese history explained, the artistic expression characteristic of the Japanese court at the former capital Heiankyō (Kyoto):

The preoccupation with Beauty, one of the most conspicuous aspects of the new culture, influenced attitudes toward nature, standards of judgment in the arts, appraisals of human worth, and norms of social

¹ This is not limited to objects. In his *Parmenides* commentary, Proclus described Plato “as the exact image of philosophy for the benefit of souls here below, in recompense for the statues, the temples, and the whole ritual of worship, and as the chief author of salvation for men who now live and for those to come hereafter” (*Par. Comm.* 618). Here, we see that Plato is not described as an individual but as an archetype of philosophy who emerged for the benefit of souls as repayment for the statues and altars constructed in the image of the divine.

² The other figure of the Heian period was Saichō (767–822), the founder of the Tendai school of Buddhism. Kūkai and Saichō were two of the most important figures in the early history of Japanese Buddhism and both received training in Tang Dynasty of China (618–907) during the early ninth century [29. P. 462–79].

behavior. It also powerfully affected almost every facet of ordinary life, both public and private, as may be seen from a survey of upper-class living accommodations, dress, and dietary customs [30. P. 462–79].

Preoccupation with beauty was the defining feature of the Heian period. Architecture designed in harmony with its setting, estates built with elaborate libraries, natural environments reimagined in the form of gardens, fishing pavilions and flowering plants were all demonstrative of the “happiest expressions of Heian sensitivity to visual beauty” [29. P. 462–479].

Amidst this cultural backdrop, Kūkai contributed to the development of Buddhism by introducing a unique theory of writing, literary craft, and text [30. P. 310]. Kūkai also merged Nara’s archaic religiosity with high Buddhist contemplation to produce Japan’s most comprehensive treatment of Buddhist thought before the modern era [31. P. 131–140]. Kūkai’s input was significant since the Heian court valued poetry’s depiction of the Japanese landscape’s natural beauty *in writing* and for heavenly affirmation of the Emperor’s rule. Essentially, the Heian court understood writing as a ‘political technology’ enabling the poet to capture and transform such natural beauty to reinforce the sovereign’s will [30. P. 306–307]. While accepting writing as a technology, especially its power to portray the beauty of nature, Kūkai saw that it was nature’s beauty, not human culture, that inspired the poetic writing¹. So, writing was not a tool of the state but “a sacred technology necessary for creating and maintaining cosmic order” [30. P. 309–310]. For Kūkai, the beauty of nature and its apprehension reflected the natural process of the Dharmakāya². In other words, the entire cosmos is ‘reality-embodiment’s teaching’ that tries to tell us something [31. P. 140]. Despite believing in the superiority of Shingon Buddhism, Kūkai, like Proclus, understood other traditions as already “written/woven” in the Dharmakāya’s cosmic text [30. P. 334]. The cultural movement of the Heian period and aesthetic appropriation of beauty is already ‘written’ into the natural cosmic order of which, like Suger *apropos* the Gothic, Kūkai is a mere part. As a result, Kūkai did not hold an anthropocentric view of culture, art, beauty and literature. On the contrary, Kūkai chastised those who advocated any subjectivism: “deranged men wrongly believe in the notion of a permanent ego and are firmly attached to it” [34. P. 158].

Kūkai’s cosmology coincides with Ryūichi Abé’s thesis in *The Weaving of Mantra: Kūkai and the Construction of Esoteric Buddhist Discourse*, the most comprehensive study of Kūkai in the English language. Abé makes the case that many of the elements of Shingon Buddhism had already been transmitted from China to Japan before Kūkai. Kūkai’s contributions centred on the transformation,

¹ Kūkai’s understanding of nature is strikingly similar to Proclus, although it would be beyond the scope of this paper to investigate in detail. To comment briefly, in Proclus’ view, nature does not exist separately from its existents despite reflecting the eternal Intellect. In resemblance of of Kūkai’s view of nature’s mirroring of the Dharmakāya, Proclus’ nature is participated and immanent; there is no such thing as a ‘primal nature’ [32. P. 48–49].

² While in traditional Hīnayāna Buddhism (small vehicle) Sakyamuni is the Buddha, in Mahāyāna Buddhism (great vehicle) there are limitless Buddhas that are divided into three types: Dharmakāya as the fundamental principle of the universe, the Buddha that is the manifestation of Sakyamuni, and the Saṃbhogakāya Buddha as the unity of the two [33. P. 308].

³ Kūkai made this point clear in his *Attaining Enlightenment In This Very Existence*: “Matter is no other than mind; mind, no other than matter. Without any obstruction, they are interrelated. The subject is the object; the object, the subject” [34. P. 229].

innovation and appropriation of an already extant body of knowledge. Therefore, by Kūkai's own account, we must understand the establishment of Shingon Buddhism in alliance with the Nara establishment as the self-expression of the Dharmakāya. Since all historical and cultural movements were bound to the Dharmakāya, Kūkai sought common ground with the establishment of the time despite advocating the superiority of his school. Kūkai could introduce his Esoteric Buddhism without undermining the Nara establishment, thereby eliminating friction with Heian society. Kūkai's experience differed from Saichō's, who, in introducing the Tendai School in early Heian society, was met with a hostile reception and inevitably suffered banishment by the Nara establishment [30. P. 11–12]. Kūkai would eventually command the highest post in the Office of Priestly Affairs and successfully replace Confucianism with Buddhism as the state's ideology. As Abé explained, “Kūkai had become one of the most prominent leaders of the early Heian Buddhist community and that he was exercising his influence in shaping the relationship between the state and Buddhism” [30. P. 11–12]. In another parallel worthy of note, like Denys' influence on the emergence of the Gothic traceable back to the Proclean emphasis on Beauty, Kūkai's aesthetic writings and Buddhist practices were a product of Heian society's focus on beauty traceable back to the Tempyō period (729–749) and especially Emperor Shōmu's reign (701–756, r. 724–749). For it was following Shōmu's enhancement of relations with China and the state institution of Buddhism, the importation of esoteric texts began [35. P. 662].

The Beauty of Nature in Kūkai's Shingon Practice

Kūkai understood all human affairs reflecting the Dharmakāya's order and consistently based Shingon practice on this fundamental principle. Like Proclus' determination of beautiful art composed under the guidance of a higher cosmological order, for Kūkai, the Dharmakāya inspired the poet, or rather, the Dharmakāya expresses itself through nature, which inspires the poet. In other words, “it is nature's taming of the mind, rather than culture's control over nature, that provides inspiration for his poetic compositions” [30. P. 309]. Nature, as it were, is a closer mirroring of the Dharmakāya than the tumultuous essence of human society. Hence, Kūkai constructed his Shingon practice to attune the adherent to Dharmakāya's resonance. Nature's beauty was vital here for Kūkai's cosmology. All Shingon rituals emblematised a “synaesthetic enterprise, a fact which contributed to Kūkai's success in the refined upper class society of his times” [36. P. 498]. As Huiguo (746–805) taught during Kūkai's tutelage in China, nature's beauty, along with all signs and sounds, *is* the Dharmakāya [30. P. 130]¹. This also explains why Kūkai regularly reclused into the mountains, often declaring that he had sworn to the Buddhas and bodhisattvas to remain undisturbed irrespective of social functions [30. P. 130]. Kūkai sought inspiration from the mountains, and on return from China, Kūkai consecrated the monastery at Mount Kōya as a commitment to the gods, which later became the centre of Shingon Buddhism [38. P. 121].

¹ Kūkai travelled to China during the Tang Dynasty in 804 for some thirty months and studied under Huiguo a prominent Buddhist monk of the Ximing Temple, resulting in the latter proclaiming Kūkai a Dharma heir and instructing him to transmit the esoteric doctrines to Japan [37. P. 78].

Kūkai was nonetheless adamant that despite nature's mirroring of the Dharmakāya, the latter remained hidden in its formlessness, beyond conceptualisation and verbalisation [34. P. 154]. So, to integrate with the Dharmakāya, Kūkai distinguished between Esoteric and Exoteric Buddhism. Exoteric Buddhism was practised by various Buddhist schools that were not “intended to advocate the final truth,” whereas Esoteric Buddhism was “preached by the Dharmakāya Buddha himself” [34. P. 154–157]. Since the Dharmakāya remains concealed, the esoteric should only be applied to “the secret teaching revealing the innermost experience of the ultimate Dharmakāya Buddha” [34. P. 157]. Kūkai elaborated upon the nature of the esoteric teachings in response to Emperor Junna’s edict in 830 that all Buddhist schools issue their doctrines in writing. Kūkai replied in what one scholar called his “most ambitious work” – *The Ten Stages of the Development of the Human Mind* and its sister version, *The Precious Key to the Secret Treasury* [33. P. 334–335]. In these works, Kūkai detailed the esoteric by distinguishing between the ten stages of development in the religious mind. The tenth and final stage of the development of the human mind, Kūkai called the “Glorious Mind, the Most Secret and Sacred,” is where all secret treasures are manifest: “It is the supreme Truth, the most secret and imperishable, like a diamond” [34. P. 217]¹. The esoteric teaching culminates in one’s realisation of their being a unity of body and mind grounded in the Dharmakāya; “all sentient beings are endowed with the all-pervading Mind” [34. P. 219]. Again, this realisation is closely associated with beauty. Hence, for Kūkai, practising aesthetic interpretations of the Dharmakāya through mantra and ritual is imperative; mantra theory must be intrinsically poetic or aesthetic in contrast to regular conceptual language. For Kūkai, poetic or aesthetic language can evoke responses that reorient our perspective of the world. Therefore, the mantras and rituals must produce aesthetic experiences [39. P. 532–536].

The Emergence of Shingon Buddhism

In keeping with Kūkai’s cosmology, we are to understand that Shingon Buddhism was a product of the Dharmakāya’s beauty itself, not Kūkai the subject. Kūkai’s own interpretation of the Dharmakāya is fundamentally trans-subjective. Aside from Kūkai’s position, we can understand the beauty of the Heian period based on several events of the Heian period. Firstly, much of the Buddhist culture and written tradition of the late Nara and early Heian period had set the stage for Kūkai’s work. Kūkai effectively appropriated and refined the resources that had already arrived in Japan before his time, much of which initially failed to capture the clergy’s attention. Understandably, Abé argues that it was distinguishing between Esoteric and Exoteric Buddhism that exhibits the weight of Kūkai’s influence during the Heian period, not his importation of Chinese scripture, rituals and icons [30. P. 6–10]. Secondly, Shingon Buddhism appealed to the

¹ The previous nine stages are as follows: The First Stage: The Mind of Lowly Man, Goatish in Its Desires, The Second Stage: The Mind That Is Ignorant and Childlike, Yet Abstemious, The Third Stage: The Mind That Is Infantlike and Fearless, the Fourth Stage: The Mind That Recognizes the Existence of Psychophysical Constituents Only, Not That of a Permanent Ego, The Fifth Stage: The Mind Freed from the Seed of the Cause of Karma, The Sixth Stage: The Mahayana Mind with Sympathetic Concern for Others, The Seventh Stage: The Mind That Realizes that the Mind Is Unborn, The Eighth Stage: The Mind That Is Truly in Harmony with the One Way, The Ninth Stage: The Profoundest Exoteric Buddhist Mind That Is Aware of Its Nonimmutable Nature [34. P. 163–164].

establishment because they were consistent with Kūkai's historical conditions, particularly the intense aestheticism of Heian society. Kūkai was an astounding poet, and a series of correspondence letters between Kūkai and the Emperor Saga between 809 and 816 are but one example of Heian society's appreciation for Kūkai's poetry and calligraphy [30. P. 43].

Kūkai's aesthetic systematisation of religion, rich in symbolism, appealed to Heian society, showing that Kūkai's influence on the arts of Japanese culture should not be understated. Apart from composing poetry and beautiful calligraphy, Kūkai was the first Esoteric Buddhist to synthesise and organise the "Womb and Diamond Worlds into a single religio-aesthetic system" [40. P. 738]. The *Womb World* (*Taizōkai mandara*) and *Diamond World* (*Kongōkai mandara*) make up the most crucial mandala for the Esoteric Buddhist tradition in Japan, known as the mandala of the *Two Worlds* (*ryōkai mandara*); the primary mandala for Kūkai's Shingon Buddhism [37. P. 33–95]. Consistent with the Esoteric Buddhist tradition, Kūkai's synthesis of the two mandalas expressed the unity of potential enlightenment and the nondual wisdom as symbolic of his nondual doctrines [40. P. 738].

The *Two Worlds* thence fell under the general curriculum of religious art in the Shingon school, showing Kūkai's emphasis on the beauty of the arts. Given the rich paintings and symbolism portrayed therein, Kūkai's understanding of art motivated his establishment of the *Two Mandalas*. The school established four different art categories: a) painting and sculpture, b) music and literature, c) gestures and acts, and c) the implements of civilisation and religion [41. P. 138]. For Kūkai, competency in the arts resulted in "the creation of flowers of civilisation which are Buddhas in their own right... whatever was beautiful partook of the nature of Buddha. Nature, art and religion were one. It is not difficult, then, to see why so aesthetic a religion found favor at a time when Japanese civilisation was at the height of its flowering" [41. P. 138].

The centrality of art in Shingon school shows that despite the Dharmakāya being beyond the reach of conceptualisation, it is attainable through art, as Kūkai elaborated:

In truth, the Esoteric doctrines are so profound as to defy their enunciation in writing. With the help of painting, however, their obscurities can be understood. The various attitudes and mudras of the holy images all have their source in Buddha's love, and one may attain Buddhahood at sight of them. Thus the secrets of the sutras and commentaries can be depicted in art, and the essential truths of the Esoteric teaching are all set forth therein. Neither teachers nor students can dispense with it. Art is what reveals to us the state of perfection [42. P. 137–138].

Visual representations of the "two aspects of potential and dynamic manifestations" served to illustrate the Shingon school's unified teachings of the *Two Mandalas*, the "indestructible potential of the cosmos" of the *Diamond Mandala* and the *Womb Mandala*'s dynamic portrayal of the "manifold group of deities and other beings" – following the kinds of powers and intentions they personify [42. P. 156]. Expressions of beauty, whether in poetry, paintings or

various mandalas, were integral to the Shingon school and fundamental to the nature of the universe, consistent with Kūkai's teachings. Therefore, to allow for the reception of the Dharmakāya's teachings, beauty must be portrayed by the most potent aesthetic mediums.

Conclusion

Scholars have often speculated on the ostensible Eastern influences on Neoplatonism, especially in the case of its founder, Plotinus. While much scholarly ink has been spilled on this potential connection, no scholarly consensus exists, given the lack of substantial evidence. Kūkai's work, alternatively, is heavily indebted to the Eastern tradition, especially the Buddhism inherited from Tang Chinese. The profound point here is that barring the differential use of labels such as Intellect, One, Dharmakāya and mind, significant consistencies between the two remain, as this paper showed. Of course, I am not suggesting a complete overlap in the cosmology of Proclus and Kūkai; however, I maintain that certain core principles align. Both figures view the world's beauty as divine, for beauty is inherent to the expression of the Dharmakāya or One. Even more interesting is that both thinkers considered the natural cosmological order as acting through themselves in a manner that transcends the subject. Proclus' role via Denys in the emergence of the Gothic is still visible today. Similarly, Kūkai was responsible for the temple at Mount Kōya, which was not completed until after Kūkai's death but has become somewhat of an icon of Japanese Buddhism. Kūkai's synaesthetic application of Shingon rituals is still in use, while Proclus' thought significantly shaped Islamic and European philosophy of the Middle Ages and beyond. The Gothic has undergone numerous changes throughout the centuries, with Gothic literature, film and architecture now a popular theme in contemporary culture. Likewise, Kūkai's Esoteric Buddhism has become fundamental to Japanese Buddhism. This study has been but a brief introduction to the origin of thinking of the early Middle Ages, which underpins, to a large part, subsequent history. However, much work remains to enhance further our understanding of the thinking behind contemporary philosophy and Buddhism.

References

1. Dillon, J.M. & Gerson, L.P. (2004) *Neoplatonic Philosophy: Introductory Readings*. Indianapolis, IN: Hackett Publishing Company.
2. Gerson, L.P. (2010) *The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity*. Vol. 1. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
3. Plotinus. (2018) *The Enneads*. Translated by G. Boys-Stones, J.M. Dillon, L.P. Gerson, R.A.H. King, A. Smith & J. Wilberding. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
4. Rist, J.M. (1967) *Plotinus: The Road to Reality*. London, UK: Cambridge University Press.
5. Proclus. (1971) *Alcibiades I*. 2nd ed. Translated by W. O'Neill. Dordrecht, Netherlands: Springer Science+Business Media Dordrecht.
6. Proclus. (1987a) *Commentary on Plato's Parmenides*. Translated by G.R. Morrow & J.M. Dillon. Princeton, NJ: Princeton University Press.
7. Proclus. (2007) *On Plato Cratylus*. Translated by B. Duvick. New York, NY: Bloomsbury Publishing.
8. Proclus. (1963) *The Elements of Theology. A Revised Text with Translation, Introduction, and Commentary*. 2nd ed. Translated by E.R. Dodds. Oxford, UK: Oxford University Press.
9. Gersh, S. (2014) One thousand years of Proclus: An introduction to his reception. In: Gersh, S. (ed.) *Interpreting Proclus: From Antiquity to the Renaissance*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. pp. 1–27.

10. Bardenhewer, O. (1882) *Die Pseudo-Aristotelische Schrift Ueber Das Reine Gute Bekannt Unter Dem Namen Liber De Causis*. Freiburg im Breisgau: Herder'sche Verlagschandlung.
11. Brand, D.J. (1984) *The Book of Causes: (Liber De Causis)*. 2nd ed. Translated by J.B. Brand. Milwaukee, WI: Marquette University Press.
12. Fakhry, M. (2002) *Al-Farabi: Founder of Islamic Neoplatonism: His life, Works and Influence*. Oxford, UK: Oneworld.
13. King, E. (2019) Eriugenism in Berthold of Moosburg's "Expositio Super Elementationem Theologicam Procli." In: Calma, D. *Reading Proclus and the 'Book of Causes.'* Vol. 1. Leiden, NL: Koninklijke Brill NV. pp. 394–437.
14. Stiglmayr, J. (1895) Der Neuplatoniker Proklus als Vorlage des sogenannten Dionysius Areopagita in der Lehre vom Übel. *Historisches Jahrbuch*. 16. pp. 253–273; 721–748.
15. Koch, H. (1895) Proklus als Quelle des Dionysius Areopagita in der Lehre vom Bösen. *Philologus*. 54. pp. 438–454.
16. Schäfer, C. (2022) Hugo Koch and Josef Stiglmayr On Dionysius And Proclus. In: Edwards, M. (ed.) *The Oxford Handbook of Dionysius the Areopagite*. Oxford: Oxford University Press. pp. 568–83.
17. Coolman, B. (2018) Magister in hierarchy: Thomas Gallus as Victorine Interpreter of Dionysius. In: Feiss, H. & Mousreau, J. (eds) *A Companion to the Abbey of Saint Victor in Paris*. Leiden, NL: Brill.
18. Plant, T. (2021) *The Lost Way to the Good: Dionysian Platonism, Shin Buddhism, and the Shared Quest to Reconnect a Divided World*. Brooklyn, NY: Angelico Press.
19. Leclercq, J. (1987) Influence and noninfluence of Dionysius in the Western Middle Ages. In: Pseudo-Dionysius. *The Complete Works*. Translated by C. Luibheid, P. Rorem. New York, NY: Paulist Press.
20. Zinn, Jr., G.A. (1986) Suger, Theology, and the Pseudo-Dionysian Tradition. In: Gerson, P.L. (ed.) *Abbot Suger and Saint-Denis: A Symposium*. New York, NY: The Metropolitan Art Museum.
21. Simson, O. (1956) *The Gothic Cathedral*. New York, NY: Princeton University Press.
22. Pseudo-Dionysius. (1987) *The Complete Works*. Translated by C. Luibheid, P. Rorem. New York, NY: Paulist Press.
23. Diggle, J., Fraser, B.L., Thompson, A.A., James, P., Simkin, O.B. & Westropp, S.J. (2021) *The Cambridge Greek Lexicon*. Vols 1-2. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
24. Sammon, B.T. (2014) *The God Who Is Beauty: Beauty as a Divine Name in Thomas Aquinas and Dionysius the Areopagite*. Cambridge, UK: James Clarke & Co.
25. Heidegger, M. (1977) *Gesamtausgabe 2: Sein und Zeit*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
26. Blumenberg, H. (1985) *Work on Myth*. Translated by R.M. Wallace. Cambridge, MA: The MIT Press.
27. Van den Berg, R.M. (2022) Confusion (Ekplēxis) and Sympathy (Sympatheia): The Neoplatonist Proclus on the Aesthetics of Epiphany and Theurgic Union. In: *Conceptualising Divine Unions in the Greek and Near Eastern Worlds*. Leiden, NL: Brill. pp. 229–250.
28. Konishi, J. (1986) *A History of Japanese Literature Volume Two: The Middle Ages*. Translated by A. Gatten. Princeton, NJ: Princeton University Press.
29. Shively, D.H. & McCullough, W.H. (1999) *The Cambridge History of Japan*. Vol. 2. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
30. Abé, R. (1999) *The Weaving of Mantra: Kūkai and the Construction of Esoteric Buddhist Discourse*. New York, NY: Columbia University Press.
31. Kasulis, T.P. (1990) Kūkai: Philosophizing in the Archaic. In: Reynolds, F. & Tracy, D. (eds) *Myth and Philosophy*. Albany, NY: State University of New York. pp. 131–150.
32. Martijn, M. (2010) *Proclus on Nature: Philosophy of Nature and its Methods in Proclus' Commentary on Plato's Timaeus*. Leiden, NL: Brill.
33. Shiba, R. (2003) *Kukai: The Universal Scenes from His Life*. New York, NY: ICG Muse.
34. Kūkai. (1972) *Major Works*. Translated by Y.S. Hakeda. New York, NY: Columbia University Press.
35. Beghi, C. (2011) The Dissemination of Esoteric Scriptures in Eight-Century Japan. In: Orzech, Ch.D., Sørensen, H.H. & Payne, R.K. (eds) *Esoteric Buddhism and the Tantras in East Asia*. Leiden, NL: Brill. pp. 661–682.
36. Paul, G. (2018) Kūkai's Philosophy of Language: Reflections on the Usage of the Word 'Philosophy'. In: Steineck, R.C., Weber, R., Lange, E.L. & Gassman, R.H. (eds) *Concepts of Philosophy in Asia and the Islamic World*. Vol.1. Leiden, NL: Brill. pp. 482–506.
37. Grotenhuis, E.T. (1999) *Japanese Mandalas: Representations of Sacred Geography*. Hawaii, HI: University of Hawai'i Press.

38. Gardiner, D.L. (2000) The Consecration of the Monastic Compound at Mount Koya by Kūkai. In: White, D.G. (ed.) *Tantra in Practice*. Princeton, NJ: Princeton University Press. pp. 119–30.
39. Kaufmann, P. (2018) Form and Content in Kūkai's Shōjijissōgi. In: Steineck, R.C., Weber, R., Lange, E.L. & Gassman, R.H. (eds) *Concepts of Philosophy in Asia and the Islamic World*. Vol.1. Leiden, NL: Brill. pp. 507–44.
40. Winfield, P.D. (2011) The Mandala as Metropolis. In: Orzech, C.D., Sørensen, H.H. & Payne, R.K. (eds) *Esoteric Buddhism and the Tantras in East Asia*. Leiden, NL: Brill. pp. 719–43.
41. Tsunoda, R. (1964) *Sources of Japanese Tradition*. Vol. 1. New York, NY: Columbia University Press.
42. De Bary, Wm.T. (2001) *Sources of Japanese Tradition*. Vol.1. 2nd ed. New York, NY: Columbia University Press.

Information about the author:

Alexandrov E. – PhD in Philosophy, postdoctoral researcher, School of Philosophy and Theology, University of Notre Dame Australia (Fremantle, Australia). E-mail: emile.alexandrov1@my.nd.edu.au, emile931@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Александров Э. – кандидат философских наук, PhD (философия), постдокторант, Школа философии и теологии, Университет Нотр-Дам, Австралия (Фримантл, Австралия). E-mail: emile.alexandrov1@my.nd.edu.au, emile931@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 20.10.2023;
approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*
*Статья поступила в редакцию 20.10.2023;
одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.17223/1998863X/76/9

БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ПРАКТИКА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, КАРТОГРАФИЯ И ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Алексей Андреевич Барышев¹, Валерия Викторовна Кашпур²

^{1, 2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ barishevnp@mail.ru

² valkashpur@inbox.ru

Аннотация. В статье обоснована необходимость концептуализации благополучия как практики. Выполнено сетевое картирование исследований благополучия с признаками практик. Даны интерпретации практик, опытов, интервенций и политик как элементов концепта практик благополучия на основе его внутренних напряженностей. Составлен тематический обзор картированных исследований благополучия в разрезе выявленных элементов концепта. Сделан вывод о начале pragматического поворота в исследований благополучия.

Ключевые слова: благополучие, практики благополучия, социальное картирование, стили жизни

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

Для цитирования: Барышев А.А., Кашпур В.В. Благополучие как практика: концептуализация, картография и тематический обзор исследований // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 82–101. doi: 10.17223/1998863X/76/9

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

WELL-BEING AS PRACTICE: CONCEPTUALIZATION, CARTOGRAPHY AND A THEMATIC REVIEW OF STUDIES

Aleksey A. Baryshev¹, Valeriya V. Kashpur²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ barishevnp@mail.ru

² valkashpur@inbox.ru

Abstract. The idea of well-being as an integral characteristic of life becomes irrelevant within the context of human entrepreneurialization in all processes of life creation, including the production of ideas about well-being. The article aims to substantiate the need for a pragmatic turn in well-being studies. The method is based on the distinction between studies of representations of well-being in things, activities and indicators, and studies of well-being as a set of practices. The pool of well-being practices was obtained from articles on well-being from the OpenAlex catalog in two stages. We retrieved words that co-occurred with marker terms of practice theories first and then, based on the analysis of the terms' network, words denoting well-being practices. We conceptualized well-being as practice on the basis of discourse theory. We obtained the following results. (1) Well-being is the successor to the concept of wealth in terms of both its conceptual history and similarity of research stages. (2) The network of well-being practices studies is structured by the interconnection of its largest nodes: "practice", "experience", "intervention", "policy". (3) Based on the analysis of tensions, these nodes are identified as signifiers of the elements of the concept "well-being as practice". (4) Elements of the concept have their own features: "practices" in the proper sense are embodiments of established norms and laws; "experiments" are improvisations in life creation; "interventions" are interferences by local administrations, corporations, medical authorities aiming to improve people's lives; "policies/politics" are practices of the state in the field of well-being intended to normalize citizens' lives from birth to death. We conclude that a pragmatic turn is emerging in well-being studies. In the future, a continuous analysis of well-being practices in a territorial context may be useful for shaping the identity of regions, developing tourism and attracting investment.

Keywords: well-being, well-being practices, social cartography, lifestyles

Acknowledgments: This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

For citation: Baryshev, A.A. & Kashpur, V.V. (2023) Well-being as practice: conceptualization, cartography and a thematic review of studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 82–101. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/9

Введение

Популярность понятия благополучия как в языке наук о человеке, так и в общественно-политическом дискурсе питается признанием бесперспективности и устарелости господствовавшего многие десятилетия, если не столетия, экономического детерминизма, с позиции скорейшей «отмены» которого писал еще в 1947 г. Карл Поланы [1].

Однако ожидаемой отмены не произошло прежде всего потому, что «благополучие» как предполагаемый маркер новой парадигмы человеческого развития оказывается пока еще не в состоянии перестроить сами основания гуманитарного знания. Немалую роль в этом играет то, что сам поток исследований «по благополучию» в их стремлении к «актуальности» решительным образом обходит стороной эти основания.

В результате теперь для того, чтобы понятие благополучия стало объединяющей категорией социальных практик, обеспечивающей универсальное человеческое основание для всех социальных наук, необходимо, чтобы оно освободилось от избыточности тех смыслов, которыми его наделил этот поток научных публикаций. Необходимость такого освобождения диктуется множественностью новых видений этого «человеческого», порождаемых на основе оптики благополучия. В соответствии с одними из этих видений наибольшей человеческой ценностью обладают психические переживания людей в процессе жизни, в соответствии с другими – субъективные

удовольствия от разных наборов благ и активностей, доступных индивиду при данных условиях. То видение, которое исходит из самоценности жизненных практик, выступает одним из возможных развитий позиции Поланьи. Соответственно, исследования благополучия как чего-то противоположного благосостоянию по необходимости расходятся по многим направлениям, характеризуемым своими специфическими предметами («психологическое благополучие», «субъективное благополучие», «объективное благополучие», «общее (general) благополучие» и т.д.) и методами (включая медицинские и математические), оставляя нишу и для особого подхода к благополучию как определенной конкретно-исторической практике с его особыми методами.

В настоящей статье мы исходим из исследовательской проблемы, состоящей в специфике базовой метафорики, лежащей в основе концепта «практики благополучия», и ее отличии от метафорики как указанных направлений исследования благополучия, так и противостоящих им подходов «от благосостояния». В связи с этим мы намерены ответить на следующие исследовательские вопросы:

1. Какими чертами, общими с исследованиями благосостояния, характеризуются современные конвенциональные исследования благополучия?
2. Каким образом можно из потока литературы «по благополучию» выделить источники, поставляющие материал для изучения практик благополучия?
3. Как сетевой анализ исследований благополучия, формирующих задел для «поворота к практикам», позволяет структурировать практики благополучия?
4. Какова взаимосвязь между различными видами практик благополучия в рамках их концептуального единства?

Повторение концептуальной истории богатства в исследованиях благополучия

Выбор языка описания явления не является произвольным, а диктуется самим его устройством: если в самом явлении одни вещи представляются в других, то и язык становится инструментом производства этого представления; если же язык производит связи между элементами явления, то он становится практикой, или «виртуозно-лингвистической деятельностью» [2].

Такова, например, намеченная М. Фуко в «Словах и вещах» [3], но не реализованная им программа исследования взаимосвязи между языком, трудом и жизнью. Осуществление такой программы означает для социальных наук поворот к практике как единственной категории, в рамках которой названные три явления могут употребляться на равных, обеспечивая самообоснованность «форм жизни», элементы которой вычленяются и получают свое значение благодаря «языковым играм» и соединяются в единое целое благодаря труду как коммуникации в процессе обмена с окружающей средой. Такой подход способен обеспечить понимание ценностных компонентов человеческой жизни в их взаимосвязи, на выражение чего в настоящее время претендует категория благополучия.

Прежде чем практики предстанут в своей обыденной самообоснованности, они оказываются даны в качестве отношений их элементов, в виде ре-

презентации одних элементов в других или совокупности всех элементов – в особых символах, или знаках. Именно так воспринималась стоимость ве-щай в рамках одной из исторически первых форм экономической науки, ко-торая занималась анализом богатства. М. Фуко удалось объяснить, что анализ богатства не был неумелым предшественником политэкономии, но являлся познавательной практикой, полностью соответствовавшей классической эпи-стеме [3. С. 14]. В этой эпистеме процесс познания выступает деятельностью ученого по упорядочиванию игр представлений покупателей в виде пред-ставлений одних товаров в других в рамках бесконечной таблицы. Потребо-валось, по мысли Фуко, фундаментальное изменение хозяйственной практи-ки, чтобы такое свойство истинного знания, как возможность представления его в пространстве таблицы, перестало работать. Такое изменение было при-несено индустриализацией: теперь практика уже не шла по следу связей между вещами, а сама стремительно превращалась в то, что обеспечивало их связь [3].

В результате линия развития анализа богатств резко обрывается, и ему на смену приходит новая наука – политическая экономия, которая в лице своих основных направлений рассматривала практику двояко: либо как труд, либо как потребление. Но до полноценного поворота к практикам политической экономии было еще далеко, поскольку в ней в силу исторических особенно-стей капитализма непосредственной данностью «жизни» выступает только потребление, в то время как «труд» в преобладающей форме наемного труда фигурирует как внешний по отношению к нему процесс, который благодаря этому выступает отчужденным и от жизни рабочего, не воспринимаемым в качестве «формы жизни». Интеллектуальный кризис, развившийся на этой основе и проартикулированный, наконец, в знаменитом докладе Стиглица–Сена–Фитусси [4], привел к росту интереса к концепту благополучия, пре-вращение которого в реальный компонент социальной жизни [5] странным образом стало повторять историю категории богатства (таблица). Результатом такого повторения стало широкое распространение анализа благополучия в медицинских, психологических, формальных экономико-статистических ре-презентациях. Для такого подхода характерно превращение самого *пред-ставления* в объект анализа при индифферентности самого этого анализа к *представляемому*, которое, в свою очередь, *представляется* относящимся к разряду трансценденталий, с которыми серьезная наука не должна иметь де-ло. В рамках такой логики, приводящей к тому, что концептуализация благо-получия вне его названных представлений становится если не невозможной, то, по крайней мере, излишней, делается много полезного для улучшения жизни людей (подростков, работников разных отраслей промышленности, представителей старшего поколения и т.д.). Для того чтобы это и дальше де-лалось, необходимо только одно: чтобы наука имела право рационально обосновывать потребности людей разных возрастных, профессиональных и прочих категорий.

Поскольку это право является далеко небесспорным с этических пози-ций, постолько обращение к *представляемому* может при определенных условиях оказываться вполне уместным. Но для этого необходимо предос-тавить ему возможность говорить от своего имени своим собственным языком. Когда же такая возможность возникает?

Сопоставление концептуальных историй богатства и благополучия

	Объекты исследования	
	Представление	Самостоятельное бытие, опосредованное жизнью, языком и трудом
Богатство	Анализ богатства и выражение его в системе цен, классификация элементов богатства по их функциям	Политическая экономия: цены как язык сообщений о планах и намерениях; труд (производство) как связь элементов богатства; жизнь как потребление
Благополучие	Измерения субъективного и объективного благополучия; показатели и рейтинги благополучия	Практики жизнетворчества на основе антрепринализации и респонсибилизации человека

Она возникает в процессе очередного перелома в хозяйственной практике, сблизившем труд с жизнью. Суть этого перелома в *антрепринализации* труда [6], сделавшей импровизации с жизненными траекториями, экспериментирование со стилями жизни такой же необходимостью для работника, какой они являются для предпринимателя. Теперь жизнь не может быть описана косвенно через какие бы то ни было вещные категории, медицинские или статистические показатели. Теперь она выступает в своих непосредственных формах, «формах современной жизни» (как они названы в подзаголовке к известной работе опериста – исследователя трудовых практик Паоло Вирно [2]), в равной мере включающих в себя и «труд», и «досуг», и «образование», все больше становящееся самообразованием в процессе труда как *виртуозного общения* с различными людьми.

Итак, исследование благополучия в его непосредственной данности практик оказывается вполне возможным, и главными условиями возможности появления такого объекта исследований, как практики благополучия, становится постфордистская трансформация труда и респонсибилизация работника [7].

Картирование (исследование) концепта практик благополучия

Карты социальных концептов на основе данных библиометрических платформ цитирования и рефериования научной литературы становятся все более популярным инструментом в эпоху стремительного роста числа публикаций. Основным требованием для получения качественного знания об устройстве концепта является обеспечение гомогенности его значений [8], что может обеспечиваться отбором публикаций, следующих определенной метафорике, обнаруживаемой либо в грамматических формах употребления концепта [9], либо определением лингвистических маркеров интересуемого дискурса.

В нашем случае гомогенизация значений может быть обеспечена формированием набора терминов (*routine, everydayness, rule-following, language game, language practices, form of life, lifestyle, habitus, commitment, engagement, lifeworld, background knowledge, tacit knowledge, learning, skill, habit, experience, power, medicalization, access, mobility, identity* и др.), соответствующих наиболее известным исследованиям практик [10], который был применен в качестве пула лингвистических маркеров к выборке из 45 138 текстов по различным аспектам благополучия (выгруженных по морфемам *wellbeing, well-being, goodlife, eudemoni*, eudaemoni*, happ**) из открытой базы OpenAlex за 1923–2023 гг. В результате обработки метаданных с помощью

программы PolyAnalyst была построена карта концепта благополучия как практики (рис. 1), состоящая из связанной сети терминов-элементов концепта практик благополучия и изолированных терминов, имеющих отношение к практикам, но в рамках используемой платформы цитирования и реферирования научных статей не провзаимодействовавших с выявленными элементами концепта практик благополучия. Термины-изолянты, не соответствующие по своему смыслу понятию социальных практик, были удалены. Масштаб карты, размещенной на рисунке, позволяет видеть термины, использовавшиеся в выгруженных текстах не менее 22 раз. Для более подробного рассмотрения разрешающая способность может быть увеличена до пятикратного употребления термина.

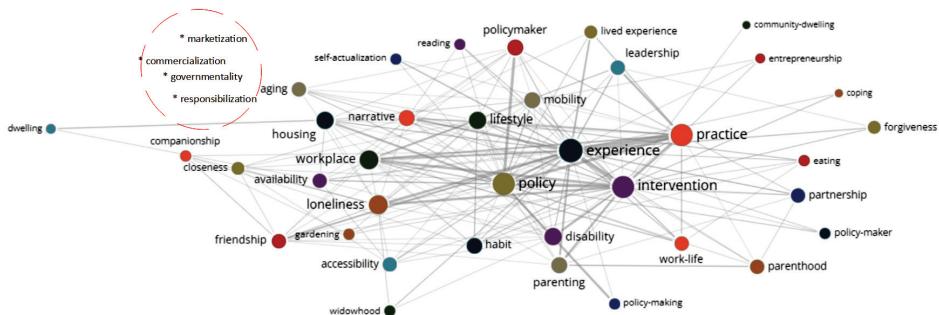

Рис. 1. Карттирование элементов (терминов) концепта практик благополучия

Общее карттирование элементов (терминов) концепта практик благополучия четко визуализирует трапециевидное несущее основание полученной сети, представленное самыми крупными нодами «practice», «experience», «intervention» и «policy». Логично предположить, что они выполняют организующую роль по интеграции в сеть всех других узлов, которые можно условно разделить на «места» (workplace, work(-life), dwelling, housing), «состояния» (loneliness, disability, aging, widowhood, parenthood, community-dwelling), «отношения» (friendship, companionship, partnership, closeness), «исполнения» (eating, singing, cycling, journaling, reading, gardening, parenting), «занятия» (policy-making / policy-maker / policymaker, entrepreneurship), «интенции / эффекты» (self-actualization, leadership, mobility, accessibility, walkability, availability, coping, forgiveness), «атрибуты практик» (narrative, habit, lifestyle, lived experience).

При этом очевидно, что «места» и «состояния» выступают, прежде всего, носителями экзистенциальных проблем, в то время как «отношения» и «исполнения» (в смысле *workings* [11] или *accomplishments* [12]) – самоценными практиками, которые имеют свойство сами без обращения к каузативной логике просто «растекать» проблемы, а «занятия» как «occupations» – средствами уже внешнего, целенаправленного решения этих проблем. Оба этих способа по-разному достигают желаемых «эффектов» так, что общие «атрибуты практик» оказываются характеристиками принятия определенной формы жизни (*commitment*) и вовлеченности в нее (*engagement*) [13].

Приведенный выше способ чтения карты является достаточно простым и удобным, но он, позволяя скользить по разным аспектам сходств отдельных элементов практик благополучия, закрывает доступ к самим этим практикам.

Для того чтобы получать знание о практиках, необходимо поставить их в отношение друг с другом на фоне их общего объекта – экзистенциальных проблем человека, без решения которых ни о труде, ни о жизни, ни о языке нет смысла говорить. Для реализации такого подхода попытаемся тот концентрат практик, который заключен в выделенной трапециевидной конструкции, по-мыслить в его внутренней самоорганизации, соотносящейся со столь же концентрированным конструктом «экзистенциальные проблемы».

Интерпретативная схема к карте благополучия как практики

Практики благополучия выступают как двойственный феномен. С одной стороны, это привычные действия отдельных людей или их коллективов, содержащие «в самих себе» правила «заботы о себе»; с другой стороны, особенно по мере нарастания численности этих «коллективов», это «организующие» практики, обеспечивающие правила практик благополучия его непосредственным «получателям». Первые в литературе репрезентуются как собственно «практики», как направленные на самих себя «искусства жизни» (*ars vitae* – в древнеримской традиции), в то время как вторые (без лишения их статуса «практик благополучия») – как «программы» продвижения здорового образа жизни, укрепления телесного благополучия (*wellness*) или повышения физической культуры (*fitness*) и совершенствования здравоохранения [14] и т.д.

В зависимости от уровня принятия таких программ они понимаются как «интервенции», которые могут применяться как к отдельным людям (пациентам клиник [15], рядовым сотрудникам [16] или руководителям организаций [17]), так и в целом к самим организациям [18] или территориям [19], или как «политика / политики» (*policy / politics*) [20–22]. Данная двойственность выражает напряженность между политиками и искусствами в определении практик благополучия по линии *техник* (способов) его формирования (рис. 2, красная двусторонняя стрелка), которую невозможно преодолеть просто терминологическим различием, например, «формальных интервенций» и «независимых практик» [17. С. 5]. Дело в том, что в данном случае имеет место не противостояние «точечных» дискретно разделенных феноменов, а континуум взаимного перехода чистых практик в чистые политики, между которыми находится множество гибридных техник благополучия. Учитывая открытую М. Фуко «микрофизику» власти, можно сказать, что рассматриваемая дихотомия выступает репрезентацией пространства власти от микроРавлии акторов, практикующих по собственному усмотрению заботу о себе и о своих близких, до публичной власти, институционализированной в виде органов, которые обладают правом вырабатывать представления о благополучии подчиненных им индивидов и претворять их в жизнь посредством специальных мер (политик). Рассмотренная двойственность представляет не единственную напряженность, организующую пространство дискурса практик благополучия.

Вторая напряженность в определения практик, также характеризуемая континуальностью, складывается между итеративным и творческим характером практик. Когда практики понимаются как рутины, не предлагающие рефлексию, это должно подразумевать нечто абсолютно стабильное, не подверженное изменениям. Но оказывается, как показал, исследуя эволюцию

«зимбабвийского втулочного насоса», один из основоположников акторно-сетевой теории Джон Ло, развитие и совершенствование практик и их материального оснащения может происходить и без особой рефлексии [23].

Отсюда недалеко и до целенаправленного экспериментирования, которое, будучи укорененным в жизни некоторого сообщества, также выступает практикой, но с оговоркой, что это особая *интервенционистская* практика (медицинская, административная, групповая, индивидуальная). Соответственно, практики представляют собой не только рутину, воплощающие некоторые обычай или властные предписания как социальные нормы благополучия, но и креативный опыт, заключающий в себе как элементы спонтанной новизны, так и целенаправленных изменений жизни людей. В результате имеем еще одну напряженность в определениях практик, также проявляющуюся в континуальной дилемме – между нормативным и изменчивым характером практик благополучия [24], организуемой по *линии форм* благополучия (рис. 2, синяя двусторонняя стрелка). С учетом различия практик как искусств и практик как политик *креативность* получает свою половину пространства практик благополучия для опытов новаций и импровизаций в жизни самих индивидов и для интервенционистских практик, направленных на других (квадранты II и III).

Рис. 2. Пространство распределения значений концепта практик благополучия

Пересечение континуума *техник* благополучия (по вертикали) с континуумом его *форм* (по горизонтали) задает пространство определений благополучия (рис. 2) в единстве как- и что-вопросов [25], относимых прежде всего к разрешаемым в них экзистенциальным проблемам (ЭП): *как* они разрешаются (посредством искусств или политик) и *что* является результатом (стабилизированные властью или обычаем *нормы* жизни или находящийся в процессе административного или спонтанного изменения *жизненный опыт*).

Полученное изображение «пространства распределения значений концепта практик благополучия» представляет собой благодаря формирующему его линиям напряженности (ось форм и ось техник благополучия) схему самоструктурации соответствующего дискурса, позволяющую давать интерпретацию эмпирическим распределениям элементов (терминов) концепта практик благополучия, извлеченных из исследовательских статей по благополучию, накапливаемых в нашем случае в базе OpenAlex. Таким образом, рис. 2 представляет интерпретативную схему, в которой части несущей «траумы» в виде практик, «экспириенсов», политик и интервенций получают свой смысл как необходимые составляющие концепта практик благополучия,

которые могут в разные периоды получать разное наполнение и поэтому могут характеризоваться разными отношениями друг к другу.

Тематический обзор исследований практик благополучия

В нашем исследовании распределения элементов (терминов) концепта практик благополучия и построения интерпретативной схемы для его понимания термин «практики» имеет двоякое употребление: наряду с общим обозначением практик благополучия он фигурирует и в качестве обозначения особого класса практик, которые выделяются своей непосредственностью, соответствуют первым наиболее простым и общим определениям практик. Это «собственно практики», «практики в узком смысле слова», или «практики-практики». С них и начнем обзор состояния «практико-ориентированных» исследований благополучия.

1. Практики. Наиболее соответствующими конвенциональному понятию практик являются те, которые представляют воплощение сложившихся норм и устоявшихся узаконений в искусствах жизни (квадрант I). Здесьходим описанные в литературе практики ответственного гражданства [26], родительства [27], супружества [28], соседства [29], следования национальным идеалам уюта и наслаждения жизнью [30, 31] и т.п. нормы «хорошей жизни» (*good life*), включая повседневные рутины ухода за телом и укорененные культурные и социальные привычки (чтение, проведение праздников, посещение концертов и т.д.).

2. Опыты («экспириенсы»). Исследования II квадранта обращаются к более гибким практикам, связанным с непреднамеренными или целенаправленными изменениями форм жизни. Авторы, размышляющие о самых крупных изменениях такого рода, вызывающих необходимость «реконцептуализации» самого понятия благополучия, приходят в выводам о том, что первоосновой «изменения дискурсов благополучия» выступает фундаментальный переход от тела социально управляемого, «политичного» (как узла отношений по поводу гигиены (чистоты), еды, жилищных, брачных, родственных условий и т.д.), к телу персональному [32, 33]. Это новое «тело» начинает самостоятельно создавать новые балансы между желаемым и нормативным, между трудом и жизнью (*WLB – work-life balance*), семьей и работой, между социально признанным ограничением вследствие переживаемых экзистенциальных проблем функциональных возможностей людей и их стремлением к активной жизни.

Здесь собираются новые практики старости и одиночества, а также создаются новые формы взаимопомощи и совместного жизнеустройства (*associations, companionships*) [34, 35], включая создание «странных» союзов, в том числе квир-партнерств [36]. При этом разнообразные практики совместной жизни могут возникать как на основе добровольно избираемых стилей и образов жизни [37, 38], так и на почве общих экзистенциальных проблем [39, 40].

Новации в трудовых и семейных практиках получают достаточно широкое освещение в связи с внедрением гибких форм занятости [41], включающих так называемый «телефоркинг» [42, 43], которые требуют от людей изменения привычных конфигураций взаимосвязей между «семьей» и «работой» [44].

Наряду с тем, что с внедрением высоких технологий в повседневность происходит бурное развитие цифровых жизнестилевых практик – «digital creative practices» [45], экспериментирование со стилями жизни как важный атрибут «хорошей жизни» наблюдается по всему пространству повседневности от новых видов физической активности [46] и пищевых предпочтений [47] до практик медитации и созерцательности – «mindfulness» [48].

3. Интервенции. Иной дискурс поддерживается исследованиями, составляющими контент квадранта III, фокусирующегося на практиках изменения форм жизни под воздействием «организующих» и «улучшающих» интервенций корпораций, местных администраций и медицинских инстанций в жизнь работников предприятий, людей с хроническими заболеваниями и иными экзистенциальными проблемами и в целом населения определенных территорий.

Ввиду преобладающего внимания исследователей в анализируемом дискурсе практик благополучия к «интервенциям» мы приводим здесь карту концепта «интервенции» (рис. 3), демонстрирующую его связь со всеми проблемными «топиками» благополучия (loneliness, aging, disability, community-dwelling, housing), основными «практиками», «экспириенсами» и «политиками», а также с целями изменений (если их можно в общем виде показать отдельно от объектов): обеспечение доступности, мобильности различных ресурсов, преодоление негативной симптоматики в отношении труда, здоровья, среды.

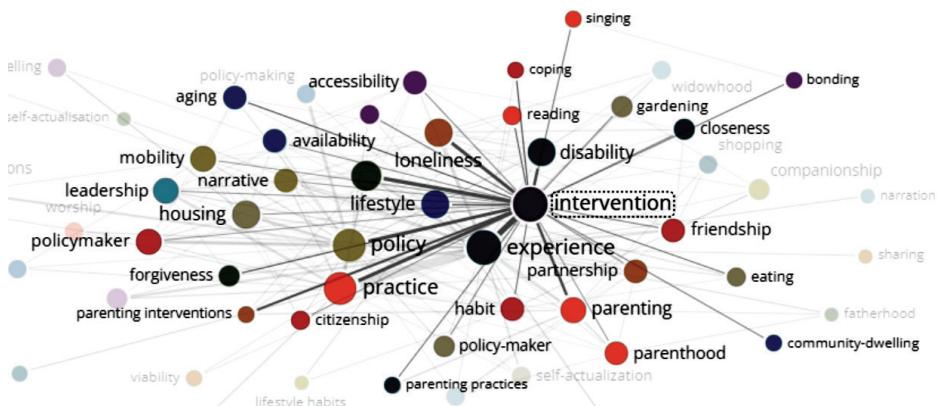

Рис. 3. Карттирование элементов концепта «интервенции»

В сфере трудовых практик наиболее распространенными видами интервенций в жизнь работников выступают корпоративные политики повышения благополучия через оздоровление рабочих мест (*work health promotion, workplace health*) [49, 50], внедрение здоровьесберегающих моделей (*health model*) рабочих мест [51], корпоративных практик благополучия (*corporate wellbeing practices*) [52], программ снижения стрессовых нагрузок [53], особенно для работников «передней линии» и колл-центров [54] и т.д.

Также в качестве корпоративных мер по обеспечению благополучия работников выступают организационные меры по отказу от вредных привычек [55], поддержанию здорового образа жизни [56] и организации совместного досуга [57].

Обзор интервенций в практики людей, испытывающих экзистенциальные проблемы, ограничим простым перечнем цифровых девайсов и технологий. Это прежде всего смартфоны [58] в их различных применениях, обеспечивающих в том числе поддержание отношений с близкими людьми. Далее следуют практики диагностирования психического и соматического состояния на основе интернет-коммуникаций [59, 60].

Среди изменений, переконфигурирующих бытовую повседневность, выделяется внедрение роботов-помощников [61] и технологий «умного дома» [62, 63].

В целом можно сказать, что названные технологические интервенции выступают особой формой властных практик различных субъектов «на местах», ответственных за трансформацию жизни по всему фронту благополучия, для обеспечения ухода, контроля состояния здоровья, повышения эмоционального состояния и создания возможностей самостоятельной жизнедеятельности при сохранении социальных связей.

Наиболее важной зоной ответственности местных администраций выступает «пространство» (*space*) [64, 65], к которому применяются различные интервенционистские практики в целях обеспечения доступности (*accessibility / availability*) как социально-культурной инфраструктуры, так и коммунальных услуг, повышения комфортности (*liveability*) на основе сочетания благоустройства с озеленением [66], снижения криминогенности [67].

Кроме государства интервенции в пространство общего (потенциального) благополучия могут осуществляться и частными корпорациями как традиционными практиками корпоративной социальной ответственности [68], так и новыми практиками создания общей ценности (*shared value*) [69]. К этой же группе интервенций стоит отнести практики социального предпринимательства и экологического предпринимательства, обеспечивающие облагораживание территорий на основе приоритета «социальной» или «смешанной» ценности [70].

4. Политики. К сожалению, в OpenAlex не удалось собрать достаточное количество исследований, трактующих власть как особый род практик, не сопряженных непосредственно с внешним принуждением и насилием, поэтому позволим себе обратиться к ресурсам Google Scholar для краткого описания практик говернментальности в сфере благополучия.

Важнейшим направлением говернментализации является респонсибилизация индивидов как ненавязчивая, но эффективная политика привития им практик (социальных привычек) ответственного обращения со своим здоровьем и благополучием [71, 72].

Инструментами респонсибилизации выступают медикализация [73] социальных явлений, результатом которой становится обоснование всех требуемых практик как обусловленных самой природой человека, и нормализация [74] натурализированных таким образом практик путем представления их в виде общих показателей, средних и относительных значений (норм) и т.д. Сведенная таким образом до набора количественных показателей жизнь становится удобным объектом для реализации (обычно неявных) политик маркетизации и коммодификации «жизни и благополучия» [75, 76].

В анализируемой нами базе научной литературы политика (*policy-making*) рассматривается, как мы уже говорили, в качестве просто внешнего, целенаправленного процесса принятия решения по поводу существующих про-

блем. Поэтому микрофизика власти здесь представлена редкими и изолированными друг от друга и от всей сети элементов благополучия неолиберальными концептами (коммерциализация, маркетизация, говернментальность), которые на карте (см. рис. 1) имеют «условное» присутствие, отмеченное звездочками.

В целом кластер «политика» дает простор для пролиферации в его недрах концептов, описывающих не просто усилия власти как внешней силы по улучшению жизни, но изменения самих практик индивидов в пространстве знания–власти [77].

Заключение

В настоящей статье намечен переход в исследовании благополучия от «классической» эпистемы к «современной» по версии Мишеля Фуко. Несмотря на то, что в самом переходе от исследований богатства в виде его derivatov (благосостояния, ВВП, человеческого капитала, капитала здоровья [78] и т.д.) к исследованиям благополучия проявился тренд на преодоление классической парадигмы познания, концептуализация благополучия началась с его репрезентаций в виде целого ряда особых «дисциплинарных» благополучий, что позволяет определить *представление* в качестве базовой метафоры объекта исследования. Соответственно, исследования благополучия в его непосредственной данности опираются на метафору (жизне)деятельности, поскольку сами идеи о благе и его достижении являются атрибутами самовоспроизводящейся жизни, или деятельности. Концепт благополучия при таком подходе приходит в полное соответствие с грамматическим («ingовым») смыслом своего сигнификата «well-being» именно как категория непосредственного бытия, практики, но в силу широкой известности этого термина в его другом значении как репрезентации благополучия он обозначается в нашей статье терминологически не строгим образом, а метафорически: «благополучие как практика», постепенно заменяясь более свободными аналитическими конструкциями, такими как «практики благополучия» или «опыты» и «политики» благополучия.

В качестве материала для изучения практик благополучия мы использовали исследовательские статьи, отобранные по терминам-маркерам теорий практик из предварительно созданного массива всех статей по благополучию, присутствующих в базе OpenAlex.

В отличие от получающих в настоящее время широкую популярность картографических исследований мы не ограничились построением сетевой карты элементов (терминов) концепта практик благополучия, но создали для чтения (понимания) этой карты интерпретативную схему, представляющую собой схематическое описание механизма производства и распределения значений концепта «благополучие как практика» в процессе функционирования соответствующего дискурса. Элементами, обеспечивающими самоорганизацию дискурса практик благополучия, выступают его внутренние напряженности: по линии техник благополучия, выражающей оппозицию политик и искусств жизни, и по линии форм благополучия, связывающей дихотомически противопоставленные стабильные и креативно изменяющиеся формы жизни.

Обзор собранного материала показывает, что большинство статей (более 90 процентов) следуют конвенциальному пониманию благополучия как представления, т.е. изучают интересующие нас факты как *факторы*, влияю-

щие на благополучие, повышающие благополучие, и т.д., что, по нашему убеждению, не препятствует исследованию данных фактов как данности самого благополучия, т.е. как разнообразия практик благополучия. Это свидетельствует о том, что прагматический поворот в исследованиях благополучия находится пока еще в начальной стадии.

Перспективу дальнейших картографических исследований практик благополучия мы связываем с выяснением взаимоотношений между практиками, опытами, интервенциями и политиками в динамике с презентацией полученного знания в виде серии тепловых карт, каждая из которых охватывает период в 1–3 года. Операционализация такого похода для конкретных регионов или городов на основе материалов СМИ и социальных сетей может быть инструментом управления имиджем региона в целях совершенствования жизнеустройства, организации миграционных потоков, развития туризма и привлечения инвестиций.

Список источников

1. Polanyi K. Our obsolete market mentality: “Civilization must find a new thought pattern”. *Commentary*. 1947. 3 (2). P. 109–118.
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинал Пресс, 2013. 176 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология. гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой ; вст. ст. Н.С. Автономовой. СПб. : A-cad, 1994. 407 с.
4. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой ; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 216 с.
5. Baryshev A., Casati F., Barysheva G. Well-being: From not-being to reality // *Information Technologies in Science, Management, Social Sphere and Medicine*. Atlantis Press, 2016. P. 420–425.
6. Барышева Г.А., Барышев А.А., Некр Ч.Т.Б. Трансформация характера занятости и трудовой жизни в постфордистскую эпоху // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 4 (47). С. 146–154.
7. Peters M.A. From state responsibility for education and welfare to self-responsibilisation in the market // *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. 2017. № 38 (1). P. 138–145.
8. Барышев А.А., Сербина Г.Н. Возможности и перспективы систематического анализа исследований социальных феноменов: проблема обеспечения гомогенности значений концептов // Большие данные и проблемы общества : сб. ст. по итогам междунар. науч. конф. (Киров, 19–20 мая 2022 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2022. С. 20–28.
9. Барышев А.А., Каипур В.В. Картирование концепта entrepreneurship на основе анализа лингвистических форм выражения новых значений // Социальные практики и управление: проблемное поле социологии : материалы V Сиб. социол. форума с междунар. участием, Новосибирск, 28 октября 2022 г. Новосибирск : НГУЭУ, 2022. С. 153–159.
10. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
11. Winch P. (ed.) *Studies in the Philosophy of Wittgenstein*. Routledge, 2013.
12. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1967.
13. Delamothé T. Happiness // *BMJ*. 2005. № 331 (7531). P. 1489–1490.
14. McDermott H.J., Kazi A., Munir F., Haslam C. Developing occupational health services for active age management // *Occupat Med*. 2010. № 60 (3). P. 193–204.
15. Blanco I., Contreras A., Chaves C., Lopez-Gomez I., Hervas G., Vazquez C. Positive interventions in depression change the structure of well-being and psychological symptoms: A network analysis // *The Journal of Positive Psychology*. 2020. № 15 (5). P. 623–628.
16. Biron C., Karanika-Murray M. Process evaluation for organizational stress and well-being interventions: Implications for theory, method, and practice // *International Journal of Stress Management*. 2014. № 21 (1).
17. Urrila L.I. From personal wellbeing to relationships: A systematic review on the impact of mindfulness interventions and practices on leaders // *Human Resource Management Review*. 2022. № 32 (3). Art. 100837.

18. Burlakova I., Sheviakov O., Kondes T. Psychological intervention and corporate well-being // 2nd International conference on corporation management. Estonia, 19 May 2022. URL: <https://conf.senhub.com/index.php/ICCM/ICCM-2022/paper/view/380>
19. Anderson J., Ruggeri K., Steemers K., Huppert F. Lively social space, well-being activity, and urban design: findings from a low-cost community-led public space intervention // Environment and Behavior. 2017. № 49 (6). P. 685–716.
20. Mulderrig J. Nudge and the politics of wellbeing: bringing biopower into dialogue with critical discourse analysis // *Médiation et Information*. 2017. № 44–45 (July 2018). P. 181–195.
21. Bache I., Reardon L. The politics and policy of wellbeing: Understanding the rise and significance of a new agenda. Edward Elgar Publishing, 2016.
22. Wellbeing in politics and policy / eds. I. Bache, K. Scott. The politics of wellbeing: Theory, policy and practice. Springer, 2018.
23. Law J. Objects and spaces // *Theory, Culture and Society*. 2002. № 19 (5/6).
24. Bicchieri C. Norms in the wild: How to diagnose, measure, and change social norms. Oxford : Oxford University Press, 2016.
25. Барышев А.А. Предпринимательское действие: опыт карттирования распределения значений концепта // Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии : сб. науч. тр. VI Междунар. конф. «Казанские социологические чтения» (Казань, 18–19 мая 2023 г.). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2023. С. 373–383.
26. Ilcan S., Basok T. Community Government: Voluntary Agencies, Social Justice, and the Re-sponsibilization of Citizens // *Citizenship Studies*. 2004. № 8. P. 129–144. doi: 10.1080/1362102042000214714
27. Nelson S.K., Kushlev K., Lyubomirsky S. The pains and pleasures of parenting: when, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? // *Psychol Bull*. May 2014. № 140 (3). P. 846–895. doi: 10.1037/a0035444
28. Hellström I., Torres S. Couplehood as a compass: Spousal perspectives on the diminished everyday competence of partners // *Dementia*. 2021. № 20. doi: 147130122199730. 10.1177/1471301221997306
29. Vyncke V. et al. Does neighbourhood social capital aid in levelling the social gradient in the health and well-being of children and adolescents? A literature review // *BMC Public Health*. 2013. № 13. doi: 10.1186/1471-2458-13-65
30. Lomas T. Life balance and harmony: Wellbeing's golden thread // *International Journal of Wellbeing*. 2021. № 11. P. 18–35.
31. Okuzono S. et al. Iikigai and subsequent health and wellbeing among Japanese older adults: Longitudinal outcome-wide analysis // *The Lancet Regional Health. Western Pacific*. 2022. № 21. P. 100–391.
32. Simpson G., Murr A. Reconceptualising well-being: Social work, economics and choice // *Journal of Current Cultural Research*. 2014. № 6. P. 891–904. doi: 10.3384/cu.2000.1525.146891
33. Sointu E. The rise of an ideal: tracing changing discourses of wellbeing // *The Sociological Review*. 2005. № 53(2). P. 255–274.
34. Budgeon S. Friendship and Formations of Sociality in Late Modernity: The Challenge of ‘Post Traditional Intimacy // *Sociological Research Online*. 2006. № 11(3). P. 48–58. doi: 10.5153/sro.1248
35. Hahmann J. Friendship Repertoires and Care Arrangement: A Praxeological Approach // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2016. № 84. doi: 10.1177/0091415016668353
36. Schroeder W.F. Talking of happiness: How hope configures queer experience in China // *Chinese discourses on happiness* / eds. G. Wielander, D. Hird. Hong Kong University Press, 2018. P. 169–188.
37. Engberg E. et al. Associations of physical activity with self-rated health and well-being in middle-aged Finnish men // *Scandinavian Journal of Public Health*. 2015. № 43(2). P. 190–196.
38. Silva T. “Daddies,” “Cougars,” and Their Partners Past Midlife: Gender Attitudes and Relationship and Sexual Well-Being among Older Adults in Age-Heterogenous Partnerships // *Socius*. 2019. № 5. doi: 10.1177/2378023119869452
39. Lee S., O'Neill D., Moss H. Promoting well-being among people with early-stage dementia and their family carers through community-based group singing: a phenomenological study // *Arts & Health*. 2022. № 14 (1). P. 85–101.

40. Siegrist J. et al. Failed reciprocity in social exchange and wellbeing: evidence from a longitudinal dyadic study in the disability setting // *Psychology & Health*. 2020. № 35(9). P. 1134–1150. doi: 10.1080/08870446.2019.1707826
41. Golden L., Henly J., Lambert S. Work schedule flexibility: a contributor to employee happiness? // *Journal of Social Research and Policy*. 2014. № 4 (2). P. 107–135.
42. Erro-Garcés A., Urien B., Čyras G., Janušauskienė V.M. Telework in Baltic Countries during the Pandemic: Effects on Wellbeing, Job Satisfaction, and Work-Life Balance // *Sustainability*. 2022. № 14 (10). Art. 5778. doi: 10.3390/su14105778
43. Lu Z., Zhuang W. Can teleworking improve workers' job satisfaction? Exploring the roles of gender and emotional well-being // *Applied Research in Quality of Life*. 2023. February. P. 1–19. doi: 10.1007/s11482-023-10145-4
44. Kluczyk M. The impact of work-life balance on the wellbeing of employees in the private sector in Ireland. Doctoral dissertation. Dublin : National College of Ireland, 2013.
45. Jerdan S., Grindle M., Van Woerden H.C., Zubala A. Designing and Implementing a VR Mental Wellbeing Experience using Digital Creative Practice. 2020. URL: <https://assets.researchsquare.com/files/rs-13074/v1/6c77e7f8-05af-4184-86f2-cb2d35a9b154.pdf?c=1631830317>
46. Singh V., Yaduvanshi P., Singh K. A Study of Factors Affecting the Level of Happiness Amongst Practitioners of Yoga, Aerobics and Walking During Corona Lockdown // *International Journal of Research – Granthaalayah*. 2021. № 9 (3). P. 338–346. doi: 10.29121/granthaalayah.v9.i3.2021.3829
47. Martin S.E., Kraft C.S., Ziegler T.R., Millson E.C., Rishishwar L., Martin G.S. The Role of Diet on the Gut Microbiome, Mood and Happiness. Preprint. 2023. doi: 10.1101/2023.03.18.23287442
48. Ashu, Singh S., Devender. Hope and Mindfulness as Correlates of Happiness // *Indian Journal of Positive Psychology*. 2015. № 6 (4). P. 422–425. doi: 10.15614/ijpp/2015/v6i4/127204
49. Page N.C., Nilsson V.O. Active commuting: workplace health promotion for improved employee well-being and organizational behavior // *Frontiers in Psychology*. 2017. № 7. Art. 1994. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01994
50. Kuoppala J., Lamminpää A., Husman P. Work health promotion, job well-being, and sickness absences – a systematic review and meta-analysis // *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. 2008. № 50 (11). P. 1216–1227. doi: 10.1097/JOM.0b013e31818dbf92
51. Magrin M.E. From the psycho-social risk assessment, to well-being promotion // *Giornale Italiano di Medicina del Lavoro ed Ergonomia*. 2009. № 31(2). P. 207–211.
52. Tuwai B.B., Kamau C., Kuria S. Effect of corporate wellbeing practices on employees' performance among Commercial Banks in Kenya // *International Journal of Scientific and Research Publications*. 2015. № 5 (5). P. 117–156.
53. Hartfiel N., Havenhand J., Khalsa S.B., Clarke G., Krayer A. The effectiveness of yoga for the improvement of well-being and resilience to stress in the workplace // *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*. 2011. № 37(1). P. 70–76. doi: 10.5271/sjweh.2916
54. Kim J.I. The effects of mindfulness-positive psychology program on the stress and well-being of call center workers // *Annals of the Romanian Society for Cell Biology*. 2021. P. 1242–1247. URL: <http://annalsofrcsb.ro/index.php/journal/article/view/240>
55. Bailey C. et al. Preconception health and wellbeing interventions in the workplace: A systematic review. 2019. Preprint. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.21203%2Frs.2.12690%2Fv1>
56. Du Plessis K., Cronin D., Corney T., Green E. Australian Blue-Collar Men's Health and Well-Being: Contextual Issues for Workplace Health Promotion Interventions // *Health Promotion Practice*. 2013. № 14 (5). P. 715–720.
57. Daley A.J., Parfitt G. Good health – Is it worth it? Mood states, physical well-being, job satisfaction and absenteeism in members and non-members of a British corporate health and fitness club // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 1996. № 69 (2). P. 121–134.
58. Howells A., Ivtzan I., Eiroa-Orosa F.J. Putting the 'app' in happiness: a randomised controlled trial of a smartphone-based mindfulness intervention to enhance wellbeing // *Journal of Happiness Studies*. 2016. № 17. P. 163–185.
59. Fogliati V.J., Dear B.F., Nielssen O., Titov N. Internet-delivered treatment for older adults with anxiety and depression: implementation of the Wellbeing Plus Course in routine clinical care and comparison with research trial outcomes // *BJPsych Open*. 2016. № 2(5). P. 307–313.
60. Kim Y.J. The effect of tele-acupressure self-practice for mental health and wellbeing in the community during COVID-19 // *Current Psychiatry Research and Reviews*. 2020. № 16(4). P. 267–274.

61. *Mahakian J.* Investigating the use of an autonomous robot assistant to improve the wellbeing of institutionalized older adults in Armenia // *Alzheimer's Dement.* 2022. № 18. Art. e060251. doi: 10.1002/alz.060251
62. *Lé Q., Nguyen H.B., Barnett T.* Smart homes for older people: Positive aging in a digital world // *Future Internet.* 2012. № 4 (2). P. 607–617.
63. *Malik H. et al.* Sustainable Smart Homes and Community Happiness in the Malaysian Context // *International Journal of Asian Business and Information Management.* 2022. № 13. P. 1–18. doi: 10.4018/IJABIM.313109
64. *Reyes-Riveros R. et al.* Linking public urban green spaces and human well-being: A systematic review // *Urban Forestry & Urban Greening.* 2021. № 61. Art. 127105. doi: 10.1016/j.ufug.2021.127105
65. *Anderson J., Baldwin C.* Building well-being: Neighborhood flourishing and tools for collaborative urban design intervention // *Phillips R. & Wong, C. (eds) Handbook of Community Well-Being Research.* London, England: Springer, 2017.
66. *Anguelovski I. et al.* Green gentrification in European and North American cities // *Nature Communications.* 2022. № 13. Art. 3816. doi: 10.1038/s41467-022-31572-1
67. *Kreager D.A., Lyons C.J., Hays Z.R.* Urban Revitalization and Seattle Crime, 1982–2000 // *Soc Probl.* 2011. № 58 (4). P. 615–639. doi: 10.1525/sp.2011.58.4.615
68. *Carroll A.B.* A History of Corporate Social Responsibility: Concepts and Practices // eds A. Crane et al. *The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility.* (2008; online edn, Oxford Academic, 2 Sept. 2009). doi: 10.1093/oxfordhb/9780199211593.003.0002
69. *Kottke T.E., Pronk N., Zinkel A.R., Isham G.J.* Philanthropy and Beyond: Creating Shared Value to Promote Well-Being for Individuals in Their Communities // *Permanente Journal.* 2017. № 21 (3).
70. *Keohane G.L.* Social entrepreneurship for the 21st century: Innovation across the nonprofit, private, and public sectors. McGraw-Hill, 2013.
71. *Ng E.* The Responsibilization of Healthy Eating and the 2019 Canada's Food Guide // *Journal of Critical Dietetics.* 2023. № 6 (3). P. 158–167.
72. *Rishworth A.* Who is responsible for wellbeing? Shifting care responsibilities in the Canadian landscape: The case of state-employer interactions // *Wellbeing, Space and Society.* 2022. № 3. Art. 100087.
73. *Crawford R.* Healthism and the medicalization of everyday life // *International Journal of Health Services.* 1980. № 10 (3). P. 365–388.
74. *Vuletić T., Ignjatović N., Stanković B., Ivanov A.* “Normalizing” everyday life in the state of emergency: experiences, well-being and coping strategies of emerging adults in Serbia during the first wave of the COVID-19 pandemic // *Emerging Adulthood.* 2021. № 9 (5). P. 583–601.
75. *Muchie M.* Globalization, Inequality and the Commodification of Life and Well-being. Adonis & Abbey Publishers Ltd., 2006.
76. *Gupta S.* Impact of marketization on rural consumer wellbeing // *Academy of Marketing Studies Journal.* 2021. № 25. P. 1–6.
77. *Foucault M.* Power/knowledge // Seidman, C. et al. (eds) *The new social theory reader.* Routledge, 2020. P. 73–79.
78. *Барышева Г.А., Недоспасова О.П., Павлова И.А., Рождественская Е.М., Барышев А.А.* Капитал здоровья старшего поколения: социологические данные для оценки процессов накопления и сохранения (на примере Томской области) // *Вестник Томского государственного университета.* 2022. № 484. С. 194–206. doi: 10.17223/15617793/484/22

References

1. Polanyi, K. (1947) Our obsolete market mentality: “Civilization must find a new thought pattern”. *Commentary.* 3(2). pp. 109–118.
2. Virno, P. (2013) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni* [Grammar of the set: towards the analysis of the forms of modern life]. Moscow: Ad Marginem.
3. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
4. Stiglitz, D., Sen, A. & Fitoussi, J.P. (2016) *Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa* [Misjudging Our Lives: Why Doesn't GDP Make Sense? Report of the Commission on Measuring

- Economic Performance and Social Progress]. Translated from English by I. Kushnareva. Moscow: The Gaydar Institute.
5. Baryshev, A., Casati, F. & Barysheva, G. (2016) Well-being: From not-being to reality. In: *Information Technologies in Science, Management, Social Sphere and Medicine*. Atlantis Press. pp. 420–425.
 6. Barysheva, G.A., Baryshev, A.A. & Ngok, Ch.T.B. (2022) Transformatsiya kharaktera zanyatosti i trudovoy zhizni v postfordistskuyu epokhu [Transformation of the nature of employment and work life in the post-Fordist era]. *Vektry blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 4(47). pp. 146–154.
 7. Peters, M.A. (2017) From state responsibility for education and welfare to self-responsibilisation in the market. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*. 38(1). pp. 138–145.
 8. Baryshev, A.A. & Serbina, G.N. (2022) Vozmozhnosti i perspektivy sistematiceskogo analiza issledovaniy sotsial'nykh fenomenov: problema obespecheniya gomogennosti znacheniy kontseptov [Possibilities and prospects for systematic analysis of research on social phenomena: The problem of ensuring homogeneity of the concepts]. In: Sarkisova, A.Yu. (ed.) *Bol'shie dannye i problemy obshchestva* [Big Data and Problems of Society]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 20–28.
 9. Baryshev, A.A. & Kashpur, V.V. (2022) Kartirovanie kontseptov entrepreneurship na osnove analiza lingvisticheskikh form vyrazheniya novykh znacheniy [Mapping the concept of entrepreneurship based on the analysis of linguistic forms of expressing new meanings]. In: Ilinskyh, S.A. & Rovbel, S.V. (eds) *Sotsial'nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sotsiologii* [Social practices and management: problem field of sociology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management. pp. 153–159.
 10. Volkov, V.V. & Kharkhordin, O.V. (2008) *Teoriya praktik* [Theory of Practices]. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
 11. Winch, P. (ed.) (2013) *Studies in the Philosophy of Wittgenstein*. Routledge.
 12. Garfinkel, H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
 13. Delamothe, T. (2005) Happiness. *The BMJ*. 331(7531). pp. 1489–1490.
 14. McDermott, H.J., Kazi, A., Munir, F. & Haslam, C. (2010) Developing occupational health services for active age management. *Occupational Medicine*. 60(3). pp. 193–204.
 15. Blanco, I., Contreras, A., Chaves, C., Lopez-Gomez, I., Hervas, G. & Vazquez, C. (2020) Positive interventions in depression change the structure of well-being and psychological symptoms: A network analysis. *The Journal of Positive Psychology*. 15(5). pp. 623–628.
 16. Biron, C. & Karanika-Murray, M. (2014) Process evaluation for organizational stress and well-being interventions: Implications for theory, method, and practice. *International Journal of Stress Management*. 21(1).
 17. Urrila, L.I. (2022) From personal wellbeing to relationships: A systematic review on the impact of mindfulness interventions and practices on leaders. *Human Resource Management Review*. 32(3). Art. 100837.
 18. Burlakova, I., Sheviakov, O. & Kondes, T. (2022) Psychological intervention and corporate well-being. *2nd International Conference on Corporation Management*. Estonia, May 19, 2022. [Online] Available from: <https://conf.senhub.com/index.php/ICCM/ICCM-2022/paper/view/380>
 19. Anderson, J., Ruggeri, K., Steemers, K. & Huppert, F. (2017) Lively social space, well-being activity, and urban design: findings from a low-cost community-led public space intervention. *Environment and Behavior*. 49(6). pp. 685–716.
 20. Mulderrig, J. (2017) Nudge and the politics of wellbeing: bringing biopower into dialogue with critical discourse analysis. *Médiation et Information*. 44–45. pp. 181–195.
 21. Bache, I. & Reardon, L. (2016) *The Politics and Policy of Wellbeing: Understanding the Rise and Significance of a New Agenda*. Edward Elgar Publishing.
 22. Bache, I. & Scott, K. (eds) (2018) *The Politics of Wellbeing: Theory, Policy and Practice*. Springer.
 23. Law, J. (2002) Objects and spaces. *Theory, Culture and Society*. 19(5/6).
 24. Bicchieri, C. (2016) *Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure, and Change Social Norms*. Oxford: Oxford University Press.
 25. Baryshev, A.A. (2023) Predprinimate'skoe deystvie: opyt kartirovaniya raspredeleniya znacheniy kontseptov [Entrepreneurial action: Mapping the distribution of concept values]. In: *Tsifrovaya sotsializatsiya i tsifrovaya kompetentnost' v usloviyakh global'nykh sistemnykh izmeneniy: tekhnologii regulirovaniya, riski, stsenarii* [Digital Socialization and Digital Competence in the Context of Global Systemic Changes: Regulatory Technologies, Risks, Scenarios]. Kazan: Kazan State University. pp. 373–383.

26. Ilcan, S. & Basok, T. (2004) Community Government: Voluntary Agencies, Social Justice, and the Responsibilization of Citizens. *Citizenship Studies*. 8. pp. 129–144. DOI: 10.1080/1362102042000214714
27. Nelson, S.K., Kushlev, K. & Lyubomirsky, S. (2014) The pains and pleasures of parenting: when, why, and how is parenthood associated with more or less well-being? *Psychological Bulletin*. 140(3). pp. 846–895. doi: 10.1037/a0035444
28. Hellström, I. & Torres, S. (2021) Couplehood as a compass: Spousal perspectives on the diminished everyday competence of partners. *Dementia*. 20. doi: 147130122199730. 10.1177/1471301221997306
29. Vyncke, V. et al. (2013) Does neighbourhood social capital aid in levelling the social gradient in the health and well-being of children and adolescents? A literature review. *BMC Public Health*. 13. doi: 10.1186/1471-2458-13-65
30. Lomas, T. (2021) Life balance and harmony: Wellbeing's golden thread. *International Journal of Wellbeing*. 11. pp. 18–35.
31. Okuzono, S. et al. (2022) Ikigai and subsequent health and wellbeing among Japanese older adults: Longitudinal outcome-wide analysis. *The Lancet Regional Health. Western Pacific*. 21. pp. 100–391.
32. Simpson, G. & Murr, A. (2014) Reconceptualising well-being: Social work, economics and choice. *Journal of Current Cultural Research*. 6. pp. 891–904. doi: 10.3384/cu.2000.1525.146891
33. Sointu, E. (2005) The rise of an ideal: tracing changing discourses of wellbeing. *The Sociological Review*. 53(2). pp. 255–274.
34. Budgeon, S. (2006) Friendship and Formations of Sociality in Late Modernity: The Challenge of Post Traditional Intimacy. *Sociological Research Online*. 11(3). pp. 48–58. doi: 10.5153/sro.1248
35. Hahmann, J. (2016) Friendship Repertoires and Care Arrangement: A Praxeological Approach. *The International Journal of Aging and Human Development*. 84. doi: 10.1177/0091415016668353
36. Schroeder, W.F. (2018) Talking of happiness: How hope configures queer experience in China. In: Wielander, G. & Hird, D. (eds) *Chinese Discourses on Happiness*. Hong Kong University Press. pp. 169–188.
37. Engberg, E. et al. (2015) Associations of physical activity with self-rated health and well-being in middle-aged Finnish men. *Scandinavian Journal of Public Health*. 43(2). pp. 190–196.
38. Silva, T. (2019) “Daddies,” “Cougars,” and Their Partners Past Midlife: Gender Attitudes and Relationship and Sexual Well-Being among Older Adults in Age-Heterogenous Partnerships. *Socius*. 5. doi: 10.1177/2378023119869452
39. Lee, S., O’Neill, D. & Moss, H. (2022) Promoting well-being among people with early-stage dementia and their family carers through community-based group singing: a phenomenological study. *Arts & Health*. 14(1). pp. 85–101.
40. Siegrist, J. et al. (2020) Failed reciprocity in social exchange and wellbeing: evidence from a longitudinal dyadic study in the disability setting. *Psychology & Health*. 35(9). pp. 1134–1150. doi: 10.1080/08870446.2019.1707826
41. Golden, L., Henly, J. & Lambert, S. (2014) Work schedule flexibility: a contributor to employee happiness? *Journal of Social Research and Policy*. 4(2). pp. 107–135.
42. Erro-Garcés, A., Urien, B., Čyras, G. & Janušauskienė, V.M. (2022) Telework in Baltic Countries during the Pandemic: Effects on Wellbeing, Job Satisfaction, and Work-Life Balance. *Sustainability*. 14(10). Art. 5778. doi: 10.3390/su14105778
43. Lu, Z. & Zhuang, W. (2023) Can teleworking improve workers’ job satisfaction? Exploring the roles of gender and emotional well-being. *Applied Research in Quality of Life*. February. pp. 1–19. doi: 10.1007/s11482-023-10145-4
44. Kluczyk, M. (2013) *The impact of work-life balance on the wellbeing of employees in the private sector in Ireland*. Doctoral dissertation. Dublin: National College of Ireland.
45. Jerdan, S., Grindle, M., Van Woerden, H.C. & Zubala, A. (2020) *Designing and Implementing a VR Mental Wellbeing Experience using Digital Creative Practice*. [Online] Available from: <https://assets.researchsquare.com/files/rs-13074/v1/6c77e7f8-05af-4184-86f2-cb2d35a9b154.pdf?c=1631830317>
46. Singh, V., Yaduvanshi, P. & Singh, K. (2021) A Study of Factors Affecting the Level of Happiness Amongst Practitioners of Yoga, Aerobics and Walking During Corona Lockdown. *International Journal of Research – Granthaalayah*. 9(3). pp. 338–346. DOI: 10.29121/granthaalayah.v9.i3.2021.3829

47. Martin, S.E., Kraft, C.S., Ziegler, T.R., Millson, E.C., Rishishwar, L. & Martin, G.S. (2023) *The Role of Diet on the Gut Microbiome, Mood and Happiness*. Preprint. DOI: 10.1101/2023.03.18.23287442
48. Ashu, Singh, S. & Devender. (2015) Hope and Mindfulness as Correlates of Happiness. *Indian Journal of Positive Psychology*. 6(4). pp. 422–425. DOI: 10.15614/ijpp/2015/v6i4/127204
49. Page, N.C. & Nilsson, V.O. (2017) Active commuting: workplace health promotion for improved employee well-being and organizational behavior. *Frontiers in Psychology*. 7. Art. 1994. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.01994
50. Kuoppala, J., Lammimpää, A. & Husman, P. (2008) Work health promotion, job well-being, and sickness absences – a systematic review and meta-analysis. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. 50(11). pp. 1216–1227. doi: 10.1097/JOM.0b013e31818dbf92
51. Magrin, M.E. (2009) From the psycho-social risk assessment, to well-being promotion. *Giornale Italiano di Medicina del Lavoro ed Ergonomia*. 31(2). pp. 207–211.
52. Tuwai, B.B., Kamau, C. & Kuria, S. (2015) Effect of corporate wellbeing practices on employees' performance among Commercial Banks in Kenya. *International Journal of Scientific and Research Publications*. 5(5). pp. 117–156.
53. Hartfiel, N., Havenhand, J., Khalsa, S.B., Clarke, G. & Krayer, A. (2011) The effectiveness of yoga for the improvement of well-being and resilience to stress in the workplace. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*. 37(1). pp. 70–76. DOI: 10.5271/sjweh.2916
54. Kim, J.I. (2021) The effects of mindfulness-positive psychology program on the stress and well-being of call center workers. *Annals of the Romanian Society for Cell Biology*. pp. 1242–1247. [Online] Available from: <http://annalsofrscb.ro/index.php/journal/article/view/240>
55. Bailey, C. et al. (2019) *Preconception health and wellbeing interventions in the workplace: A systematic review*. Preprint. [Online] Available from: <https://www.readcube.com/articles/10.21203%2Frs.2.12690%2Fv1>
56. Du Plessis, K., Cronin, D., Corney, T. & Green, E. (2013) Australian Blue-Collar Men's Health and Well-Being: Contextual Issues for Workplace Health Promotion Interventions. *Health Promotion Practice*. 14(5). pp. 715–720.
57. Daley, A.J. & Parfitt, G. (1996) Good health – Is it worth it? Mood states, physical well-being, job satisfaction and absenteeism in members and non-members of a British corporate health and fitness club. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 69(2). pp. 121–134.
58. Howells, A., Ivtzan, I. & Eiroa-Orosa, F.J. (2016) Putting the 'app' in happiness: a randomised controlled trial of a smartphone-based mindfulness intervention to enhance wellbeing. *Journal of Happiness Studies*. 17. pp. 163–185.
59. Fogliati, V.J., Dear, B.F., Nielssen, O. & Titov, N. (2016) Internet-delivered treatment for older adults with anxiety and depression: implementation of the Wellbeing Plus Course in routine clinical care and comparison with research trial outcomes. *BJPsych Open*. 2(5). pp. 307–313.
60. Kim, Y.J. (2020) The effect of tele-acupressure self-practice for mental health and wellbeing in the community during COVID-19. *Current Psychiatry Research and Reviews*. 16(4). pp. 267–274.
61. Mahakian, J. (2022) Investigating the use of an autonomous robot assistant to improve the wellbeing of institutionalized older adults in Armenia. *Alzheimer's Dement*. 18. Art. e060251. DOI: 10.1002/alz.060251
62. Lê, Q., Nguyen, H.B. & Barnett, T. (2012) Smart homes for older people: Positive aging in a digital world. *Future Internet*. 4(2). pp. 607–617.
63. Malik, H. et al. (2022) Sustainable Smart Homes and Community Happiness in the Malaysian Context. *International Journal of Asian Business and Information Management*. 13. pp. 1–18. DOI: 10.4018/IJABIM.313109
64. Reyes-Riveros, R. et al. (2021) Linking public urban green spaces and human well-being: A systematic review. *Urban Forestry & Urban Greening*. 61. Art. 127105. DOI: 10.1016/j.ufug.2021.127105
65. Anderson, J. & Baldwin, C. (2017) Building well-being: Neighborhood flourishing and tools for collaborative urban design intervention. In: Phillips, R. & Wong, C. (eds) *Handbook of Community Well-Being Research*. London, England: Springer.
66. Anguelovski, I. et al. (2022) Green gentrification in European and North American cities. *Nature Communications*. 13. Art. 3816. DOI: 10.1038/s41467-022-31572-1
67. Kreager, D.A., Lyons, C.J. & Hays, Z.R. (2011) Urban Revitalization and Seattle Crime, 1982–2000. *Soc Probl*. 58(4). pp. 615–639. DOI: 10.1525/sp.2011.58.4.615
68. Carroll, A.B. (2008) A History of Corporate Social Responsibility: Concepts and Practices. In: Crane, A. et al. (ed.) *The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility*. Oxford Academic. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199211593.003.0002

69. Kottke, T.E., Pronk, N., Zinkel, A.R. & Isham, G.J. (2017) Philanthropy and Beyond: Creating Shared Value to Promote Well-Being for Individuals in Their Communities. *Permanente Journal*. 21(3).
70. Keohane, G.L. (2013) *Social entrepreneurship for the 21st century: Innovation across the nonprofit, private, and public sectors*. McGraw-Hill, 2013.
71. Ng, E. (2023) The Responsibilization of Healthy Eating and the 2019 Canada's Food Guide. *Journal of Critical Dietetics*. 6(3). pp. 158–167.
72. Rishworth, A. (2022) Who is responsible for wellbeing? Shifting care responsibilities in the Canadian landscape: The case of state-employer interactions. *Wellbeing, Space and Society*. 3. Art. 100087.
73. Crawford, R. (1980) Healthism and the medicalization of everyday life. *International Journal of Health Services*. 10(3). pp. 365–388.
74. Vučetić, T., Ignjatović, N., Stanković, B. & Ivanov, A. (2021) "Normalizing" everyday life in the state of emergency: experiences, well-being and coping strategies of emerging adults in Serbia during the first wave of the COVID-19 pandemic. *Emerging Adulthood*. 9(5). pp. 583–601.
75. Muchie, M. (2006) *Globalization, Inequality and the Commodification of Life and Well-being*. Adonis & Abbey Publishers Ltd.
76. Gupta, S. (2021) Impact of marketization on rural consumer wellbeing. *Academy of Marketing Studies Journal*. 25. pp. 1–6.
77. Foucault, M. (2020) Power/knowledge. In: Seidman, C. et al. (eds) *The New Social Theory Reader*. Routledge. pp. 73–79.
78. Barysheva, G.A., Nedospasova, O.P., Pavlova, I.A., Rozhdestvenskaya, E.M. & Baryshev, A.A. (2022) The health capital of the older generation: Sociological data for assessing the processes of accumulation and preservation (on the example of Tomsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 484. pp. 194–206. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/484/22

Сведения об авторах:

Барышев А.А. – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии философского факультета; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных, Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: barishevnp@mail.ru

Кашпур В.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии филологического факультета, Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: valkashpur@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Baryshev A.A. – Cand. Sci. (Economics), associate professor at the Department of Sociology, Faculty of Philosophy; senior research fellow at the Research Laboratory for Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru

Kashpur V.V. – Cand. Sci. (Philology), associate professor at the Department of Romance-Germanic and Classical Philology, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valkashpur@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023;
одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 20.10.2023;
approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 001.11

doi: 10.17223/1998863X/76/10

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ РИСКИ СОФТВЕРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Юрьевна Журавлева

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Вологда, Россия,
zhuravleva-ey@ranepa.ru*

Аннотация. Активное развитие научного программного обеспечения становится важной составляющей современных научно-исследовательских практик. При этом происходит их значительная социотехнологическая трансформация под названием софтвализация научно-исследовательской деятельности, приводящая не только к достижению существенных научных результатов, но и к определенным эпистемическим рискам, выявлению которых и посвящена цель написания статьи.

Ключевые слова: софтвализация научно-исследовательской деятельности, эпистемический риск, эпистемическая непроницаемость, эпистемический контроль, эпистемическое доверие

Для цитирования: Журавлева Е.Ю. Эпистемические риски софтвализации современной научно-исследовательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 102–109. doi: 10.17223/1998863X/76/10

Original article

EPISTEMIC RISKS OF THE SOFTWAREIZATION OF MODERN RESEARCH ACTIVITIES

Elena Yu. Zhuravleva

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Vologda, Russian Federation,
zhuravleva-ey@ranepa.ru*

Abstract. Software is gradually becoming a fundamental component of modern research activities from preparation for research (information retrieval activities, creation of databases and metacatalogs, generation of hypotheses) and its conduct (connection to virtual instruments and devices, implementation of experiments, automatic proof or refutation of theorems, analysis and visualization of data/information, modeling of complex systems and simulation of their behavior in various states, solving complex computational problems) to the presentation and distribution of the results obtained in the process of research and maintaining scientific communication. This process is also called the softwareization of modern research activities. An epistemological understanding of the development of the softwareization of modern research activities may lead to a reevaluation of the process of cognition and the creation of a non-anthropocentric epistemology, in which knowledge of the world is carried out from the perspective of not only people, but also users who are not biologically human (software, intelligent or cognitive agents, robots, avatars, artificial intelligence objects, etc.). Currently, attempts to create a non-anthropocentric epistemology are expressed in the emergence of android epistemology, robot epistemology, software

epistemology, and artificial intelligence epistemology. From the point of view of epistemological analysis, the epistemic risks of the softwarization of modern research activities are interconnected and consist in epistemic opacity, loss of epistemic control over the research process and trust in the results obtained, difficulties in maintaining and developing scientific software, as well as reproducibility of research results, and also in the lack of a scientific understanding and explanation of the results obtained with the help of software. So, as modern science becomes more and more dependent on scientific software, the epistemic risks of its use increase accordingly. Overcoming the epistemic risks of the softwarization of modern research activities is a critical and necessary condition for understanding and reproducing research results, and can contribute to the progressive evolution of modern scientific computer methods.

Keywords: softwarization of research activities, epistemic risk, epistemic opacity, epistemic control, epistemic trust

For citation: Zhuravleva, E.Yu. (2023) Epistemic risks of the softwarization of modern research activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 102–109. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/10

Программное обеспечение –
это современный язык науки.¹
Э. Зайдель¹

Программное обеспечение (ПО) постепенно становится фундаментальным компонентом современного исследования, без которого невозможна наука XXI в. По мнению Д. Вулларда и его коллег, научное программное обеспечение приобрело важность в последние десятилетия, продвигая науку от «тестовых пробирок к симуляциям, основанным на кремнии» [1. Р. 38].

Необходимо отметить, что в современных естественных науках практически все результаты, которые получены из экспериментальной или теоретической работы, произведены с помощью ПО². В целом научное программное обеспечение – это специальная категория исследовательского программного обеспечения³, которая включает в себя ПО, развиваемое для выполнения различных сложных научных изысканий, которые невозможно исполнить экспериментально или реализовать без компьютерной поддержки.

В «Манифесте научного кода»⁴ постулируется, что программное обеспечение превращается не только в важный инструмент для поиска знания во многих дисциплинах, но и часто является единственным представлением цифрового знания. В этом случае программное обеспечение – это существенный исследовательский продукт, и поэтому все попытки по его производству, поддержке, адаптации и распространению должны быть осознанными. По-

¹ Zverina J. NSF's Seidel: "Software is the Modern Language of Science". 09.08.2011. URL: http://www.hpcwire.com/2011/08/09/nsf_s_seidel_software_is_the_modern_language_of_science/ (accessed: 10.09.22).

² Например, в 1998 г. Дж. Попл был награжден Нобелевской премией по химии за вклад «развитие компьютерных методов в квантовой химии». Исследовательский инструмент, который создал Дж. Попл, называется компьютерная программа «Гауссиан». Обладатели Нобелевской премии по химии за 2013 г. М. Карплус, А. Уоршел и М. Левитт получили свою награду за разработку компьютерной программы для моделирования протекания химической реакции.

³ Исследовательское программное обеспечение – это ПО, применяемое и / или производимое в исследованиях, включая и не ограничиваясь научными и ненаучными, коммерческими, академическими и неакадемическими контекстами.

⁴ Подробнее: The Science Code Manifesto. URL: <http://sciencecodemanifesto.org/> (accessed: 17.07.22).

этому большинство глубоких изменений в эпистемологических изысканиях заключается в том, что важная часть научного знания существует только в формате программного обеспечения с неопределенным эпистемическим статусом¹.

Активное применение программного обеспечения в науке означает значительные социотехнологические трансформации научных практик или, иными словами, софтверизацию научно-исследовательской деятельности. Ее развертывание происходит по двум основным взаимосвязанным направлениям. Первое направление «Применение в научной практике программного обеспечения, содействующего науке» (ПО как ассистент или инструмент ученого) развивается в рамках познавательных возможностей человека. А во втором направлении «Применение в научной практике программного обеспечения, продвигающего науку» (ПО как познавательный агент) возможен выход за рамки познавательных возможностей человека. Общим в этих подходах является то, что программное обеспечение используется для решения научных проблем при помощи совершенно нового набора идей, которые нельзя было представить, используя традиционные подходы.

Эпистемологическое осмысление развития второго направления софтверизации современной научно-исследовательской деятельности может привести к разделению эпистемологии на антропоцентрическую и не-антропоцентрическую. П. Хамфрис [2. Р. 616] подчеркивает, что до недавнего времени философия науки всегда обращалась с наукой как с деятельностью, которую осуществляют и анализируют люди. Также верно и обратное утверждение о том, что люди овладевают и используют знания, произведенные наукой. При соблюдении этих принципов философия науки находится в рамках традиционной (антропоцентрической) эпистемологии, которая с несколькими исключениями (например, такими как познание божественного всеведения) изучает знание, доступное для понимания и объяснения людьми.

Но в компьютерной науке используются методы, которые, по мнению П. Хамфриса, оттесняют людей от центра эпистемологической инициативы. Эксклюзивная антропоцентрическая эпистемология не долго соответствовала увеличивающемуся числу сфер в науке. Так как в компьютерной науке в настоящее время существует верховный (нечеловеческий) эпистемический авторитет, то ученые столкнулись с проблемой, которая называется антропологическое затруднение, заключающееся в том, что людям сложно понять и оценить результаты, полученные с помощью методов, основанных на вычислениях, поскольку они часто превосходят их когнитивные способности [2. С. 616–617]. Само антропологическое затруднение возникло из-за старинной философской точки зрения, согласно которой познание мира подразумевает типичных посредников, специально приспособленных к познавательным способностям человека.

¹ Эта положение истинно и в отношении научных моделей сложных систем, для которых кроме ПО нет подходящей формы представления. Примером является масштабная модель климата Земли (CESM1, URL: <https://www2.cesm.ucar.edu/models/cesm1.0/>), которая включает в себя более 1 млн линий программного кода. В сообществе «Модель климата Земли» участвуют 300 ученых и разработчиков ПО, каждый из которых отвечает за различные элементы моделей. И хотя ученые представляют результаты исследования в виде научных статей, но эти статьи содержат в себе только описания этой модели. Подробнее: Hinsen K. The lifecycle of digital scientific knowledge. URL: <http://blog.khinsen.net/posts/2015/11/09/the-lifecycle-of-digital-scientific-knowledge/> (accessed: 20.03.22).

Итак, дальнейшее эпистемологическое осмысление развития софтверизации современной научно-исследовательской деятельности, возможно, приведет к переоценке процесса познания и созданию не-антропоцентрической эпистемологии, в которой поиски научного знания осуществляются не только с позиции человека, а и пользователей, не являющихся людьми биологически (программными, разумными или когнитивными агентами, роботами, аватарами, объектами искусственного интеллекта и т.п.). В настоящее время попытки создания не-антропоцентрической эпистемологии выражаются в появлении эпистемологии андроида¹, эпистемологии робота², эпистемологии программного обеспечения³ и эпистемологии искусственного интеллекта⁴.

И если разделение эпистемологии на два направления по причине активной софтверизации современной научно-исследовательской деятельности – это дело ближайшей перспективы, то вопрос об эпистемических рисках в процессе познания с использованием ПО относится уже к настоящему времени. Эпистемический риск софтверизации – это осознанная возможность получения недостоверного, неподтвержденного, непонятного и необъяснимого для человека знания при применении ПО в научно-исследовательской деятельности.

Причин появления эпистемических рисков несколько. Во-первых, несмотря на то, что постепенно программное обеспечение становится составной частью современных научных методов, само понятие «научное программное обеспечение» не вполне интегрировано в научный дискурс и, по меткому замечанию И. Фэсте, представляет в нем своеобразную «темную материю»⁵. Во-вторых, современное научное программное обеспечение содержит в себе сложное для понимания учеными научное знание в стиле «черного ящика». Поэтому ученые не знают и даже не имеют шанса узнать, на какой модели или предположениях основаны их вычисления. В связи с этим представление природы функционирования научного программного обеспечения в качестве «черного ящика» становится основной причиной совершения ошибок в научном исследовании [3]. Третья причина появления эпистемических рисков в софтверизации современной научно-исследовательской деятельности заключается в непрерывной эволюции научного программного обеспечения связанной с постоянным увеличением его когнитивной плотности.

¹ Эпистемология андроида изучает фундаментальные вопросы о сущности искусственных интеллектуальных машин. Подробнее: *Ford K., Glymour C., Hayes P. Thinking about Android Epistemology*. Cambridge : AAAI Press / MIT Press, 2006. 384 р.

² Подробнее: *Ghilardi G. Epistemology of Robotics: an Outline* // *The Future of Scientific Practice* / ed. M. Bertolaso. London : Pickering & Chatto, 2015. P. 117–132.

³ Эпистемология программного обеспечения изучает знание в контексте применения для его добычи программного агента и призвана для ответа на вопросы: Что означает знание для программного агента? Каким образом программный агент может приобретать знание? Каким образом люди смогут установить достоверность и происхождение этого знания? Подробнее: *Software Epistemology*. URL: http://www.ctestlabs.org/software_visualization.html (accessed: 10.04.22).

⁴ Эпистемология искусственного интеллекта создана для ответа на вопросы о «мышлении» машин.

⁵ Подробнее: *Foster I. Thoughts on dark software*. URL: <http://www.ianfoster.org/wordpress/2014/01/10/thoughts-on-dark-software/> (accessed: 22.03.17).

К. Хинсен предполагает, что ученые теряют контроль над своими данными и информацией, методами и моделями, которые все больше поглощаются программным обеспечением и, следовательно, становятся непрозрачными [4. Р. 101]. В этом заключается первый эпистемический риск софтверизации современной научно-исследовательской деятельности под названием «эпистемическая непроницаемость» (ЭН), представляющий собой новый феномен, характеризующий современное состояние науки.

Термин «эпистемическая непроницаемость» был предложен П. Хамфри-сом в 2004 г. [5. Р. 147–151] для рассмотрения компьютерных симуляций, им же дано следующее определение ЭН. Процесс существенно эпистемически непроницаем во времени для когнитивного объекта X , если и только если невозможно, следя природе X , узнать все «эпистемическое» относительно элементов процесса симуляции. Вследствие этого два ученых X и Y могут расходиться во мнениях по их поводу, так как X может рассматривать каждый особенный шаг относительно процесса, а Y может полагать, что этот шаг может быть достаточно тривиально исключен. М. Фриш уточняет содержание понятия «эпистемическая непроницаемость» от невозможности когнитивного объекта узнать все «эпистемическое» относительно элементов процесса познания за данное время до невозможности идентификации когнитивным объектом вклада различных компонентов научного ПО в процесс выполнения исследования [6. Р. 172].

Второй эпистемический риск софтверизации современной научно-исследовательской деятельности взаимосвязан с первым и заключается в утрате эпистемического контроля учеными над процессом исследования, проявляющейся в том, им сложно осознать успешный вычислительный процесс, что необходимо для подтверждения его результатов. В этом случае, считает А. Барбаросса с коллегами, исследователи не могут обратиться к детализации рациональных этапов и шагов в пределах вычислительного процесса [7. С. 3596]. К. Хинсен также замечает, что еще не всеми учеными широко осознается факт того, что в современное научное программное обеспечение внедрено огромное количество научного знания, которое очень сложно к доступу, контролю и проверке экспертами¹.

Третий эпистемический риск заключается в качестве поддержки и развития научного ПО. «Научное программное обеспечение» является существенным для прогресса в науке и инженерии, но не развивается эффективно или поддерживается должным образом [8]. Несмотря на важность ПО в науке, большая его часть развивается в манере *ad hoc* с небольшим вниманием на высокие стандарты, которые характерны для других частей научного исследования. В результате экосистемы научные ПО могут быть хрупкими, что является, в свою очередь, источником большого числа проблем. Необходимо отметить, что для преодоления данного вида эпистемического риска представлены принципы FAIR для разработки научного ПО (способность к обнаружению, доступность, интероперабельность и повтор-

¹ Подробнее: Hinsen K. What can we do to check scientific computation more effectively? 2018-03-07. URL: <http://blog.khinsen.net/posts/2018/03/07/what-can-we-do-to-check-scientific-computation-more-effectively/> (accessed: 25.03.18).

ное использование научного ПО)¹, определен жизненный цикл исследовательского ПО² и создаются его энциклопедии³.

Четвертый риск софтверизации современной научно-исследовательской деятельности – возникновение проблемы эпистемического доверия к полученным научным результатам, а также их научного понимания и объяснения. С продвижением продуктов научного программного обеспечения становятся центральными вопросы эффективного понимания знания, которое заложено в программном обеспечении, например, его возможностей и ограничений и того, как они влияют на результаты его работы. Если эти вопросы перед началом исследования проработаны недостаточно, то это имеет негативное влияние на достоверность и надежность научных результатов, полученных с помощью научного программного обеспечения. Существуют примеры, когда научный поиск при помощи ПО происходит без научного понимания процесса получения результатов исследования. Например, новая эффективная молекула для органического диода лазера была найдена в поисковом пространстве из 1,6 млн различных молекул при использовании машинного обучения и инсайтов квантовой химии. Ученые нашли новые молекулы с высокой квантовой эффективностью [9. Р. 1120], но несмотря на то, что эти поиски привнесли важные технологические открытия, результаты исследования не предложили нового научного понимания, так как из них, по сути, не получить качественного нового знания.

Пятый риск софтверизации современной научно-исследовательской деятельности связан со сложностью воспроизводимости результатов исследования. Более трудно уловимой проблемой является широкая распространенность невоспроизводимости результатов компьютерных процессов, несмотря на факт того, что они полностью детерминированы. Воспроизводимость результатов исследования – это главный принцип научного исследования. Но при опросе 2016 г. 1 576 исследователей оказалось, что более чем 70% из них испытывают и терпят неудачу по воспроизводимости результатов экспериментов, при этом 80% от общего числа опрошенных считают виновными в этом недоступность методов и кодов исследования⁴.

Итак, с точки зрения эпистемологического анализа эпистемические риски софтверизации современной научно-исследовательской деятельности взаимосвязаны между собой и заключаются в эпистемической непроницаемости, утрате эпистемического контроля над процессом исследования и доверия к полученным результатам, в сложностях поддержки и развития научного программного обеспечения, а также воспроизводимости результатов исследования и в недостатке научного понимания и объяснения результатов, полученных при помощи ПО.

¹ Подробнее: *Barker M., Chue Hong N.P., Katz D.S., Lamprecht A.L., Martinez-Ortiz C., Psomopoulos F., Harrow J., Castro L.J., Gruenpeter M., Martinez P.A., Honeyman T.* Introducing the FAIR Principles for research software // *Scientific data*. 2022. 9(1). P. 622.

² Подробнее: *Gomez-Diaz T., Recio T.* On the evaluation of research software: the CDUR procedure // *F1000Res*. 2019. 8. P. 1353.

³ Подробнее: *Research Software Encyclopedia*. URL: <https://rseng.github.io/software/>; Открытая энциклопедия свойств алгоритмов. URL: <https://algowiki-project.org/ru/>

⁴ Подробнее: *Baker M.* 1,500 scientists lift the lid on reproducibility. Survey sheds light on the ‘crisis’ rocking research // *Nature*. 2016. № 533 (7604). P. 452–455.

В целом современная наука становится все более зависимой от научного программного обеспечения, сфера влияния которого будет постоянно увеличиваться, соответственно, увеличивая эпистемические риски его применения. Преодоление эпистемических рисков софтверизации современной научно-исследовательской деятельности является критическим и необходимым условием для понимания, а также для воспроизведения результатов исследований и может оказать влияние на прогрессивную эволюцию современных научных компьютерных методов.

Список источников

1. Woppard D., Medvidovic N., Gil Y., Mattmann C.A. Scientific Software as Workflows: From Discovery to Distribution // *IEEE Software*. 2008. № 25 (4). P. 37–43.
2. Humphreys P. The philosophical novelty of computer simulation methods // *Synthese*. 2009. № 169 (3). P. 615–626.
3. Hinsen K. Digital Scientific Notations as a Human-Computer Interface in Computer-Aided Research // *PeerJ Preprints*. 2018. URL: <https://doi.org/10.7287/peerj.preprints.26633v1> (accessed: 03.05.22).
4. Hinsen K. Computational science: Shifting the focus from tools to models // *F1000Research*. 2014. № 3. P.101.
5. Humphreys P. *Extending Ourselves: Computational Science, Empiricism and Scientific Method*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 182 p.
6. Frisch M. Predictivism and old evidence: a critical look at climate model tuning // *The European Journal of Philosophy of Science*. 2015. № 5. P. 171–190.
7. Barberousse A., Vorms M. About the Warrants of Computer-Based Empirical Knowledge // *Synthese*. 2014. № 191 (15). P. 3595–3620.
8. SI2-S212 Conceptualization: Conceptualizing a US Research Software Sustainability Institute (URSSI). URL: https://www.nsf.gov/awardsearch/showAward?AWD_ID=1743188 (accessed: 07.02.22).
9. Gómez-Bombarelli R. et al. Design of efficient molecular organic light-emitting diodes by a high-throughput virtual screening and experimental approach // *Nature materials*. 2016. Vol. 15. P. 1120–1127.

References

1. Woppard, D., Medvidovic, N., Gil, Y. & Mattmann, C.A. (2008) Scientific Software as Workflows: From Discovery to Distribution. *IEEE Software*. 25(4). pp. 37–43.
2. Humphreys, P. (2009) The philosophical novelty of computer simulation methods. *Synthese*. 169(3). pp. 615–626.
3. Hinsen, K. (2018) *Digital Scientific Notations as a Human-Computer Interface in Computer-Aided Research*. [Online] Available from: <https://doi.org/10.7287/peerj.preprints.26633v1> (Accessed: 10th July 2022).
4. Hinsen, K. (2014) Computational science: Shifting the focus from tools to models. *F1000Research*. 3. p. 101.
5. Humphreys, P. (2004) *Extending Ourselves: Computational Science, Empiricism and Scientific Method*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Frisch, M. (2015) Predictivism and old evidence: a critical look at climate model tuning. *The European Journal of Philosophy of Science*. 5. pp. 171–190.
7. Barberousse, A. & Vorms, M. (2014) About the Warrants of Computer-Based Empirical Knowledge. *Synthese*. 191(15). pp. 3595–3620.
8. SI2-S212 Conceptualization: Conceptualizing a US Research Software Sustainability Institute (URSSI). [Online] Available from: https://www.nsf.gov/awardsearch/showAward?AWD_ID=1743188 (Accessed: 20th July 2022).
9. Gómez-Bombarelli, R. et al. (2016) Design of efficient molecular organic light-emitting diodes by a high-throughput virtual screening and experimental approach. *Nature Materials*. 15. pp. 1120–1127.

Сведения об авторе:

Журавлева Е.Ю. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры общественных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Вологда, Россия). E-mail: zhuravleva-ey@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zhuravleva E.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, associate professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Vologda, Russian Federation). E-mail: zhuravleva-ey@ranepa.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.06.2023;
одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*
*The article was submitted 03.06.2023;
approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/1998863X/76/11

ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ К КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Адэлия Жамилевна Закирова

*Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,
Дзержинск, Россия, Zakirova107@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена теории перехода европейского сообщества от концепции мультикультурализма к поликультурности. В основу поликультурности закладывается культурная компетентность, включающая культурную осведомленность, приятие, восприимчивость и реакцию. Также доказательством перехода к новому этапу становится переключение европейских программ адаптации на мигрантов второго поколения. Концепция поликультурности начинает традицию рационализации культурных различий.

Ключевые слова: межэтническая коммуникация, мультикультурализм, поликультурность, культурная компетентность, мигранты второго поколения, адаптация мигрантов

Для цитирования: Закирова А.Ж. От толерантности к культурной компетентности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 110–120. doi: 10.17223/1998863X/76/11

Original article

FROM TOLERANCE TO CULTURAL COMPETENCE

Adelia Zh. Zakirova

*Dzerzhinsk Polytechnic Institute (branch) of Nizhny Novgorod State Technical University,
Dzerzhinsk, Russia, zakirova107@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to the theory of European society transit from multiculturalism to policulturalism. In comparison with multiculturalism that promoted cultural differences toleration, policulturalism esteems cultural differences a significant advantage that allows reaching the goals of intercultural communication. Policulturalism is based on the idea of cultural competence, which suggests the existence of special paradigms and skills of intercultural communication. “Cultural competence” is a complex term. It includes cultural awareness, cultural sensitivity, cultural humility, and cultural responsiveness. It highlights that, if a person tends to communicate with someone from a different culture, they, first of all, have to learn and understand their own culture, its specific features, values, historical aspects. Moreover, an evidence of a new strategy implementation is a special attention to citizens with a migrant background. These are migrants’ children, who were born or grown up in a new country. Therefore, they are already socialized in the European society. They are native speakers and culture beams. However, because of their culture and individual appearance, they still face a lot of challenges in terms of discrimination and inequality in education, employment, healthcare and housing because of migrant stereotypes. That is why efficient integration policies should be built both upon formal (education system) and informal (mass media, interpersonal communication) levels. The Action Plan on Integration and Inclusion 2021–2027 developed by the European Commission highlights this problem. Therefore, multiculturalism that was based on tolerance and perceived cultural differences as a communication barrier has been replaced by policulturalism. It was an important step that allowed preparing the ground for the next step.

Moreover, it is logical that policulturalism may be a transition to a more developed kind of intercultural relationship in European society.

Keywords: intercultural communication, multiculturalism, policulturalism, tolerance, European Union, cultural competence, stereotype, citizens with migrant background, integration

For citation: Zakirova, A.Zh. (2023) From tolerance to cultural competence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 110–120. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/11

Введение

Вопросы межэтнической коммуникации являются особо актуальными в современном высокомобильном и глобализационном мире. В 2010 г. канцлер Германии Ангела Меркель заявила о провале политики мультикультурализма [1], в 2015 г. европейские страны накрывает волна мигрантов: развивается миграционный кризис, который приводит к ужесточению миграционного законодательства и началу поисков новой стратегии межкультурного взаимодействия.

Данная статья доказывает утверждение, что мультикультурализм выступил логическим историческим этапом, в рамках которого была сформирована начальная установка на совместное проживание представителей различных культур в границах одной территории. Однако, преодолев данный этап, европейское сообщество идет дальше в понимании межкультурной коммуникации. В итоге сейчас происходит переход от мультикультурализма к стратегии поликультурности и возможного формирования европейского сообщества с постнациональной идентичностью, которое, помимо представителей европейской цивилизации, будет включать представителей исламской, индийской, китайской, славянской и других цивилизаций.

Доказательствами данному утверждению можно считать следующие факты:

1. Отказ от термина «толерантность» в вопросах межкультурного взаимодействия [1, 2, 6].
2. Формирование практики рационального восприятия культуры новоприбывших: появление таких понятий, как межкультурная компетентность, культурная восприимчивость и т.д. [7–13].
3. Оборот интеграционной политики стран Евросоюза к мигрантам второго поколения [14–16].

Исторический аспект – мультикультурализм

Идея разработки и внедрения стратегии по культурной интеграции мигрантов возникает в 1920 г. в США. Она реализуется в концепции «плавильного котла», развивающейся под лозунгом «Единство из множества». Считалось, что, следуя к американской мечте, новоприбывшие с готовностью пойдут на ассимиляцию, а различные культуры синтезируют единую уникальную культуру. Однако по факту стало понятно, что мигранты не готовы вливаться в чужую культуру, что, в свою очередь, привело к развитию сегрегации, образованию диаспор и повышению уровня межэтнической напряженности.

После Второй мировой войны мир оборачивается в пользу новой идеологии, ориентирующейся на равенство народов. Как утверждает У. Кимлика, можно выделить три этапа в ее развитии:

1. С 1948 по 1965 г. – борьба за деколонизацию.

2. С 1955 по 1965 г. – борьба против дискриминации и расового разделения, происходившая по инициативе афроамериканского движения за гражданские права.

3. С конца 1960-х гг. – борьба за мультикультурализм [2. С. 73].

Активное обсуждение мультикультурализма начинается в 90-е гг. XX в. Декларация принципов толерантности, принятая резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1995 г. закрепила основное понятие толерантности, а также сферы, в которых данное понятие должно быть применимо: «толерантность – уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Это означает, что каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими» [3]. Это положение было актуально, поскольку в этот период активно развиваются глобализационные аспекты, влияющие на мобильность населения и увеличивающие частоту межкультурных контактов, интенсифицировались миграционные процессы. В итоге указанная декларация становится основой принципа мультикультурализма, исходящего из того, что в обществе имеются различные культуры, вступающие во взаимодействие, по отношению к которым необходимо проявлять толерантность и проводить активную политику адаптации, мотивируя их становиться частью единого общества.

Однако термин «толерантность» изначально содержит противоречивость и конфликтность. Например, согласно Кембриджскому словарю (Cambridge Dictionary), «толерантность – это способность взаимодействовать с чем-то неприятным или раздражающим или продолжать существование, несмотря на отрицательные или сложные условия» (перевод автора) [4]. Данная установка была логичной и объяснимой, поскольку межкультурная коммуникация, которая в ходе миграции приобретает ежедневный характер, была новым явлением, и для перехода на следующий уровень взаимодействия необходимо пройти этап привыкания и принятия, чем и стала политика мультикультурализма, которая на то время позволила свести к минимуму межкультурные конфликты.

Пограничной чертой в переходе к новой стратегии стал 2015 г., когда миграция принимает беспрецедентный масштаб. Согласно Порталу глобальных данных о миграции, на середину 2020 г. в мире насчитывалось 280,6 млн мигрантов (для сравнения: в 2019 г. – 271,6, в 2010 г. – 220,8, в 2015 г. – 248,9 млн человек) [5]. В итоге представители европейских стран заявляют о кризисе политики мультикультурализма, поскольку она, делая акцент на самобытности и ценности культур прибывающего населения, упускала из виду социокультурные особенности принимающего сообщества. Кроме того, среди главных причин кризиса мультикультурализма ученые называют отсутствие у определенных этносов, оказавшихся в условиях инокультуры, достаточного уровня политической культуры, а также незнание языка, что, впервых, препятствует полноценному социокультурному и профессиональному

му взаимодействию и, во-вторых, служит основанием для сохранения замкнутости этноса [6. С. 152].

Подобная ситуация вела к трансформации социальных систем, нарастанию противоречий на этноконфессиональной почве, что, в свою очередь, требовало активного развития института адаптации мигрантов, затрагивающего культурные, социальные, экономические аспекты. В рамках решения миграционной проблемы происходит активное взаимодействие гражданских обществ европейских стран. Представители европейских стран разрабатывают и внедряют совместные программы по интеграции мигрантов, что отражается на электронном ресурсе European web-site on integration. Кроме того, функционируют разноплановые некоммерческие организации, характерные для развитого гражданского общества. Например, Европейское бюро поддержки предоставления убежища, Фонд предоставления убежища, миграции и интеграции (The European Asylum Support Office, Asylum, Migration and Integration Fund), занимающиеся сбором финансовых средств с целью поддержки новоприбывших.

Современный аспект – поликультурность

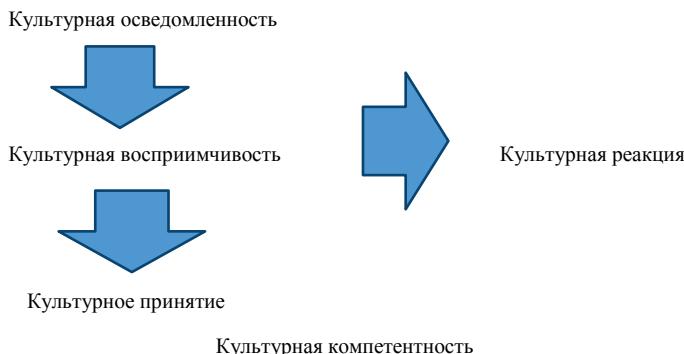
В итоге со временем новоприбывшие становятся полноправными гражданами европейских государств, прошедшиими культурную адаптацию, имеющими язык страны, занимающими определенную социальную и экономическую ниши. Однако при этом зачастую вокруг них все также существуют стереотипы миграции. По данной причине в начале XXI в. на смену понятия толерантности, которое предлагало упрощенную модель взаимодействия, ориентирующуюся на то, что культурные различия выступают как барьер коммуникации, приходят понятия культурной компетентности и культурной восприимчивости, предполагающие наличие межкультурных различий как преимущество, а на смену концепции мультикультурализма приходит концепция поликультурности.

Под поликультурностью мы предлагаем понимать концепцию, предполагающую выстраивание межкультурного взаимодействия на основе понимания особенностей собственной и иных культур, ориентирующихся на наличие межкультурных различий как преимущество, которое способствует достижению цели коммуникации. В основе концепции поликультурности лежит понятие «культурная компетентность».

Вильямс [7. Р. 2] определяет культурную компетентность как «способность индивидумов и систем работать и отвечать эффективно в контексте различных культур исходя из позиции уважения и признания». Культурная компетентность предполагает наличие навыков и знаний, необходимых для выстраивания взаимодействия с иной культурой. Развитие культурной компетентности позволяет понимать, общаться и продуктивно взаимодействовать с носителями иных культур. Это возможность сравнивать различные культуры и лучше понимать не только иные культуры, но и свою собственную. Более того, культурная компетентность предполагает установку на адаптацию к поведению носителя иной культуры. Культурная компетентность становится одним из ключевых навыков как в профессиональной, так и в обыденной сферах жизни и знаменует собой рационализацию основ межкультурной коммуникации.

В отличие от толерантности, предполагающей выстраивать межкультурный диалог с точки зрения «свое-чужое», культурная компетентность обосновывает необходимость ведения межкультурного диалога с позиции «мое-твое-наше». Смысловая цепочка «терпимость–принятие–понимание» видоизменяется в «осведомленность–интерес–понимание». Таким образом, меняется угол понимания межкультурной коммуникации: с негативного (терпимость, преодоление себя) на положительный (интерес).

Само понятие «культурная компетентность» является достаточно сложным и включает в себя такие составляющие, как культурная осведомленность (cultural awareness), культурная восприимчивость (cultural sensitivity), культурное принятие (cultural humility), культурная реакция (cultural responsiveness) (рисунок).

Культурная осведомленность (cultural awareness) предполагает состояние, при котором субъект не только владеет основами своей культуры, является носителем ее языка, ценностей и традиций, но также знаком с характерными чертами иной культуры, с носителем которой он вступает в коммуникацию. Принимаются во внимание особенности неверbalной коммуникации (жесты, мимика, расстояние между собеседниками), ценности, традиции, язык. Важно учитывать исторический, географический и коммуникационный (информационный) аспекты. При возникновении негативных эмоций в процессе межкультурной коммуникации субъекты пытаются понять их причины, исходя не только из особенностей культуры их собеседника, но и анализируя специфику собственной культуры. Культурная осведомленность предполагает такие личностные характеристики, как открытость новому культурному опыту, интерес к иным культурам, а также гибкость восприятия и общения. Наглядной в данном аспекте является типология культурных измерений Г. Хофстеде, которая демонстрирует, что различные культуры могут отличаться в области дистанции власти или степенью индивидуализма и колlettivизма [8]. Зная особенности своей культуры и культуры собеседника, индивид сможет более грамотно и продуктивно выстраивать межкультурную коммуникацию.

Культурная восприимчивость (cultural sensitivity) предполагает способность распознавать, понимать и реагировать должным образом на поведение людей, являющихся носителями иной культуры [9. Р. 385]. Культурная восприимчивость предполагает, в первую очередь, готовность и способность спокойно воспринимать собственный и иной культурный контекст. И если в

случае с культурной осведомленностью речь идет о поиске и владении информацией о своей и иной культуре, то культурная восприимчивость предполагает готовность вступать и вести продуктивный результативный позитивный межкультурный диалог. Модель культурной восприимчивости предлагает М. Беннет, утверждая, что в своем становлении она проходит этапы от этноцентризма, характеризующегося отрицанием, защитой, минимизацией, до этнерелятивизма, выражавшегося в принятии, адаптации, интеграции [10].

Культурное принятие (cultural humility) предполагает наличие понимания при вступлении в межкультурную коммуникацию, когда субъекты относятся к иной культуре с уважением, не превышая и не преуменьшая значения собственной и иной культуры [11]. Исходным принципом данной черты является отсутствие заносчивости и гордыни в коммуникации. Участники коммуникации относятся друг к другу как равные. Термин «культурное принятие» был впервые использован в 1998 г. М. Тервалон и Я. Мария-Гарсия в значении «жизненный процесс рефлексии и самокритицизма, при котором человек начинает с изучения и анализа собственных ценностей, а затем изучает ценности и основы культуры другого человека» [12]. Суть данного явления наглядно объясняет М. Минкл, утверждая, что когда человек 1 встречает человека 2 другой культуры и сталкивается с возникновением негативных стереотипов, он ищет проблему, в первую очередь, в своем восприятии, пытаясь понять корни своих предубеждений [13]. В переводе на русский данный термин будет обозначать позицию, при которой носитель культуры ощущает себя на одном уровне с носителем иной культуры, исходя из принципов открытости, осведомленности, поддерживающего взаимодействия, самокритицизма.

Авторы статьи «Культурное принятие: концептуальный анализ» («Cultural Humility: A Concept Analysis») [11] среди черт культурного принятия отмечают открытость, предполагающую готовность вступать в межкультурную коммуникацию, а также желание получать новые знания о своей и иных культурах. Кроме того, важно самосознание, которое определяется как способность получать информацию о ценностях, верованиях, моделях различных культур: своей и собеседника. Также среди основных характеристик – отсутствие эгоизма, взаимодействие, при котором оба участника поддерживают коммуникацию, а также рефлексия, предполагающая критическое отношение к собственной культуре.

Таким образом, культурное принятие предполагает, что участники коммуникации адекватно относятся к своей культуре как одной из феноменов современного мира, существующих наряду с иными культурами, осознавая все ее достоинства и недостатки.

Обозначенные составляющие культурной компетентности – культурная осведомленность, культурная восприимчивость, культурное принятие – способствуют формированию у индивида позитивной культурной идентичности, когда человек адекватно воспринимает, в первую очередь, свою культуру, знает ее особенности, знаком со стереотипами восприятия, которые она воспитывает, и понимает, каким образом она может влиять на его ведение межкультурного взаимодействия.

Культурная реакция (cultural responsiveness) как следующая черта культурной компетентности предполагает то, что субъект знаком с различными аспектами культуры индивидуума, с которым он вступает в коммуникацию, и реагирует на них с позиции уважения соответствующим образом, чтобы донести до собеседника смысл своего сообщения, действуя, исходя из сформированных ранее установок.

Таким образом, культурную компетентность можно определить как личностное качество, формируемое на основе культурной восприимчивости, культурной осведомленности, культурном принятии и культурной реакции. Культурная компетентность предполагает, что человек, вступая в межкультурную коммуникацию, обладает определенными знаниями о культуре собеседника, нацелен на мирное течение взаимодействия и реагирует на действия, ориентируясь на уважительное отношение к иной культуре. Кроме того, особую важность несет тот факт, что культурная компетентность предполагает, что индивид не только интересуется основами и проявлениями иной культуры, но, в первую очередь, адекватно понимает свою собственную культуру, объективно оценивая его исторический, материальный и духовный контексты. В итоге взаимоотношения «мы – они» меняются на «мы», когда многообразие культур, составляющих общество, и межкультурные различия не выступают барьером взаимодействия, а оцениваются как неотъемлемая черта общества.

Еще одним фактом, доказывающим, что Европа ступила на следующий этап восприятия межкультурной коммуникации, является оборот интеграционной политики в сторону второго поколения мигрантов – детей новоприбывших, которые социализируются уже в новом обществе и, таким образом, являются носителями культуры принимающей страны, в совершенстве владея ее языком, зная ее историю и культуру. В конце 2020 г. Европейская комиссия выпускает «План по интеграции и включению 2021–2027 гг.» [14], согласно которому около 8% населения европейских стран являются выходцами неевропейских стран, около 10% молодых людей в возрасте 15–34 лет имеют одного родителя – мигранта. Включение миграционного населения в число граждан страны и растворение среди них стало реальностью европейских стран с их ориентацией на естественное право, коренным образом меняя мировоззрение европейского человека, а мигранты второго поколения составляют внушительную часть населения европейских стран.

Понятие «мигранты второго поколения» впервые начинает использоваться в 1970-х гг. и было связано с правом трудовых мигрантов переехать в принимающую страну на постоянной основе. Термин поднимал вопрос сложности восприятия мигрантов второго поколения в качестве граждан принимающей стороны, несмотря на реализованное право гражданства по месту рождения (право земли) [15].

Несмотря на факт полноправного включения в европейское общество, данная группа населения сталкивается с рядом стереотипов, и, в первую очередь, это стереотип временности: члены принимающего общества зачастую склонны считать, что большинство мигрантов находится в их родной стране на временной основе, не учитывая тот факт, что сами мигранты уже в течение длительного времени проживают в их государстве, они официально приобрели гражданство, а также и то, что их дети уже проходят социализацию в дан-

ной стране. Результатом развития данного стереотипа становится осторожное отношение к мигрантам второго поколения, сомнение в их приверженности принимающему обществу, которое при возникновении кризисных ситуаций трансформируется в межкультурную напряженность и межкультурный конфликт. С другой стороны, формируется маргинальность мигрантов второго поколения, ощущающих свое промежуточное положение между двух культур: культурой родителей и культурой нового дома. В свою очередь, усугубление подобной ситуации приводит к латентной конфликтности полиэтнического общества, в крайней степени своего проявления способной вылиться в добровольную сегрегацию со стороны граждан с мигрантским прошлым.

Таким образом, в вопросе адаптации мигрантов второго поколения особо важна работа с принимающим обществом. Организуются курсы, направленные на повышение уровня коммуникативной и межкультурной компетентности преподавателей, участвующих в программах по адаптации мигрантов (например, с 2016 г. в Словении проводятся бесплатные семинары по повышению уровня социальной и гражданской компетенции преподавателей в сфере межкультурной коммуникации, связанной с миграцией. Среди тем семинаров: интеграция мигрантов, словенский язык и межкультурный диалог; толерантность к насилию; взаимоуважительное общение и управление конфликтами и др.).

Кроме обозначенной проблемы, в «Плане по интеграции и включению 2021–2027 гг.» поднимается вопрос добровольности участия в программах адаптации, подчеркивается тот факт, что межкультурная интеграция является психологическим процессом, обуславливающим способ восприятия людьми друг друга. Обозначенный аспект является крайне острым, поскольку при отсутствии стремления к адаптации в новом обществе новоприбывшие заведомо вносят элемент конфликтности и напряженности, своим поведением транслируя модель «мы–они». С целью преодоления подобного рода ситуаций государственные и негосударственные структуры европейских государств предлагают программы адаптации в культурной (языковые курсы, курсы по изучению культуры принимающей стороны), социальной (поиск доступного жилья) и экономической (помощь в поиске рабочего места) сферах [16].

Таким образом, мы можем увидеть, что европейское сообщество выходит на новый уровень понимания феномена миграции, когда процесс адаптации представляется крайне сложным и противоречивым процессом, требующим проработки и продуманного подхода на всех уровнях взаимодействия: экономическом, политическом, социальном, культурном, формальном и неформальном, с привлечением государственных и негосударственных структур, а также с проведением образовательной работы как с самими мигрантами, так и представителями принимающего населения.

Кризис, вызванный COVID-19, открыл новые возможности и перспективы в использовании цифровых технологий, реализовавшиеся в разработке и внедрении цифровых курсов по интеграции мигрантов. Однако здесь же, наряду с высоким потенциалом данного направления, на первый план вышла проблема доступа к подобным ресурсам из-за отсутствия доступа к инфраструктуре.

Вывод

Для европейских стран ситуация поликультурности является беспрецедентной. Стратегия мультикультурализма на определенном этапе развития была логичной и уместной, отражая психологическую неопределенность, которая царила в умах европейцев, столкнувшихся с колоссальной волной миграции и давлением на европейскую культуру. Первой реакцией логически стала политика толерантности, когда единственным вариантом было перетерпеть ситуацию. Однако первый шок прошел. В течение 20 лет стало понятно, что, во-первых, мобильность населения является реальностью нового мира, а во-вторых, люди, которые 20 лет назад прибыли в европейские государства, становятся их полноправными гражданами. Соответственно, необходимо сформировать культурный контекст. В итоге в английском языке появляются такие термины, как «культурная компетентность», «культурная восприимчивость», «культурная осознанность».

На данном историческом этапе миграционный вопрос воспринимается как многоуровневое сложное явление, требующее проработки как на личностном уровне в виде воспитания навыков культурной компетентности и мигрантам, и представителям титульной нации, так и на надличностном уровне в виде разработки и внедрения комплексных программ адаптации, затрагивающих все стороны жизнедеятельности общества.

Таким образом, мы говорим о новом этапе в организации этнокультурной картины современных европейских стран. При увеличении миграционных потоков, при принятии большого количества новых граждан казалось логичным отнестись к ним с толерантностью, выстраивая взаимоотношения по принципу принятие – понимание – уважение. Однако со временем ново-прибывшие становятся полноправными членами европейских государств. Возникает ситуация, когда слово «толерантность» изымается из культурного контекста. Формируется поликультурное сообщество, в котором сосуществование и взаимодействие множества народов со своими самобытными культурами становится ежедневным явлением. При этом каждый, обладая этнической идентичностью, считает себя представителем того или иного народа, и гражданской идентичностью, является гражданином новой родины.

При этом символическая сфера – языковая сфера – начинает наполняться новыми терминами, такими как культурная компетентность, культурная восприимчивость, культурное осознание.

Модель поликультурности определяет качество общества, предполагает мирное сосуществование самобытных культур на одной территории в течение длительного времени, в результате которого складывается устойчивая практика взаимоуважительных отношений между представителями титульной нации и отдельных этнических общностей.

По мнению автора, этап поликультурности также является промежуточным в выстраивании стратегии межкультурного взаимодействия, при прохождении которого произойдет снятие вопросов межкультурного взаимодействия в принципе.

Список источников

1. Angela Merkel declares death of German multiculturalism // The Guardian. 2010. URL: <https://www.theguardian.com/world/2010/oct/17/angela-merkel-germany-multiculturalism-failures> (accessed: 5.10.2022).

2. Кимлика У. Взлет и падение мультикультурализма? // Дискурс-Пи. 2013. № 1–2. С. 71–82.
3. Декларация принципов терпимости. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 5.10.2022).
4. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/tolerance> (accessed: 5.10.2022).
5. Migration Data Portal. URL: Migration Data Portal (accessed: 18.07.2023).
6. Образование. Культура. Язык / Е.П. Саврутская, Б.А. Жигалев, А.М. Дорожкин. С.В. Устинкин. Н. Новгород : НГЛУ ; СПб. : Изд-во РХГА, 2014. 232 с.
7. Williams B. Accomplishing cross cultural competence in youth development programs // Journal of Extension. 2001. Vol. 39 (6). P. 1–6. URL: <https://archives.joe.org/joe/2001december/iw1.php> (accessed: 5.10.2022).
8. Hofstede G. Country comparison graphs. URL: Country comparison graphs – Geert Hofstede (accessed: 27.03.2023).
9. Brooks L.A., Manias E., Bloomer M.J. Culturally sensitive communication in healthcare: a concept analysis // Collegian. 2019. 26. P. 383–291. URL: [https://www.collegian-journal.com/article/S1322-7696\(17\)30315-3/pdf](https://www.collegian-journal.com/article/S1322-7696(17)30315-3/pdf) (accessed: 5.10.2022).
10. Bennet M.J. Development model of intercultural sensitivity // International Encyclopedia of Intercultural Communication. Hoboken, NJ : John Wiley & Son, 2017. URL: Developmental Model of Intercultural Sensitivity – Bennett – Major Reference Works – Wiley Online Library (accessed: 27.03.2023).
11. Cultural Humility: A Concept Analysis / C. Foronda, D.L. Baptiste, M.M. Reinholdt, K.J. Ousman. Transcult Nurs. 2016. URL: Cultural Humility: A Concept Analysis – PubMed (nih.gov) (accessed: 5.10.2022).
12. Sufrin J. 3 Things to Know: Cultural Humility. 2019. URL: <https://hogg.utexas.edu/3-things-to-know-cultural-humility> (accessed: 5.10.2022).
13. Minkler M., Pies C., Hyde C. Ethical issues in community organizing and capacity building // Community Organizing and Community Building for Health and Welfare. 2012. P. 110–129. URL: Ethical issues in community organizing and capacity building | Request PDF (researchgate.net) (accessed: 5.10.2022).
14. Action plan on integration and inclusion 2021–2027. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files_en?file=2020-11/action_plan_on_integration_and_inclusion_2021-2027.pdf (accessed: 5.10.2022).
15. Chimienti M., Bloch A., Ossipow L. Second generation from refugee backgrounds in Europe // Comparative migration studies. 2019. Vol. 7. 40 p. URL: <https://comparativemigration-studies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-019-0138-2#citeas> (accessed: 25.10.2022).
16. Integration practices. URL: Integration practices | European Website on Integration (europa.eu) (accessed: 27.03.2023).

References

1. The Guardian. (2010) Angela Merkel declares death of German multiculturalism. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2010/oct/17/angela-merkel-germany-multiculturalism-failures> (Accessed: 5th October 2022).
2. Kymlicka, W. (2013) Vzlet i padenie mul'tikul'turalizma? [The Rise and Fall of Multiculturalism?]. Diskurs-Pi. 1–2. pp. 71–82.
3. UNO. (n.d.) Deklaratsiya printsipov terpimosti [Declaration of Principles of Tolerance]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (Accessed: 5th October 2022).
4. Cambridge Dictionary. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/tolerance> (Accessed: 5th October 2022).
5. Migration Data Portal. [Online] Available from: <https://www.migrationdataportal.org/> (Accessed: 18th July 2023).
6. Savrutskaya, E.P., Zhigalev, B.A., Dorozhkin, A.M. & Ustinkin, S.V. (2014) Obrazovanie. Kul'tura. Yazyk [Education. Culture. Language]. Nizhny Novgorod: NSLU; St. Petersburg: RChAH.
7. Williams, B. (2001) Accomplishing cross cultural competence in youth development programs. Journal of Extension. 39(6). pp. 1–6. [Online] Available from: <https://archives.joe.org/joe/2001december/iw1.php> (Accessed: 5th October 2022).
8. Hofstede, G. (n.d.) Country comparison graphs. [Online] Available from: <https://geerthofstede.com/country-comparison-graphs/> (Accessed: 27th March 2023).

9. Brooks, L.A., Manias, E. & Bloomer, M.J. (2019) Culturally sensitive communication in healthcare: a concept analysis. *Collegian*. 26. pp. 383–291. [Online] Available from: [https://www.collegianjournal.com/article/S1322-7696\(17\)30315-3/pdf](https://www.collegianjournal.com/article/S1322-7696(17)30315-3/pdf) (Accessed: 5th October 2022).
10. Bennet, M.J. (2017) Development model of intercultural sensitivity. In: Kim, Y.Y. (ed.) *International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken, NJ: John Wiley & Son.
11. Foronda, C., Baptiste, D.L., Reinholdt, M.M. & Ousman, K.J. (2016) Cultural Humility: A Concept Analysis. *Journal of Transcultural Nursing*. 27(3). pp. 210–217. DOI: 10.1177/1043659615592677
12. Sufrin, J. (2019) *3 Things to Know: Cultural Humility*. [Online] Available from: <https://hogg.utexas.edu/3-things-to-know-cultural-humility> (Accessed: 5th October 2022).
13. Minkler, M., Pies, S. & Hyde, C. (2012) Ethical issues in community organizing and capacity building. In: Minkler, M. (ed.) *Community Organizing and Community Building for Health and Welfare*. Rutgers University Press. pp. 110–129.
14. European Union. (2020) *Action plan on integration and inclusion 2021–2027*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files_en?file=2020-11/action_plan_on_integration_and_inclusion_2021-2027.pdf (Accessed: 5th October 2022).
15. Chimienti, M., Bloch, A. & Ossipow, L. (2019) Second generation from refugee backgrounds in Europe. *Comparative Migration Studies*. 7. [Online] Available from: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-019-0138-2#citeas> (Accessed: 25th October 2022).
16. European Website on Integration. (n.d.) *Integration practices*. [Online] Available from: https://migrant-integration.ec.europa.eu/home_en (Accessed: 27th March 2023).

Сведения об авторе:

Закирова А.Ж. – кандидат философских наук, доцент Дзержинского политехнического института (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Дзержинск, Россия). E-mail: zakirova107@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zakirova A.Zh. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Dzerzhinsk Polytechnic Institute (branch) of Nizhny Novgorod State Technical University (Dzerzhinsk, Russian Federation). E-mail: zakirova107@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.17223/1998863X/76/12

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ТВОРЧЕСТВА: ДРЕВНЕВОСТОЧНАЯ, РЕНЕССАНСНАЯ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ФИЛОСОФСКИЕ ТРАДИЦИИ

Илья Сергеевич Качай

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, monaco-24-ilya@mail.ru

Аннотация. Рассматривается онтологическая укорененность творчества как культурно-философского феномена. Выявляются способы концептуализации онтологической природы творчества в философских традициях Древнего Востока, Возрождения и Просвещения. Прослеживается тенденция амбивалентного понимания сущности творчества, заключающаяся в дифференцировании истинных и мнимых творческих интенций. Разрабатываются исторически детерминированные рабочие понятия подлинного и мнимого творчества с онтологических позиций.

Ключевые слова: творчество, бытие, онтология

Для цитирования: Качай И.С. Онтологическая природа творчества: древневосточная, ренессансная и просветительская философские традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 121–130. doi: 10.17223/1998863X/76/12

Original article

THE ONTOLOGICAL ESSENCE OF CREATIVITY: ANCIENT EASTERN, RENAISSANCE AND ENLIGHTENMENT PHILOSOPHICAL TRADITIONS

Ilya S. Kachay

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, monaco-24-ilya@mail.ru

Abstract. The object of the research is creativity as a cultural and philosophical phenomenon. The focus of the research is the ontological essence of creativity revealed in the philosophical traditions of the Ancient East, Renaissance and Enlightenment. The aim of the research is the historical and philosophical reconstruction of the ways of conceptualizing the ontological essence of creativity within the framework of these epochs. The topicality of the research is determined by modern socio-cultural transformations in the sphere of creative being, characterized by the spread of new creative practices that prioritize the presentative side of creativity over the value content and replace the freedom of the creative process with algorithms. Such trends require the development of an adequate system of criteria for creativity, for which it is necessary to turn to the history of its philosophical understanding. The first part of the research examines the specifics of the ontological approach to the phenomenon of creativity, which is revealed as an attribute of being and as the potency of the subject. The second part of the research is dedicated to the investigation of the ontological rootedness of creativity in ancient Eastern philosophy, in which the process of the formation of the cosmos itself appears to be creative, carried out due to the dialectical interaction of opposite principles. The meaning of creativity is found here in the inactive following of the subject to the creative self-unfolding of transcendental substations. The third part of the research analyzes the Renaissance substantiation of the ontological essence of

creativity, which is understood both as bringing a thing to being by God, who is in the modes of the Creator, Ruler and Guardian, and as the unfolding of being by the subject from its center. The fourth part examines the Enlightening understanding of the ontological essence of creativity as a divine emanation of being and as the preservation of being by God. The ontological source of the subject's creativity is the mind, which allows actualizing the creative potencies inherent in it by God. In each of the considered epochs, there is a tendency of an ambivalent understanding of the essence of creativity, consisting both in the differentiation of the productive and reproductive aspects of creativity and in the gradation of true and imaginary creative intentions. In the final part, the working concepts of true and imaginary creativity are proposed.

Keywords: creativity, being, ontology

For citation: Kachay, I.S. (2023) The ontological essence of creativity: ancient eastern, renaissance and enlightenment philosophical traditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 121–130. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/12

Онтологическая укорененность творчества

Феномен творчества выступает особым объектом исследований для наук социально-гуманитарного профиля, в том числе философии. С точки зрения различных философских направлений творчество осмысливается в контексте возможностей человека выходить за границы существующего миропорядка и самого себя, тем самым осуществляя трансцендентальный прорыв к Новому. Творчество способствует сохранению культурного наследия прошлых эпох и вместе с тем интенцировано на учреждение уникального бытия, являющегося значимым как для самого творческого субъекта, так в широком социальном и культурном контексте. Не вызывает сомнений тот факт, что творчество в той или иной форме присутствует и повседневном функционировании человека и способствует обнаружению нестандартных подходов для решения различных житейских проблем, на что, в частности, указывает К. Моруцци: «Творчество как способ решения проблем можно также наблюдать в нашем повседневном взаимодействии с окружающей средой и в действиях, которые, в противном случае, мы могли бы посчитать тривиальными» [1. Р. 5]. Следует отметить, что историко-философская рефлексия творчества связана с утверждением различных аспектов искомого культурного феномена, к числу которых относятся онтологический, гносеологический, аксиологический, социокультурный, антропологический, праксиологический, этический, эстетические и иные, однако именно онтологическая природа творчества позволяет в наибольшей степени приблизиться к пониманию сущностных оснований рассматриваемого феномена.

Действительно, в онтологии творчества исследуются объективные закономерности и предельные основания процесса учреждения нового бытия. В этом отношении М.Ю. Раитина замечает, что «в онтологии творчества существенное место занимают вопросы, связанные с исследованием творчества как атрибута бытия... и рассмотрение творчества как атрибута человеческого бытия» [2. С. 3]. Иными словами, творчество под онтологическим углом зрения раскрывается и как процесс бытийных трансформаций, и как фундаментальная личностная потенция субъекта. Обосновывая творчество с онтологических позиций, Е.В. Золотухина-Аболина определяет последнее как «способность к активной идентичности» [3. С. 77], а В. Блок подчеркивает, что

творчество «устанавливает новую-для-мира идентичность и в то же время помещает себя за пределы существующего» [4. Р. 10]. Рассмотрение творчества с точки зрения человеческого бытия востребует изучения сущностных характеристик и внутриличностных доминант творческого субъекта, который в процессе творчества не только создает и преобразует внешнюю реальность, но и актуализирует, проявляет и созидаст собственную сущность. Так, А.А. Костюк отмечает, что с помощью творчества «человек заново творит себя, чтобы быть способным создать нечто новое, или же испытывает потребность создать нечто новое, чтобы найти в этом процессе себя» [5. С. 75]. Творчество также невозможно представить без обращения к ключевой онтологической потенции творческого субъекта – воображения: «Онтологическая детерминанта воображения раскрывается в его способности преобразования наличествующего бытия и проектирования потенциального будущего» [6. С. 42].

Необходимо отдельно отметить, что изучение онтологической укорененности творчества становится особенно актуальным в рамках современной кризисной культуры, отличающейся превалированием комбинаторной деятельности, направленной на эклектическое сопоставление уже наличествующих элементов сущего, над процессами вдохновенного создания оригинального творческого продукта. Такого рода тенденция обостряется в контексте развития технологий искусственного интеллекта и возникновения феномена так называемого нейросетевого творчества, обширное распространение которого усиливает риски дезавуирования роли человека как полноправного творческого субъекта и потенцирует угрозы трансформации вдохновенного и спонтанного процесса творчества в рандомизированную цифровую комбинаторику. В результате такого бессубъектного «творчества» образуются произведения, которые сложно назвать уникальными и оригинальными, но которые все быстрее укореняются в социокультурном пространстве, повторствуя виртуализации бытия человека и общества. Как подчеркивает Д.А. Канарейко, «повсеместное проникновение искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека, в том числе и в искусство, в конечном счете приведет к тому, что мы получим диктат старого» [7. С. 112].

В этой связи исследование онтологической природы творчества сквозь призму историко-философских исканий представляется особенно актуальным, поскольку позволяет приблизиться к прояснению предельных оснований творчества как культурного феномена, утрачивающего свой онтологический статус в контексте современных социокультурных трансформаций. В настоящей работе онтологическая детерминанта творчества рассматривается в концептуальном пространстве древневосточной, ренессансной и просветительской философских традиций. Выбор представленных историко-философских эпох обусловливается: а) специфичностью восточной философии, исследование творчества в контексте которой зачастую редуцируется к мистификациям искомого феномена; б) необходимостью более основательного изучения объективных закономерностей творчества сквозь призму философии Возрождения, в содержательном пространстве которой творчество, как правило, преподносится в сугубо эстетической плоскости; в) немногочисленностью исследований проблемы творчества в контексте просветительской философии, при рассмотрении которой смысл творчества нередко сводится к абсолютизации творческой функции разума.

Древневосточная философия: недеятельное со-причастие творческой со-бытийности космоса

В китайской традиции философствования онтологическая природа творчества обнаруживается в утверждении в «Книге Перемен» вечной изменчивости космоса, который постоянно метаморфизирует за счет диалектической игры взаимодетерминирующих бытийных первопринципов Ян и Инь. Творческое развитие космоса осуществляется на основе онтологического взаимодействия противоположных первоначал, развертывающих свои творческие интенции в четырехступенчатом процессе конституирования материальных первоэтихий, комбинации которых составляют основу бытия. Посему само творчество в рамках древнекитайской философии можно представить в качестве особого первоначала, поддерживающего динамическое равновесие мира. Притом в конфуцианстве главным творческим субъектом полагается благородный муж, обладающий такими моральными качествами, как гуманность, этикет, сыновняя почтительность, справедливость и знание воли Неба. Последнее качество, раскрывающееся в единении благородного мужа с созидающими потенциями космоса за счет недеятельного следования Дао, утверждается особенно значимым, поскольку содействует совершенствованию субъективного начала Дэ, проявляющегося в том числе в творческих способностях человека. Из этого следует, что сущность творчества в конфуцианской философии выражается в имманентности субъекта гуманистическим, традиционалистским установкам, органично вписывающим его в беспрестанно изменяющееся бытие. Непроста Т. Вейминг специфической особенностью китайской космологии постулирует веру во «взаимосвязанность всех модальностей бытия вследствие постоянного творчества космического процесса» [8. Р. 115]. Справедливо также высказывание К. Ван и К. Чэнь о том, что «на Западе творчество обычно сопоставляют с человеческим воображением, понимаемым как умственная способность, могущая создавать извечно оригинальные артефакты, тогда как на Востоке творчество связано с природой-в-человеке» [9. Р. 402].

В философии даосизма онтологическая укорененность творчества выявляется в воззрениях Лао Цзы, утверждающего первоначала Дао и Дэ, первое из которых является творческим истоком мира и всеобщим законом космоса, а второе предстает субъективным проявлением творческих интенций Дао: «Дао рождает [вещи], дэ вскармливает [их], возвращает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их» [10. С. 130]. Если Дао устанавливает единство бытийного многообразия через постоянные взаимопереходы Ян и Инь, то Дэ трактуется как недеятельное следование субъекта творческому самораскрытию Дао, в силу чего человек предстает со-участником творческой со-бытийности космоса. Таким образом, даосское осмысление бытия раскрывает онтологическую природу творчества, понимаемого как со-творчество человека и сущего. Схожим образом творчество обосновывает Я.В. Мальцев: «Бытие и человек выступают как акторы со-творчества, со-бытия, со-познания, созидания, т.е. участниками субъект-субъектных отношений» [11. С. 142]. В этой связи, ведя разговор «об онтологической природе творчества, нельзя не отметить, что последнее в любом своем проявлении раскрывается как переживание онтологической слитности субъекта и сущего» [12. С. 45].

В древнеиндийской философии первые представления об онтологическом характере творчества обнаруживаются в Ведах. В частности, в Ригведе процесс творения сущего обосновывается как разделение единой стихии не-бытия демиургической силой Индры, которая и порождает дуалистичные небесное и земное, мужское и женское, светлое и темное первоначала. В качестве творческого истока космоса в Упанишадах мыслится монистическое тождество Брахмана и Атмана как объективного и субъективного принципов, создающих безначальные временные ряды путем взаимопереводов небесного творения и земного разрушения. Вместе с тем Брахман обосновывается как «материализованная во всех существующих вещах сила, которая создает, поддерживает, сохраняет и возвращает обратно к себе все миры, всю природу» [13. С. 85]. Онтологическим истоком творчества в ортодоксальных школах предстает триада ведических богов, описанная в Бхагавадгите: Брахма как Творец сущего и проявление активной раджас-гуны, Вишну как Хранитель вселенной и олицетворение гармоничной саттва-гуны и Шива как единовременный Творец, Хранитель и Разрушитель сущего и воплощение пассивной тамас-гуны. Бытийная укорененность творчества также прослеживается в постулировании индуистскими школами Пуруши и Пракрити в качестве творческих первоначал космоса, учреждающих сущее за счет своего взаимодействия, которое нарушает изначальное единство триады гун, являющихся основой всех вещей.

Следует отдельно отметить наличествующую в древневосточной философии тенденцию амбивалентного обоснования сущности творчества, проявляющуюся в признании двойственной природы творческих субстанций, выраждающих единство активной и пассивной сторон творчества. В частности, древнекитайские принципы Ян и Инь, онтологический смысл которых символически отражен в триграммах «Цянь» и «Кунь», соотносятся как Творчество и Исполнение. Если Творчество сопоставляется с Небом и сферой будущего, то Исполнение коррелирует с Землей и областью прошлого. В связи с этим творческая сущность бытия, согласно «Книге Перемен», выявляется в бытийной игре Творчества и Исполнения, последнее из которых «является податливой онтологической средой, необходимой для актуализации исходного творческого принципа» [14. С. 14]. Также следует подчеркнуть, что согласно конфуцианской концепции исправления имен несоответствие вещей и явлений их названиям, как правило, приводит к фальсификации и хаотизации природного и социокультурного бытия, о чем свидетельствует Сюнь-цзы, утверждающий антитворческий статус ситуации, «когда изменяется внешний вид вещи, но по своему реальному [содержанию] эта вещь остается прежней, не рождая новой, отличной от нее вещи» [15. С. 194].

Ренессансная философия: творчество как развертывание субъектом сущего из потенций своего центра

По мысли Николая Кузанского, онтологическая детерминированность творчества выявляется в признании Бога в качестве покоящегося источника и конечного ориентира всех мировых вещей и движений. Отождествляя бытие бесконечного Бога и его творение, мыслитель интерпретирует их в качестве непостижимой тождественности свертывания и развертывания, возможности и действительности, потому как если «творение сотворено бытием максимума, а в максимуме быть, создавать и творить – одно и то же, то творение...

есть не что иное, как то, что Бог есть все» [16. С. 101]. Посему творение наличетствует в промежуточной онтологической плоскости между Богом и ничто. При этом сам креационистский акт, с точки зрения Кузанского, осуществляется с помощью человеческих искусств арифметики, соединяющей различные элементы сущего, геометрии, наделяющей их формой, а также музыки и астрономии, устанавливающих соизмеримость этих элементов. Такого рода синергия божественного и человеческого в онтологическом акте творения дополняется тезисом мыслителя о триединой природе как Бога, так и человека, выявляющейся в модусах Творца как источника абсолютного единства, Правителя как первопричины бесконечного равенства и Хранителя как условия постоянной связи элементов сущего. Притом творчество человека обосновывается как развертывание субъектом сущего из потенций своего центра на основе единства могущества, мудрости и воли как главных творческих потенций. Пребывая в модусе Творца, субъект порождает образы материальных вещей за счет воображения; находясь в модусе Правителя, он упорядочивает образы в пространстве; наконец, в модусе Хранителя субъект сохраняет образы в памяти.

Онтологическая сущность творчества в концепции Л. Валлы выявляется в утверждении Бога как творца бытия и мерила справедливости: «Бог... создал свои творения для блага именно праведных, но во зло неправым» [17. С. 232]. Посему творчество человека, исходящее из почитания божественного творения, зависит от степени развитости нравственных интенций субъекта, ибо только в случае собственной моральной зрелости человек может наслаждаться благами божественного творения. В противном случае творчество субъекта обретает характер насилия над естеством, сопровождается бесцельными страданиями и становится похожим на крючкотворство. Наконец, Дж. Бруно трактует творчество как установление субъектом новых правил за счет проницательности разума и героического воодушевления, для достижения которого творцу необходимо отстраниться от низменных радостей внешнего мира и погрузиться вглубь самого себя. Только так творец способен осознать присутствие в себе и мире божественного начала, обуславливающего вечную изменчивость сущего, ведь «божество пребывало во всем, в том модусе, при котором все способно стать всем, и бесконечное благо бесконечно приобщает себя соответственно всей способности вещей» [18. С. 211].

Обозначающаяся в данной работе тенденция амбивалентного понимания сущности творчества в смысловом поле ренессансной философской традиции обнаруживается у Николая Кузанского и Дж. Бурно. Так, первый мыслитель концептуально различает внутреннюю и внешнюю стороны сотворенной вещи, раскрывающиеся как, соответственно, причастность бытию Бога и призванность из ничего, иными словами, как возможность и действительность творения. Помимо этого, философ разграничивает божественное творчество и человеческое делание. С точки зрения Дж. Бурно, искомая тенденция развертывается в дифференцировании творчества и подражания, первое из которых состоит в порождении новых правил, а второе – в зависимости от правил, учрежденных другими творцами. Посему подражатели «занимают эти правила у того, кто вовсе не был поэтом, а умел лишь выбирать правила одного рода..., чтобы обслужить того, кто желал бы стать... поэтом, ...и не с собственной музой, но с обезьяней чужой музы» [18. С. 30].

Просветительская философия: творческие потенции разума

В просветительской философии бытийная укорененность творчества развертывается в деистическом постулировании саморазвивающегося (в соответствии с извечными божественными законами) бытия, созданного Богом за счет потенций Мудрости и Могущества. В этой связи Ш.-Л. Монтескье осмысливает божественное творение в единстве с актами познания и сохранения бытия, а творения человека характеризует как фундирующиеся разумом, ведь «чтобы художественное произведение нравилось, необходимо питать некоторое доверие к мастеру, а оно сразу пропадает, когда бросается в глаза, что тот грешит против здравого смысла» [19. С. 756]. Утверждая любую сотворенную вещь указывающей на своего творца, Ф. Вольтер оントологическим образом творчества мыслит непостижимый акт божественной эманации вещей, поскольку ничто, по мысли философа, не может беспринципно возникнуть из ничего, а лишь из вечного божественного интеллекта. В этом отношении новаторские творения гения детерминируются творческой изобретательностью, дарованной ему Богом, и вдохновением, возникающим вследствие созерцания творений предшественников, ибо «художник, какого бы совершенства он ни достиг в своем искусстве, не считается гением, если не изобретает ничего нового, не обнаруживает оригинальности» [20. С. 263]. Равным образом И.Г. Гердер оントологическим источником творчества полагает разум, «который всегда занят тем, что из многоного создает единое, из беспорядка – порядок, из многообразия сил и намерений – соразмерное целое» [21. С. 441]. В свою очередь, Д. Дидро главными способностями творческого ума утверждает наблюдение природы, обозначающее факты, размышление, позволяющее сопоставлять найденные факты, а также эксперимент, интенцированный на проверку результатов размышлений. При этом философ указывает на телеологический характер как творений природы, так и художественных произведений человека, поскольку «любое создание имеет собственное благо, частный интерес, цель, к которой от природы направлены все преимущества его организации» [22. С. 71], а также отмечает важность страстного начала творческого субъекта, нивелирование которого превращает творца в заурядную личность.

Тенденция амбивалентного понимания сущности творчества в контексте просветительской философской традиции обнаруживается у И.Г. Гердера в содержательном противоположении фигур творца и подражателя, первый из которых отличается порождением собственных мыслей и активной духовной работой, а второй – использованием выученного языка и блужданием разума, ведь «...подражающий природе вкус людей долго блуждает в темноте, долго пробует силы во всяком варварстве, во всем бросающемся в глаза» [21. С. 198]. Схожим образом искомая тенденция раскрывается в философских исканиях Д. Дидро, различающего гения, в своих произведениях исходящего из собственного внутреннего мира, и подражателя, копирующего внешне заданные образцы и паразитирующего на гениальности других творцов: «Гений властно притягивает к себе все находящееся в сфере его деятельности, отчего она приходит в небывалое движение. Подражатель ничего не притягивает – он сам притягивается» [23. С. 466].

Исторически детерминированные дефиниции подлинного и мнимого творчества

Таким образом, на основании выявленных в рамках восточной, ренессансной и просветительской философии онтологических подходов к творчеству, а также с учетом прослеживающейся в рассмотренных историко-философских этапах тенденции амбивалентного понимания сущности творчества следует представить исторически детерминированные понятия подлинного и мнимого творчества. Итак, творчество с онтологических позиций целесообразно обосновать как космический (природный), божественный и человеческий процесс созидания уникального и оригинального бытия, неотделимый от глубинного познания сущности явлений, раскрытия субъектом своих потенций и нравственного самосовершенствования. В противовес этому мнимое творчество следует представить как подражательное и имитационное делание, способствующее конституированию внешне оригинального и формально уникального бытия, исходящее из механистических когнитивных актов и не требующее наличия существенных творческих потенций и нравственных доминант субъекта. Разработанные понятия подлинного и мнимого творчества, безусловно, являются рабочими и нуждаются в дальнейших корректировках в том числе за счет исследования феномена творчества в рамках других историко-философских эпох и сквозь призму иных аспектов (в том числе гносеологического, аксиологического, социокультурного, антропологического, праксиологического, этического и эстетического). Тем не менее содержащиеся в данных дефинициях аспекты могут быть в перспективе использованы как основа для выработки критериальной базы дифференцирования творчества и различных форм его имитации и симуляции.

Список источников

1. Moruzzi C. Measuring creativity: an account of natural and artificial creativity // European Journal for Philosophy of Science. 2021. Vol. 11, № 1. P. 1–20.
2. Раитина М.Ю. Философские концептуализации творчества: социокультурный анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2021. 41 с.
3. Золотухина-Аболина Е.В. Философские проблемы творчества: попытка обзора // Гуманитарий Юга России. 2023. № 1 (59). С. 75–87.
4. Blok V. The Ontology of Creation: Towards a Philosophical Account of the Creation of World in Innovation Processes // Foundations of Science. 2022. P. 1–18.
5. Костюк А.А. Процесс творческой самореализации в условиях информационного общества // Вестник Воронежского государственного университета. 2020. № 1 (35). С. 71–76.
6. Качай И.С., Петров М.А. Проблема творческого воображения. Кантианская и шеллингианская концепции продуктивного воображения как гносеологического и онтологического источника творчества // Философская мысль. 2022. № 7. С. 36–46.
7. Канарейко Д.А. Трансформация культуры в цифровой среде // Эргодизайн. 2022. № 2 (16). С. 108–113.
8. Weiming T. Special Topic: Creativity in Christianity and Confucianism // Dao. 2007. Vol. 6. P. 115–124.
9. Wang C., Chen Q. Eastern and Western Creativity of Tradition // Asian Philosophy. 2021. Vol. 31, № 4. P. 402–413.
10. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 1. С. 114–138.
11. Мальцев Я.В. Культура как форма самопознания бытия // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2022. № 3-2. С. 142–155.
12. Качай И.С. Онтологическая детерминанта феномена творчества в концептуальном пространстве неклассической философии // Философия и культура. 2022. № 7. С. 44–55.
13. Упанишады. Древнеиндийская философия. М. : Соцэкиз, 1963. С. 83–260.

14. Качай И.С. Онтологический фундамент творчества в контексте философии конфуцианства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 5А. С. 12–20.
15. Сюнь-цызы. Древнекитайская философия : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 2. С. 141–209.
16. Николай Кузанский. Об ученом незнании // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1979. Т. 1. С. 48–184.
17. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М. : Наука, 1989. 476 с.
18. Бруно Дж. О героическом энтузиазме. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1953. 212 с.
19. Монтиескье Ш.-Л. Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства // Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. С. 735–758.
20. Вольтер Ф. Статьи из философского словаря // Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения. М. : Искусство, 1974. С. 173–294.
21. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.
22. Диодро Д. Принципы нравственной философии, или Опыт о достоинстве и добродетели, написанный милордом Ш*** // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1986. Т. 1. С. 58–163.
23. Диодро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1991. Т. 2. С. 342–506.

References

1. Moruzzi, C. (2021) Measuring creativity: an account of natural and artificial creativity. *European Journal for Philosophy of Science*. 11(1). pp. 1–20.
2. Raitina, M.Yu. (2021) *Filosofskie kontseptualizatsii tvorchestva: sotsiokul'turnyy analiz* [Philosophical conceptualizations of creativity: a sociocultural analysis]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Krasnoyarsk.
3. Zolotukhina-Abolina, E.V. (2023) Filosofskie problemy tvorchestva: popytka obzora [Philosophical problems of creativity: An attempted review]. *Gumanitarnyy Yuga Rossii*. 1(59). pp. 75–87.
4. Blok, V. (2022) The Ontology of Creation: Towards a Philosophical Account of the Creation of World in Innovation Processes. *Foundations of Science*. 2022. pp. 1–18. DOI: 10.1007/s10699-022-09848-y
5. Kostyuk, A.A. (2020) Protsess tvorcheskoy samorealizatsii v usloviyakh informatsionnogo obshchestva [The process of creative self-realization in the information society]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(35). pp. 71–76.
6. Kachay, I.S. & Petrov, M.A. (2022) Problema tvorcheskogo voobrazheniya. Kantianskaya i shellingianskaya kontseptsiy produktivnogo voobrazheniya kak gnoseologicheskogo i ontologicheskogo istochnika tvorchestva [The problem of creative imagination. The Kantian and Schellingian concepts of productive imagination as an epistemological and ontological source of creativity]. *Filosofskaya mysl'*. 7. pp. 36–46.
7. Kanareyko, D.A. (2022) Transformatsiya kul'tury v tsifrovoy srede [Transformation of culture in the digital environment]. *Ergodizayn*. 2(16). pp. 108–113.
8. Weiming, T. (2007) Special Topic: Creativity in Christianity and Confucianism. *Dao*. 6. pp. 115–124.
9. Wang, S. & Chen, Q. (2021) Eastern and Western Creativity of Tradition. *Asian Philosophy*. 31(4). pp. 402–413.
10. Anon. (1972) *Dao de tszin* [Tao Te Ching]. In: Litvinova, L.V. (ed.) *Drevnekitayskaya filosofiya: v 2 t.* [Ancient Chinese Philosophy: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 114–138.
11. Maltsev, Ya.V. (2022) Kul'tura kak forma samopoznaniya bytiya [Culture as a form of self-knowledge of being]. *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 3-2. pp. 142–155.
12. Kachay, I.S. (2022) Ontologicheskaya determinanta fenomena tvorchestva v kontseptual'nom prostranstve neklassicheskoy filosofii [Ontological determinant of the phenomenon of creativity in the conceptual space of non-classical philosophy]. *Filosofiya i kul'tura*. 7. pp. 44–55.
13. Anon. (1963) *Upanishady. Drevneindiyskaya filosofiya* [Upanishads. Ancient Indian Philosophy]. Moscow: Sotsekigiz. pp. 83–260.
14. Kachay, I.S. (2016) Ontologicheskiy fundament tvorchestva v kontekste filosofii konfutsianstva [Ontological foundation of creativity in the Confucian philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 5A. pp. 12–20.
15. Xunzi. (1973) *Drevnekitayskaya filosofiya: v 2 t.* [Ancient Chinese Philosophy: in 2 vols]. Moscow: Mysl'. pp. 141–209.
16. Nicholas of Cusa. (1979) *Sochineniya: v 2 t.* [Writings: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 48–184.

17. Valla, L. (1989) *Ob istinnom i lozhnom blage. O svobode voli* [About true and false good. About free will]. Translated from Italian. Moscow: Nauka.
18. Bruno, G. (1953) *O geroicheskem entuziazme* [On heroic enthusiasm]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit.
19. Montesquieu, Ch.-L. (1955) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Gos-politizdat. pp. 735–758.
20. Voltaire, F. (1974) *Estetika. Stat'i. Pis'ma. Predisloviya i rassuzhdeniya* [Aesthetics. Articles. Letters. Preface and Reasoning]. Translated from French. Moscow: Iskusstvo. pp. 173–294.
21. Herder, I.G. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of Human History]. Translated from German. Moscow: Nauka.
22. Diderot, D. (1986) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. pp. 58–163.
23. Diderot, D. (1991) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 342–506.

Сведения об авторе:

Качай И.С. – старший преподаватель кафедры философии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: monaco-24-ilya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kachay I.S. – senior lecturer, Department of Philosophy, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: monaco-24-ilya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023;

одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 13.12.2023

The article was submitted 20.10.2023;

approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 32.001 : 141.3

doi: 10.17223/1998863X/76/13

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ ПО БАДЬЮ: ОТ ПОСТРОЕНИЯ СИТУАЦИИ ДО ОЦЕНКИ ПРОГРЕССИВНОСТИ

Александр Владимирович Крутов

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Москва, Россия, avkrutov@inbox.ru*

Аннотация. Теория Бадью описывает возникновение политического события из ситуации как множества без стабильной структуры и связей детерминации. В этом случае исключена инструментальная обработка big data. В статье показана применимость подхода Бадью к политике и концепции политического прогресса к анализу последовательности сингулярных событий для общей оценки процесса.

Ключевые слова: Бадью, политика, ситуация, событие, политический прогресс

Для цитирования: Крутов А.В. Политическое событие по Бадью: от построения ситуации до оценки прогрессивности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 131–140. doi: 10.17223/1998863X/76/13

Original article

A POLITICAL EVENT ACCORDING TO BADIOU: FROM CONSTRUCTING A SITUATION TO ASSESSING PROGRESSIVENESS

Aleksandr V. Krutov

*Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation,
avkrutov@inbox.ru*

Abstract. The article examines the possibilities of applying Alain Badiou's approach to complex-unstable processes. The French philosopher considers the ontology and phenomenology of an event as the mathematics of sets. The similarity of Badiou's views with the description of politics is shown, as well as the possibility of applying the concept of political progress to the sequence of events and assessing their moral value. Badiou proceeds from a situation that does not represent unity, changes according to internal laws, is infinite in content. Before the situation becomes unstable, these properties allow us to apply modern methods of processing and scaling big data. By its composition, the situation has a set of non-political elements that objectively characterize stationary processes, and a growing "wandering" variety of political facts that subjectively reflect reality. This situation is called a pre-political situation, in which there is a "duality". When the duality becomes apparent, Badiou's approach should be applied, in which a special count procedure is carried out. This procedure involves choosing an external "generic" set and forcing into the situation. A well-constructed generic set has elements that are suitable in practice for ordering "chaotic" political elements in the overall structure of the set. As a result, an event is declared. The new situation consists of modified elements of the previous situation and generic elements. It can be completely or partially structured, so again it is possible to apply the big data methodology. Forcing an event is seen as a fragment of policy. According to Badiou, revolutionary events correspond to truth and birth procedures. For less singular events, it is necessary to search for and clarify the "right direction" to the truth, which can be clarified

through the concept of political progress. The big data methodology and Badiou's approach, supplemented by the research of Denquin, Rancière, and Domanov, can describe a wide range of phenomena.

Keywords: Badiou, politics, situation, event, political progress

For citation: Krutov, A.V. (2023) A political event according to Badiou: from constructing a situation to assessing progressiveness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 131–140. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/13

Введение

Постановка проблемы. Современные общественные процессы идут в непростой, меняющейся обстановке. Поэтому для управления ими требуется множество показателей ситуации. Так, при сложно-стабильных условиях применяется программно-математический инструментарий обработки больших данных (big data). Но сложно-нестабильные состояния проблемны и не поддаются комплексному анализу и моделированию.

Ален Бадью выдвинул подход, намечающий решение проблемы [1, 2] на основе «философии как практики». Его идеи о теории множеств как онтологии были развиты в работах [3–7], однако оказались «не в состоянии компенсировать отсутствие философско-политического аппарата концептуализации реалий политики в глобально-исторической перспективе» [6. С. 46]. Возникает потребность в заполнении этой лакуны применительно к сложно-нестабильным процессам.

Теоретические основания исследования. Бадью разработал математико-онтологический подход к преобразованию социальной реальности под воздействием внешнего субъективного фактора, источником которого является мысль-представление о новой истине, а движущей силой – процедура «верности». Внешнее «вынуждение» превращает ситуацию в сингулярное событие.

Подход Бадью описывает революционные события [7, 8], он применим в современном политическом анализе [9. С. 304–307]. В ходе изучения «нреволюционных» событий акцентируются проблемы легитимности истины в политике и театре, осмыслиения понятий «субъект» и «событие» [10–12] и т.д. Однако в подходе Бадью фиксируются феноменологические, аксиологические изъяны в применении математической логики выбора [13–15]. К примеру, неправомерно использованы понятие пустого множества, представление и процедура счета [13. С. 76–79]. Есть и иные спорные аспекты подхода Бадью. Например, какой легитимностью может обладать онтология, исключающая категорию элементов события, заведомо постулирующая свою неполноту [16. С. 114]. Тем не менее философия Бадью лучше дискуссии о «бесконечной проблеме обоснования аксиоматического метода» в философии и онтологии [17]. В учебнике О.А. Доманова [18] показано, как в подходе Бадью можно использовать теорию множеств и математическую логику.

Методология и основные понятия исследования. Оценивается применимость методологии big data для счета и обработки элементов множества предполитической ситуации и «генерического» множества, возможность оценки Добра в последовательности событий при помощи понятия политического прогресса.

В статье употребляются понятия:

блуждающее множество (факторов, мнений, отношений и др.) – часть структуры ситуации, несвязная и ничем не фундированная. Его фиксация за-дает *политическое* в ситуации;

большие данные (big data) – множество элементов, к которым применя-ются масштабируемые программные инструменты обработки неравномерно структурированных массивов информации;

генерическое – внешнее к настоящему, генерирующее одно из возмож-ных будущих состояний;

истина (в отличие от знания) – то, что находится за пределами реаль-ности, в пустоте будущего, достигается верностью;

политика – сингулярное явление новой универсальности, то, что услож-няет и переформатирует реальность; всегда локальное коллективное дей-ствие; процедура вынуждения, придающая связность предполитической си-туации; распространение субъектом события за пределы [19. С. 61–62];

политическое (по Бадью) – завершение политики, стабилизация ее ре-зультатов, закрепленная как передача всеобщих государственных операций кол-лективным субъектам, которые закрепляют переход ситуации в событие [2. Р. 165];

ситуация (обычная) – состояние, стечание различных обстоятельств, ко-торое можно представить как множество элементов, или big data;

событие – результат деятельности по расширению пространства реаль-ности, фиксирующий край пустоты при достижении Истины (привозглаше-ние новой истины или неожиданного порядка, сополагающего разнородное, «этая неожиданность будет превосходить ту, к которой мы готовы» [16. С. 114]);

субъект – лица, способные представить истину и воплотить путь к ней, вых-одя за пределы реальности по направлению к истине.

Результаты исследования

1. *Ограничения применения big data в ситуации.* При работе с big data субъективные данные изучаются, усредняются, очищаются, объективируются, превращаются в непротиворечивое, связное множество. Инструментарий позволяет учитывать многообразие типов, достоверность, ценность сведений, а также выбирать аналитические методы и строить модели данных. Методо-логия big data может применяться везде, включая политические явления в социальной деятельности, экономике, культуре.

Политика отличается от других сфер непредсказуемыми ситуациями, со-бытиями, которые нельзя описать связными множествами так, чтобы на ос-нове обработанной информации *уполномоченный* субъект мог принимать управ-ленческое решение. Согласно Бадью, ситуация в политике понимается и преобразуется в бессубъектном окружении [2. Р. 67–75]. В своем развитии она изменяется по внутренним, отчасти предсказуемым закономерностям. Ситуация становится «противоречивой» из-за чего-то «блуждающего», не позволяющего ее однозначно поименовать, и бесконечности несвязных, ча-стично наблюдаемых факторов [1, 3, 15]. В меняющуюся «пустую» (несчи-тannую) ситуацию следует добавлять необходимые для «однозначности» элемен-ты «генерического» множества. Если добавление сопровождается вер-ностью будущему событию, ситуация «связывается». В результате рождается

новая истина, появляется субъект. Но возникает риск несостоительности субъекта и события [19. С. 53–62; 4; 5]. Приведенные свойства ситуации (по Бадью) показывают принципиальную невозможность и неэффективность применения современных методов обработки и масштабирования *big data*.

2. *Наполнение ситуации политическим*. Бадью иллюстрирует свой подход примерами деятельности апостола Павла, Ленина, Мао Цзэдуна, студенческой активности 1968 г. Ситуацию в подобных условиях можно рассматривать в виде множества, включающего и обычные элементы неполитических сфер жизни (которые поддаются средствам массово-параллельной обработки *big data*), и особые «политические факты» (по Денкэну). Последние являются в виде: групповых *представлений*, основанных на работе индивидуальных сознаний; *фактов сознания* – закрепленных переживаний событий внешнего мира; *связей* между групповыми представлениями и фактами, коренящихся на верности действительности; соответственных ценностно нагруженных *терминов*. «Политические факты» субъективно формируются людьми, втянутыми в данную ситуацию. Эти факты «корыстны» и «имплицитно конфликтны», они «реструктурируются перед новыми опытами», создают иллюзию «псевдообъективности» [20. С. 34, 36].

Если ситуация относительно *стабильна*, Денкэн называет ее «*обыденной*». «Политические» элементы представляют собой «*ничто*» (в смысле возможности изменения ситуации), но субъективно они есть «*нечто*», разрушающее объективное единство ситуации. «Неполитические», базовые элементы множества *фундируют* политический элемент. Упорядочить, связать обе группы по каким-то признакам (например, в *big data*: «цель, люди, процесс, платформы, программируемость») принадлежности множеству нельзя. Можно считать, что «политические факты» живут по своим внутренним закономерностям. Их совокупность есть пустота, блуждающая «по всему представлению в форме вычитания из счета» [1. Р. 526]. Ситуация считается связной, пока можно отбрасывать новые, не вписывающиеся элементы; она «находится в хранилище фактов» [19. С. 79]. При применении методологии обработки *big data* такие элементы исключаются при очистке либо не используются в аналитике и моделировании.

Ситуацию называют *предполитической*, если признается ее двойственность из-за наличия блуждающего множества. Подобное явление Ж. Рансье описал так: рядом с шоссе проходит манифестация, а полиция призывает проезжающих не останавливаться: «Здесь ничего не происходит, не на что смотреть, пространство движения есть пространство движения и только». Вместо «обычного социального выслушивания» возникает «непредставимость» будущего [21. С. 210; 19. С. 77]: ожидание того, что что-то может случиться (рискованное развитие ситуации) или не произойдет ничего. Кто-то должен решиться изменить ситуацию, угадав ожидания активистов, постигнув образ будущей (сингулярной) Истины [1, 2]. Потенциальные субъекты по-разному интерпретируют блуждающее множество, отбрасывая одни и фундируя дополнительные политические факты-термины. Это то «внешнее», которое нужно различить в неразличимом, наименовать в «понятие, которое может демонстративно диктовать законы его существованию» [22. С. 61]. В предполитической ситуации элементы множества подвижны, образуют нестабильную структуру бытия и неопределенные связи детерминации. По-

скольку «событие нарушает ожидаемый порядок», из-за субъекта разнородное «сополагается неожиданным образом», и «неожиданность будет превосходить ту, к которой мы готовы» [16. С. 114], то методология big data приведет к ошибочному результату.

3. *Истинность и генерическое: от предполитической ситуации к событию.* Бадью не описывает состав генерического множества. Представим порядок перехода *двойственной* ситуации в будущее единичное событие.

Согласно Бадью, истина – это «процесс, вызываемый определенными сдвигами (столкновением, восстанием, неожиданным открытием)», развивающийся по принципу «верности испытуемому новшеству» [23]. Для «восстановления права Истины и Добра» [1. Р. 165–169; 23] следует *предвосхитить* изменение множества-ситуации, а также пополнение элементов генерического множества, чтобы захватить внимание всех вовлеченных в ситуацию. Элементы генерического множества «склеивают» хаотические политические факты в общую структуру множества. Полагаем, что для создания устойчивых связей детерминации генерическое множество должно иметь структуру, близкую блуждающему подмножеству. Вынуждение – ряд рискованных сдвигов – усиливает это влияние, и структура «естественного» неполитического множества перестраивается.

Новация-сдвиг сначала появляется в мышлении. Затем ее на практике воплощает потенциальный субъект при условии, что его понимание истины соответствует коллективному ожиданию. Образ истины притягивает и мотивирует активистов «общечеловечностью» [1; 2. Р. 155–167; 6. С. 41; 11. Р. 326–327].

По удачному определению Рансьера, политика – преобразование «пространства движения в пространство манифестации субъекта». Она переиначивает множество-ситуацию, указывая на то, что «следует делать, видеть, называть». Политика – «тяжба о разделении ощутимого», на которой основан всякий «коммунитарный свод законов» [21. С. 210].

Универсальность предполагает принятие решений, отличных от «суждений» по известной теме [5]. Так, «находящимся на шоссе» активистам нужно сделать какой-то шаг, решиться на обозначение действия, приближающего к новой истине. Проезжающие зафиксируют, что что-то уже случилось: истины пока еще нет, но ее «процедура» началась. Политическое событие – коллективное воплощение истинности, характеризующее субъекта.

Манифестация Рансьера – это этап вынуждения события извне ситуации. Неочевидно, что процесс истины пойдет дальше: у активистов может наступить разочарование, ощущение неудачи. В ситуацию следует добавить генерические элементы для увлечения новых участников из «мрака» настоящего на «свет» будущей истины, развеивающие сомнения и поддерживающие верность истине.

Политика у Бадью связывает коллективные действия и мысль [7. С. 22–23; 10, 16]. Чем более мощными представляются идея, образ, тем больше политических фактов свяжется с элементами генерического подмножества. Пока активисты продуцируют хаотические факты, риск неудачи в движении к истине высок; по мере формирования однородной массы верность событию усиливается. Масса провозгласит событие, когда наступит согласованность политических с неполитическими элементами [12, 14].

Итак, процесс вынуждения основан на: 1) развитии мысли об истине – сначала нечеткой у малой группы, постепенно проясняющейся и охватывающей массы; 2) локальных действиях, связанных с верностью этой мысли у коллективного проявляющегося субъекта. Важно отметить, что подходом Бадью могут описываться как «революционные», так и «слабо политизированные» события. Для последних возникает проблема соответствия познанной Истины всеобщему Добру.

4. *Процедура верности – критерий видов политической деятельности.* Вынуждение события – это достижение устойчивого легитимного результата, этически позитивно оцененного. Оно обосновано доказательством П. Коэна: для «двойственного» множества-ситуации можно предложить такое генерическое множество, которое связывает его в желаемое состояние. Процедура состоит в последовательности действий-добавлений внешних элементов этого множества (по С. Крипке).

Сравним свойства политики по устоявшемуся мнению политологического сообщества с подходом Бадью [1. Р. 498–526]. Так, наличию проблемы, необходимости ее по-новому разрешить соответствуют блуждающее множество и предполитическая ситуация; умению концентрировать нужные ресурсы – генерическое расширение ситуации; способности выбрать правильные действия – процедура верности; направленности на результат аналогично вынуждение; концу политики, закреплению нового состояния – сингулярность, истина.

В продолжение сравнения: описание политики *развития* демонстрирует процедура верности истины [21. С. 95; 12. С. 113].

Другой тип политики – без новизны и истины – обеспечивает *политическую стабильность*, улучшающую ситуацию. Она основана на «деполитизации проблемы», когда блуждающее множество игнорируется под влиянием авторитета руководителя. Или руководитель выдвигает «нормальную, неизбежную и непроблематичную инициативу» (Денкэн) [20. С. 27–28]. Такая политика у Бадью называется *личиной* или *террором*, поскольку генерическое множество используется не для Добра [8; 3. С. 112]. У Рансьера – это «полиция».

«*Политиканство*» означает приоритет личного над коллективным без стремления к истине, т.е. конъюнктуру с поглощенностью частной борьбой и сиюминутными интересами, с преходящими целями без главных ориентиров и рассчитанных действий. Эта «деятельность» всецело корыстная, творящая историю без любви к ближнему и высокой духовности» [24. С. 63–64]. Бадью называет политику без верности Добру *предательством* [23], без верности себе она становится *катастрофой*.

Исходя из типологии, для политики стабильности или политиканства применимы методы обработки big data. «Истинная» политика описывается математическим методом Коэна.

5. *Политический прогресс как критерий оценки политики, предложенной Бадью.* Ряд позиций Бадью [1, 2] уязвим для критики: политика рассматривается как а) становление одного события; б) не учитывается масштаб его изменения; в) отсутствует пространственно-временное измерение события; г) спорна моральная ценность результата вынуждения. Последнее ставится под сомнение утверждением Денкэна о том, что «логика мира политики не

предоставляет истине никакого онтологического преимущества». Ценностное суждение двусмысленно: «то, что хорошо с одной точки зрения, явно плохо с другой...», поэтому «может быть, истина недоступна, но ложь очень доступна» [20. С. 36; 13, 5]. Достижимость Добра-истинности может рассматриваться в достаточно спорных категориях, но историческая последовательность событий оценивается общественным признанием.

Положим, что политический прогресс – это: а) последовательность событий и стабилизирующих изменений ситуации б) с выраженной масштабностью политики в) в больших пространственно-временных координатах, в которой г) доминирует положительная оценка Добра, Блага, соответствующая антропологическому идеалу человека в данной исторической эпохе.

(Позиции «а» – «г», представленные в двух понятиях, показывают, что качество политики правомерно определять понятием политического прогресса.)

Отличие начальной и конечной точек политического прогресса состоит в усложнении видов деятельности, реализации социально-антропологических представлений и др. Его направление, как идеологизированное устремление, позволяет добиваться универсальности, уточнять, объективировать представление о Добре и Зле при проведении процедуры истинности, если ситуация не «революционная».

Политика включает в себя не только события (по Бадью), но и другие виды политической деятельности. Правильное выстраивание линии политического прогресса позволит определить ее участки, для которых применимы средства big data.

Заключение

Выводы:

– онтология события Бадью, основанная на процедуре верности истине в несвязном множестве, исключает применимость средств big data;

– снижение стабильности и устойчивости предполитической ситуации приводит к росту неожиданных изменений и неточности методологии big data в данном случае, поскольку ее аналитика и моделирование исходят из ранее существовавшего представления;

– подход Бадью применим для революционных и мало политизированных событий. Но в последних вынуждение не всегда соответствует процедуре истинности, что препятствует восприятию события как Добра, не удовлетворяет всех включенных в ситуацию масштабностью изменений;

– для политики стабильности или политиканства можно пользоваться объективным анализом и моделированием, т.е. методами обработки big data. «Истинная» политика опирается на субъективное прогнозирование и деятельность (по Бадью), поэтому применима методология Коэна [18];

– направление политического прогресса как идеологизированная цель позволяет добиваться универсальности, объективировать представление о Добре и Зле при проведении процедуры истинности. Правильное выстраивание линии политического прогресса позволит определить ее участки, для которых применимы средства big data.

В статье сделана попытка применить понятие политического прогресса к анализу последовательности сингулярных событий для общей оценки политики, поскольку политический прогресс имеет критерии, закономерности,

которые совпадают с идеями Бадью о Добре и Зле. Предложенное описание подхода Бадью может быть использовано в решении народнохозяйственных задач: применено в ситуационных центрах (если прогрессом считать заранее установленную миссию, видение или цель), в научных исследованиях и разработках (если достижение уровней готовности технологий рассматривать как этапы прогресса).

Список источников

1. *Badiou A. Being and Event*, London : Continuum, 2000. 526 p.
2. *Badiou A. Abrégé de métapolitique*. Paris : Seuil, 1998. 172 p.
3. Абдулла А. Истина политического события в социальной философии А. Бадью // Вісник Харківського національного університету. Філософія. Філософські перипетії. 2009. № 877. С. 107–119.
4. Доманов О.А. Ален Бадью между формализмом и интуиционизмом // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 120–127.
5. Егорычев И.Э. Субъект и событие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-1 (26). С. 99–104.
6. Губман Б.Л. А. Бадью: философия и политика // Философские науки. 2015. № 9. С. 34–48.
7. Абушкин П.Г. Революция с точки зрения философии и политики: теория события А. Бадью // Общество: философия, история, культура. 2014. № 2. С. 20–24.
8. Магун А.В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 416 с.
9. Мельков С.А., Попова И.Л. Что загадочного в отношениях философии и политики: краткая рецензия почти одноименной книги А. Бадью // ГосРег. 2021. № 1 (35). С. 296–307.
10. Белянская Л.В. «Событие» и «дискурс» как ключевые понятия постмарксистской философии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 164–170.
11. Motal J. Imagine the utopia! Rethinking Alain Badiou's theatre-politics isomorphism // The Slovak Theatre. 2018. V. 66, is. 3. P. 311–329. doi: 10.2478/sd-2018-0019
12. Иванова М.Е. «Событие»: от обыденного понятия до научной категории // Манускрипт. Тамбов : Грамота, 2020. Т. 13, вып. 8. С. 111–119.
13. Брюссер Р. Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» А. Бадью // ХОРА. 2008. № 1. С. 63–80.
14. Целищев В.В., Хлебалин А.В. Формальная онтология и метафизическая семантика // Вестник Новосибирского государственного университета. Философия. 2012. Т. 10, № 4. С. 5–13.
15. Черняков А.Г. Онтология как математика: Гуссерль, Бадью, Плотин // Сущность и слово. М. : Феноменология – Герменевтика, 2009. С. 415–436.
16. Маяцкий М. Удивление, событие и метонимический субъект // Логос. 2021. Т. 31, № 3 (142). С. 97–122.
17. Федун Д.А. Анализ онтологии Алена Бадью посредством схоластического подхода к понятию сущего // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 2, № 4-1. С. 56–66.
18. Доманов О.А. Онтология и феноменология Алена Бадью : учеб. пособие. Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. 194 с.
19. Бадью А. Метаполитика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М. : Логос. 2005. 240 с.
20. Денкэн Ж.-М. Политическая наука. М. : МНЭПУ, 1993. 162 с.
21. Рансье Ж. На краю политического. М. : Праксис, 2006. 240 с.
22. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
23. Бадью А. Зло. Интервью. 14.09.05. URL: <https://web.archive.org/web/20070928020853/http://www.contr.info/content/view/120/43/> (дата обращения: 11.01.2023).
24. Ильин В.В. Политология : учебник. М. : Книжный дом «Университет», 1999. 540 с.

References

1. Badiou, A. (2000) *Being and Event*. London: Continuum.

2. Badiou, A. (1998) *Abrégé de métapolitique*. Paris: Seuil.
3. Abdulla, A. (2009) Istina politicheskogo sobytiya v social'noy filosofii A. Bad'yu [The Truth of a Political Event in A. Badiou's Social Philosophy]. *Visnik Kharkiv'skogo natsional'nogo universitetu. Filosofiya. Filosof'ski peripetii*. 877. pp. 107–119.
4. Domanov, O.A. (2012) Alen Bad'yu mezhdju formalizmom i intuitsionizmom [Alain Badiou between formalism and intuitionism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(18). pp. 120–127.
5. Egorychev, I.E. (2012) Sub"ekt i sobytie [Subject and event]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12-1(26). pp. 99–104.
6. Gubman, B.L. (2015) A. Bad'yu: filosofiya i politika [A. Badiou: Philosophy and politics]. *Filosofskie nauki*. 9. pp. 34–48.
7. Abushkin, P.G. (2014) Revolyutsiya s tochki zreniya filosofii i politiki: teoriya sobytiya A. Bad'yu [Revolution from the point of view of philosophy and politics: A. Badiou's theory of events]. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2. pp. 20–24.
8. Magun, A.V. (2008) *Otritsatel'naya revolyutsiya: k dekonstruktsii politicheskogo sub"ekta* [Negative revolution: towards the deconstruction of the political subject]. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
9. Melkov, S.A. & Popova, I.L. (2021) Chto zagadochnogo v otnosheniyakh filosofii i politiki: kratkaya retsensiya pochti odnoimennoy knigi A. Bad'yu [What is mysterious in the relationship between philosophy and politics: A brief review of the almost eponymous book by A. Badiou]. *GosReg*. 1(35). pp. 296–307.
10. Belyanskaya, L.V. (2016) "Sobytie" i "diskurs" kak klyuchevye ponyatiya postmarksistskoy filosofii ["Event" and "discourse" as key concepts of post-Marxist philosophy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sociologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 4(34). pp. 164–170.
11. Motal, J. (2018) Imagine the utopia! Rethinking Alain Badiou's theatre-politics isomorphism. *The Slovak Theatre*. 66(3). pp. 311–329. DOI: 10.2478/sd-2018-0019
12. Ivanova, M.E. (2020) "Sobytie": ot obydennogo ponyatiya do nauchnoy kategorii ["Event": From an ordinary concept to a scientific category] *Manuskript*. 13(8). pp. 111–119.
13. Braisser, R. (2008) Prezentatsiya kak antifenomen v "Bytii i sobytiy" A. Bad'yu [Presentation as an anti-phenomenon in "Being and Event" by A. Badiou]. *KhORA*. 1. pp. 63–80.
14. Tselishchev, V.V. & Khlebalin, A.V. (2012) Formal'naya ontologiya i metafizicheskaya semantika [Formal ontology and metaphysical semantics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 10(4). pp. 5–13.
15. Chernyakov, A.G. (2009) Ontologiya kak matematika: Gusserl', Bad'yu, Plotin [Ontology as mathematics: Husserl, Badiou, Plotinus]. In: Solopova, M.A. & Bykova, M.F. (eds) *Sushchnost' i slovo* [Essence and Word]. Moscow: Fenomenologiya – Germenevtika. pp. 415–436.
16. Mayaczkij, M. (2021) Udivlenie, sobytie i metonimicheskiy sub"ekt [Surprise, event and metonymic subject]. *Logos*. 3(142). pp. 97–122.
17. Fedchuk, D.A. (2009) Analiz ontologii Alena Bad'yu posredstvom skholasticheskogo podkhoda k ponyatiyu sushchego [An analysis of Alain Badiou's ontology by means of a scholastic approach to the concept of being]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2(4-1). pp. 56–66.
18. Domanov, O.A. (2019) *Ontologiya i fenomenologiya Alena Bad'yu* [Alain Badiou's Ontology and Phenomenology]. Novosibirsk: Ofset TM.
19. Badiou, A. (2005) *Metapolitika. Mozhno li myslit' politiku? Kratkiy traktat po metapolitike* [Metapolitics: Is it possible to think about politics? A short treatise on metapolitics]. Translated from French. Moscow: Logos.
20. Denquin, J.-M. (1993) *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Translated from French. Moscow: MNEPU.
21. Rancière, J. (2006) *Na krayu politicheskogo* [On the Edge of the Political]. Translated from French. Moscow: Praksis.
22. Badiou, A. (2003) *Manifest filosofii* [Manifesto of Philosophy]. Translated from French. St. Petersburg: Machina.
23. Badiou, A. (2005) *Zlo. Interv'ju. 14.09.05.* [Evil. Interview. September 14, 2005]. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20070928020853/http://www.contr.info/content/view/120/43/> (Accessed: 11th January 2023).
24. Ilin, V.V. (1999) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet."

Сведения об авторе:

Крутов А.В. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры 517 «Философия», института № 5 Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (Москва, Россия). E-mail: avkrutov@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Krutov A.V. – Cand. Sci. (Political Science), docent, associate professor of Department 517 “Philosophy”, Institute No. 5, Moscow Aviation Institute (National Research University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: avkrutov@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.03.2021;
одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*
*The article was submitted 29.03.2021;
approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 001.4; 001.9; 167.7

doi: 10.17223/1998863X/76/14

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ И ОБЩЕСТВА

Наталья Николаевна Погожина

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, pogozhinann@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается сущностная связь научной подсистемы общественной коммуникации и общества в целом в свете фундаментальных изменений цифрового воспроизведения знания. Критически анализируются модели популяризации знания в социуме (иерархии, диалога, участия), роль экспертизы в современности и феномен привлечения гражданских агентов к работе научного сообщества через призму сетевого характера функционирования коммуникативных интеракций.

Ключевые слова: коммуникация, общество, научная коммуникация, гражданская наука, наука в обществе, экспертиза, популяризация науки

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-00804 «Наука как коммуникативная система и научная политика в социально-сетевую эпоху».

Для цитирования: Погожина Н.Н. Современные тенденции коммуникативного взаимодействия науки и общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 141–152. doi: 10.17223/1998863X/76/14

Original article

MODERN TRENDS IN THE COMMUNICATIVE INTERACTION OF SCIENCE AND SOCIETY

Natalya N. Pogozhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, pogozhinann@gmail.com

Abstract. In the article, the author analyzes the relationship between science and society, as well as communicative resources for its establishment. The phenomenon of “open science”, the construction of scientific communication and the specifics of its network nature in our time are discussed; the influence of expert knowledge on the public perception of science is noted. The author aims to demonstrate the implementation of the scientific communication functioning mechanism in network societies based on the reproduction of communication with other subsystems. An overview of models of such interaction between science and civil society as part of the popularization of scientific knowledge is given, a hierarchical (scarce) dialogical model and a model of “engagement” are reconstructed. The “citizen science” project is involved in the analysis of the science–society interaction, which is characterized not only as one of the options for popularizing scientific knowledge, but also as a platform for changing the angle of professional expert examination and including “citizen scientists” as subjects of interaction with scientific and political subsystems. The above trends indicate the integration of the communicative fields of science–politics–economics, hybrid forms of communication. However, this is not enough at the moment to talk about the own subjectivity of science in the political or other social subsystems.

Keywords: communication, society, scientific communication, citizen science, science in society, expert examination, popular science

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00804: Science as a Communicative System and the Science Policy in the Social-Network Era.

For citation: Pogozhina, N.N. (2023) Modern trends in the communicative interaction of science and society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 141–152. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/14

Актуализация обсуждения связи науки и общества в современности является следствием тенденции, направленной на «открытость науки». Основа данного тренда – прозрачность взаимодействия внутри научного сообщества и высокая степень общественной инклузии, предполагающая участие общества как в выработке знаний, так и в оценке эффективности научной коммуникации [1]. Эти тенденции неизбежно возвращают к анализу основ формирования коммуникативных связей внутри научного сообщества, а также между учеными и гражданами в обществе.

Принципиально значимой точкой отсчета в исследовании научной коммуникации является системная теория [2], которая повлияла на рассмотрение науки как дифференцированной социальной системы с уникальными значениями коммуникативного кода (истина / ложь) [3]. Развитие системно-коммуникативного подхода дало импульс к институционализации научной коммуникации как обособленной дисциплины с собственным предметным полем исследования. Необходимо отметить влияние больших социально-теоретических проектов / программ на преодоление некоторой изолированности и схематизма структурной теории в вопросах взаимодействия научной и иных сфер общественной жизни. В частности, речь идет о роли концептуализации «общества знания», связанным с этим прогностическим оптимизмом. В дальнейшем – оценкой рисков и причин, по которым концепция «общества знания» не была реализована на практике в полной мере.

Относительная современность начиная со второй половины XX в. рассматривается как пространство становления «global society» с характерными чертами всеобщей включенности. В глобальной современности трансформируется само понимание работы алгоритма исключения / включенности в социальные интеракции посредством интернет-коммуникации. Наряду с этим возникают новые формы неравенства, например цифровое. Однако концептуализация глобальных процессов заставляет обратить внимание на интенсификацию локальных связей, ориентацию на инаковость. Подобная разнонаправленность характеризует феномен «глобализации» и ставит под сомнение универсалистское видение глобального порядка, демонстрирует явные ограничения такого подхода.

На изменение взаимосвязи «наука–общество» оказывает существенное влияние концепция сетевого взаимодействия. Феномен «общества-сети» отражает пространственную неравномерность, динамический характер, конструктивизм, интегрированность социальных взаимодействий разного уровня и степени интенсивности в современности. Очевидно, что на протяжении как минимум последних тридцати лет фундаментальные изменения, коснувшиеся привычного жизненного уклада, продиктованные сетевой формой общения,

напрямую повлияли как на практику публичной научной коммуникации, так и на опыт выстраивания диалога науки / государства / общества [4]. Это находит отражение в увеличении числа исследований, посвященных коммуникации в современной науке в рамках программного поля социальной теории науки, а также в приоритетном финансировании исследований, предлагающих комплексный и сложно прогнозируемый характер¹.

Подтверждением данных тенденций выступают множественные концептуальные построения, фиксирующие меняющиеся связи – «пост-нормальность» науки [5], «пост-академизм» [6], новые формы научной модальности [7]. Исследование связей между сферой выработки научного знания, культурной средой и политическими интеракциями показывает гибкий характер и взаимное влияние означенных социальных полей. Общей здесь видится идея проницаемых границ. Таким образом, научная подсистема общества формируется не только за счет внутренней логики становления и развития научного знания, «самоценно научных» методологических опор, но и под влиянием широкого спектра социальных, политических, экономических и иных явлений. Ключевой вопрос состоит в глубине этого влияния и в возможности сохранения если не замкнутой, то самостоятельной и относительно обособленной системы науки. Другими словами, в том, насколько реально смешение науки и иных коммуникативных общественных подсистем (например, политики)? Для определения субъектности науки в политической и иных коммуникативных сферах обратимся к обзору моделей построения коммуникации науки и общественности.

Взаимодействие «наука–общество»: от иерархичности через диалог к вовлечению

Обсуждение механизмов построения диалога науки и общества связано с феноменом «популяризации науки» как с очевидным способом демаркации научного и не-научного в публичном поле. Устойчивый и системный опыт популяризации и презентации результатов научных изысканий восходит к оформлению академического сообщества, развитию экспериментальной науки с «наглядным» результатом.

Исследование влияния популяризации и массовизации науки тесно связано с проблематикой выявления путей координации между коммуникативными подсистемами. На протяжении долгого времени научная выработка знаний представлялась связанный исключительно с положительным опытом технического прогресса, экономическим успехом, затем наращиванием военного потенциала, что подкреплялось государственным финансированием [8]. Постепенно модель приоритета централизованного инвестирования меняется в пользу рыночного регулирования – самостоятельного поиска иных источников финансирования, поддержки и социального одобрения. Таким образом, популяризация науки несет очевидную утилитарную функцию, препрезенти-

¹ В распределении заявок и победителей по приоритетам стратегии научно-технологического развития РФ с 2017 по 2021 г. фиксируются и лидируют направления научных разработок в сфере инноваций (передовые цифровые технологии, персонализированная медицина), высокой неопределенности, рисков (техногенные угрозы, терроризм), а также исследования, ориентированные на «человекоразмерные» комплексы (человек–природа–технологии) (см. подробнее: <http://pp.rscf.ru/proekty-pobediteli/vedushchie-laboratori/>).

руя широкой общественности коммерческие выгоды вложений в развитие тех или иных исследований [9].

Актуальность ревизии базовых предпосылок и ценностных ориентаций научной коммуникации была связана и со сменой оптики на приоритетные социальные проблемы. Начиная с последних десятилетий XX в. общественный дискурс формируется как включающий в себя экологическую повестку, рассмотрение деятельности движений по ядерному разоружению и тд., что созвучно нарождающимся пацифистским настроениям в обществе того времени. Общественная дискуссия также разворачивается посредством формирования новых социальных движений и манифестации их протестной риторики. Экологическая борьба, протесты за мир, против ядерного оружия самовоспроизводятся на постоянной основе ввиду специфического устройства протестной коммуникативной практики – всеобщей включенности. Такое «существование» возможно в связи с отсутствием алгоритма директивного исключения одной из сторон коммуникации. Это может не относиться к специфическим и радикальным вариантам (уличным выступлениям, радикальным организациям), но распространяется на все «социально приемлемые» («уживчивые») формы – сетевое обсуждение, сбор информации о проблеме и оценку мнений общественности, подписание петиций. Поэтому на протяжении довольно долгого времени устойчиво существуют новые общественные движения, имплицитно встроенные в повседневность. Они постоянно воспроизводят коммуникацию с другими общественными акторами (социальными группами, институциями, гражданами) «универсальным языком» – через связь с наукой, апелляцию к научному факту. Выступают как с критикой достижений отдельных отраслей (ядерные разработки), так и обращаются к научным разработкам и исследованиям для подкрепления своей позиции (например, по вопросам климата).

Наблюдается девальвация способа выстраивания коммуникации профессиональной науки и общества, основанного исключительно на механизме передачи знаний – тиражировании научных результатов в публичное поле. Научная экспертиза может по-прежнему выступать патерналистски, но только если фоном оказывается общественность, совсем не включенная в научный дискурс. Эти соображения неизбежно приводят к необходимости исследования иных моделей коммуникативных связей науки и общественности.

Можно выделить две противоположные модели популяризации научного знания: иерархичную и диалогичную [10].

Рассмотрим основные положения первого подхода. Речь идет как раз о нисходящей модели иерархии, отсюда второе название концепции – «дефицитная» [11]. Согласно этой модели, диалог науки с обществом выстраивается в рамках представления о заведомо неравном положении осведомленности. Оно проистекает из относительно скрытых внутренних процессов, разворачивающихся в среде ученых. Со стороны общественности коммуникативное неравенство обусловлено смещением акцентов средствами массовой информации в научном нарративе: алармизмом, выборочным подсвечиванием тех или иных вопросов, связанных с развитием научно-исследовательской деятельности (например, ядерная энергетика, ГМО, вакцинация).

В результате складывается нисходящая дефицитная деформация коммуникативных практик. У общества есть запрос на знание, которое транслируют

ученые, обладающие выделенной позицией. С одной стороны, наблюдается закрытость научного сообщества, с другой – слабая подготовка «непрофессионалов», невысокая степень подкованности по основным положениям спектра наук, которые накладываются на акцентную подачу информации в СМИ. В совокупности эти процессы могут порождать у общественности широкий диапазон иррациональных позиций и умонастроений – от отсутствия любой критической оценки информации до страха и недоверия, откровенной враждебности к результатам научных исследований. Примером может послужить общественный резонанс вокруг введения обязательных мер по вакцинации от коронавирусной инфекции. Тогда в Сети приобрел особую популярность анализ «примагничивания» предметов к месту инъекции. Эти ролики повлекли за собой дискуссию и подозрение в «чипировании». Мнения о воздействии на организм разделились по степени опасности. Варьировались от ограничений и невозможности продолжения вести прежний «нормальный образ жизни», до предельных последствий – серьезных и непоправимых для здоровья.

Очевидно, что такая форма коммуникативного взаимодействия требует преодоления когнитивного «разрыва» между учеными и гражданами в рамках общественной коммуникации. В ограниченных формах дефицитная модель продолжает существовать, занимая определенную нишу в коммуникации. Критика данной модели базируется на позиции, согласно которой коммуникация, основанная лишь на простом постулировании иерархической разницы между положением коллективной общественности и выделенной позицией самозамкнутого профессионального научного сообщества, контрпродуктивна. Такая форма популяризации научного знания не отвечает постепенно формирующемуся запросу в обществе на обсуждение результатов и большую включенность. Также встает вопрос о том, что именно первостепенно продемонстрировать обществу для более плодотворной коммуникации: фактологический базис научных концепций, специфику методов, применяемых в науке, информацию о научном сообществе, развенчивание заблуждений и разрушение стереотипов, представление рутинных процессов научного взаимодействия [12]?

Альтернативный подход популяризации научного знания заключается в выстраивании диалога между обществом и наукой [13]. Основа такого диалога – запрос на мнение ученых по ключевым и предельно важным для общества вопросам, выносящимся на обсуждение в публичное поле. Видится тенденция включения и вовлечения общества в общий нарратив с научным сообществом профессионалов в рамках публичной коммуникативной практики. И такой подход представляется более успешным с точки зрения закрепления и интенсивности воспроизводства коммуникации при сохранении дефицитной модели в собственных определенных рамках. В исследовательской литературе суть подхода находит выражение в виде метафоры «диалогического поворота» (очевидно, с отсылкой к другим значимым поворотам в социогуманитарной рефлексии – лингвистическому, онтологическому, медиальному и др.) [14]. Тем не менее более детальное рассмотрение не позволяет говорить о симметричности позиций акторов в рамках такого «диалогического поворота». Прослеживается ангажированность со стороны научных учреждений и / или политических структур, неравномерное распределение силовых и ресурсных позиций по сравнению с гражданами и, следовательно,

предрешенный результат по тем или иным исследованиям, общественным обсуждениям. Вторым важным аспектом критического анализа диалогичной модели является непрозрачная целевая ориентация коммуникации – возможное несовпадение предполагаемых конечных итогов. Примером тому может служить довольно популярный формат общения в «научных кафе»¹. В качестве успешного итога такой коммуникации рассматривается самозамкнутый обмен, а не выработка формального знания.

В качестве третьего устойчивого варианта взаимодействия выступает модель «участия или включенности» как попытка преодоления сложностей, возникающих при практической реализации первых двух подходов [15]. При означенном выше бинарном подходе два модельных формата коммуникативных практик науки в обществе являются взаимоисключающими, поскольку диалоговая модель приходит на смену дефицитной, заполняя лакуны последней. В этой точке наблюдения эволюционные изменения практики популяризации науки выглядят как безвозвратная смена дефицитной модели на диалоговую. Однако диалоговая, дефицитная и модель участия могут рассматриваться не только в оппозиции друг к другу, в формате взаимоисключения. В череде исследований отмечается формирование той или иной коммуникативной практики в рамках диапазона возможных синтетических вариантов или их сосуществования [16, 17]. Эта ориентация на сосуществование в коммуникативном поле представляется наиболее эффективной для описания процесса взаимного влияния науки и общества.

«Модель участия или включенности» – термин, использующийся для обозначения крайне широкого спектра различных практик взаимодействия науки, политики, образовательных институций, информационного пространства и развлечений. В англоязычной литературе закрепилась аббревиатура PEST (public/engagement/science/technology), отражающая идею публичного взаимодействия ученых с аудиторией. Формат «участия или включенности» предполагает изменение отношений между агентами коммуникации. Если в первых двух моделях связи были либо иерархичными, либо характеризовались прямым взаимодействием (как в диалоговой), то в третьей – связи гетерархичны, что соответствует сетевой структуре коммуникации в современном обществе. Третья модель характеризуется разнородным уровневым форматом, вариативностью способов интеракций². Это позволяет выстроить наиболее эффективную коммуникацию. Интенсификация взаимодействия широкой общественности с научными идеями, соприкосновение с управлениемской деятельностью в науке в рамках данной модели наиболее репрезентативны – от выбора темы коммуникации до этапа общественного контроля.

¹ В отечественных реалиях также существует подобная практика. Среди известных проектов можно назвать те, что функционируют на базе СФУ, МГПУ, Политехнического музея.

² Примером может послужить опрос ВЦИОМ, согласно результатам которого 82% респондентов были уверены в пользе нанотехнологий. Однако всего половина (51–48%) опрошенных от 18 до 44 лет и 24% пожилых людей могут объяснить значение этого понятия (см.: <https://www.interfax.ru/russia/21901>). Данный факт, как отмечалось выше, демонстрирует эволюционный коммуникативный успех третьей модели – модели участия, поскольку выходит, что привлечение общественности к обсуждению научных наработок заблаговременно, использование средств массовой коммуникации в этих целях, включение в контекст позволяют увеличить степень доверия общества, повысить шансы к продолжающемуся характеру коммуникации гражданского общества и науки.

В отличие от бинарных форм диалога / иерархии в модели участия нет односторонних или двусторонних отношений.

Опора на обозначенные выше тенденции популяризации научного знания и учет особенностей коммуникации в современном обществе дают возможность выстроить аналитические модели коммуникативных связей между наукой и обществом, определить, насколько эти связи будут устойчивыми. Согласно системной теории, предельный успех всякой коммуникации заключается в ее самопродуцировании (аутопоэзисе). Процесс вариативен по смысловому наполнению, интенсивности протекания и иным характеристикам. Но успех достигается за счет присоединении ответов, обратной связи на «коммуникативное приглашение», что обеспечивает длительность цепочки коммуникации. Модель участия и совместного производства знаний о мире способствует продолжительному и включеному диалогу научного сообщества и граждан, а также порождает гибридные формы взаимодействия – «гражданскую науку».

Программа «гражданской науки» (citizen science) как открытая платформа для со-исследований «гражданских ученых» и профессионалов

Общественное участие может выражаться посредством реализации проектов «гражданской науки», представляющих собой включение неученых в рутинизированные практики научного сообщества (например, в форме научного волонтерства – наблюдения за животными, сбор данных и т.д.). В этом видится реализация принципа «открытости», т.е. собранная и обработанная информация может храниться в открытых базах данных, что позволяет отслеживать ее накопление, систематизацию. Такие практики, безусловно, демонстрируют высокую степень возможности подключения новых участников к коммуникации, но также несут содержательный вклад в развитие научного знания.

Важно остановиться подробнее на анализе платформы «гражданской науки». Рассмотрим собственный потенциал этой тенденции в отрыве от трактовки ее как одного из вариантов популяризации научного знания. Здесь можно выделить, например, возможность учета локальной специфики, формирование децентрализованного исследования, изменение рамок экспертизы, смещение перспективы наблюдения в механизме взаимодействия науки и общества на граждан, их актуальный запрос и неформальные инициативы. Проект «гражданской науки» зарождался как мост, соединяющий сообщество ученых, исследователей-любителей и конкретные научно-технические разработки. В первых работах, где использовалась данная терминология (citizen science), ставился вопрос о наделении субъектностью граждан в научном поле, о возможностях сдвига профессиональной экспертизы в сторону со-причастности на примере исследования экологических угроз [18].

С развитием интернет-технологий включенность платформы «гражданской науки» в исследование и сбор информации для больших баз данных, разработок в сфере искусственного интеллекта становится еще более значимой. Можно обратиться к отечественному опыту уникальной самоорганизации добровольцев и созданию канала на платформе Telegram, где все желающие могли отмечать симптоматику, общее состояние организма и уровень

антител на третьей фазе испытания вакцины «Спутник V» (на канал подписано более 3 000 пользователей)¹.

Феномен «гражданской науки» в определенной мере продолжает и усиливает линию демократизации процесса выработки научного знания [19]. Но также существуют исследования, демонстрирующие прикладной характер итогов работы «гражданской науки» для подключения государства как актора коммуникации в связку «наука–общество». Например, предметом рассмотрения является уровень участия и влияние включенности гражданских наблюдателей в определение временных промежутков ядерной катастрофы на АЭС Фукусима-1 (Фукусима-дайити) в 2011 г. [20]. Силами гражданского населения были получены и зафиксированы данные о степени загрязнения почвы радиоактивными веществами. Данные собирались в базу MDS (Minna-no) и служили средством принятия решений по ликвидации катастрофы для государства и обеспечения череды иных управлеченческих шагов в этой связи.

Таким образом, сторона «гражданской науки» меняет позицию выделенного места профессиональной экспертизы, расширяет инклюзивные возможности, поскольку «гражданские ученые» получают доступ к аналитической оценке процессов, осознают этапы и некоторую методологию исследования, иногда привносят ту специфику локальной осведомленности, которая может существенно повлиять на итоги, а также в процессе «полевой» работы перенимают опыт научного изыскания.

Место научной экспертизы в связи с интенсификацией коммуникативного взаимодействия «общество–наука»

Следующей точкой обзора взаимодействий гражданского общества и науки в коммуникативном пространстве является трансформация позиции экспертизы. Эта трансформация выступает следствием включенности общественности в производство знаний. Даже опираясь на обыденные наблюдения социальной реальности, можно заметить, что институт экспертизы / экспертиная оценка занимает важное место в системе массовой коммуникации современности. Тенденция продуцирования научной коммуникации через агентность ученых-экспертов сегодня является одной из наиболее популярных. На первый план выходит вопрос коммуникативного и эпистемологического статуса экспертизы. Что привносит с собой экспертиза в научную коммуникацию? Коммуникативное поле выглядит следующим образом: персона ученого становится более публичной, роль эксперта обеспечивает выход из узко специализированного сообщества. При этом сохраняется достаточный уровень сложности в коммуникации, если речь идет о высоком порядке экспертизы. Форма экспертизы позволяет взаимодействовать с политической сферой и другими институциями в обществе в силу репрезентативности и направленности вовне – показательности результата.

Исследования науки в обществе, коммуникативных практик взаимодействия ученых и общественности акцентировано на анализе шагов, с помощью которых некоторое знание легитимируется и признается авторитетным. В дальнейшем это позволяет эмоционально «присоединяться» к общему переживанию «совместного» научного открытия. Экспертиза может исследо-

¹ См.: https://t.me/covid_dobrovolec

ваться с точки зрения этических посылок и следствий, через призму социального института науки, позиционироваться частью «этоса науки» или, наоборот, иметь выделенное место экспертного этоса.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет анализ экспертизы, базирующейся на сетевых коммуникативных практиках, которые неинституализированы, обладают полицентричностью и большей гетерогенностью. В частности, это отражается в экспертных позициях сетевого протестного дискурса в науке.

Тенденции изменчивости современного мира актуализируют поиск новых подходов, моделей, стратегий исследования коммуникативных отношений. Рассмотрение точек соприкосновения «ненаучного» и «научного» в современности должно происходить с учетом специфической площадки взаимодействия.

Характер массмедиа-коммуникации и сетевого обмена информацией задает рамку и для научной коммуникативной практики. Диалог сегодня выстраивается с использованием ресурсов новейших медиа, участием общественных сил в виде лидеров мнений, активистов, представителей бизнеса, словом, гражданского общества, продуцирующего те или иные тиражируемые инициативы. Здесь может наблюдаться также потенциал конфликтогенного характера такого коммуникативного взаимодействия. Поскольку формируются несколько дискурсивных полей: научная элитарность, формы экспертности, гражданская оценка, основанная на эгалитарных принципах, условной «прозрачности», демонстративности, низком пороге входа, свойственных сетевой коммуникации.

Говоря более предметно о формировании сетевой коммуникации, мы с необходимостью должны учитывать неравномерное воздействие сразу нескольких агентов – «гражданских экспертов», профессионального научного сообщества, использующим медийные возможности и сетевой формат, а также агентов, репрезентирующих альтернативные формы – протестную научную коммуникацию. Все это коренным образом влияет на производство и обращение научного знания. Наблюдается слабый контроль или полная его потеря над знанием, которое было выработано учеными и неучеными, включенными в процесс. С одной стороны, расширение агентности в рамках научной коммуникации посредством моделей популяризации или форм «гражданской науки» увеличивает число участников коммуникации, что делает коммуникацию успешной в силу большей устойчивости. С другой – это расширение научных практик в современности видится проблематичным, поскольку ставит под сомнение использование классических формулировок (например, «научного сообщества»). Все сложнее говорить об однородном характере, целях, задачах, а также единой ценностной ориентации ученых.

Системно-коммуникативный подход фиксирует принцип эволюционизма для объяснения механизма функционирования научной коммуникации, выборки и оценки потенциала научных теорий [21]. Влияние эволюционного принципа возможно расширить для анализа способов закрепления и продуцирования моделей научной коммуникации и общества. Таким образом, будет происходить отсев и сохранение «эволюционно успешных» форм координации научной коммуникативной подсистемы с иными – политической,

экономической и т.д. [22]. Коммуникативное пространство науки в сетевом обществе отличается высокой степенью взаимодействия с другими коммуникативными подсистемами.

Обращаясь к описанным ранее моделям взаимодействия научной коммуникации и общественности, модель «участия или включенности» может рассматриваться как наиболее адаптивная в связи с эволюционным принципом. Однако модели популяризации науки отличны по собственным целям [23]. Это объясняет существование моделей, но не исключает ориентацию на модель «участия» как «успешную» для демократизации института науки и включения широкого пласта гражданского общества в равную коммуникацию с профессионалами, что ставит вопрос о субъектности науки в политической и экономической подсистемах. На фоне структурных изменений сохраняются прежние стратегии научной коммуникации – аргументированность высказываний, конечный критериальный характер истины как успешности коммуникативного акта. Поэтому можно говорить о более гибких границах между общественными подсистемами и гибридных вариантах взаимодействия гражданского общества и ученых, но, очевидно, этого пока не достаточно, чтобы наделить науку самостоятельной политической или иными формами субъектности в других коммуникативных подсистемах, кроме собственно научной.

Список источников

1. Lakomý M., Hlavová R., Machackova H. Open Science and the Science-Society Relationship // Society. 2019. № 56. P. 246–255.
2. Parsons T. The Social System. London : Routledge & Kegan Paul Ltd, 1951. 404 p.
3. Луман Н. Истина, знание, наука как система. М. : Логос, 2016. 408 с.
4. Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227.
5. Funtowicz S.O., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age // Future. 1993. Vol. 25, № 7. P. 739–755.
6. Ziman J. «Postacademic science» : Constructing knowledge with networks and norms // Science studies, 1996. Vol. 9, № 1. P. 67–80.
7. Gibbons M. The new production of knowledge : the dynamics of science and research in contemporary societies. Sage, 2008. 98 p.
8. Miedema F. Science and Society an Overview of the Problem. Open Science: the Very Idea. Springer, Dordrecht, 2022. 247 p.
9. Lewenstein B. Popularization. The Oxford Companion to the History of Modern Science / ed. by J.L. Heilbron. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 667–668.
10. Trench B. Towards an Analytical Framework of Science Communication Models // Communicating science in social contexts. New models, new practices / ed. by D. Cheng, M. Claessens, T. Gascoigne, J. Metcalfe, B. Schiele, S. Shi. Dordrecht, Netherlands : Springer. P. 119–135.
11. Dickson D. The case for a deficit model of science communication. Paper presented to PCST Working Symposium, Beijing, June 2005. URL: <https://earthscience.rice.edu/wp-content/uploads/2018/01/dickinson-2005-deficit-model-scinet.pdf>
12. Durant J. What is Scientific Literacy? // European Review. 1994. Vol. 25, № 7. P. 83–89.
13. Science communication in the world: practices, theories and trends / eds. T. Claessens, J. Cascoigne, Metcalfe, B. Schiele, S. Shi. Springer Science+Business Media Dordrecht, 2012. 268 p.
14. Kent M.L., Taylor M. Toward a dialogic theory of public relations // Public Relations Review. 2002. Vol. 28, № 1. P. 21–37.
15. Trench B., Bucchi M. Global Spread of Science Communication: Institutions and Practices Across Continents // Handbook of Public Communication of Science and Technology. London ; New York ; Routledge, 2014. P. 214–230.
16. Miller S. Public Understanding of Science at the Crossroads // Public Understanding of Science. 2001. Vol. 10, № 1. P. 115–120.

17. Wynne B. Public Engagement as a Means of Restoring Public Trust in science: Hitting the Notes but Missing the Music? // *Community Genetics*. 2006. Vol. 9, № 3. P. 211–220.
18. Irwin A. *Citizen Science. A Study of People, Expertise and Sustainable Development*. Routledge, 1995. 212 p.
19. Feyerabend P. *Science in a Free Society*. Verso, 1982. 221 p.
20. Abe Y. Temporal Citizen Science After Fukushima // *International Journal of Communication*, 2023. Vol. 17. P. 1573–1591.
21. Антоновский А. Ю. Эволюционные механизмы научного прогресса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 201–209.
22. Луман Н. Эволюция. М. : Логос, 2005. 256 с.
23. Bucchi M. Of deficits, deviations and dialogues: theories of public communication of science // *Handbook of Public Communication of Science and Technology* / ed. by M. Bucchi, B. Trench. 2008. P. 57–76.

References

1. Lakomý, M., Hlavová, R. & Machackova, H. (2019) Open Science and the Science – Society Relationship. *Society*. 56. pp. 246–255.
2. Parsons, T. (1951) *The Social System*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd.
3. Luhmann, N. (2016) *Istina, znanie, nauka kak Sistema* [Truth, Knowledge, Science as a System]. Translated from German. Moscow: Logos.
4. Kasavin, I.T. (2021) Science: A Public Good and a Humanistic Project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 60. pp. 217–227. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/19
5. Funtowicz, S.O. & Ravetz, J.R. (1993) Science for the Post-Normal Age. *Future*. 25(7). pp. 739–755.
6. Ziman, J. (1996) “Postacademic science”: Constructing knowledge with networks and norms. *Science Studies*. 9(1). pp. 67–80.
7. Gibbons, M. (2008) *The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies*. Sage.
8. Miedema, F. (2022) *Science and Society an Overview of the Problem. Open Science: The Very Idea*. Springer, Dordrecht.
9. Lewenstein, B. (2008) *Popularization. The Oxford Companion to the History of Modern Science*. Oxford: Oxford University Press. pp. 667–668.
10. Trench, B. (2008) Towards an Analytical Framework of Science Communication Models. In: Cheng, D., Claessens, M., Gascoigne, T., Metcalfe, J., Schiele, B. & Shi, S. (eds) *Communicating Science in Social Contexts. New Models, New Practices*. Dordrecht, Netherlands: Springer. pp. 119–135.
11. Dickson, D. (2005) The case for a deficit model of science communication. *PCST Working Symposium*. Beijing, June 2005. [Online] Available from: <https://earthscience.rice.edu/wp-content/uploads/2018/01/dickinson-2005-deficit-model-scinet.pdf>
12. Durant, J. (1994) What is Scientific Literacy? *European Review*. 25(7). pp. 83–89.
13. Claessens, M., Gascoigne, T., Metcalfe, J., Schiele, B. & Shi, S. (eds) (2012) *Science Communication in the World: Practices, Theories and Trends*. Dordrecht: Springer Science+Business Media.
14. Kent, M.L. & Taylor, M. (2002) Toward a dialogic theory of public relations. *Public Relations Review*. 28(1). pp. 21–37.
15. Trench, B. & Bucchi, M. (2014) Global Spread of Science Communication: Institutions and Practices Across Continents. In: Trench, B. & Bucchi, M. (eds) *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London; New York; Routledge. pp. 214–230.
16. Miller, S. (2001) Public Understanding of Science at the Crossroads. *Public Understanding of Science*. 10(1). pp. 115–120.
17. Wynne, B. (2006) Public Engagement as a Means of Restoring Public Trust in science: Hitting the Notes but Missing the Music? *Community Genetics*. 9(3). pp. 211–220.
18. Irwin, A. (1995) *Citizen Science. A Study of People, Expertise and Sustainable Development*. Routledge.
19. Feyerabend, P. (1982) *Science in a Free Society*. Verso.

20. Abe, Y. (2023) Temporal Citizen Science After Fukushima. *International Journal of Communication*. 17. pp. 1573–1591.
21. Antonovskiy, A. Yu. (2022) Evolutionary mechanisms of scientific progress. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 201–209. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/68/20
22. Luhmann, N. (2005) *Evolyutsiya* [Evolution]. Translated from German. Moscow: Logos.
23. Bucchi, M. (2008) Of deficits, deviations and dialogues: theories of public communication of science. In: Trench, B. & Bucchi, M. (eds) *Handbook of Public Communication of Science and Technology*. London; New York; Routledge. pp. 57–76.

Сведения об авторе:

Погожина Н.Н. – старший преподаватель философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: pogozhinann@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pogozhina N.N. – senior lecturer, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pogozhinann@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2023;
одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*

The article was submitted 21.07.2023;

approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.473

doi: 10.17223/1998863X/76/15

РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РЕАБИЛИТАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЯ К ЛЮДЯМ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Екатерина Александровна Аверина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ea-averina@mail.ru

Аннотация. Статья написана по результатам практического исследования, рассмотрены основные параметры, определяющие отношение к людям с инвалидностью в контексте смены моделей инвалидности. Выявленные характеристики могут быть положены в основу программы по изменению взаимоотношений человека с инвалидностью и общества.

Ключевые слова: технические средства реабилитации, люди с инвалидностью, взаимоотношения

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 23-28-01488.
<https://rscf.ru/project/23-28-01488/>

Для цитирования: Аверина Е.А. Роль технических средств реабилитации в формировании отношения к людям с инвалидностью // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 153–162. doi: 10.17223/1998863X/76/15

SOCIOLOGY

Original article

THE ROLE OF TECHNICAL REHABILITATION MEANS IN SHAPING ATTITUDES TOWARDS PEOPLE WITH DISABILITIES

Ekaterina A. Averina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, ea-averina@mail.ru

Abstract. The article was written based on the results of practical research within the framework of the implementation of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01488 “Functional political correctness of disability issues: the relationship of technology, language and public perception”. The study involved developers and manufacturers of technical rehabilitation equipment, specialists in the operation and maintenance of this equipment, specialists in the rehabilitation of people with disabilities, as well as specialists in the field of creating an accessible environment. This article presents an analysis of respondents’

opinions on the role of technical means of rehabilitation in shaping attitudes towards people with disabilities through the prism of the main disability models: medical and social. Important factors that determine the role of a technical means of rehabilitation in the context of shaping attitudes towards people with disabilities are the characteristics set by manufacturers, since they determine the scope of opportunities available to a person with a disability at a given stage of society's technological development. Based on the results of the study, it was revealed that the respondents' opinions on the purposes of using technical means of rehabilitation reflect to a greater extent the medical model of disability; however, the characteristics of the means themselves show features of the social model. In general, this corresponds to the transitional stage from the medical model to the social one, about which Elena Iarskaia-Smirnova writes. However, during the interview, the "culture of wearing a technical rehabilitation device" and the perception of this device both by the person with a disability and by those around him were identified as a significant factor. In the context of technological development, it is concluded that there are indirect signs of the formation of a technical model of disability proposed by Bolshakov and Iarskaia-Smirnova, which can be considered outside the context of the transition from the medical model to the social one, as independent, including combining the features of the two models indicated above, introducing as the main parameter the possibilities of human functioning in society, determined by the characteristics of the technical rehabilitation means used.

Keywords: technical means of rehabilitation, people with disabilities, relationships

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01488, <https://rscf.ru/project/23-28-01488/>

For citation: Averina, E.A. (2023) The role of technical rehabilitation means in shaping attitudes towards people with disabilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 153–162. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/15

Введение

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, представленным в марте 2023 г., 1,3 млрд человек имеют значительные ограничения возможностей здоровья [1]. Статистические данные различаются в зависимости от страны мира, что связано с различиями в подходах к определению самого понятия «инвалид», методиками установления статусов «человек с ограниченными возможностями здоровья» и / или «инвалидность», а также правовыми и социальными последствиями установления данного статуса. К правовым последствиям можно отнести перечень льгот, предоставляемых людям с инвалидностью и / или ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), а к социальным последствиям – изменения во взаимоотношениях с окружающими.

На разных этапах развития общества отношение к людям с инвалидностью и ОВЗ отличается. Среди факторов, влияющих на отношение к инвалидности как общественному явлению и как следствие к человеку с инвалидностью, можно назвать объем возможностей, которые доступны человеку на данной ступени развития общества, зависящий от модели понимания инвалидности, принятой в обществе. Выделяют основные бинарные модели понимания инвалидности: медицинскую и социальную. Медицинская модель инвалидности базируется на культуре отношения к телу и берет свое начало в Античности, закрепляясь в Новое время. «В связи с пристальным вниманием к человеческому телу и преобладанием рациональных принципов научности происходит обращение к инвалидному телу в качестве объекта изучения» [2. С. 904]. Формируется позиция: инвалидность – «не норма», а «болезнь», ее носитель должен быть «дотянут» до нормы или изолирован. Таким образом,

основными признаками медицинской модели являются: отношение к человеку с инвалидностью как к больному; преобладание патерналистского подхода в организации жизни человека с инвалидностью, что порождает большое количество мифов и в конечном итоге обосабливает человека с инвалидностью от общества, снижая его социальную значимость [3. С. 23].

Социальная модель инвалидности смещает акцент с самого человека и его заболеванием на контекст социального взаимодействия, рассматривая инвалидность как социальную проблему и социальный конструкт или ярлык [4. С. 14]. Истоком социальной модели инвалидности является эссе П. Ханта, описывающее в 1966 г. «предубеждения в отношении инвалидов, которые выражаются в дискриминации и угнетении» [5. С. 87]. Дальнейшее осмысление данной модели позволяет выделить следующие ее признаки: стремление к реформированию системы образования и социальной политики, необходимость приспособления окружающей среды, программы по интеграции людей с инвалидностью в общество, проведение информационной политики, направленной на повышение уровня информативности условно здоровых людей о проблемах и возможностях людей с инвалидностью.

В настоящее время Россия находится в стадии перехода от медицинской модели к социальной. Одним из факторов такого перехода является технологическое развитие, отражающееся в различных характеристиках технических средств реабилитации (TCP), которые используют люди с инвалидностью, и определяющее объем их возможностей в актуальных условиях.

Понимание истоков инвалидности и связанных с этим проблем, требующих решения, отражается в характеристиках TCP и подходах к реабилитации, вовлеченных в нее специалистов. Для изучения представлений о роли технологий во взаимоотношениях человека с инвалидностью и общества весной 2023 г. исследовательской группой в рамках выполнения гранта РНФ была проведена серия интервью с производителями TCP, специалистами в области их настройки и обслуживания, что позволило выявить ключевые характеристики TCP, а также различные аспекты их применения, отражающие медицинскую или социальную модель понимания инвалидности. Всего в исследовании приняли участие 18 человек. Средняя длительность интервью составила 54 мин. Среди респондентов 10 женщин и 8 мужчин. Также одной из важных характеристик респондентов является стаж работы в данной сфере, определяющий уровень информированности и включенности в проблематику, в нашем исследовании этот стаж варьировался в диапазоне от 3 до 30 лет.

Представления о целях технических средств реабилитации

Взаимосвязь между техническими средствами реабилитации как результатом технического прогресса и собственно процессом реабилитации, имеющим целью интеграцию человека с инвалидностью в общество, может быть выражена в целях использования технических средств реабилитации. Иначе говоря, для чего, по мнению респондентов, люди с инвалидностью используют технические средства реабилитации, какие задачи они решают и каких целей могут достичь, что может отражаться в технических характеристиках, определяемых в процессе разработки, а также используемых технологиях производства. Через призму моделей инвалидности цели использования могут быть связаны с возвращени-

ем к «нормальному» функционированию либо с изменением окружающей среды и возможностей, которые она предоставляет.

Респонденты отмечают, что основное назначение технического средства реабилитации – это улучшение качества жизни самого человека с инвалидностью или ОВЗ, а также его ближайшего окружения, прежде всего семьи. Это связано с тем, что использование технического средства реабилитации существенно расширяет возможности человека, позволяя включаться ему в повседневные дела. Такая позиция может рассматриваться как признак медицинской модели инвалидности, так как в основе этой цели – представление о том, что без использования ТСР возможности человека существенно ограничены.

«На протезе он может сам себя обслуживать, выходить в магазин, то есть пожилые, я про пожилых людей говорю. А молодые люди возвращаются на свою работу» (И.3, протезист, стаж работы 40 лет).

«Техническое средство реабилитации в основном используется для того, чтобы компенсировать те или иные формы инвалидности, чтобы максимально полноценно участвовать в жизни общества, да» (И.10, разработчик, стаж работы 4 года).

Об этом же свидетельствует и следующая цель, обозначенная респондентами, – скрыть свое отличие, хотя бы визуально возвращаясь к тому, что представляется в обществе нормальным.

«Для пользователя это скрыть, потому что он хочет максимально приблизиться к тому, что в нашем обществе считается нормальным, „я хочу быть таким же, как все, чтобы никто не замечал, что у меня что-то не так“» (И.16, производитель, стаж работы 13 лет).

Интересный аспект использования технического средства реабилитации отметил один из респондентов: «возврат налогоплательщика, чтобы человек работал на протезе» (И.3, протезист, стаж работы 40 лет). С этой точки зрения цели использования технических средств реабилитации можно определять с позиции государственного интереса, отражающегося в принятии решений, влияющих на функционирование отрасли в целом, а также еще одним подтверждением преобладания медицинской модели инвалидности.

Также технические средства реабилитации, по мнению респондентов, расширяют информационные и коммуникационные возможности людей с сенсорными нарушениями, позволяя им «не выпадать из реальности».

«...проще жить, элементарно, ты находишься в рамках информационного пространства актуального. Если у тебя нет доступа к информации, что является очень важно в двадцать первом веке, то, ну, ты пропадаешь в принципе, из реальности» (И.11, разработчик, стаж работы 8 лет).

Таким образом, формулируя для себя цели конечного потребителя, производители технических средств реабилитации придерживаются медицинской модели понимания инвалидности, определяя ее как состояние, требующее изменения самого человека. В соответствии с этим представлением определяются ведущие характеристики будущей продукции, ориентируются производственные и технологические процессы.

Характеристики технических средств реабилитации

Представления о целях использования ТСР их производителями отражаются в различных характеристиках, влияющих на возможности интеграции

человека с инвалидностью в общество и формирующих определенное отношение к этому человеку со стороны окружающих. Рассмотрим, каким образом доминирование медицинской модели инвалидности отражается в характеристиках ТСР.

Основные параметры этих характеристик:

1. Безопасность как базовая характеристика технического средства для людей с инвалидностью может означать «долговечность работы, то есть возможность работы пожизненной, без замены» (И.2, врач, технический специалист, стаж работы 23 года), особенно если речь идет о применении оперативного вмешательства. «Техническое средство реабилитации должно быть, прежде всего, безопасным. В нем должен чувствовать себя человек устойчиво, у него должны быть поддержки, которые необходимы, не перевернется и не упадет» (И.6., разработчик, стаж работы 10 лет), т.е. давать некоторое базовое ощущение безопасности при эксплуатации. Эти позиции сложно однозначно определить, но они в большей степени относятся к медицинской модели инвалидности, так как концентрируют внимание на самом человеке.

Важным с точки зрения безопасности технического средства реабилитации является распространение его действия на условно здоровых людей. Например, формирование доступной среды, при условии ее корректного исполнения, создает условия комфортного передвижения разным участникам общественных взаимоотношений: «установленный правильный пандус – это и возможность подняться человеку на коляске, возможность подняться более удобно пожилому человеку или человеку с травмами на костылях, ...возможность подняться к кому-то с тяжелым чемоданом на колесах, возможность подняться женщине с коляской, в которой ребенок. То есть это решение для разных категорий» (И.10., разработчик, стаж работы 4). Такая позиция является проявлением социальной модели инвалидности.

2. Функциональность как вторая важная характеристика технического средства реабилитации – его способность выполнять задачу, для которой оно создавалось, компенсировать утраченную или ограниченную способность человека: «функциональность... нужно любой степени тяжести, любой сложности, человека можно посадить, поставить» (И.6, разработчик, стаж работы 10 лет).

Функциональные характеристики технических средств реабилитации во многом определяют объем возможностей, доступных человеку, влияют на его способность к самостоятельному функционированию, а значит, и на потребность в посторонней помощи. Получая возможность самостоятельно находить себе занятие, человек с инвалидностью, прежде всего ребенок, освобождает родителей или иных близких людей для выполнения ежедневной работы.

«Мы очень часто слышим о том, что здорово, мы поставили его [ребенка] в вертикализатор, он мультики смотрит, я занимаюсь домашними делами» (И.5., реабилитолог, стаж работы 6 лет).

Причем самостоятельность человека становится заметна не только родственникам, но и просто окружающим: «этот человек опять же становится более самостоятельным. Мы не говорим сейчас о родственниках, да, просто об окружающих» (И.7, специалист по доступной среде, стаж работы 3 года).

При этом важно отметить, что «самостоятельность» человека с инвалидностью может вызывать удивление окружающих, однако чем чаще условно здоровые будут «сталкиваться» с самостоятельностью людей с инвалидностью, тем более полным будет представление о возможностях взаимодействия с ними. С одной стороны, обозначенные позиции в большей степени соответствуют медицинской модели понимания инвалидности – ТСР изменяет возможности, однако, с другой стороны, специалисты отмечают, что такое изменение отражается и на социальном взаимодействии.

3. Связанная с функциональностью важная технологическая характеристика – легкость использования, в том числе возможность индивидуальной настройки как специалистом по реабилитации, так и самим пользователем. Так, разработчики плеера для людей с нарушениями зрения говорят об обязательной возможности настраивать устройство, исходя из потребностей конкретного пользователя: *«Но суть в том, что у него две схемы управления для пожилых и для продвинутых. К примеру, бабушке какой-то ей не нужны эти интернет-сервис, ну, не хочется она в них разбираться, и она включает базовые функционалы, у нее там работают только передние кнопки: вправо, влево, центр. ...И чтобы угодить всем, приходится что-то придумывать, что-то делать необычное»* (И.11, разработчик, стаж работы 8 лет). Выделение этой характеристики связано с наличием представления об ограниченных потребностях и сниженных «познавательных» возможностях пожилых людей, что является признаком медицинской модели, однако стремление разработчика индивидуализировать настройки может быть рассмотрено как признак перехода к социальной модели.

С похожим представлением связаны процедура определения нуждаемости в современных протезах и механизм их предоставления. При получении современного протеза респондентами отмечается ориентация на людей более молодого возраста, способных к активной деятельности и продуктивному использованию полученного технического средства реабилитации: *«Человек должен быть достоин быть этого протеза, доказывать, что ему нужен именно вот этот... Что он [человек] высокактивный, ценный»* (И.3, протезист, стаж работы 40 лет). В данном случае мы можем говорить о медицинской модели в чистом виде, отражающей скорее позицию государства в отношении людей с инвалидностью.

4. Четвертая характеристика, названная респондентами, – это комфорт, определяющий удобство использования и отсутствие негативных ощущений от технического средства реабилитации. Однако в ответах респондентов обнаруживается противоречие, не позволяющее учесть все характеристики одновременно. Если требование безопасности соблюдается безоговорочно, то с характеристиками функциональности и удобства могут возникать сложности, связанные с различными аспектами. Например, при производстве инвалидных колясок важно, чтобы они были устойчивыми, поскольку это требование к безопасности, при этом они достаточно тяжелые, что влияет на комфортность их использования. Схожая ситуация и в области протезирования, так, технические характеристики протеза вступают в конфликт с удобством его использования, например, протез не может быть легким, так как должен выдерживать массу тела самого человека.

«Вес протеза не всегда можно уменьшить. Все говорят, протез тяжелый, трогают его руками, говорят, что он тяжелый, а на ноге, допустим, он не так чувствуется. И, соответственно, снижение веса влечет за собой потерю прочности.» (И.3, протезист, стаж работы 40 лет).

Выявленное противоречие может рассматриваться как признак перехода от медицинской модели инвалидности к социальной, однако технологическое развитие не позволяет на данном этапе учесть все требования.

5. Пятая характеристика технических средств реабилитации – эстетичность. С точки зрения производства она зависит от представления о целях использования конкретного средства реабилитации, что отражает разное отношение к человеку в контексте его инвалидности.

Если цель определяется как стремление скрыть свою особенность и люди с инвалидностью и их близкие стремятся к использованию технических средств реабилитации, решаяющих их основную проблему, но позволяющих при этом не выделяться среди окружающих (*«прогулочные коляски даже для взрослых детей, как это ни парадоксально, родители хотят, чтобы они выглядели как обычные, как для обычных детей. Они очень стараются, чтобы люди не заметили»* (И.16, производитель, стаж работы 13 лет)), то и производство должно быть ориентировано на создание колясок, сочетающих требования характеристик функциональности, комфорта и визуального соответствия принятым в обществе представлениям. Это представление соответствует медицинской модели инвалидности и способствует закреплению существующих в обществе стереотипов.

Однако значительное число технических средств реабилитации скрыть невозможно, и в этом случае большое значение приобретает их эстетичность. Мнения респондентов в отношении значимости эстетичности разделились.

1-я позиция. Эстетичность технического средства реабилитации не является обязательной характеристикой, так как требования людей с инвалидностью в этой области зависят от их возраста и целей использования технического средства реабилитации. Таким образом, если у человека нет запроса на эстетичность технического средства реабилитации, то можно не тратить ресурс на ее создание. *«Дедушка, который всю жизнь живет в деревне, копает картошку, допустим, в огороде с козами управляет. Ему та эстетичность вообще не нужна... молодая девушка двадцати пяти лет, то, конечно же, ей важно, как она выйдет в город, как она оденет узкие джинсы и все остальное»* (И.13, технический специалист, стаж работы 15 лет).

2-я позиция. Эстетичность является неотъемлемой характеристикой технического средства реабилитации и позволяет обеспечивать его индивидуализацию. Любое техническое средство реабилитации должно быть красивым и современным. *«При изготовлении уже учитывается, скажем, эстетичность. То есть ты его должен сделать и красиво. ...люди бывают разные, кто-то хочет там цветную [ногу или руку, речь идет о протезах конечно-стей] или еще что-то [ранее в интервью речь шла о татуировках на протезе], это уже внутренние доработки»* (И.15, техник-протезист, стаж работы 7 лет).

3-я позиция. Эстетичность является обязательной частью ТСР, которое должно вызывать «положительное удивление» у условно здоровых окружающих, т.е. привлекать внимание своей необычностью и интересной формой,

стилем исполнения, вызывая интерес, а не жалость к человеку с инвалидностью. «*Слепой человек, он все чувствует тактильно руками, пальчиками своими, то есть для него очень важно, чтобы было удобно, понятно, единообразно. И второй момент... когда они находятся в общественных местах, в кафе, еще где-то, чтобы люди обычные... смотрели на него, на этот продукт и думали „а что это за прикольная такая штука?“*», чтобы это было стильно» (И.11, разработчик, стаж работы 8 лет).

Важно отметить, что первая позиция представляется переходной от медицинской модели инвалидности к социальной, а вторая и особенно третья относятся к социальной в контексте изменения отношения к человеку с инвалидностью и определением его места в системе социальных взаимоотношений.

Принятие обществом человека с инвалидностью

Принятие обществом и место человека в системе взаимоотношений в большей степени отражают ту или иную модель понимания инвалидности.

Одним из факторов, влияющих на отношение к человеку с инвалидностью в контексте использования технического средства реабилитации, может выступать культура его ношения и восприятия самим человеком и окружающими.

Специалисты в области слухопротезирования отмечают, что проблемы восприятия себя и отношения к собственному и чужому нарушению слуха связаны с отсутствием «культуры ношения аппаратов» (И.9, технический специалист, стаж работы 24 года), в отличие от культуры ношения очков, которые не воспринимаются как средство реабилитации, хотя их основное назначение – это коррекция зрения. «*Потому что для российского менталитета, например, слуховой аппарат это звучит ужасно, это звучит как синоним старости, как синоним беспомощности*» (И.2, врач, технический специалист, стаж работы 23 года).

В этой ситуации развитие технологий в целом, а не только связанных со средствами реабилитации работает в сторону изменения восприятия слухового аппарата, поскольку появление и распространение, например, беспроводной гарнитуры снизило «остроту внимания» к специализированным устройствам. «*Потому что сейчас что блютуз, что наушники, скажем, что просто слуховой аппарат, они практически неотличимы. И идет человек с блютузом, либо со слуховым аппаратом, для посторонних непонятно, что именно у него в ухе*» (И.9, технический специалист, стаж работы 24 года).

Кроме того, применяемые материалы и технологии их использования позволяют превратить техническое средство реабилитации из «кунылого» вспомогательного приспособления в стильный и модный гаджет.

«*Сейчас время изменилось, и у каждого на ухе есть какой-то, тот или иной гаджет, гарнитура какая-нибудь, поэтому сейчас это не так бросается в глаза и им стало проще. ...технические средства реабилитации изменились, они могут менять корпус, цвет может быть совершенно другим, корпус, и белым, и красным, и со стразами. То есть не быть похожим на техническое средство реабилитации, а быть похожим на некое украшение, либо гаджет*» (И.2, врач, технический специалист, стаж работы 23 года).

Схожая ситуация и в области протезирования, когда индивидуальное изготовление протеза, а также уровень развития технологий позволяют учиты-

вать разнообразные параметры, создавая, с одной стороны, протез, визуально максимально приближенный к естественной конечности, с другой стороны, максимально отличающийся как по визуальным, так и функциональным характеристикам. Такое технологическое развитие позволяет не только вызвать интерес у окружающих («мы не смотрим на человека с инвалидностью, как на что-то жуткое, страшное и непонятное, а наоборот, восхищаемся, насколько сейчас это очень красиво» (И.7, специалист по доступной среде, стаж работы 3 года)), но и самому человеку с инвалидностью облегчить процесс принятия технического средства реабилитации как неотъемлемой части своей жизни.

«Когда ты видишь там у него на руке человек-паук, и принцесса, и где-то что-то какие-то стразы. То есть и ему самому маленькому человечку уже как-то проще принять это, и сверстники на него смотрят уже тоже с интересом: „Ой, а что это у тебя? Ты робот?“. Как же их сейчас называют, киборгами. Это тоже такая вот своего рода игра, это интересно» (И.7, специалист по доступной среде, стаж работы 3 года).

Таким образом, эстетика технического средства реабилитации с учетом современных технологий ориентирована не на скрытие технического средства реабилитации, а на превращение его в современный, привлекательный девайс, положительно влияющий на формирование отношения к человеку с инвалидностью. С этой точки зрения можно говорить о некотором противоречии в целях человека с инвалидностью (скрыть инвалидность) и возможностях технического средства (сделать человека необычным), что может быть признаком перехода от медицинской модели инвалидности к социальной. Пересмотр отношения к инвалидности как социальному явлению в контексте использования ТСР является значимым процессом, определяющим возможности человека с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Как показали результаты исследования, специалисты в области разработки ТСР и реабилитации в большей степени придерживаются медицинской модели инвалидности, однако, определяя особенности использования ТСР в жизни, отмечают позитивные изменения не только в собственной жизни людей с инвалидностью, но и в их восприятии окружением. Таким образом, можно сделать вывод о том, что российское общество, с одной стороны, действительно находится в стадии перехода от медицинской модели инвалидности к социальной, что подтверждается сочетанием характеристик двух моделей в представлениях разработчиков ТСР и специалистов по реабилитации. С другой стороны, можно говорить о косвенных признаках формирования технической модели инвалидности, предложенной Н.В. Большаковым и Е.Р. Ярской-Смирновой [6. С. 19], которая может рассматриваться вне контекста перехода от медицинской модели к социальной как самостоятельная, в том числе сочетающая в себе признаки двух обозначенных выше моделей, вводя в качестве основного параметра возможности функционирования человека в обществе, определяющиеся характеристиками используемого технического средства реабилитации.

Список источников

1. Инвалидность // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (дата обращения: 25.04.2023).

2. Голдовская А.В. Бинарные оппозиции в определении инвалидности // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 5. С. 902–907.
3. Зак Г.Г. Историко-генетический анализ инвалидности как социальной проблемы // Специальное образование. 2008. № 10. С. 22–24.
4. Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Социальная работа с инвалидами: по направлению подготовки и специальности «Социальная работа» : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2005. 315 с.
5. Коростелева Н.А. Социальная модель инвалидности как основа формирования толерантного отношения к инвалидам // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2021. № 8. С. 81–93.
6. Ярская-Смирнова Е.Р., Большаков Н.В. Модели понимания инвалидности // Музей ощущений: слабовидящие и незрячие посетители. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2018. С. 11–21.

References

1. UNO. (n.d.) *Invalidnost'* [Disability]. [Online] Available from: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (Accessed: 25th April 2023).
2. Goldovskaya, A.V. (2021) Binarnye oppozitsii v opredelenii invalidnosti [Binary oppositions in defining disability]. *Manuskript*. 14(5). pp. 902–907.
3. Zak, G.G. (2008) Istoriko-geneticheskiy analiz invalidnosti kak sotsial'noy problemy [Historical and genetic analysis of disability as a social problem]. *Spetsial'noe obrazovanie*. 10. pp. 22–24.
4. Yarskaya-Smirnova, E.R. & Naberushkina, E.K. (2005) *Sotsial'naya rabota s invalidami: po napravleniyu podgotovki i spetsial'nosti "Sotsial'naya rabota"* [Social work with disabled people: Towards training and specialty “Social work”]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
5. Korosteleva, N.A. (2021) *Sotsial'naya model' invalidnosti kak osnova formirovaniya tolerantnogo otnosheniya k invalidam* [A social model of disability as the basis for the formation of a tolerant attitude towards people with disabilities]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 8. pp. 81–93.
6. Yarskaya-Smirnova, E.R. & Bolshakov, N.V. (2018) Modeli ponimaniya invalidnosti [Models of understanding disability]. In: *Muzey oshchushcheniy: slabovidyashchie i nezryachie posetiteli* [Museum of Sensations: Visually Impaired and Blind Visitors]. Moscow: Museum of Contemporary Art “Garazh.” pp. 11–21.

Сведения об авторе:

Аверина Е.А. – старший преподаватель кафедры социальной работы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ea-averina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Averina E.A. – senior lecturer of the Department of Social Work, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ea-averina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023;
одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 20.10.2023;
approved after reviewing 22.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 314.74

doi: 10.17223/1998863X/76/16

ЭТНИЧНОСТЬ КАК СТИГМА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОЛН МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Леонид Ефимович Бляхер¹, Андрей Владимирович Ковалевский²,
Эльвира Октаевьевна Леонтьева³

^{1, 2, 3} Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

² Хабаровский краевой институт развития образования, Хабаровск, Россия

¹ 000048@pnu.edu.ru

² fakzy79@gmail.com

³ 000645@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье на конкретном эмпирическом материале исследуются особенности формирования «принудительной» идентичности трех «волн» миграции на Дальний Восток, преимущественно в Хабаровский край, выходцев из республик (государств) Средней Азии и Закавказья.

Ключевые слова: миграция, Дальний Восток, Хабаровск, территориальное сообщество, социальный Другой, стигматизация, этничность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411.

Для цитирования: Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В., Леонтьева Э.О. Этничность как стигма: взаимодействие волн миграции на Дальнем Востоке России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 163–181. doi: 10.17223/1998863X/76/16

Original article

ETHNICITY AS A STIGMA: INTERACTION OF MIGRATION WAVES IN THE RUSSIAN FAR EAST

Leonid E. Bliakher¹, Andrey V. Kovalevskii², Elvira O. Leont'eva³

^{1, 2, 3} Pacific National University, Khabarovsk, Russian Federation

² Khabarovsk Regional Institute for Educational Development, Khabarovsk, Russian Federation

¹ 000048@pnu.edu.ru

² fakzy79@gmail.com

³ 000645@pnu.edu.ru

Abstract. The article uses concrete empirical material to investigate the formation of a “forced” identity in three “waves” of migration to the Far East, mainly to Khabarovsk Krai, of natives from the republics (states) of Central Asia and Transcaucasia. It is compulsory insofar as it is forced to be guided by the discourse about migrants formed in the host community. At the same time, in the eyes of the host community, the factor that

“distinguishes” migrants is not their official status but the ethnicity of a person. As shown in the article, the main population of the region formed in the 1960s–1980s. Accordingly, the ethnicity of some of the new Far Easterners (“zero wave”) was not a significant factor, and their identity was not different from that of the rest of the regional community. Over time, they became the basis for facilitating the migration of new migrants (“first wave”) who arrived throughout the post-Soviet period. The peculiarity of these waves was the focus on rooting in the local community, acquiring an identity that would allow integration into the host community. However, in the 2010s, a new wave of migrants appeared in the region, arriving under state programs, mostly contracted to work on construction projects in the Far East. Central Asians predominated among them. Unlike the previous agents arriving from the national republics of the USSR and Eurasian Economic Union countries, who gradually dissolve into the local community, the new migrants arrive en masse and become visible. At the same time, they have a number of features that distinguish them from their predecessors. This group of migrants (“second wave”) does not seek integration into the local community, remaining mentally at the place of origin. They begin to be perceived as the “Other”, endowed in the dominant discourse with a number of negative traits. However, as the article shows, the quality by which the “Other” is defined was not the length of stay in the region or perception of local culture, but ethnicity as a stigma. Moreover, this stigma on the parameter of ethnicity also applies to previous waves of arrivals who were already well adapted to the local community, destroying their established identity and forcing them to build a new one, which must also take into account the negative discourse itself.

Keywords: migration, Far East, Khabarovsk, local community, social Other, stigmatization, ethnicity

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00411.

For citation: Bliakher, L.E., Kovalevskii, A.V. & Leont'eva, E.O. (2023) Ethnicity as a stigma: interaction of migration waves in the Russian Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 163–181. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/16

Постановка проблемы

Проблема изучения особенностей идентификации мигрантов становится в последнее время достаточно популярной в мировой и отечественной традиции, оттесняя на второй план изучение экономических и политических аспектов миграции, безраздельно господствовавших в предшествующий период [1, 2]. Ограничение перемещений в связи с пандемией резко сократило число мигрантов, делая миграцию не особенно интересной с точки зрения экономики и демографии [3]. Внутренняя миграция тоже перестала быть социальной проблемой первого ряда, перейдя в разряд политических заклинаний, более ритуальных, нежели предполагающих какие-то действия и решения. Казалось бы, тема мигрантов должна исчезнуть и из общественно-политического, и из исследовательского дискурсов.

Тем не менее «мигрантская тема» остается значимым элементом в общественном дискурсе и дискурсе о современном российском обществе [4]. Более того, она неожиданно обретает особую остроту. В решениях властных лиц, в федеральных СМИ, задающих дискурс, активно обсуждается рост (предполагаемый авторами статей) миграционной преступности на фоне сокращения рабочих мест и снижения зарплаты, необходимости защиты от «мигрантов» и т.д. [5]. Более того, мигрантами оказываются люди, на которых до самого недавнего времени этот статус не распространялся. Понять причину устойчивости этой темы мы и попытаемся в настоящей статье. При

этом считаем важным акцентировать внимание на том, что в настоящей статье нас интересует не миграция как проблема, а образ мигранта, выстраиваемый в последние годы в конкретном регионе нашей страны, особенности его определения со стороны местного населения, идентификация с этим образом конкретных групп жителей дальневосточных территорий.

Принципиально важной исходной точкой нашей работы является то, что этот образ мы выстраиваем через проекцию «двойного отчуждения», в рамках которой мигрант – не просто человек, недавно прибывший на данную чужую для себя территорию, в чужое сообщество, но и местными жителями воспринимается как «чужой». Причем, что крайне важно для нашей статьи, выстраивается это противопоставление именно со стороны принимающего сообщества. Именно оно выстраивает специфическую идентичность мигранта безотносительно к его самоидентификации, иногда, как мы постараемся показать ниже, наперекор ей. При этом, желает это «мигрант» или нет, он вынужден выстраивать свою собственную социальную идентичность с учетом образа, навязываемого ему принимающим сообществом.

Понятно, что речь идет не о всем сообществе, но о господствующем дискурсе, где преобладает «проблема мигрантов» от классического «понаехали черные» до более академического «занимают рабочие места местного населения» [6]. На своем региональном кейсе мы пытаемся показать, что конструирование «чужого» и сам процесс отчуждения является циклическим, имеет свою внутреннюю логику и проявляется по отношению к самым разным группам мигрантов независимо от срока их пребывания на территории.

Эмпирической базой исследования образа мигранта выступает анализ региональных СМИ (газеты «Тихоокеанская звезда», «Приамурские ведомости», телеканал «Губерния»), социальные сети, включенное наблюдение, проведенное в январе–марте 2022 г., и 11 неформализованных интервью с выходцами из стран Средней Азии и Закавказья, в разный период приехавших в Хабаровский край. Одно интервью с респондентом, приехавшим в советский период, 6 интервью с респондентами, приехавшими в постсоветский период, но до начала «десятых годов», и 4 интервью с респондентами, прибывшими в регион после этого периода (всего 21 интервью). Стоит отметить, что интервью с недавно приехавшими респондентами протекали наиболее сложно. Дело не только в том, что они хуже знали русский язык (один из респондентов говорил на нем совершенно свободно, остальные тоже были вполне понимаемы), но в том, что они гораздо менее охотно отвечали на вопросы, не позволяли включить диктофон. Тем не менее эти беседы крайне важны для нашего рассмотрения, потому включены в число интервью. Дополнительным материалом выступали данные официальной статистики по миграции в городе Хабаровске, материалы по истории Хабаровского края.

Территориально исследование ограничивается Хабаровским краем. Это означает, что результаты наблюдения, анализа СМИ и материалов статистики, проведенные авторами по месту своего проживания, не учитывают специфики других региональных субъектов. Однако процессы формирования населения южных районов Дальнего Востока происходили примерно в одной логике, и в интервью с нашими респондентами, проживающими в Еврейской автономной области (3 человека) и Приморском крае (1 человек), мы не заме-

тили существенных для наших целей различий регионального характера. Кроме того, половина наших респондентов имеют в своем опыте миграции несколько «промежуточных» пунктов проживания на других территориях. Поэтому описываемые нами тренды достаточно релевантны в отношении процессов восприятия мигрантов, имеющих место по меньшей мере на юге Дальнего Востока России. Основным же соображением, детерминирующим выбор географических рамок исследования, стал специфический способ формирования населения территории в XX столетии. С этой истории мы и начнем свое изложение.

Хабаровский край: сообщество мигрантов «нулевой волны»

Подавляющее большинство современных жителей Приамурья, да и всего Дальнего Востока – мигранты или потомки мигрантов [7]. В отличие от Сибири, где семейные истории часто составляют семь-девять и более поколений, на Дальнем Востоке наличие двух поколений предков-дальневосточников уже делает человека коренным. Практически статус «коренного дальневосточника» имеют люди, просто родившиеся здесь. Поэтому мы, в отличие от наших сибирских коллег [8], не можем отнести к мигрантам тех представителей этнических групп, которые приехали на Дальний Восток в советское время.

Особенно богат на миграции был ХХ в., когда формировалось современное население региона. История Приамурья в ХХ столетии полна переломов и трагедий. Так, за годы Гражданской войны более чем в два раза сократилось население Хабаровска – с 53 до 20 тыс. человек [9]. Еще более драматические перипетии происходили в регионе в конце 20-х гг. прошлого века, после окончательного установления здесь советской власти. Распространение общероссийской практики взимания продналога (который был облегчением в иных частях страны) на Приамурье, жители которого еще с 80-х гг. XIX в. подлежали льготному налогообложению [10], вызвало сначала серию крестьянских восстаний, крупнейшим из которых было Зейское восстание, а затем массовый отток населения в сопредельную Маньчжурию [11]. Процветавшая территория с темпами развития, сравнимыми с американским Западом, оказалась пустой. И не просто «пустой» (слабозаселенной) землей, но землей, находящейся в условиях внешнего давления.

Гражданская война, расколовшая Китай (боевые действия велись в непосредственной близости от советской границы, нарастающая агрессия Японской империи в Северном Китае и Корее привели к тому, что Приамурье и Приморье развивались в основном как военный форпост [12]. Соответственно, гражданское население региона прибывало на стройки предприятий ВПК и военных городков, поддерживая обеспечение Дальневосточного военного округа. Критически важные отрасли обеспечивались трудовыми ресурсами в значительной степени за счет заключенных.

Но и военные, и заключенные не являлись «местным сообществом». Да и гражданские, отработав положенные по контракту сроки, покидали территорию. Население росло достаточно медленно. Только в послевоенные годы, а особенно в 60-х гг., начинается взрывообразный рост населения. За два десятилетия население города Хабаровска выросло более чем в два раза (с 260 до 610 тыс. человек), значительный рост был и по краю. Основой этого

роста было не естественное воспроизведение, а именно миграция, причем миграция общесоюзная.

Вполне понятно, что среди мигрантов имелись и выходцы из республик Средней Азии, Закавказья, т.е. представители тех этнических групп, которые после распада СССР и составили массу «понаехавших». Важно, что в тот момент они таковыми не являлись и осознавались вместе со всеми «строительями новой жизни», адаптируясь в регионе как часть единой общности «советский народ». Эту группу новых на тот момент дальневосточников мы и обозначаем как «нулевая волна», подчеркивая их отличие от последующих миграционных потоков. Дети и внуки приехавших в тот период (именно с ними проводились интервью) полностью адаптированы в местное сообщество, окончили местные учебные заведения, обладают определенным, хотя и разным положением, свободно владеют русским языком.

Этнические особенности этих «новых дальневосточников» в тот период значимыми не были. Это отмечают и сами респонденты, это фиксируется и в господствующем дискурсе тех лет (многонациональный советский народ). При этом связи с регионом исхода и родной язык (в качестве домашнего) эти люди сохраняют. Конечно, выходцы из Средней Азии и Закавказья появлялись в регионе и раньше (в 30–60-е гг.), но в отличие от «нулевого потока» они, как показало наблюдение, не сохранили ни связи с местом исхода, ни родного языка. В силу этого они не представляют интереса для нашего исследования.

Постсоветский период в истории Дальнего Востока, в том числе Приморья, рассматривается традиционно в качестве периода миграционного оттока [13]. Последнее отражается и в статистике по региону. Однако стоит отметить, что катастрофический отток затронул, в основном, северную часть региона. На юге этот процесс был выражен существенно слабее. Так, по данным Росстата, население города Хабаровска за этот период после небольшого сокращения в первой половине 90-х гг. стабилизировалось к началу текущего столетия и до недавнего времени даже увеличивалось [14].

Понятно, что речь не идет о том, что отсюда люди не уезжали. Просто приток позволял полностью компенсировать отток. Конечно, основу этого притока составляли жители сел и малых городов северной части региона, мигрирующие в Хабаровск, выполняющий функции регионального центра притяжения. Но были среди мигрантов и выходцы из новых стран Средней Азии и Закавказья. Их прибытие на Дальний Восток детерминировалось несколькими обстоятельствами. Первое – общее. Локальные военные конфликты на всем постсоветском пространстве (война в Карабахе, конфликт в Приднестровье, гражданская война в Таджикистане и др.), резкое снижение уровня жизни во многих постсоветских регионах выталкивали людей с обжитых территорий.

«Отец из города Товуз. Ты же слышал про Карабахскую войну? Азербайджан находился в жутком состоянии после распада. Резня тогда еще была. Правительству совсем плевать, они там голодали. Все это сыграло роль на экономической составляющей там. Зарабатывать там очень трудно. Но папа, еще когда был на службе в Туркменистане... Их было пять братьев, один служил где-то в Германии, отец в Туркменистане, остальные не помню, где, не скажу точно. И вот, когда начинается возвращение после

службы на родину, все начали думать, что делать дальше» (девушка, этническая азербайджанка, студентка, 20 лет).

Выбор же Дальнего Востока в качестве направления миграции был связан с наличием родственников, бывших соседей, ставших дальневосточниками, но сохранивших связи с местом исхода. О помощи «родных и земляков» при переезде и обживании на новом месте упоминалось во всех интервью.

Но было еще одно крайне важное обстоятельство, упоминаемое в нескольких интервью: отсутствие неприязни и неприятия чужих. Как отмечали В.И. Дятлов и К.В. Григорьев, идущие еще с советского периода представления постулировали этническое («национальное» в советских терминах) восприятие «другого» [15]. Именно этничность выступала в данном случае конституирующем признаком, оттесняя все другие признаки (язык, культура, длительность проживания на территории и т.д.) на периферию. Миграционный поток из новых стран Средней Азии и Закавказья, прибывавший в регион на протяжении 90-х гг. XX в. – «нулевых» годов текущего столетия, мы обозначили термином «первый поток». Положение его в отношении с местным сообществом было отличным от того, что наблюдалось в иных частях России.

Дело в том, что в городах Востока России полигэтничность была нормой на протяжении большей части XX в. Более того, на Дальнем Востоке России, особенно его южной части (Приамурье, Приморье), место этнического и онтологического «другого» было занято китайцами, а в еще более ранний период – японцами. Соответственно, уже активно развивающийся в тот период антимигрантский дискурс здесь не распространялся на выходцев из новых государств – бывших союзных республик [16]. В известном смысле в «девяностые» и отчасти в «нулевые» годы китайцы защищали этих людей от ксенофобии по этническому признаку. Это тоже был важный фактор, привлекающий мигрантов на протяжении длительного периода, вплоть до появления «второй волны».

Именно эта, «первая волна» постсоветских мигрантов, представляет для нас наибольший интерес. По формальным критериям они мигрантами не являются. Точнее, являются не более чем другие жители региона. Большая часть из них приехала до 2010 г. (кстати, это время в качестве важного рубежа называли несколько респондентов). Они являются гражданами России. Более того, они идентифицируют себя именно как русские, хотя и сохраняющие некоторые особенности. Но не более сильные, чем, скажем, представители коренных народов Приамурья или корейцы.

«С Еврейской автономной области я. Русский я, уже 22 года тут. Большую часть жизни. Но сохраняю таджикские свои... культуру. В городе праздники делаем все. Кто-то стол может накрыть и туда приезжают все. Когда свадьба у кого-то. Или молитва в пятницу если. Туда ходим. Бывает просто собираемся... Человек пятьдесят или шестьдесят» (мужчина, этнический таджик, владелец киоска по торговле фруктами, 40 лет).

На особенностях этой группы стоит остановиться особо. Именно они воспринимают неожиданно (о причинах этого скажем ниже) возникшую стигматизацию их по этническому признаку наиболее болезненно, как несправедливую. Причем не несправедливую в принципе, но несправедливую по отношению к ним.

Свои «мигранты»: как выстраивалось сообщество дальневосточников – выходцев из стран Средней Азии и Закавказья

Представители «первой волны», мигранты постсоветского периода первых десятилетий, прибывали отнюдь не массово, используя вполне очевидный механизм миграции. Представитель «нулевой волны», выполнивший функции трансмигранта [17], выступал связующим звеном между местным сообществом и сообществом исхода, рекрутировал из сообщества исхода новых членов. Под трансмигрантом мы понимаем социального агента, в равной степени укорененного в оба сообщества. Он и создает условия для успешного переезда.

«Совсем точно не скажу, но по рассказам отца. Сюда приехал самый старый... Есть семья одна и вот их дед... или даже прадед. Приехал сюда, а за ним поколение за поколением все в Хабаровск и приезжали. И вот когда он поехал в Хабаровск, отец тоже решил. Тут работа была. Где мы живем, там нет работы. Сеешь картошку или пшеницу. По рассказам отца, он не хотел, чтобы его дети тоже занимались коровами. Хотел нам лучшей жизни. Если ты живешь тут также как люди там живут, то нет смысла переехать. Когда перееезжаешь должен быть рост. Это как знаешь говорят – американская мечта. У нас мечта русская была» (мужчина, 25 лет, этнический армянин, предприниматель).

Стоит отметить, что в этот период относительно небольшое число переселенцев пользовалось программами государственной поддержки. Возможно, проблема в их низкой эффективности в тот период. Но, судя по интервью, для героев нашего исследования они оказывались просто избыточными. Основу составляли контакты в рамках диаспоры, особенно, если диаспора в регионе достаточно успешна.

«Я спрашивала много раз почему Хабаровск? Я люблю Товуз, люблю Баку. Там хорошо. Папа всегда это аргументировал так... Тоже не знаю, как перевести точно... Мы на азербайджанском с ним всегда болтаем... Когда ты семена бросаешь, смотришь, где прорастут. Здесь получилось и они остались. Начинает бизнес. Знаешь, как зарабатывают азербайджанцы? Правильно, торговые точки – фрукты, овощи и все такое. Знаешь кто держит рынок Али – азербайджанцы. Это большая система. Паутина, в которой люди друг друга знают и помогают» (девушка, этническая азербайджанка, 20 лет).

Здесь достаточно явно выделяются две стратегии вхождения в принимающее сообщество. Одна вполне ярко отражена в цитате из интервью, размещенной выше. Обозначим ее как диаспоральную стратегию. Здесь «ближний круг» нового дальневосточника составляют «земляки». Это наиболее заметная, но, по мнению самих респондентов, не самая массовая стратегия. Для ее реализации необходим ряд условий. Во-первых, сама диаспора должна быть достаточно влиятельной, способной стать стартовой площадкой для нового участника сообщества. В противном случае новый дальневосточник меняет социальное окружение после недолгого периода адаптации.

Во-вторых, сам мигрант должен обладать некоторыми характеристиками, необходимыми для того, чтобы диаспора приняла его «на равных». Это

или некоторые материальные и финансовые ресурсы, некоторое уникальное профессиональное умение или тесные родственные связи с лидером диаспоры. Иначе, как отмечал один из респондентов, он остается на уровне «подай-принеси». При этом сама диаспора отнюдь не является замкнутой системой. Представители диаспоры активно коммуницируют со всем принимающим сообществом, прежде всего с властью. Так, в большей части интервью упоминалось, что на праздники приглашаются и «свои», и русские. Правда, усаживают их за отдельными столами в силу различия бытовых традиций и принципов общения.

Отметим также, что даже наличие влиятельного и успешного сообщества не приводит к тому, что оно оказывается единственной формой самоорганизации представителей данной этнической группы. Рядом с «главной» диаспорой существуют и менее многочисленные и менее статусные сообщества. Однако именно «главная» диаспора олицетворяет этнос в глазах местного сообщества, определяет сферу «этнического бизнеса». Возможен вариант сосуществования нескольких групп представителей данного этноса. Так, наличие нескольких практически не коммуницирующих диаспор отмечают респонденты-армяне и респонденты-таджики. В этом варианте устойчивого образа этнического бизнеса не возникает.

Вторая стратегия – условно индивидуальное вхождение в принимающее сообщество. Конечно, здесь тоже присутствует трансмигрант. Но его роль минимальна. Он, по словам респондентов, дает работу и какие-то вещи при первоначальном обзаведении. В остальном же мигрант осуществляет вхождение в сообщество самостоятельно.

«Тринадцать дней на поезде ехал, прикинь? Добрался со всеми вещами. Но их особо не было. Сумка и всё. Как у всех наших. Тут всё с нуля покупали. По началу у друзей что-то брал. У них что-то было. А потом сам» (мужчина, предприниматель, этнический таджик, 40 лет).

Показательно, что здесь уровень включенности в местное сообщество гораздо выше, круг общения намного шире пространства диаспоры. Более половины респондентов говорили о том, что русских друзей у них не меньше, чем друзей, представляющих их этнос, а в некоторых случаях и больше. При этом сам параметр этничности не является определяющим при организации коммуникации.

«Просто у меня сразу друзья появились русские, и я начал с ними общаться. Я же не пойду к армянам и не скажу – я армянин, давайте общаться. Я не такой. Есть уже друзья, я с ними 20 лет, и я доволен. Чтобы поддерживать армянский язык кого-то искать, не надо оно мне. И Армяне уже пошли полурусские. Я уже пол жизни здесь прожил. Сознательную жизнь всю» (мужчина, этнический армянин, предприниматель, 40 лет).

Контакты с местом и сообществом исхода сохраняются, но с годами приобретают все более ритуализированную форму, становятся более редкими и менее эмоционально окрашенными. По словам респондентов, постепенно поездки заменяются звонками по телефону, переводами, посылками. Впрочем, здесь значимо и то, кто именно остался в месте исхода. В случае когда в месте исхода остаются ближайшие родственники, коммуникация сохраняется дольше. Если оставшиеся на родине к близкой родне не относятся, общение быстрее становится менее тесным.

Соответственно, все более значимым оказывается общение здесь, в обществе прибытия. Оно определяет и профессиональную деятельность, и досуг. О различных формах досуга с местными друзьями рассказывали практически все респонденты.

«Я тут каждый день с друзьями почти собираюсь – русскими, ну как, через день точно. А летом каждый выходные вместе собираемся на даче или на крыше, тут недалеко. Просто посидеть и поболтать, покушать вместе. Мне это нравится и меня это тут держит» (мужчина, этнический армянин, 50 лет, предприниматель).

Достаточно сложно для этой группы выстраивается этническое самоопределение, соотнесение этнокультурной и политической самоидентификации. С одной стороны, они сохраняют связь с исконной культурой (азербайджанской, грузинской, армянской, узбекской и таджикской). Дома разговор идет на родном языке, поддерживаются привычные для места исхода стандарты поведения. Например, большая часть жен респондентов, прибывших в регион в зрелом возрасте вместе с семьей, не работает, занимается домашним хозяйством и воспитанием детей. По существу, семья остается для нее главной и едва ли не единственной социальной средой. В этом плане женская стратегия адаптации часто заключается в самоограничении коммуникации, в замыкании в семье.

«Она (жена. – Примеч. интервьюера) одна, друзей нет, подруг тоже. Только со мной общалась. У меня были друзья тут, с подругами своими приходили домой к нам. Постоянно гости были русские, не наши. Но это были просто гости, так, чтобы посидеть – поговорить. А друзья... Она до сегодня так и не нашла. Ей это не надо. Она и в Армении особо без друзей была. Она говорит, что в один момент поняла, что ей не надо друзей. Есть люди с кем общаяешься, а так... чтобы по телефону и с подружками. Ей такое не нужно, да» (мужчина, этнический армянин, 50 лет, предприниматель).

Впрочем, отмечается и ситуация, когда жена активно входит во внешний мир: работает, водит машину, участвует в деловых контактах. В целом чем дольше семья жила в новом культурном окружении, тем меньше отличий имелось в гендерном отношении.

В некоторых случаях говорилось о том, что продолжают отмечаться праздники, происходящие из места исхода, но «душа уже их не чувствует». Отмечаются русские праздники, формируются традиции, более ориентированные на принимающее сообщество, нежели на прежнее этнокультурное окружение. Сходным образом дрейфует и языковое сознание. В семье еще сохраняется родной язык («с женой говорим на таджикском»), но во внешнем окружении его все сильнее вытесняет русский. В семьях же, где выходцем из стран Средней Азии и Закавказья является только супруг, и в семейном окружении русский язык преобладает.

Но если старшее поколение, приехавшее на Дальний Восток в зрелом, пусть и молодом возрасте, говорит о себе как о «полурусских», «обрусевших», то следующее поколение, их дети, практически полностью включены в принимающее сообщество, ощущаемое ими как родное. В работе это поколение наиболее полно вошедшими в местное сообщество «мигрантов» мы обозначили термином «полуторное поколение».

«Полуторное» поколение «своих» мигрантов

Проблемы «полуторного» поколения мигрантов, приехавших в Россию из бывших южных республик СССР, уже достаточно полно рассматривались исследователями [18]. Назывались «барьеры», которые возникают на их пути и в годы учебы, и в последующий период [19]. Отмечалось, что адаптация к новым условиям идет очень трудно, а культурные установки места исхода продолжают преобладать, что само по себе создает сложности для интеграции.

Однако региональный материал дает несколько иную картину происходящего. Даже в интервью с представителями первого постсоветского поколения мигрантов («первая волна») при перечислении проблем ксенофобия практически не звучала. Обычная неустроенность нового переселенца не сопровождалась давлением со стороны местного сообщества. Причина такого отличия отмечалась нами выше. Подавляющее большинство жителей региона являлось приезжими, в той или иной мере пережившими момент устройства на новом месте [7]. При этом приезжали люди из совершенно разных регионов, из мегаполисов по всесоюзному распределению и сел «по контракту». Различия между всеми переселенцами были столь велики, что этническое своеобразие не становилось определяющим фактором. Тем более, не было оно главным для следующего поколения дальневосточников, потомков выходцев из стран Средней Азии и Закавказья.

Достаточно стандартными в интервью с представителями старшего поколения являются жалобы на то, что дети уже почти не владеют родным языком, часто не придерживаются традиционных для данной культуры норм поведения. Впрочем, такое положение дел не всегда воспринимается негативно. Многие воспринимают это как естественный порядок вещей. Большая часть респондентов не планирует возвращаться на родину. Причина проста – они стали другими. Для своих земляков в месте исхода они не менее, а более «другие», чем для дальневосточников.

«Иные... Ну, потому что у них другое совсем понимание о том, что такая цивилизация. У них души нормальный там появился недавно совсем. Когда мы в гости приезжали, с нашими игрушками или телефонами все дети в деревне были в шоке. Мой брат маленький себя там не комфортно чувствовал – он одетый красиво, постриженный, а там дети... Ну грязные, скажем так. Ценности другие совсем» (женщина, этническая азербайджанка, 20 лет).

Это один из немногих мотивов, который присутствовал в интервью всех представителей этой группы мигрантов вне зависимости от этнической принадлежности, сферы деятельности, пола и возраста. И если об отличии от местных жителей говорили как об исчезающем параметре, то отличие от бывших земляков воспринималось как постоянно возрастающее. Особенно ярко они выражены у детей («полуторное», второе поколение). Для них русский язык уже является основным. Не возникает проблем с общением на этом языке, знанием речевого и поведенческого этикета.

«В два года дети же еще не прям разговаривают, так что к нужному времени я уже спокойно говорил на русском и на своем языке. На своем, потому что у нас дома всегда говорят на своем языке, а на русском, потому что дети, садик, потом школа... Ну и вот так оба выучились, никогда со-

всем проблем не было. А про остальное, тогда вообще не было проблем никаких. По началу в те годы – двухтысячные, все более дружные были, что ли» (мужчина, предприниматель, этнический азербайджанец, 26 лет).

Более того, здесь возникают и межпоколенческие конфликты, связанные с тем, что представители «полуторного» поколения строят жизнь по собственным лекалам, используя в качестве образца представителей местного сообщества. Чаще всего упоминается стремление сына (дочери) заключить брак с представителем местного этноса. Часто речь идет об особенностях одежды и поведения детей. Скажем, респондента-таджика коробило от того, что дочь ходит по городу в шортах и без сопровождения мужчины. Есть и другие подобные мнения респондентов.

«Понимаешь, уважаемый, наши дети уже совсем другие. Они не знают, как почитать родителей. Ему мать что-то говорит, а он в телефон смотрит, не слушает. Меня еще слушает. Но не потому, что уважает, а потому, что боится. Дома такого не было» (мужчина, 43 года, водитель автобуса, этнический узбек).

Сами же представители второго (и «полуторного») поколения себя ощущали вполне интегрированными в жизнь принимающего сообщества, которое они не воспринимают в качестве чужого. Даже когда дома используется родной язык, респонденты четко понимают разницу между собой и родителями. Родители в той реальности жили, а они ее выучили. Причем выучили не потому, что так принято или само собой разумеется, а под влиянием, часто даже давлением родителей, как, например, в случае с азербайджанской семьей, где отец интересуется историей Азербайджана и вовлекает в это детей.

Интересно, что миграционные ожидания представителей «полуторного» поколения перестают отличаться от ожиданий остальных молодых людей региона. Даже представители первого поколения далеко не все предполагают вернуться на место исхода. В ряде случаев это было заявлено напрямую. В некоторых вариантах возвращение было отнесено на неопределенное будущее («в старости вернусь»). Даже наличие (в одном случае) большого дома на родине не является формой укоренения. Там проживают родственники, сам же владелец изредка навещает их, чтобы передать деньги.

Молодые представители этой группы или не собираются мигрировать, или предполагаемой точкой миграции выступает мегаполис в европейской части страны. Это практически совпадает с массовой позицией молодежи региона [20].

«Уехать? Наверное... Все, так или иначе, хотят уехать. Я бы поехал в Казань. Там много наших живет. Рассказывали. Хороший город, возможности большие. Домой? Нет, домой я уезжать не собираюсь. Там работы совсем нет. Трудно найти средства для жизни» (азербайджанец, 25 лет, предприниматель, мужчина).

И именно эта группа наиболее четко фиксирует отсутствие ксенофобии в прошлом и нарастание ее в последние годы. Респонденты, рассказывая о го-дах в школе, даже упоминая конфликтные ситуации, не видят в них этнической составляющей. Скорее речь идет о составляющей социальной. Один из респондентов говорил о конфликте между детьми из благополучных семей, к которым он относил себя, и детьми из рабочего общежития.

«В 2006–2010 годах на улице пройтись невозможно было, всегда кто-то остановит и начнет докапываться. Но опять же, доставали всех и это вряд ли связано с тем, что мы не отсюда или что-то такое. В то время вообще не было разделения на русский и не русский, тогда совсем не обращали на это внимания. Это сейчас больше на это смотрят» (мужчина, предприниматель, этнический азербайджанец, 25 лет).

Негативные воспоминания об этом периоде озвучивали респонденты из мигрантских семей с низким социальным статусом (отец – маляр-штукатур). Но здесь не всегда можно понять, идет ли речь об этнической стигматизации или просто трудной жизни детей из семей с низким материальным достатком.

В «десятые годы», по мнению респондентов, ситуация начинает меняться. Появляется устойчивый ксенофобский дискурс в отношении к «мигрантам», «чужим», распространяемый и на них, полностью осознающих себя местными, своими. Конституирующему признаком здесь оказывается не знание русского языка и даже не погружение в местную культуру и местное сообщество, а этничность, точнее фенотип, связанный с ней («черные»). Причем до этого периода отмеченное осознание своей «укорененности» опиралось на опыт коммуникации с местным социальным окружением.

«Сейчас даже тяжелее элементарно с девушкой познакомиться. Не нам в Биробиджане, у нас город маленький и все друг друга знают. Но если я поеду в другой город, это же распиаренная тема что русский или не русский. Там уже проблемы, да» (мужчина, этнический азербайджанец, 26 лет).

В интервью с выходцем из Таджикистана, в неявной форме имеются и указания на еще одно значимое изменение, в известном смысле выступающее предпосылкой активизации ксенофобии. Если в предшествующий период приезжающих было относительно немного, они поддерживали тесные связи между собой, успешно, хотя и различно включались в местное сообщество, то теперь ситуация иная. Выходцев из стран Средней Азии становится много, «они все время меняются». И они другие. Об этой, третьей когорте «приехавших» («второй волне»), о той трансформации взаимодействия новых мигрантов и принимающего сообщества пойдет речь далее.

«Вторая волна» и формирование нового «другого»

Два обстоятельства, следующие одно за другим, радикально изменили ситуацию в отношении к представителям этнических групп (дальневосточникам), относящихся к странам Средней Азии и Закавказья. Первое обстоятельство – резкое сокращение числа китайцев в регионе, существенное изменение их статуса в местном сообществе. Если в период советской власти регион формировался как форпост против Китая («желтой опасности»), то сразу после падения СССР ситуация радикально изменилась. В кратчайшие сроки в городе появляются многочисленные торговцы из сопредельных территорий КНР, а с ними невероятный по силе взлет ксенофобии, который через много лет отзовется убеждением, что «Дальний Восток захвачен китайцами» [21].

Но уже достаточно быстро для регионального сообщества «страшные китайцы», несущие «желтую угрозу», сменились на китайских партнеров, наличие которых отмечали почти все предприниматели региона. После кризиса 1998 г. к китайским торговцам добавляются китайские строители, работники

коммунальных служб, повара и владельцы забегаловок («чифанек») и т.д. При этом негативный стигматизирующий дискурс сохраняется. Правда, обретает вполне осознаваемые причины. Во-первых, он выступает значимым параметром самоидентификации местного сообщества («мы – те, кто не любит китайцев»). Во-вторых, стигма выступала способом добиться тех или иных коммерческих преимуществ, более выгодной позиции в ходе деловой и повседневной коммуникации [16].

Но после кризиса 2008 г. число китайцев-рабочих и мелкооптовых торговцев сокращается, как и общая численность граждан КНР в регионе. Им на смену приходят крупные и средние китайские предприниматели, чиновники, ученые и деятели искусства. Неэффективность общения с позиции стигмы становится очевидной уже к началу «десятых» годов. Вместо «желтой угрозы» появляются «китайские партнеры», наличие которых предоставляет существенные возможности для российского предпринимателя, художника, ученого. Стигма снимается. Китайцы из «чужого», потенциально враждебного и опасного превращаются в «дальнего чужого», гостей из «тридевятого царства», носителей потенциальных благ, уникальных предметов и умений. Соответственно, место «чужого», по отношению к которому формируется сообщество «своих», оказывается вакантным.

Второе обстоятельство связано с декларированным с самых высоких трибун «поворотом на Восток». Последнее породило активизацию дорожного строительства, возведение зданий к саммиту АТЭС, радикальной реконструкции города Владивостока, строительству газопровода из Сахалина в Приморье, нефтепаливного терминала в п. Козьмино и многоного другого. При этом наличных трудовых ресурсов не хватало. Да и местные жители не особенно стремились на новые рабочие места, где оплата была часто ниже, чем в привычных отраслях региональной экономики, а условия труда тяжелее.

Все это приводило к необходимости массового завоза рабочих. Поскольку «лишних» трудовых ресурсов в России не обнаруживалось, основная масса завозимых работников была из Средней Азии. Между местными, уже укоренившимися выходцами из этих стран и новыми мигрантами («второй волной») имелась принципиальная разница.

В отличие от предшествующей «волны», хотя численно и не меньшей в целом, но прибывавшей постепенно, последняя волна прибыла в регион практически одномоментно. Соответственно, это прибытие оказалось видимо и фиксируемо местным сообществом. Причем фиксировалось оно в силу наличия к тому моменту сформировавшегося дискурса в федеральных и отчасти в региональных СМИ крайне негативно. Отчасти это имело рациональные основания. Прибывшие существенно отличались от местного сообщества, да и от своих предшественников. Они были «другие» и для первых, и для вторых. Об этом упоминалось в интервью. Проявлялось это и в многочисленных, всплывающих даже на уровне краевых СМИ и социальных сетей спорах об исламе, о повседневных практиках и обычаях.

В ходе беседы с водителем такси, прибывшим в Хабаровск в «десятых годах», претензии к «местным узбекам» были сформулированы следующим образом:

«Они, кто уже давно здесь живет, совсем как русские стали. Аллаха не помнят, обычаев не соблюдают. Много молиться совсем не умеют, Коран

читать не знают. А нас считают дикими. Мы в своей культуре живем, а они в чужой» (мужчина, лет 30–32, этнический узбек, водитель такси).

В последнем по времени поколении мигрантов гораздо выше доля тех, кто не стремится натурализоваться в новом пространстве. Для них это временная, хотя и важная работа, возможность заработать на «настоящую жизнь» на родине. Даже если новый переселенец получает российское гражданство, отношение к этому акту несколько отличается от того, что было у предшественников.

В интервью представителей «первой волны» получение гражданства выступало как формальное закрепление реально произошедшей натурализации. Для последнего потока мигрантов приобретение «российского паспорта» имеет, главным образом, функциональное значение. Так, проще совершать вояжи в Россию, меньше проблем с правоохранительными органами. Как правило, представители этого поколения хуже говорят на русском языке, хотя это и не абсолютная закономерность.

Стоит отметить, что из действительно многочисленных низкоквалифицированных рабочих, задействованных на стройках Дальнего Востока России, в этом потоке выделяются студенты дальневосточных вузов, прибывшие по государственным программам, специалисты (врачи, учителя и др.), прибывшие по программам переселения соотечественников, и некоторые другие группы. Здесь готовность к адаптации намного выше, как и «стартовые условия».

«Я, как сказать, вырос в русской среде, в русской культуре, учился в русской школе, институт закончил в Душанбе на русском. Когда думал куда ехать, есть такая программа переселения, там вот сказали про Хабаровск. Я посидел, почитал в интернете... Город показался хорошим, ну я и поехал. Тут культура, в которой я всё знаю, здесь я всех понимаю. Вот так вот и получилось» (мужчина, врач, этнический таджик, 35 лет).

Для этих людей адаптация в новом сообществе не представляет проблемы, а сам факт переезда трактуется в качестве «возвращения». Подробно говорить об этой категории достаточно сложно в силу незначительности материала. Однако их отличие от основной массы последнего поколения приехавших достаточно очевидно – это группа сознательно русифицированных еще на родине мигрантов, у которых в опыте русскоязычные школы, русофилы-родители, готовящие их к переезду в Россию с ранних лет. Хотя между этими группами есть и сходство.

Во всех этих случаях между вновь прибывшими и местным сообществом возникает новый и неожиданный посредник – государство. Именно оно, а не местное сообщество легитимизирует пребывание на территории, гарантирует оплату, создает критерии и формы «укоренения» на территории (экзамены, лицензии и т.д.).

В этих условиях любой негатив в отношении государства, власти легко канализируется на мигрантов, которые воспринимаются как навязанные властью. Играет роль и то обстоятельство, что государство порой оказывается достаточно неэффективным патроном для новых мигрантов. Новые мигранты, не имеющие связей и покровителей на территории, становятся удобным способом для полицейских «повысить раскрываемость» на своем участке. Несмотря на то, что наиболее частыми преступлениями выступают здесь от-

нюдь не убийство или ограбление, а нарушение паспортного режима, о мигрантах формируется представление как о чем-то потенциально опасном источнике криминала и конфликтов.

При этом не исчезает и привычный канал пополнения населения региона, когда новые приезжие прибывают, опираясь на друзей, бывших земляков и родственников. Эти приезжие тоже стремятся к ускоренной адаптации. Однако они перестают быть для местного населения основным типом мигрантов в этот период. Вплоть до пандемических запретов основным типом становится мигрант, приехавший по госпрограмме, гастарбайтер.

При всех различиях между мигрантами, прибывающими по госпрограммам, для местного сообщества репрезентантами поколения в целом остаются именно рабочие по контракту. Причем репрезентантами, имеющими крайне негативную окраску в глазах местных. Но самым важным для нашего рассмотрения является то обстоятельство, что фактором, позволяющим дифференцировать «своего» и «чужого», выступает не владение русским языком и формами коммуникации и даже не богатство / бедность, а этническая принадлежность, причем тоже понимаемая крайне широко («черный»).

Это создает крайне неприятное положение для тех групп «мигрантов», по сути уже обычных членов местного сообщества, которые мы описали в предшествующих разделах. Они автоматически попадают в разряд «мигрантов». Понятно, что в каком-то локальном кругу, районе, малом городе, поселке это не происходит. Но стоит им выйти из этого приватного круга, как они становятся «мигрантами», т.е. «чужими», наделенными сильным негативным смыслом и одновременно виктимными для правоохранителей.

«Знаешь, сейчас плохое время. Я сюда приехал еще в 92-м году. Работал в гараже нашем. Ну, ты знаешь. Мне никто не говорил: ты узбек, ты плохой. Наоборот, говорили: молодец, стараешься, получи премию. А теперь так и говорят. Ты черный, поэтому уезжай отсюда. Это очень обидно» (мужчина, этнический узбек, автослесарь, 53 года).

Заключение

Уже из нашего достаточно беглого обзора понятно, что сообщество мигрантов из стран – бывших республик СССР крайне разнородно по характеру точки исхода, целям миграции, уровню владения русской культурой и языком. Существенно различаются они по времени прибытия, степени адаптации на территории. По существу представители «нулевой и «первой волны» не особенно существенно выделяются из дальневосточного сообщества, составленного из мигрантов. Тем не менее для значительной части местного (принимающего) сообщества формируется образ мигранта-чужого, репрезентацией которого и выступает этничность, ее внешние, фенотипические проявления. При этом трудами СМИ, отчасти стараниями правоохранителей, для которых мигранты выступают способом относительно легкого достижения плановых показателей деятельности, образ этот оказывается достаточно негативным. Сама этничность выступает формой стигматизации «чужого». Сформировавшись таким образом, она неизбежно оборачивается на вполне адаптированных носителях данных этнических признаков, вполне адаптированных в местный социум. И они, и новые мигранты, даже вполне ориентированные на формирование новой социальной идентичности, связанный с

Россией и дальневосточными территориями, вынуждены выстраивать ее с учетом имеющегося негативного дискурса вопреки стигме.

Такая стигматизация уже вполне привычной части местного сообщества порождает массу проблем и для тех, на кого начинает распространяться стигма, да и остальной части сообщества, разрушая привычные формы коммуникации. Новые, построенные с учетом стигмы, пока только формируются. Причем процесс этот далек от завершения. Тем более, что и ситуация с мигрантами-гастарбайтерами начинает меняться на наших глазах.

Поскольку число мегастроек в регионе постепенно сокращалось (завершение саммита АТЭС, строительства мостов и общая реконструкции Владивостока, ряда газо- и нефтетранспортных предприятий, сворачивание ряда транспортных проектов), сокращалось и число рабочих мест для контрактников. Однако положение с работой в местах исхода лучше не становилось, как и общее экономическое положение этих стран. Сезонные работы являлись здесь основой для выживания семей и целых общин. Соответственно, бывшие законтрактованные рабочие начинают возвращаться уже в ином качестве, более напоминающем стратегии миграции предшествующего поколения, но с тем различием, что их «главная жизнь» по-прежнему в месте исхода. Их становится существенно меньше. Государство как посредник все менее значимо для них. Оно выступает скорее как понятный и знакомый источник опасности, одна из неизбежных издержек миграции.

По существу только начавший формироваться «другой» исчезает, сохранившись в особой форме «отсутствующего другого». Он есть в дискурсе, в отчетах правоохранителей, но перестает быть зрымым явлением повседневности жителей региона. Как это изменение проявится в местном сообществе, мы увидим в самое ближайшее время. Возможно, «внутренний другой» просто исчезнет, как не существовало его в период 2008–2011 гг. Возможно, что он приобретет фантомный характер. Варианты различаются. Но это уже будет совсем другая история, требующая самостоятельного исследования.

Список источников

1. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия : в 3 т. М. : Спецкнига, 2013. Т. 1, ч. 2. С. 763–774.
2. Хасанова Р.Р., Малева Т.М., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя. Эффекты, инструменты, новые цели. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 58 с.
3. Полетаев Д. Миграционные последствия «идеального шторма»: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (дата обращения: 04.07.2023).
4. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 84–107.
5. Вахрушев А. Полпред Цуканов заявил об угрозе из-за бомжей и мигрантов во время эпидемии коронавируса. URL: <https://ura.news/news/1052427087> (дата обращения: 04.07.2023).
6. Михайлов М. Вирус для мигрантов. Насколько опасен он для всего общества? URL: <https://vmeste-rf.tv/analytics/virus-for-migrants-how-dangerous-is-it-to-society> (дата обращения: 04.07.2023).
7. Бляхер Л.Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М. : Европа, 2014. 208 с.
8. Кашиур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 88–93.
9. Кулнич Н.Г. О социальной мобильности дальневосточных городов (1920–1930-е гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4 (54). С. 24–31.

10. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России, 1855–1917 гг. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2006. 198 с.
11. Саначев И.Д. «Крестьянское восстание на Амуре – кулацкий мятеж или шаг отчаяния?» // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1992. № 3. С. 32–39.
12. Ткачева Г.А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в 30–40-е гг. XX в.: основные теоретические подходы // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее / ред. Л.И. Галлямова. Владивосток : Дальнаука, 2013. С. 415–423.
13. Мкртчян Н.В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 41–61.
14. Ковалевский А.В., Бляхер Л.Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3 (54). С. 120–127.
15. Григоричев К.В., Дятлов В.И., Нам И.В. Миграция и этнизация городского пространства: научная школа-семинар // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 5–8.
16. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 28–39.
17. Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc. C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Anthropological Quarterly. 1995. Vol. 68, № 1. P. 49–57.
18. Мукомель В.И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. Т. 2. С. 192–209.
19. Рочева А.Л. «Полуторное» поколение мигрантов: множественная маргинальность. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2355> (дата обращения: 04.07.2023).
20. Рыбаковский Л. Миграция населения: стадии миграционного процесса // Миграция в России. 2001. Т. 5. С. 3–28.
21. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1 (76). 2015. С. 24–38.

References

1. Mukomel, V. (2013a) Integratsiya migrantov: vyzovy, politika, sotsial'nye praktiki [Integration of migrants: Challenges, policies, social practices]. In: Zayonchkovskaya, Zh.A. (ed.) *Migratsiya v Rossii. 2000–2012* [Migration in Russia 2000–2012]. Vol. 1. Moscow: Spetskniga. pp. 692–700.
2. Khasanova, R., Maleva, T., Mkrtychyan, N. & Florinskaya, Yu.F. (2019) *Proaktivnaya demograficheskaya politika: 10 let spustya. Effekty, instrumenty, novye tseli* [Proactive demographic policy: 10 years later. Effects, tools, new goals]. Moscow: Delo.
3. Poletaev, D. (2020) *Migratsionnye posledstviya “ideal'nogo shtorma”*: kakim budet vliyanie pandemii koronavirusa na problemy migrants? [Migration consequences of the “perfect storm”]: What will be the impact of the coronavirus pandemic on migration problems?]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-comments/Analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (Accessed: 4th April 2022).
4. Denisenko, M. & Mukomel, V. (2020) Trudovaya migratsiya v Rossii v period koronavirusnoy pandemii [Labour migration in Russia during the coronavirus pandemic]. *Demograficheskoe obozrenie*. 7(3). pp. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637.
5. Vakhrushev, A. (2020) *Tsukanov zayavil ob ugroze iz-za bomzhey i migrantov vo vremya epidemii koronavirusa* [Plenipotentiary Tsukanov said about the threat due to homeless people and migrants during the coronavirus epidemic]. [Online] Available from: <https://ura.news/news/1052427087> (Accessed: 4th April 2022).
6. Mihailov, M. (2020) *Virus dlya migrantov. Naskol'ko opasen on dlya vsego obshchestva?* [Virus for migrants. How dangerous is it for the whole society?]. [Online] Available from: <https://vmeste-rf.tv/Analytics/virus-for-migrants-how-dangerous-is-it-to-society> (Accessed: 4th April 2022).
7. Bliakher, L. (2014) *Iskusstvo neupravlyayemoy zhizni. Dal'niy Vostok* [The Art of Unmanaged Life. The Far East]. Moscow: Europe.
8. Kashpur, V.V. & Popravko, I.G. (2012) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya migrantov: problemy i strategii (tomskiy keys)* [Sociocultural adaptation of migrants: Problems and strategies (the Tomsk

- case)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 354. pp. 88–93.
9. Kulinich, N.G. (2006) O sotsial'noy mobil'nosti dal'nevostochnykh gorodov (1920–1930-e gg.) [The social mobility of the Far Eastern cities (1920–1930s)]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 4(54). pp. 24–31.
10. Osipov, Yu.N. (2012) *Krest'yane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii, 1855–1917 gg.* [Old-time peasants of the Russian Far East, 1855–1917]. Vladivostok: VSUES.
11. Sanachev, I. (1992) Krest'yanskoe vosstanie na Amure – kulatskiy myatezh ili shag otchayaniya? [The peasant uprising on the Amur – a kulak rebellion or a step of desperation?]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 3(4). pp. 27–37.
12. Tkacheva, G. (2015) Oboronyyy potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 30–40-e gg. KhKh v: osnovnye teoretycheskie podkhody [Defense potential of the Soviet Far East during the Great Patriotic War]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 2. pp. 5–24.
13. Mkrtchian, N. (2013) Goroda vostoka Rossii «pod natiskom» demograficheskogo szhatiya i zapadnogo dreyfa [Cities of the Russian East “under pressure” of demographic contraction and western drift]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Migration Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities]. Irkutsk: Ottisk. pp. 41–61.
14. Bliakher, L. & Kovalevskii, A. (2020) Dal'nevostochnaya migratsiya: osobennosti interpretatsii na primere keysa Khabarovskogo kraya [Far Eastern migration: Peculiarities of the interpretation on the example of the Khabarovsk Territory]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 3(54). pp. 120–127.
15. Grigoriev, K.V., Dyatlov, V.I. & Nam, I.V. (2015) Migration and ethnicization of urban space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Iстория – Tomsk State University Journal of History*. 5. pp. 5–8. (In Russian).
16. Bliakher, L. (2004) Politicheskie mify Dal'nego Vostoka [Political myths of the Far East]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 28–39.
17. Glick Schiller, N., Basch, L. & Szanton, Blanc. C. (1995) From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*. 68(1). pp. 49–57.
18. Mukomel, V. (2013b) Osobennosti adaptatsii i integratsii detey migrantov – predstaviteley “polutornogo pokoleniya” [Adaptation and Integration of Migrants’ Children, Representatives of “One-and-a-half Generation”]. *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk state university. Series Political Science and Religion Studies*. 2(2). pp. 192–209.
19. Rocheva, A. (2011) “*Polutornoе*” pokolenie migrantov: mnozhestvennaya marginal'nost' (obzor literatury) [One-and-a-half generation of migrants: Multiple marginality (literature review)]. [Online] Available from: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2355>
20. Rybakovskiy, L. (2001) Migratsiya naseleniya: stadii migratsionnogo protsessa [Migration: Stages of the migration process]. *Migratsiya v Rossii*. 5. pp. 3–28.
21. Bliakher, L. & Grigoriev, K. (2015) Vglyadyvayas' v zerkala: smyslovye transformatsii obra-za Kitaya v rossiyskom sotsium [Looking into mirrors: Semantic transformations of the image of China in Russian society]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz – Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 1. pp. 24–38.

Сведения об авторах:

Бляхер Л.Е. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия). E-mail: 000048@pnu.edu.ru

Ковалевский А.В. – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник департамента научных исследований Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия); проректор по цифровой трансформации и стратегическому развитию Хабаровского краевого института развития образования (Хабаровск, Россия). E-mail: fakzy79@gmail.com

Леонтьева Э.О. – доктор социологических наук, доцент, директор высшей школы международных исследований и дипломатии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия). E-mail: 000645@pnu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bliakher L.E. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: 000048@pnu.edu.ru

Kovalevskii A.V. – Cand. Sci. (Sociology), junior researcher at the Department of Scientific Research, Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation); vice-rector for digital transformation and strategic development, Khabarovsk Regional Institute for Educational Development (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: fakzy79@gmail.com

Leont'eva E.O. – Dr. Sci. (Sociology), docent, director of the Higher School of International Studies and Diplomacy, Pacific National University (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: 000645@pnu.edu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.07.2023;
одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*

*The article was submitted 07.07.2023;
approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 316:[378+61](470.331)

doi: 10.17223/1998863X/76/17

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ
МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА ПОСЛЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА
В «КРАСНУЮ ЗОНУ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ
СО СТУДЕНТАМИ ФГБОУВО «ТВЕРСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ)**

Александра Владимировна Вайсбург

Тверской государственный технический университет, Тверь, Россия, lassie1@inbox.ru

Аннотация. Представлен анализ исследований особенностей образа жизни населения в России, факторов, влияющих на его изменения, среди студентов в последние 2 года. Приведены трактовки феномена «образ жизни», его составляющих. Представлены результаты глубинных интервью со студентами ФГБОУВО «ТвГМУ» МЗ РФ, трудоустроенным в госпитали по лечению больных коронавирусной инфекцией, об основных тенденциях в изменении их образа жизни.

Ключевые слова: образ жизни, студенты-медики, коронавирусная инфекция

Для цитирования: Вайсбург А.В. Трансформация образа жизни студентов медицинского вуза после трудоустройства в «красную зону» (по материалам интервью со студентами ФГБОУВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 182–191. doi: 10.17223/1998863X/76/17

Original article

**TRANSFORMATION OF MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS'
LIFESTYLE AFTER EMPLOYMENT IN THE “RED ZONE”
(BASED ON INTERVIEWS WITH STUDENTS OF TVER STATE
MEDICAL UNIVERSITY)**

Alexandra V. Vaisburg

Tver State Technical University, Tver, Russian Federation, lassie1@inbox.ru

Abstract. Studies on the peculiarities of the lifestyle of the population in Russia in the 19th century are analyzed; the main works on this problem in the 20th and 21st centuries are described. The analysis is based on the understanding of this phenomenon through the prism of the activity approach, in which lifestyle is considered as an essential and meaningful characteristic of the way of activity, and not traits, properties and qualities of a person. From the sociological analysis perspective, lifestyle is analyzed using such variables as standard of living, quality of life, lifestyle, material wealth, goods and services consumed by a person, the lower needs of an individual. This article presents an analysis of the main trends affecting changes in the lifestyle of students due to the onset of the coronavirus infection in the last two years. The results of an applied study conducted in January–February 2022 with students of Tver State Medical University employed in hospitals for the treatment of patients

with COVID-19 in the city Tver are presented. The informants were selected by the snowball method; the study was conducted by the in-depth interview method. According to the results of the study, the lifestyle of medical students employed in infectious diseases hospitals for the treatment of patients with the coronavirus infection has undergone significant changes after starting work there. These changes affected such aspects of the students' lifestyle as employment (and its goals), the daily routine (reduction of sleep, shift of day and night, non-compliance with the diet), well-being (its increase), and material needs (their increase along with a constant level (or some decrease) of spiritual needs). The time spent on leisure and sports was minimized. There is a transformation of the educational process, which has led to certain difficulties in attending classes, perception of the material. The physical and mental state of medical students has also changed in the direction of deterioration (the level of nervousness has increased, but stress resistance has increased). New necessary skills were also formed due to such employment (time planning and professional skills of medical and nursing work). Changes in the direction of a positive attitude towards the future profession and immunity to the death of patients occurred among senior students with long work experience. Social and political life, rules of conduct, spiritual needs of the individual remained unchanged in the medical students' lifestyle.

Keywords: lifestyle, medical students, coronavirus infection

For citation: Vaisburg, A.V. (2023) Transformation of medical university students' lifestyle after employment in the "red zone" (based on interviews with students of Tver State Medical University). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 182–191. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/17

Введение

Образ жизни является объектом для изучения различных дисциплин: психологии, медицины, биологии, социальной философии. В отличие от перечисленных предметных областей социология образа жизни исследует различные формы социального бытия индивида, их совместной деятельности. В последние 2 года образ жизни населения России претерпел сильные изменения в связи с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, пандемией, введением ограничений и локдаунов. Особенно сильно, по мнению автора, изменился образ жизни студентов-медиков, которые трудоустроились в ковидные госпитали. Процесс их профессиональной социализации пошел скачкообразно. Многие из них пропустили этап профессионального обучения в полном объеме и сразу перешли на этап трудовой деятельности, совмещая эти занятия параллельно. Интериоризация профессиональных ценностей происходила прямо во время работы, в самых тяжелых условиях – в «красных зонах». Это не могло не сказаться на их образе жизни, учебе, досуге и т.д. В статье представлен анализ эмпирических данных, полученных среди студентов ФГБОУВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, трудоустроенных в ковидные госпитали. В январе–феврале 2022 г. было проведено 14 глубинных интервью со студентами разных факультетов и курсов ФГБОУ ВО ТвГМУ, трудоустроенных младшим и средним медицинским персоналом в разные ковидные госпитали города Твери в течение различного времени. Информанты были подобраны методом снежного кома, интервью проводилось опросрочно при помощи пейджинговых программ и сети Интернет. Также в статье будет использован термин «красная зона» как госпиталь для лечения пациентов с подтвержденной коронавирусной инфекцией.

Данные эмпирического исследования могут быть полезны исследователям из других регионов для проведения сравнительного анализа; руководству

медицинских вузов, ковидных госпиталей, административно-управленческому аппарату для построения более четкого процесса обучения и трудоустройства студентов-медиков в «красные зоны».

Генезис исследований особенностей образа жизни населения в России

Истоки исследований, посвященных образу жизни населения в России, имеют свое начало в XIX в., заложив основы социальной статистики. Д.П. Журавский (1810–1856) исследовал дифференциацию людей по условиям их жизни и благосостоянию; Ф.А. Щербина (1849–1936) проводил исследования крестьянских бюджетов; А.В. Чаянов (1888–1937) анализировал факторы благосостояния семей.

Идеологическая составляющая дала резкий толчок для активизации исследований образа жизни людей после 1970-х гг. Проводится много фрагментарных теоретических и эмпирических исследований составляющих образа жизни. Наиболее знаменательными работами тех лет являются труды И.В. Бестужева-Лады [1], новосибирских социологов (Т.И. Заславской, И.В. Рыжиной) [2] и Ж.Т. Тощенко [3]. Одним из ключевых обобщенных исследований стал проект «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни», проведенный ИСИ АН СССР под руководством И.Т. Левыкина [4]. В 1980-е гг. проведено комплексное исследование образа жизни «Таганрог-2». Одним из последних исследований образа жизни человека советского периода явился общесоюзный опрос ВЦИОМ в 1989 г.

Особый интерес представляет сравнительное исследование образа жизни индивидов 1981–1982 и 2008 гг. [5]. Дальнейшее изучение образа жизни индивидов наиболее ярко было отражено в рамках динамической, субъектно-деятельностной концепции. А.А. Возмителем проведен ряд эмпирических исследований образа жизни фермеров, сотрудников сельскохозяйственных предприятий, представителей малого и среднего бизнеса, а также в целом россиян в постсоветский период (1997–2021 гг.) [6]. В рамках данной концепции исследуются типичные формы повседневного поведения, способы организации жизни, условия жизни, ценностные ориентации индивидов. Однако большинство исследований, проводимых в настоящее время, носят пилотажный характер, представляя собой исследования образа жизни отдельных разрозненных групп населения.

Образ жизни студенчества как социологическая категория

Термин «образ жизни» ввел австрийский психолог А. Адлер, трактуя его как «основной характер человека, установленный в раннем детстве», а с 1961 г. добавил в данную трактовку «сочетание определения нематериальных или материальных факторов». Автор в данной статье придерживается позиции анализа образа жизни с точки зрения деятельностного подхода, в рамках которого основой являются сущностно-содержательные характеристики способа деятельности, а не черты, свойства и качества личности. Именно деятельность человека определяет характер его бытия, потребности, отношения к действительности, взаимодействие с другими индивидами и т.д. Анализ структуры образа жизни индивида включает в себя условия жизнедеятельно-

сти (труд, быт, досуг, образование и др.); духовные потребности и ценностные ориентации личности; формы и виды деятельности.

Структура образа жизни может быть рассмотрена с точки зрения социологического анализа при помощи таких переменных, как уровень жизни, качество жизни, стиль жизни, материальный достаток, блага и услуги, потребляемые человеком, низшие потребности индивида в питании, одежде, жилище, укреплении здоровья и т.д.

Образ жизни студенчества можно охарактеризовать как совокупность основных способов и видов жизнедеятельности – учебно-познавательной, общественной, трудовой, коммуникативной. В настоящее время под влиянием рыночных отношений и демократизации общества происходит изменение системы образа жизни студенчества. Основными факторами, влияющими на него, являются: трансформация системы высшего образования, высшей школы, внедрение дистанционных методов обучения, совмещенная учебно-трудовая деятельность, специфика региона и направления обучения.

Особые требования предъявляются к образу жизни студентов медицинских учреждений, которые в будущем будут отвечать за здоровье нации и испытывать сильные эмоциональные и физические перегрузки. Согласно исследованиям, отличительными особенностями образа жизни студентов-медиков являются нарушения режима дня, питания, дефицит сна, недостаточная двигательная активность [7]. Изменения претерпел и образ жизни студентов медицинских вузов в последние 2 года в связи с приходом пандемии. Однако в научной литературе и эмпирических исследованиях последних лет образ жизни студентов-медиков рассматривается с точки зрения состояния их здоровья и поддержания здорового образа жизни [8]. Хотя в целом в последние 2 года появилось достаточно большое количество отечественных и зарубежных публикаций, раскрывающих отдельные особенности, связанные с трудоустройством медицинского персонала в ковидных госпиталях [9–16].

Характеристика образа жизни студентов-медиков, трудоустроенных в госпитали по лечению больных коронавирусной инфекцией

После наступления пандемии большая часть опрошенных студентов-медиков (12 человек) изменила свой образ жизни путем трудоустройства в «красную зону». 2 информанта явно говорят о том, что это трудоустройство улучшило и облегчило их трудовую занятость. Очень интересной представляется терминология, которой оперируют информанты при обозначении «красной зоны», называя ее «ковидником». В каком-то роде это перекликается с понятием «муравейника», в котором каждый член сообщества четко выполняет свои функции и помогает своим товарищам. В ходе исследования многие информанты как раз говорили о взаимопомощи, сплоченном коллективе, взаимовыручке и т.п.

Среди мотивов трудоустройства в ковидные госпитали среди студентов-медиков преобладают чисто прагматические цели, затмевая гуманные. Самой главной причиной трудоустройства большинства студентов ФГБОУ ВО ТвГМУ в «красную зону» (12 человек) явились желание заработать и президентские выплаты, получаемые в данных отделениях. «Зарплаты выше той, которую я могу получать в других медицинских учреждениях при тех же

обязанностях, просто нет», «не думаю, что мало кто здесь работает, чтобы помогать ковидным людям, все работают ради денег» (жен., 22 года, 3-й курс, педиатрический ф-т, стаж работы в госпитале санитаркой 3–7 мес). Также одним из мотивов трудоустройства является получение практического опыта (4 человека, преимущественно с 3-го курса обучения). «Старшие ребята дают попрактиковаться, показывают сестринские навыки, обучаю манипуляциям, из-за пандемии сейчас в университете мало возможности для практики» (жен., 21 год, 3-й курс, педиатрический ф-т, стаж работы в госпитале санитаркой до 3 мес). Для 2 информантов также важным стимулом для трудоустройства явилось наличие удобного графика работы. Многие опрошенные, совмещая работу и учебу, трудоустроились лишь на 0,5 ставки на медсестринские и санитарские должности. И лишь 1 студент со средним материальным положением, обучающийся на 3-м курсе, недавно работающий в ковидном госпитале, но имеющий стаж работы в медицине до этого момента, отметил, что он трудоустроился в «красную зону», чтобы «помогать больным людям», назвав эту причину единственной.

Трудоустройство студентов-медиков в «красную зону» повлияло на изменение образа жизни большинства студентов. Основными изменениями, вызванными трудоустройством в ковидные госпитали, информанты назвали изменение режима дня (6 человек), сокращение времени на сон (5 человек), определенные сложности с совмещением с учебой (3 человека), изменение режима питания, уменьшение количества свободного времени, развлечений, тренировок, поездок домой к родителям и увеличение стрессовых ситуаций. При этом чем больше стаж работы студента в ковидном госпитале, тем чаще они говорили о нехватке сна.

При попытке оценить в процентах изменения своего образа жизни после трудоустройства в «красную зону» почти половина информантов (6 человек) отметили, что образ жизни изменился менее чем наполовину (50%). Поменяли свою привычную жизнь наполовину (50%) 3 студента старших курсов, наиболее продолжительно работающие в ковидных больницах в качестве среднего медицинского персонала. Более чем наполовину (80 и 100%) изменили свой образ жизни 2 студента с разным стажем работы, постоянно отмечающие хронические недосыпы из-за работы.

Трудоустройство в «красную зону» внесло следующие положительные изменения в образ жизни студентов ФГБОУ ВО ТвГМУ: улучшилось материальное благосостояние (4 человека); началось активное использование тайм-менеджмента (4 человека); активизировалось приобретение опыта и навыков практической работы с пациентами (4 человека); повысились выносливость, двигательная активность, больше развилось умение контролировать себя, коммуникабельность, эмпатия, дисциплинированность. «Научилась лучше распределять свое время и силы, все успевать. Тут [в госпитале] приходится контролировать себя и свои эмоции, учиться быть добрую и терпимее» (жен., 21 год, 3-й курс педиатрического ф-та, стаж работы санитаркой в госпитале до 3 мес). 4 студента-медика считают, что трудоустройство в ковидный госпиталь не принесло никаких положительных изменений в их образ жизни. В основном это студенты более старших курсов, имеющие больший опыт работы в «красной зоне» в качестве среднего медицинского персонала, лучше рефлексирующие последствия своего трудоустройства на образ жизни.

Отрицательного влияния трудоустройства в ковидные больницы города Твери не видят лишь 2 информанта. Это студенты 3-го курса с маленьким стажем работы в медицине вообще и «красной зоне» в частности. Они отрицают влияние данного трудоустройства на свой образ жизни и основным мотивом работы считают получение высокого заработка. Основным негативным фактором влияния трудоустройства в ковидные госпитали на свой образ жизни студенты-медики считают хронический недосып (8 человек). «*Нехватка сна, иногда сильная усталость... сбитый режим сна и плохое питание в день смены и на следующий день*» (жен., 22 года, 3-й курс педиатрического ф-та, стаж работы санитаркой в госпитале 3–7 мес). Также среди отрицательных последствий трудоустройства выделены: неправильный режим жизни, возникающие сложности с учебой, эмоциональное перегорание, высокие энергозатраты, стресс, ухудшение состояния здоровья, усталость, переработки, развитие лени, постоянный профессиональный риск, физиологические нарушения.

Так как основные изменения в образе жизни после трудоустройства в «красную зону» студенты-медики связывают с нарушением режима, было предложено оценить, как именно изменился режим. Основные трансформации связаны с изменением режима сна, введением дневного сна вместо ночного (5 человек). Также информанты отмечают уменьшение количества сна (4 человека), бессонницу и трудности с засыпанием, потерю ощущения дня и ночи. «*Режим изменился, сбился. Работаю в ночь, ложусь в 1, встаю в 5, плохо сплю, хожу, мало сплю, тяжело засыпаю, отсыпаюсь днем и на следующий день опять не могу уснуть ночью*» (жен., 22 года, 3-й курс педиатрического ф-та, стаж работы санитаркой в госпитале 3–7 мес). Только 2 студента более старших курсов с большим стажем работы в госпиталях сказали, что не испытывают на себе никаких изменений в режимных моментах.

Трудоустройство в «красную зону» не повлияло на учебу в университете преимущественно среди тех студентов-медиков, которые работают на 0,5 ставки с различных курсов и разным стажем работы. Отметили влияние работы на учебу 9 студентов из 12 интервьюируемых. Все они сказали о негативном влиянии трудоустройства на учебный процесс, которое выражается в физической усталости, недосыпе и сложности восприятия материала (4 человека), появлении большого количества отработок (3 человека), негативном отношении преподавателей к параллельному трудоустройству (2 человека), больших сложностях с учебой, наложении учебного и рабочего графиков.

Большинство студентов-медиков (9 человек) после трудоустройства в ковидные отделения не видят изменений в проведении досуга. Изменения наблюдаются, в основном, студенты более младших курсов (3-го курса), недавно трудоустроившиеся в сферу медицины вообще и в «красную зону» в частности в качестве младшего медицинского персонала. Основным изменением в досуге после трудоустройства студентов стало сокращение времени на досуг. «*Времени на досуг осталось минимум, чаще свободное время уходит на бытовые дела*» (жен., 21 года, 3-й курс педиатрического ф-та, стаж работы санитаркой в госпитале до 3 мес).

В своем большинстве студенты-медики ФГБОУ ВО ТвГМУ свидетельствуют, что после трудоустройства в «красную зону» в их образе жизни не изменились такие направления, как общественная и политическая жизнь, правила и модели поведения, духовные потребности.

Материальные потребности студентов после трудоустройства в ковидные госпитали, по мнению большинства опрошенных (10 человек), изменились в сторону их возрастания. Студенты отмечают, в основном, приобретение большей независимости от родителей (4 человека). Об этом аспекте упоминают студентки более младших курсов с минимальным стажем работы в медицине вообще и в ковидных госпиталях в частности. Также изменения коснулись появления дополнительных материальных возможностей, удовлетворения дополнительных потребностей, увеличения трат на себя, большему совершению путешествий, приобретению подарков родственникам и знакомым. Считает, что его материальные потребности после трудоустройства в «красную зону» не изменились лишь каждый 3–4-й опрошенный. Это студенты-медики с разных факультетов, курсов, с различным стажем работы в медицине и ковидных госпиталях.

Большинство студентов-медиков (10 человек) отмечают изменения своего психологического статуса после трудоустройства в «красную зону». Среди основных негативных тенденций были названы повышение нервозности (4 человека) и развитие апатии. Позитивные изменения выражаются в том, что кто-то стал более стрессоустойчивым (4 человека), уравновешенным и собранным, повысилась самооценка. В целом студенты свидетельствовали о положительных изменениях своего психологического состояния в ключевых моментах, важных в профессии врача. Отмечают отсутствие изменений после трудоустройства в «красную зону» своего психологического состояния только 3 человека, студенты более старших курсов с большим стажем работы в медицине и госпиталях, в качестве среднего медицинского персонала.

Одним из показателей психологической устойчивости врача является его отношение к смерти. Среди студентов зачастую происходит переосмысление этого феномена в процессе обучения и трудоустройства. Более половины студентов-медиков сказали, что их отношение к смерти после трудоустройства в «красную зону» не изменилось. Некоторые обосновали это тем, что имели практику столкновения со смертями пациентов на более ранних курсах, в реанимации, что их должность не влияет на выживаемость пациентов, так как они работают младшим медицинским персоналом в ковидных госпиталях. Не видят подобных изменений, в основном, студенты более младшего – 3-го курса, совсем недавно трудоустроившиеся в «красную зону» (стаж работы не более 7 мес) в качестве санитарок и санитаров. Также они заявляют и об отсутствии изменений в отношении к своей будущей профессии. Возможно, это обусловлено еще недостаточной профессиональной социализацией в госпитале и небольшой должностной ответственностью.

Студенты более старших курсов (4-, 5-, 6-й курс, ординатура), имеющие больший опыт работы в медицине вообще и в «красной зоне» в частности в качестве среднего медицинского персонала, признали наличие изменения отношения к смерти после трудоустройства в госпитали. Это индивиды, признающие влияние подобного трудоустройства на свой образ жизни. Отношение к смерти изменилось у них на более нейтральное, обыденное и привычное. «Стал относиться к ней нейтрально, без осадка горечи. Люди – это всего лишь пассажиры в поезде», «ощущаю полное безразличие к смерти», «перестала ее бояться». Также эта категория студентов-медиков (7 человек), признала изменение отношения и к профессии врача после трудоустройства в

«красную зону». Эти изменения связаны с положительными тенденциями осознания важности специальности, ответственности, характера работы, увеличения желания стать врачом.

Заключение

Таким образом, применение концепции деятельностного подхода при анализе образа жизни студентов-медиков явилось абсолютно обоснованным. Можно говорить о том, что, с одной стороны, интенсивность, характер и результат деятельности индивида вызваны условиями осуществления данной деятельности, а с другой стороны, она всегда влияет и изменяет условия жизни самого индивида, его образ жизни. Именно трудоустройство студентов ФГБОУ ВО ТвГМУ в госпитали по лечению больных коронавирусной инфекцией, деятельность, связанная с уходом и лечением пациентов, повлияла на их образ жизни. Хотя, несомненно, и сам трансформированный образ жизни студентов-медиков отразился на их деятельности.

Согласно результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что образ жизни студентов-медиков, трудоустроенных в инфекционные госпитали по лечению больных с коронавирусной инфекцией, претерпел существенные изменения после начала работы там. Эти изменения коснулись таких аспектов образа жизни студентов, как трудоустройство (и его целей), изменения режима дня (сокращение сна, смещение дня и ночи, несоблюдение режима питания), повышение уровня благосостояния студентов и возрастание их материальных потребностей наряду с неизменным уровнем (или некоторым снижением) духовных потребностей. Минимизировалось время, затрачиваемое на досуг и занятия спортом. Наблюдается трансформация учебного процесса, повлекшая за собой определенные трудности в посещении занятий, восприятии материала. Также изменилось в сторону ухудшения физическое состояние студентов-медиков (повысился уровень нервозности, зато увеличилась стрессоустойчивость). Отмечается также появление новых необходимых навыков благодаря такому трудоустройству (планирование времени и профессиональные навыки врачебной и медсестринской работы). Изменения в сторону позитивного отношения к будущей профессии и невосприимчивости к смерти пациентов отмечено среди студентов более старших курсов с большим опытом работы в качестве среднего медицинского персонала ковидных госпиталей. Неизменными в образе жизни студентов-сотрудников ковидных госпиталей города Твери остались общественная и политическая жизнь, правила поведения, духовные потребности личности.

Трансформация образа жизни студентов-медиков наложила отпечаток на их профессиональную деятельность. Наметились тенденции к восходящей профессиональной мобильности студентов, появились проблемы адаптации к работе, повлиявшие на снижение освоения образовательных практик в вузе. Следовательно, трудоустройство открыло для данных студентов много профессиональных и материальных возможностей, изменив большую часть аспектов их образа жизни.

Список источников

1. Бестужев-Лада И.В. Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности / под ред. Л.П. Буевой. М. : Наука, 1983. С. 93–96

2. Методология и методика системного изучения советской деревни / отв. ред. Т.И. Заславская, И.В. Рывкина. Новосибирск, 1980.
3. Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М. : Наука, 1981.
4. Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования / отв. ред. И.Т. Левыкин. М. : ИСИ АН СССР, 1980.
5. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 17–27.
6. Возьмитель А.А. Становление и развитие социологии образа жизни // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2019. Вып. 17. С. 126–149.
7. Коданева Л.Н., Шулятьев В.М., Размахова С.Ю. Состояние здоровья и образ жизни студентов-медиков // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54), ч. 4. С. 45–47. URL: <https://research-journal.org/pedagogy/sostoyanie-zdorovya-i-obraz-zhizni-studentov-medikov/> (дата обращения: 11.03.2022). doi: 10.18454/IRJ.2016.54.046
8. Бондарева А.Ю. Образ жизни и его качество у студентов-медиков // Молодой ученый. 2020. № 15 (305). С. 12–14. URL: <https://moluch.ru/archive/305/68817/> (дата обращения: 11.03.2022).
9. Черевкова А.И. Профессиональное становление медиков в условиях пандемии коронавируса (по материалам глубинных интервью) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 95–101.
10. Нор-Аревян О.А. Консолидация профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии коронавируса (на материалах глубинных интервью в Ростовской области) // Гуманитарий юга России. 2021. № 3 (49). С. 77–89.
11. Vyalikh N.A., Nor-Arevyan O.A., Posukhova O.Y., Mosienko O.S., Cherevkova A.I. Methodological matrix for sociological study of social well-being of the professional medical community during a complex epidemiological situation // Turismo: Estudos & Práticas (UERN). 2021. № 1. URL: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/index> (accessed: 15.02.2022).
12. Вяльых Н.А. Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества Ростовской области в период пандемии COVID-19 (на материалах глубинных интервью) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 127–139. doi: 10.17223/1998863X/64/12
13. Chang D., Xu H., Rebaza A., Sharma L., Dela Cruz C.S. Protecting health-care workers from subclinical coronavirus infection // The Lancet Respiratory Medicine. 2020. № 8 (3). e13. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32061333/> (accessed: 11.09.2021).
14. Cox C.L. Healthcare Heroes': Problems with media focus on heroism from healthcare workers during the COVID-19 pandemic // Journal of Medical Ethics. 2020. № 46 (8). P. 510–513.
15. Dennerlein J.T., Burke L., Sabbath E.L., Williams J.A.R., Peters S.E., Wallace L., Karapanos M., Sorensen G. An integrative total worker health framework for keeping workers safe and healthy during the COVID-19 pandemic // Human Factors. 2020. № 62 (5). P. 689–696.
16. Dewey C., Hingle S., Goelz E., Linzer M. Supporting clinicians during the COVID-19 pandemic // Annals of Internal Medicine. 2020. № 172 (11). P. 752–753.

References

1. Bestuzhev-Lada, I.V. (1983) Soderzhanie, struktura i tipologiya obrazov zhizni [Content, structure and typology of lifestyles]. In: Bueva, L.P. (ed.) *Sotsial'naya struktura sotsialisticheskogo obshchestva i vsestoronnnee razvitiye lichnosti* [Social Structure of Socialist Society and Comprehensive Development of Personality]. Moscow: Nauka. pp. 93–96
2. Zaslavskaya, T.I. & Ryzkina, I.V. (eds) (1980) *Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni* [Methodology and methods of systematic study of the Soviet village]. Novosibirsk: [s.n.].
3. Toshchenko, Zh.T. (1981) *Sotsial'noe planirovaniye v SSSR* [Social planning in the USSR]. Moscow: Nauka.
4. Levykin, I.T. (1980) *Sostoyanie i osnovnye tendentsii razvitiya sovetskogo obraza zhizni. Voprosy metodologii i metodov issledovaniya* [The state and main trends in the development of the Soviet way of life. Questions of methodology and research methods]. Moscow: USSR AS.
5. Vozmitel, A.A. & Osadchaya, G.I. (2010) *Obraz zhizni v Rossii: dinamika izmeneniy* [The Russian Lifestyle: Dynamics of changes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 17–27.
6. Vozmitel, A.A. (2019) *Stanovlenie i razvitiye sotsiologii obraza zhizni* [Formation and development of the sociology of lifestyle]. In: Gorshkov, M.K. (ed.) *Rossiya reformiruyushchayaya* [The Reforming Russia]. Vol. 17. Moscow: Novyy Khronograf. pp. 126–149.

7. Kodaneva, L.N., Shulyatev, V.M. & Razmakhova, S.Yu. (2016) Sostoyanie zdorov'ya i obraz zhizni studentov-medikov [Health status and lifestyle of medical students]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 12(54). pp. 45–47. [Online] Available from: <https://research-journal.org/pedagogy/sostoyanie-zdorovya-i-obraz-zhizni-studentov-medikov/> (Accessed: 11th March 2022). DOI: 10.18454/IRJ.2016.54.046
8. Bondareva, A.Yu. (2020) Obraz zhizni i ego kachestvo u studentov-medikov [Lifestyle and its quality among medical students]. *Molodoy uchenyy*. 15(305). pp. 12–14. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/305/68817/> (Accessed: 11th March 2022).
9. Cherevkova, A.I. (2021) Professional'noe stanovlenie medikov v usloviyakh pandemii koronavirusa (po materialam glubinnykh interv'yu) [Professional development of doctors in the context of the coronavirus pandemic (based on in-depth interviews)]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 14(3). pp. 95–101.
10. Nor-Areyan, O.A. (2021) Konsolidatsiya professional'nogo meditsinskogo soobshchestva v usloviyakh pandemii koronavirusa (na materialakh glubinnykh interv'yu v Rostovskoy oblasti) [Consolidation of the professional medical community in the context of the coronavirus pandemic (based on materials from in-depth interviews in Rostov region)]. *Gumanitariy Yuga Rossii*. 3(49). pp. 77–89.
11. Vyalykh, N.A., Nor-Areyan, O.A., Posukhova, O.Y., Mosienko, O.S. & Cherevkova, A.I. (2021) Method-ological matrix for sociological study of social well-being of the professional medical community during a complex epidemiological situation [Method-ological matrix for sociological study of social well-being of the professional medical community during a complex epidemiological situation]. *Turismo: Estudos & Praticas (UERN)*. 1. [Online] Available from: <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/index> (Accessed: 15th February 2022).
12. Vyalykh, N.A. (2021) Social Well-Being of the Professional Medical Community During the COVID-19 Pandemic in Rostov Oblast (Based on the Materials of In-Depth Interviews). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 64. pp. 127–139. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/64/12
13. Chang, D., Xu, H., Rebaza, A., Sharma, L. & Dela Cruz, C.S. (2020) Protecting health-care workers from subclinical coronavirus infection. *The Lancet Respiratory Medicine*. 8(3). e13. [Online] Available from: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32061333/> (Accessed: 11th September 2021).
14. Cox, C.L. (2020) Healthcare Heroes': Problems with media focus on heroism from healthcare workers during the COVID-19 pandemic. *Journal of Medical Ethics*. 46(8). pp. 510–513.
15. Dennerlein, J.T., Burke, L., Sabbath, E.L., Williams, J.A.R., Peters, S.E., Wallace, L., Karapanos, M. & Sorensen, G. (2020) An integrative total worker health framework for keeping workers safe and healthy during the COVID-19 pandemic. *Human Factors*. 62(5). pp. 689–696.
16. Dewey, C., Hingle, S., Goelz, E. & Linzer, M. (2020) Supporting clinicians during the COVID-19 pandemic. *Annals of Internal Medicine*. 172(11). pp. 752–753.

Сведения об авторе:

Вайсбург А.В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Тверской государственный технический университет (Тверь, Россия). E-mail: lassie1@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vaisburg A.V. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University (Tver, Russian Federation). E-mail: lassie1@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.03.2022;
одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 13.12.2023*
*The article was submitted 20.03.2022;
approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

doi: 10.17223/1998863X/76/18

МОЛОДЕЖЬ ЗАВОДА, ИХ ОЖИДАНИЯ И ЦЕННОСТИ РАБОТЫ

Руслан Алексеевич Долженко¹, Светлана Борисовна Долженко²,
Сергей Васильевич Свинин³

^{1, 2, 3} Уральский государственный экономический университет, Россия, Екатеринбург

¹ snurk17@gmail.com

² ginsb@usue.ru

³ mzik@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление основных проблем адаптации и закрепления молодых специалистов на промышленном предприятии, оценка возможностей изменения подходов к управлению персоналом для удовлетворения их запросов. Результаты исследования могут быть использованы кадровыми службами промышленных предприятий для пересмотра подходов к работе с молодежью, ее привлечению к работе в организации, а также исследователями, которые изучают вопросы кадрового обеспечения предприятий молодыми людьми.

Ключевые слова: промышленные предприятия, кадровое обеспечение, молодые работники, ожидания и интересы работы, управление персоналом, трудовые ожидания и ценности молодежи

Для цитирования: Долженко Р.А., Долженко С.Б., Свинин С.В. Молодежь завода, их ожидания и ценности работы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 192–205. doi: 10.17223/1998863X/76/18

Original article

YOUTH OF THE PLANT, THEIR EXPECTATIONS AND LABOR VALUES

Ruslan A. Dolzhenko¹, Svetlana B. Dolzhenko², Sergey V. Svinin³

^{1, 2, 3} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ snurk17@gmail.com, ² ginsb@usue.ru, ³ mzik@mail.ru

Abstract. At present, the problem of attracting young people to work at industrial enterprises and their opportunities in the context of increasing labor volumes, reducing the working-age population under the age of 30, needing to constantly learn and master new skills is relevant. The youth, because its development took place at the beginning of the 21st century with alternating crises and tremendous upheavals, have many values and interests that differ from traditional ones. Businesses are forced to adapt the human resource (HR) management system for a value proposition that is in demand among young people. The study aims to identify the main problems of young professionals' adaptation and consolidation at industrial enterprises, and to evaluate the possibilities of changing approaches to HR management to satisfy the demands of the youth. The research methods – in-depth interviews with directors and HR officers, focus groups with young workers of industrial enterprises – served to determine the features of young workers' perception of their work. The study shows that

staff turnover among young people is low; they are generally satisfied with benefits their enterprises offer for the staff; during the adaptation period, they face problems and limitations, which does not allow them to engage quickly and fully in work; some of their labor expectations and needs (working conditions, wages, and career expectations) are not coordinated with industrial enterprises. The results of the study can be used by HR services of industrial enterprises to revisit their work with young people for employing them and by researchers who study the issues of employing young people at enterprises.

Keywords: industrial enterprises, staffing, young workers, labor expectations and interests, human resource management, labor expectations and values of youth

For citation: Dolzhenko, R.A., Dolzhenko, S.B. & Svinin, S.V. (2023) Youth of the plant, their expectations and labor values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 192–205. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/18

Введение

В текущих условиях перестройки производственных цепочек, переориентации бизнеса на новые направления, последствий демографической ямы и снижения значимости рабочих и инженерных специальностей актуальным является вопрос кадрового обеспечения промышленных предприятий. Бизнес всегда заинтересован в притоке новых кадров, которые будут обеспечивать рост производства, внедрение инноваций, повышение эффективности работы. Этот запрос вырос в разы из-за увеличения объема производства, вызванного проведением и обеспечением СВО. Поэтому промышленные предприятия увеличивают интенсивность работы по привлечению и удержанию молодежи. При этом многие руководители подразделений говорят о том, что для многих молодых людей характерны завышенные ожидания по поводу своей работы, зарплаты за нее, карьерного роста, что подтверждается результатами опросов: молодые люди рассчитывают на уровень доходов в должности выше, чем может обеспечить предприятие¹. Чем это вызвано и как должна поменяться кадровая работа на заводах, чтобы удовлетворять молодых людей, развивать их желание трудиться на предприятии, давать им возможность эффективно работать в цехе?

Для выявления ожиданий и установок молодых людей, а также их ценностей с целью их учета при трансформации системы работы с персоналом нами было проведено социологическое исследование молодых работников завода в формате глубинных интервью и фокус-групп с ними.

Методологическая рамка исследования предполагала изучение представлений работающей на заводе молодежи о возможностях, которые дает им предприятие, о проблемах в работе с персоналом, которые мешают молодым людям максимально быстро и эффективно адаптироваться к работе, о способах устранения несоответствий между запросами молодежи и возможностями бизнеса.

Теоретические аспекты исследования отношения молодых людей к работе на промышленном предприятии

Демографическая яма, в которой оказалась страна в начале XXI в., уже начала оказывать влияние на долю молодых людей среди действующего трудоспособного населения. Она с каждым годом уменьшается, по оценкам уче-

¹ Образовательные и карьерные стратегии студентов старших курсов российских вузов. Информационный бюллетень. М. : НИУ ВШЭ, 2014. 52 с.

ных из НИУ ВШЭ, к 2030 г. возможно сокращение общей численности трудоспособного населения страны на 1,9 млн человек по сравнению с 2019 г., уменьшится и доля работников в возрасте до 40 лет на 5%¹. Это означает, что предприятия сталкиваются с резким уменьшением количества молодых людей на рынке труда, а в условиях регионального бизнеса проблема усугубляется сильными миграционными потоками молодежи в крупные города страны. Дефицит кадров развивает борьбу за молодые кадры, в которой выигрывают те компании, которые предоставляют конкурентное ценное предложение, актуальное для молодежи.

Сокращение численности трудоспособного населения носит долгосрочный характер и уже начинает оказывать влияние на работу предприятий, а в перспективе – на все стороны экономической жизни страны. Ухудшают ситуацию на рынке труда и другие факторы: последствия пандемии коронавируса, санкционное давление, миграционные потоки, спецоперация и мобилизация. С одной стороны, это ограничения для предприятий, с другой – возможности по развитию, переориентации подходов к работе с персоналом [1].

У молодежи, которой становится все меньше из-за демографической ямы, меняются и ценности. Все большее подтверждение находит теория поколений Ника Хоува и Уильяма Штрауса [2–4]. Эти ученые предположили и доказали, что представители разных поколений обладают разной системой ценностей, так как воспитывались в уникальных условиях. Как показало наше исследование, ценности влияют на предпочтения людей в части потребностей и интересов [5], значит, традиционные подходы к работе с персоналом, используемые в настоящее время, могут не соответствовать ожиданиями молодежи.

Отметим, что тема отношения к работе персонала различных категорий остается крайне востребованной в исследованиях начиная с середины XX в. и до настоящего времени как в зарубежной, так и в отечественной науке.

Обзор исследований на тему отношения молодежи к работе, опубликованных в зарубежных изданиях, показал, что количество научных статей за последние годы увеличилось с акцентом на ситуации, связанные с негативными последствиями от изменения занятости, например, работа S. Ashford, C. Lee и P. Bobko [6], возникновения чувства беспомощности у работников из-за изменений в работе в статье L. Greenhalgh и Z. Rosenblatt [7], отношения к работе в условиях увеличения ее интенсивности в статье W. Reisel и M. Banai [8] и др.

В России первым крупным исследованием удовлетворенности трудом у молодых работников ленинградских заводов является учебное пособие «Человек и его работа в СССР и после» В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова [9]. Исследователи выявили реальную картину отношения рабочей молодежи к своей работе, идентифицировали факторы, влияющие на их уровень удовлетворенности. Отличительной особенностью исследования стал тот факт, что уровень заработной платы оказался лишь вторым фактором по значимости для молодежи, уступив место содержанию деятельности.

¹ ВШЭ спрогнозировала убыль рабочей силы в России к 2030 году: URL: <https://www.forbes.ru/society/467423-vse-sprognozirovala-ubyl-rabocej-sily-v-rossii-k-2030-godu> (дата обращения: 31.10.2023).

Во 2-й половине XX в. отечественные исследователи провели большое количество подобных социологических опросов разных категорий работников в рамках социологии труда. После 90-х гг. исследования отношения работников к различным аспектам работы в организации, ее восприятию со стороны персонала продолжались, но уже в рамках социологии, менеджмента, экономической социологии, экономики труда. До сих пор в нашей стране проводятся разнообразные исследования молодежи [10–12]. Во многом они продолжают традицию, заложенную в СССР [13–15]. В последние годы повысилась актуальность темы профориентации, выбора профессии при обучении в СПО и ВО [16, 17], гендерных особенностей работы [18], мотивации молодежи к развитию [19], ее ценностей и их учета в молодежной политике на предприятии [20], особенностей адаптации молодых работников [21] и др. Количество и качество исследований в этой области за последние несколько лет уменьшились, однако в свете актуальности темы привлечения, удержания и работы молодежи на предприятиях из-за демографической ямы, выхода на рынок представителей нового поколения можно спрогнозировать возобновление интереса к данной теме со стороны исследователей и представителей бизнеса, в первую очередь промышленности. Это и обусловило актуальность исследования отношения молодых людей к возможностям работы на заводе.

Методология исследования отношения молодых работников к работе на промышленном предприятии

Цель исследования, проведенного на ряде промышленных предприятий, – выявление основных проблем адаптации и закрепления молодых специалистов на промышленном предприятии.

Объект исследования – молодые работники ряда промышленных предприятий Свердловской области.

Предмет исследования – отношение уже работающих молодых работников к возможностям и перспективам работы на промышленных предприятиях.

Основными методами исследования выступили глубинные интервью и фокус-группы с молодыми работниками ряда промышленных предприятий Свердловской области для оценки их представлений о своих ожиданиях, потребностях, ценностях и их удовлетворении с помощью действующих подходов к персоналу. Кроме того, были проведены экспертные интервью с представителями службы по работе с персоналом ряда промышленных предприятий в Свердловской области, в том числе 4 директорами по персоналу, а также организованы 4 фокус-группы с молодыми работниками предприятий. По итогам был актуализирован базовый вопросник для интервью с молодыми сотрудниками завода. В данных интервью приняли участие 212 респондентов, базовой отсечкой выборки являлся возраст до 30 лет. Для соблюдения репрезентативности отбор молодых людей на каждом предприятии осуществлялся по квотам, исходя из половозрастной структуры, а также категории административно-управленческий, рабочий (в том числе из основных и вспомогательных цехов). В выборку не были включены представители обслуживающего персонала, так как на ряде исследуемых предприятий эти функции уже выведены на аутсорсинг, в оставшиеся планируются к сокращению.

Выборка интервьюируемых дополнительно квотировалась по дополнительным параметрам генеральной совокупности исходя из половозрастной и образовательной структуры по каждому конкретному предприятию, под них формировалась выборка из числа молодых работников предприятия. 25% респондентов составили женщины, 50% – замужем / женаты, 46% имеют детей, 47% представились как «коренные екатеринбуржцы», т.е. непосредственно рожденные в городе. У трети опрошенных высшее образование, у 61% – среднее профессиональное образование. 12% участников интервью после получения СПО продолжают обучение в вузе через программу поддержки со стороны завода.

В ходе работы над программой исследования нами были сформулированы следующие задачи:

- 1) изучить удовлетворенность профессиональной деятельностью молодых специалистов завода;
- 2) установить причины текучести молодых кадров на заводе;
- 3) выявить основные направления профессиональных планов молодых специалистов завода;
- 4) проанализировать представления молодых специалистов завода о социальных программах, молодежной политике данного промышленного предприятия;
- 5) проанализировать представления молодых специалистов завода о программах адаптации, наставничестве;
- 6) оценить уровень текучести молодых работников, а также причины их потенциального увольнения с завода.

Нами были сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Для молодых работников предприятия при трудоустройстве на завод характерны ожидания по поводу заработной платы и возможностям карьерного роста выше, чем это предусмотрено традиционными подходами к управлению персоналом на заводах (тарифные сетки, система грейдов, подходы к премированию, программы повышения квалификации, кадровый резерв).
2. Высокий уровень текучести персонала среди молодых работников обусловлен низким уровнем удовлетворения ожиданий от размеров заработной платы.
3. В целом молодые люди удовлетворены действующими на заводе программами адаптации и наставничества.
4. Для молодежи характерен низкий уровень престижа рабочих профессий.
5. У молодых работников, как правило, отсутствуют среднесрочные и долгосрочные планы жизненного и профессионального пути.

Для проверки данных гипотез, а также понимания проблематики отношения молодых людей к возможностям работы на промышленном предприятии и выработки рекомендаций по развитию системы работы с персоналом было проведено исследование, результаты которого рассмотрим далее.

Результаты исследования отношения молодых людей к работе на промышленном предприятии

Первый содержательный вопрос анкеты касался оценки общего уровня удовлетворенности работой на предприятии со стороны молодых работников. Оценка данного уровня осуществлялась по десятибалльной шкале. Средний

уровень удовлетворенности составил 8,4. Далее данный показатель декомпозировался на компоненты для понимания их влияния на общий уровень удовлетворенности. Средняя оценка своей профессиональной деятельностью на предприятии составила 7,9 (максимум – 10); самый высокий индекс принадлежит характеристике «надежная работа» – 8,8.

Средняя оценка удовлетворенности отдельными характеристиками трудовой деятельности (стиль руководства, техническое оснащение рабочего места, система оплаты труда; возможности профессионального роста, корпоративная культура и т.д.) – 4,2 (максимум – 5).

После этого мы оценили те аспекты работы, которые вызывают беспокойство со стороны молодых сотрудников (% от числа опрошенных). Распределение ответов представлено на рис. 1.

Рис. 1. Что вызывает беспокойство молодых сотрудников, %

Как видно из рисунка, для молодых людей характерны стандартные ожидания и озабоченность базовыми вопросами: заработной платой, интенсивностью работы, атмосферой и др.

В ходе фокус-групп молодым людям было предложено сформулировать, обсудить и сформировать итоговый перечень плюсов и минусов работы на конкретном предприятии. Результаты работы представлены в табл. 1.

Таблица 1. Плюсы и минусы работы на предприятии (фокус-группа)

Плюсы работы на заводе, по мнению молодых работников	Минусы работы на заводе, по мнению молодых работников
<ul style="list-style-type: none"> – Трудовые коллективы; – стабильность заработной платы; – прогнозируемый и стабильный рабочий график; – возможность карьерного и профессионального роста (на вертикальном и горизонтальном уровнях); – разнообразие профессий и должностей в рамках одного предприятия; – социальные программы (особенно «квартиры, ипотека, компенсации за найм жилья, путевки для детей»); – активная деятельность молодежной организации 	<ul style="list-style-type: none"> – Трудности документооборота (информация не всегда доходит вовремя); – вопросы организации системы взаимодействия структурных подразделений («много подразделений – много начальников»); – технологические сложности («мы не являемся разработчиками»); – высокая зависимость сотрудников от отношения к ним конкретного линейного руководителя («может не повезти»); – избыточные полномочия линейных руководителей («каждый начальник свои правила устанавливает»); – зависимость карьерного продвижения от межличностных связей и родственных отношений с руководящим составом; – феномен кумовства

По мнению опрошенных директоров по персоналу заводов, для современного бизнеса ключевыми являются 2 проблемы в области кадров: уровень текучести, особенно среди молодых людей, а также уровень производительности труда персонала, который является низким и требует повышения. Как показал анализ текущих ключевых показателей, связанных с кадровыми вопросами, уровень текучести кадров (в том числе и молодых сотрудников) на предприятии низкий и составляет 5–6%. Во многом это обусловлено комплексом работ, которые были проведены за последние несколько лет для решения вопросов текучести среди молодежи, которая была высокой на уровне других возрастных категорий персонала. Молодежь в ходе фокус-группы выделила возможные причины текучести (табл. 2).

Таблица 2. Представления молодых сотрудниках о вероятных причинах увольнения

Причина увольнения	%
Перспектива получения работы с более высокой заработной платой	66
Неудовлетворенность уровнем оплаты труда	51
Привлечение к работе, не соответствующей основной профессии	35
Неуспешная адаптация (не смог приспособиться на новом месте работы)	34
Зависимость карьерного роста от личных отношений с руководством	29
Стиль работы непосредственного руководителя	29
Нечеткость в определении рабочих заданий	21
Несогласованность действий между членами коллектива	20
Натянутые отношения между работниками	16
Неблагоприятные условия труда	11
Нерешенность социальных проблем (жилье, детский сад, школы и т.д.)	10

Как видно из таблицы, ключевая возможная причина увольнения – предложение работы с более высоким уровнем заработной платы. Отметим, что молодые работники чаще уходят не потому, что считают уровень заработной платы низким, а из-за предложений более высокой оплаты труда со стороны конкурентов или в других областях деятельности (свой бизнес).

Важный аспект исследования – оценка наличия у молодых людей определенных карьерных планов и их связь с предприятием. Для этого в опроснике был включен блок вопросов про жизненный план, наличие индивидуального плана развития, желание остаться работать на заводе в перспективе 2 лет. Распределение обобщенных ответов интервьюируемых об их профессиональных планах приведено на рис. 2.

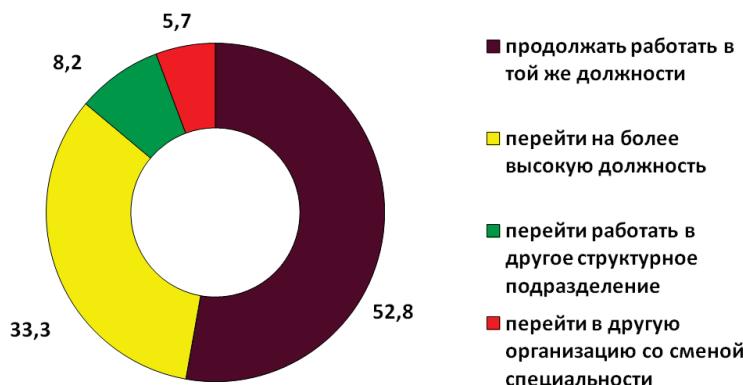

Рис. 2. Профессиональные планы респондентов на ближайшие 2 года, % от ответивших

Как видно из распределения, около 6% молодых людей уже сейчас планируют перейти в другую организацию со сменой своей специализации. Еще 8,2% рассчитывают перейти работать в другое структурное подразделение, треть респондентов имеют амбиции на занятие более высокой должности на предприятии. 52,8% не планируют менять ни место работы, ни должность.

Нам было важно понять, как влияет уровень образования молодых людей на их профессиональные планы. Распределение ответов на предыдущий вопрос в разбивке по уровню образования (ВО – СПО) приведено на рис. 3.

Рис. 3. Зависимость профессиональных планов респондентов от уровня образования, % от ответивших

Как видно из рисунка, у молодых работников, имеющих высшее образование, уровень амбиций почти в 2 раза выше, чем у тех, кто окончил колледж (41,5% имеющих высшее образование и желающих перейти на более высокую должность по сравнению с 26,1% среди тех, кто окончил СПО). При этом доля тех, кто планирует сменить место работы, в обоих случаях примерно равная. Из этих выводов можно сделать рекомендации для заводов: а) повышать результативность работы с колледжами с акцентом на развитие лояльности обучаемых по отношению к предприятию; б) создать уникальный «заводской» пакет стимулов для молодых работников; в) проработать систему удержания молодых людей на первоначальном месте работы на предприятии в первый год работы.

У нас была гипотеза о том, что стартовый широкий набор социальных программ для молодых людей положительно оказывается на их удержании. Эта гипотеза не подтвердилась. Он не влияет на удержание, при этом мнение респондентов значительно отличается по поводу эффективности различных инструментов. Так, наиболее эффективные социальные программы, по мнению молодых сотрудников, в том числе тех, в которых они лично участвовали (%):

- оказание социальной поддержки работникам (75% опрошенных выбрали этот вариант, из них 19% лично получили подобную поддержку);
- «ведомственное жилье – в собственность работника» (62% выбрали данный вариант, 11% получили жилье в собственность);
- компенсация затрат по найму жилья (56% выбрали данный вариант, 19% получили компенсацию);

- санаторно-курортное направление (54% выбрали данный вариант, 11% получили направления на заводе);
- карьерный рост в результате аттестации кадров (51% выбрали данный вариант, 6% получили ротацию за время работы на заводе);
- присвоение званий «Ветеран труда», «Почетный работник» (46% выбрали данный вариант, 0% получили звание);
- частичная оплата расходов на питание (38% выбрали данный вариант, 51% получают компенсацию расходов на питание).

Все просто – самые простые и «гигиенические» факторы оказываются самыми востребованными: компенсация расходов на питание, желание получить звания и награды, которые дают гарантированные льготы в долгосрочном периоде, но используются по отношению к молодых людям, в основном, не актуальные для них программы.

Насколько эффективна система адаптации и наставничества на заводе? Результаты интервью показали, что в целом адаптацию можно назвать результативной, так как подавляющее большинство респондентов (93%) считают себя адаптировавшимися. Причем они низко оценивают эффективность системы наставничества, согласно ответам в адаптации им помогали: отношение коллег – 60%; наставники – 7%.

Обстоятельства, затруднявшие процесс адаптации: отношения в коллективе, конфликт поколений, недостаток собственного опыта, график работы, отсутствие знаний о внутренней структуре предприятия. Наставничество как престижная деятельность, как своего рода выражения «вотума доверия» профессиональному рассматривается в таком качестве 11% молодых сотрудников. Для молодых рабочих из основных цехов значение наставничества выше (49% опрошенных из цехов согласны с необходимостью развития наставничества) по сравнению с сотрудниками из завоудования (34% опрошенных).

Современные предприятия понимают, что в условиях «кадрового голода» по отношению к молодежи необходима глубокая профориентационная работа, выход предприятия в школы и активное продвижение возможности работать на заводе среди школьников с осознанного возраста (как правило, с 8-го класса). Так как молодые работники, уже работающие на заводе, могут стать представительной группой, которая понимает особенности ожиданий школьников, в рамках фокус-групп мы попросили участников оценить возможности профориентации как инструмент формирования кадрового резерва, высказать мнения, о чем нужно предупреждать школьников в ходе профориентации, чтобы потом у них не было неоправданных ожиданий. Распределение ответов приведено в табл. 3.

Как видно из табл. 3, молодым работникам есть что рассказать школьникам о работе, дать им полный расклад возможностей и проблем, с которыми они могут столкнуться, когда придут работать на завод после завершения обучения в системе СПО и ВО. Ключевые 3 сложности работы на заводе – это строгий режим, секретность, напряженность труда. Как показал перекрестный анализ ответов, строгий режим работы характерен для молодых рабочих основных цехов предприятий, кроме того, они больше заостряют внимание на вредность производства. Для административно-управленческого персонала на первом месте – сверхурочная работа, на втором – высокая ответственность.

Таблица 3. О чём бы предупредили школьников, студентов, % от ответивших

	Значения	%
1	Особый режим работы в случае оборонзаказа	25,5
2	Напряженная работа	15,1
3	Режим секретности	13,7
4	Высокая ответственность	11,3
5	Сверхурочная работа	8,5
6	Сложность карьерного роста	7,5
7	Корпоративная этика	5,7
8	Вредное производство	5,7
9	Невысокий уровень з/п	5,7
10	Стрессоустойчивость, адаптивность	3,8
11	Организационные конфликты	3,3
12	Необходимость образования	3,3
13	Устаревшие технологии	2,8
14	Ограничение на выезд	2,4
15	Бюрократия	2,4
16	Отсутствие предсказуемой премии	1,4
17	Отсутствие наставничества	0,5

Таковы общие результаты нашего исследования молодых работников завода Урала. Какие выводы и рекомендации можно из него сделать?

Рекомендации по развитию подходов к управлению молодыми работниками и взаимодействию с молодежью

С учетом проведенного исследования нами были сформулированы следующие рекомендации для администрации заводов по развитию подходов к работе с молодежью:

1. Активная внутренняя PR-кампания по продвижению возможностей сделать карьеру на предприятии, истории успеха, интервью с молодыми инноваторами, победителями конкурсов с акцентом на цифровые каналы коммуникации (социальные сети, мессенджеры, мобильные приложения, видеоплатформы).

2. Активный подбор новых работников из числа студентов вузов и обучающихся в СПО через организацию взаимодействия с образовательными организациями в части продвижения бренда завода среди молодежи, актуализации образовательных программ под запросы бизнеса, активных мастер-классов, экскурсий на завод, организации практик, анализа кейсов из опыта компаний.

3. Формирование и тиражирование карьерных лестниц для молодых людей, развитие системы преемственности. Каждый молодой работник на рабочем месте должен иметь возможность посмотреть варианты карьерных ротаций, необходимые для этого условия, контакты карьерных консультантов из службы по работе с персоналом. Особый акцент должен быть сделан на диагональных карьерных перемещениях из цехов завода в заводоуправление и наоборот, так как наше исследование показало разницу в восприятии возможностей работы у молодых работников из цехов и администрации.

4. Организация взаимодействия кадровой службы завода со школами через профильные классы, карьерные смены, профориентационные форумы. Чем глубже с точки зрения возраста и территории нахождения школ будет организована подобная деятельность, тем больших эффектов может получить

предприятие в среднесрочной и долгосрочный периоды. Рекомендуется начинать взаимодействие со школьниками с 7–8-го класса, когда у детей могут начать формироваться профессиональные интересы в случае специализированной профориентационной работы с ними.

5. Создание системы развивающих онлайн- и офлайн-курсов на распределенных площадках (Stepik, Национальная образовательная платформа, платформа «Россия – страна возможностей», сайты центров компетенций РСВ и др.) для развития мягких навыков среди молодых людей.

6. Выделение отдельного функционала в деятельности службы по работе с персоналом, связанного с организацией экскурсий школьников, обучающихся в СПО и ВО, на предприятие. Полноценная экскурсия требует дополнительной организации в течение 2–4 часов, отвлечения от рабочего процесса руководителей подразделений, инфраструктурного обеспечения в виде транспорта, кофе-брейков, PR-сопровождения.

7. Создание кадрового резерва из числа обучающихся молодых людей под рабочие профессии. Традиционные подходы к управлению персоналом предполагают создание кадрового резерва под управленческие должности с оценкой, разработкой индивидуальных планов развития, ротации участников. Необходимы отдельные кадровые резервы под рабочие профессии из числа молодых людей.

8. Реформирование системы наставничества, ее актуализация под запросы бизнеса, приведение в соответствие с лучшими практиками работы наставников с молодыми людьми, цифровизация организации процессов и процедур наставничества и адаптации.

9. Развитие работы совета молодых работников завода, его вовлечение в продвижение HR-бренда завода, работу с образовательными организациями, волонтерские социальные проекты на территории города. Именно молодежь может стать ключевым амбассадором по развитию престижа рабочих профессий среди детей.

10. Развитие культуры эффективного труда среди молодежи, более широкое использование сдельной системы оплаты труда для стимулирования эффективной работы среди молодежи.

Это далеко не полный перечень действий и активностей, которые должны быть организованы и реализованы для более эффективного привлечения, удержания и вовлечения молодых людей в работу на заводах. Без реформирования службы по работе с персоналом и пересмотра ее приоритетов достичь желаемого уже не получится.

Заключение

Исследование показало, что у молодых работников в целом типовые ожидания и ценности, характерные для всех других категорий персонала. Они также переживают по поводу заработной платы, карьеры, планируют трудиться на заводе и дальше, большая часть из них удовлетворена и вовлечена в работу, при этом уже сейчас проявляют себя особенности, которые служба по работе с персоналом может и должна учитывать.

Интервью и фокус-группы продемонстрировали, что источник проблематики обеспечения кадрами молодого возраста заключается не в молодежи, а в том, что заводы, как правило, не учитывают особенности ценностей, ожи-

даний молодежи в построении системы оплаты труда и дополнительных стимулов. То, что сейчас предлагает предприятие для всех, не вызывает интерес молодых людей. Значит, руководству предприятий нужно не только активизировать профориентационную работу, но и развивать систему работы с персоналом с учетом потребностей и запросов молодых работников. Кроме того, исследование показало разницу в восприятии возможностей работы на заводе у молодежи, работающей в разных подразделениях, в первую очередь, у работников основных цехов и завоудования. Это направление требует отдельного анализа, так как в подобном виде проблематика обычно не рассматривается, система работы с персоналом на заводах не предполагает дифференциацию по отношению к разным категориям работников.

Список источников

1. Долженко Р.А., Назаров А.В. Социально-экономическое развитие страны в контексте санкционного давления // Экономическое развитие России. 2023. № 30 (5). С. 8–18.
2. Strauss W., Howe N. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York, NY : Morrow, 1991.
3. Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. Random House LLC, 2009.
4. Howe N., Strauss W. Millennials go to college. Great Falls, VA : LifeCourse Associates, 2007.
5. Долженко Р.А. Особенности взаимосвязи системы трудовой мотивации персонала и организационной культуры коммерческих банков Алтайского края // Экономическая социология. Ноябрь 2010. Т. 11, № 5. С. 84–108. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2007-8-5/index.html>
6. Ashford S., Lee C., Bobko P. Content, causes and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test // Academy of Management Journal. 1989. Vol. 32.
7. Greenhalgh L., Rosenblatt Z. Job Insecurity: towards conceptual clarity // Academy of Management Review. 1984. Vol. 9.
8. Reisel W.D., Banai M. Comparison of a multidimensional and a global measure of job insecurity: Predicting job attitudes and work behaviours // Psychological Reports. 2002. Vol. 90.
9. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2003. 485 с.
10. Попова Н.В. Молодежные лидеры об организации работы с молодежью на промышленных предприятиях // ЦТИСЭ. 2018. № 1 (14). С. 18.
11. Попович Д.А. Совершенствование инструментов работы с молодежью в системе корпоративного управления на промышленных предприятиях : дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 154 с.
12. Долженко Р.А., Хомутова Д.В. Восприятие компании молодыми работниками промышленного предприятия // Вопросы управления. 2019. № 3 (58). С. 113–128.
13. Герчиков В.И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности: методология с позиций практики. Новосибирск : Наука, 1984. 252 с.
14. Качанинова Н.Б., Попова Н.В. Заводская социология: истоки и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2, № 3. С. 29–38.
15. Попова Н.В. Социология на предприятии Урала: заметки заводского социолога // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 60–66.
16. Попова Н.В., Пономарев А.В., Крутько И.С., Осипчукова Е.В. Представления студентов инженерного профиля о будущей профессии // ЦТИСЭ. 2021. № 3 (29). С. 396–410. doi: 10.15350/2409-7616.2021.3.32 EDN GMGVKR
17. Осипчукова Е.В., Попова Н.В. Видение молодежью своего будущего в аспекте субъективного благополучия // Вестник педагогических инноваций. 2020. № 1 (57). С. 59–68. EDN TWAISR.
18. Поплавская А.А., Соболева Н.Э. Удовлетворенность различными аспектами работы мужчин и женщин в России // Мониторинг. 2017. № 5 (141).
19. Попова Н.В., Нивчик А.В. Мотивация молодых работников предприятия к профессиональному развитию // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5, № 1. С. 144–156. doi: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-144-156 EDN MTKDLZ

20. Попова Н.В. Реализация молодежной политики в производственных коллективах и на промышленных предприятиях: ценностный аспект // Творческий потенциал личности: антропологический аспект : сб. науч. тр., посвященный памяти С.З. Гончарова / под ред. Е.В. Поповой. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2018. С. 76–84. EDN XRPVLF.

21. Попова Н.В., Попова Е.В. Формирование субъектности и норм в процессе адаптации молодых работников на предприятии // Образование и наука. 2016. № 6 (135). С. 110–124. doi: 10.17853/1994-5639-2016-6-110-124 EDN WCJNOJ

References

1. Dolzhenko, R.A. & Nazarov, A.V. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye strany v kontekste sanktsionnogo davleniya [Socio-economic development of the country in the context of sanctions pressure]. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii*. 30(5). pp. 8–18.
2. Strauss, W. & Howe, N. (1991) *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York, NY: Morrow.
3. Howe, N. & Strauss, W. (2009) *Millennials Rising: The Next Great Generation*. Random House LLC.
4. Howe, N. & Strauss, W. (2007) *Millennials Go to College*. Great Falls, VA: LifeCourse Associates.
5. Dolzhenko, R.A. (2010) Osobennosti vzaimosvyazi sistemy trudovoy motivatsii personala i organizatsionnoy kul'tury kommercheskikh bankov Altayskogo kraya [The relationship between the system of labor motivation of personnel and the organizational culture of commercial banks of the Altai Territory]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 11(5). pp. 84–108. [Online] Available from: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2007-8-5/index.html>
6. Ashford, S., Lee, C. & Bobko, P. (1989) Content, causes and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test. *Academy of Management Journal*. 32.
7. Greenhalgh, L. & Rosenblatt, Z. (1984) Job Insecurity: towards conceptual clarity. *Academy of Management Review*. 9.
8. Reisel, W.D. & Banai, M. (2002) Comparison of a multidimensional and a global measure of job insecurity: Predicting job attitudes and work behaviours. *Psychological Reports*. 90.
9. Zdravomyslov, A.G. & Yadov, V.A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [People and Their Work in the USSR and After]. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press.
10. Popova, N.V. (2018) Molodezhnye lidery ob organizatsii raboty s molodezh'yu na promyshlennyykh predpriyatiyakh [Youth leaders on organizing work with youth at industrial enterprises]. *TsITISE*. 1(14). p. 18.
11. Popovich, D.A. (2009) *Sovershenstvovanie instrumentov raboty s molodezh'yu v sisteme korporativnogo upravleniya na promyshlennyykh predpriyatiyakh* [Improving tools for working with youth in the system of corporate management at industrial enterprises]. Economy Cand. Diss. Moscow.
12. Dolzhenko, R.A. & Khomutova, D.V. (2019) Vospriyatiye kompanii molodyimi rabotnikami promyshlennogo predpriyatiya [Perception of the company by young employees of an industrial enterprise]. *Voprosy upravleniya*. 3(58). pp. 113–128.
13. Gerchikov, V.I. (1984) *Sotsial'noe planirovaniye i sotsiologicheskaya sluzhba v promyshlennosti: metodologiya s pozitsiy praktiki* [Social planning and sociological service in industry: Methodology from the perspective of practice]. Novosibirsk: Nauka.
14. Kachaynova, N.B. & Popova, N.V. (2016) Zavodskaya sotsiologiya: istoki i perspektivy [Factory sociology: Origins and prospects]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 2(3). pp. 29–38.
15. Popova, N.V. (2017) Sotsiologiya na predpriyatiy Urala: zametki zavodskogo sotsiologa [Sociology at an enterprise in the Urals: Notes from a factory sociologist]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 60–66.
16. Popova, N.V., Ponomarev, A.V., Krutko, I.S. & Osipchukova, E.V. (2021) Predstavleniya studentov inzhenernogo profiliya o budushchey professii [Engineering students' ideas about their future profession]. *TsITISE*. 3(29). pp. 396–410. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.32 EDN GMGVKR
17. Osipchukova, E.V. & Popova, N.V. (2020) Videnie molodezh'yu svoego budushchego v aspekte sub"ekтивnogo blagopoluchiya [Young people's vision of their future in the aspect of subjective well-being]. *Vestnik pedagogicheskikh innovatsiy*. 1(57). pp. 59–68. EDN TWAISR.
18. Poplavskaya, A.A. & Soboleva, N.E. (2017) Uдовлетворенность различными аспектами работы мужчин и женщин в России [Satisfaction with various aspects of the work of men and women in Russia]. *Monitoring*. 5(141).

19. Popova, N.V. & Nivchik, A.V. (2019) Motivatsiya molodykh rabotnikov predpriyatiya k professional'nomu razvitiyu [Motivation of young employees of the enterprise for professional development]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*. 5(1). pp. 144–156. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-1-144-156
20. Popova, N.V. (2018) Realizatsiya molodezhnoy politiki v proizvodstvennykh kollektivakh i na promyshlennyykh predpriyatiyakh: tsennostnyy aspekt [Implementation of youth policy in production teams and industrial enterprises: the axiological aspect]. In: Popova, E.V. (ed.) *Tvorcheskiy potentsial lichnosti: antropologicheskiy aspekt* [Creative potential of the individual: An anthropological aspect]. Ekaterinburg: Russian State Professional Teacher's Training University. pp. 76–84.
21. Popova, N.V. & Popova, E.V. (2016) Formirovaniye sub"ektnosti i norm v protsesse adaptatsii molodykh rabotnikov na predpriyatiyakh [Formation of subjectivity and norms in the process of adaptation of young workers at the enterprise]. *Obrazovaniye i nauka*. 6(135). pp. 110–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-6-110-124

Сведения об авторах:

Долженко Р.А. – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: snurk17@gmail.com

Долженко С.Б. – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: ginsb@usue.ru

Свинин С.В. – заместитель генерального директора по работе с персоналом ПАО «Машиностроительный завод им. М.И. Калинина», магистрант кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: zik@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dolzhenko R.A. – Dr. Sci. (Economics), professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: snurk17@gmail.com

Dolzhenko S.B. – Cand. Sci. (Economics), associate professor, head of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State Economic University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ginsb@usue.ru

Svinin S.V. – seputy General Director for Personnel Management of Kalinin Machine-Building Plant (Yekaterinburg, Russia); master's student of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: mzik@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2023;
одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 10.08.2023;
approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 316

doi: 10.17223/1998863X/76/19

МОБИЛИЗАЦИЯ РЕСУРСНОСТИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Гарольд Ефимович Зборовский

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, garoldzborovsky@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу мобилизации ресурсов научно-педагогического сообщества (НПС) российских вузов сквозь призму методологических подходов к исследованию поставленной проблемы. Обращается внимание на такие подходы, как институциональный, нормативный, общностный, ресурсный, коммуникативный. Показываются пути их использования в процессе анализа мобилизации ресурсов НПС. С этой целью в статье приводится одна из возможных типологий ресурсов НПС.

Ключевые слова: научно-педагогическое сообщество, мобилизация ресурсов сообщества, методологические подходы к исследованию мобилизации ресурсности сообщества

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

Для цитирования: Зборовский Г.Е. Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества российских вузов в новых условиях: методологические подходы к исследованию // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 206–216. doi: 10.17223/1998863X/76/19

Original article

RESOURCE MOBILIZATION OF THE ACADEMIC COMMUNITY OF RUSSIAN UNIVERSITIES IN NEW CONDITIONS: METHODOLOGICAL APPROACHES TO RESEARCH

Garold E. Zborovsky

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, garoldzborovsky@gmail.com

Abstract. The article analyzes resource mobilization of the academic community (AC) of Russian universities through the prism of methodological approaches to the study of the problem. Attention is drawn to institutional, normative, community, resource, and communicative approaches. The content of each of them is revealed. The ways of their use in the analysis of the mobilization of AC resources are shown. For this purpose, the article specifically provides one of the possible typologies of AC resources. Applying the resource approach and mobilizing various types of AC resources, the author proposes to allocate: a research resource (activity and/or willingness to participate in grant and initiative projects, contractual work, the ability to obtain significant scientific results, etc.); a publication resource (publication activity, its quality, the degree of involvement of various AC groups in it, etc.); an academic qualification resource (the real level of academic skills, Ac activities in

academic development); a symbolic resource (“productivity” of titles, academic degrees, awards, expert statuses, etc.); an “ideological” resource (the level of knowledge, understanding, acceptance of the goals of the university development strategy, as well as AC readiness to participate in its implementation in the new conditions of the trauma society); a research teams resource (the presence of research teams, schools and groups, their traditions and social capital); a communicative resource (quality and density of academic communications, etc.); a temporal resource (resources of AC social time, age, etc.); a mentoring resource (AC resources necessary for the reproduction of academic staff, including motivation, mentoring competencies, etc.); an educational and pedagogical resource (AC resources necessary for the formation of personnel for the new economy, including professional and academic mobility, interaction with practitioners, modern knowledge of the industry), etc.

Keywords: academic community, community resource mobilization, methodological approaches to study of community resource mobilization

Acknowledgements: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

For citation: Zborovsky, G.E. (2023) Resource mobilization of the academic community of Russian universities in new conditions: methodological approaches to research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 206–216. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/19

Введение

Российское общество, оказавшееся в начале 2020-х гг. в состоянии социальной травмы, нуждается в мобилизации различных ресурсов (экономических, социальных, научных), необходимых для преодоления этого состояния и выхода на новую траекторию развития. Одним из потенциальных носителей таких ресурсов является научно-педагогическое сообщество (НПС) российских университетов, обладающее значительными возможностями и перспективами позитивного влияния на процесс преодоления глубокого кризиса общества.

НПС как профессиональное сообщество и научно-образовательная общность представляет собой взаимосвязь (совокупность) людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой образовательной и научной деятельности в их образе жизни, обусловливающей сходство целей, задач, интересов, ресурсов, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими социальными общностями как внутри университета, так и во внешней среде.

К настоящему времени численность НПС университетов России составляет более 300 тыс. человек [1. С. 306]. Представляя собой авангардную социальную общность, НПС в состоянии сыграть важную роль в решении как проблем развития российского высшего образования, так и общественно значимых проблем. Такая двойная роль НПС показывает его особое место в социальной структуре общества и особую миссию в реализации стратегии развития университетов в новых сложных условиях. Прежде всего это проявляется в возможности мобилизации многочисленных ресурсов, направленной на достижение поставленных целей и задач.

Отметим сразу, что ключевой термин «мобилизация ресурсов» в нашем понимании не имеет никакого отношения к «военизированной» трактовке

социальных процессов. В общественной науке существуют теоретические традиции обращения к «мобилизационной» терминологии. Так, одно из устоявшихся представлений сопряжено с разработкой парадигмы социальной мобилизации. Другое фундаментальное представление уходит корнями в теорию управления и модель антикризисного управления. Но ни одна из этих теорий и парадигм не обращается непосредственно к проблематике высшего образования. Тем более такое обращение не касается понятия мобилизации ресурсности НПС.

Обзор исследований

Для разработки проблемы мобилизации ресурсности НПС в российских вузах важно обратить внимание на направление исследований, посвященных «мобилизационной» проблематике в целом и ее конкретизации применительно к высшему образованию. Обзор исследований показывает, что отечественные ученые в разработке теории социальной мобилизации, теории мобилизации ресурсов и мобилизационного управления работают в том же направлении и на том же уровне, что и зарубежные ученые. Вместе с тем в научной литературе феномен социальной мобилизации не представлен в контексте высшего образования.

Парадигма социальной мобилизации в мировой науке формировалась и развивается на стыке политологии, политической социологии и социологии общественных движений [2–7]. В рамках данной парадигмы сложилась социологическая теория ресурсной мобилизации, предметом которой стали институциональные механизмы и социальные акторы, способные приобретать ресурсы (из внутренней и внешней среды) и мобилизовывать людей для достижения своих целей [8–12].

В то же время в теории менеджмента понятие мобилизационного управления является устоявшимся, а его проблематика актуализируется в связи с перманентными кризисными состояниями в экономике и социальной сфере. Об этом говорят исследования Дж. Зелтцер [13], В.Л. Василенко и Д.С. Бразевич [14], Л.Л. Шпак и Ю.В. Токмашевой [15], посвященные проблемам менеджмента в коммерческих организациях и органах власти. Традиционно в теории менеджмента мобилизация сотрудников рассматривается в качестве классической области управления человеческими ресурсами [16].

Что касается управления образовательными организациями, то это направление представлено единичными статьями, отражающими локальные прикладные исследования иправленческие практики. Исследователи университетов развитых стран сосредоточивают внимание в этих работах на поиске и консолидации дополнительных финансовых ресурсов для развития и проведения НИР [17–18]. Исследователи из университетов стран «догоняющего» развития сосредоточены на изучении источников восполнения ресурсных дефицитов практически во всех направлениях деятельности [19–22].

Российские исследователи также обобщают конкретные университетские практики, основанные на идеологии мобилизационного менеджмента, однако на уровень их концептуализации не выходят. Среди интересных кейсов, посвященных указанной тематике, нужно отметить обобщение учеными Томского политехнического университета Е.А. Сухановой, Т.М. Ковалевой и А.О. Зоткиным положительного опыта по созданию социальной среды уни-

верситета, способствующей реализации личностного и профессионального потенциала высокопродуктивных представителей НПС [23].

Мобилизация ресурсности НПС как научная проблема

Обзор исследований, близких к рассматриваемой нами проблеме, показывает наличие в мировой и отечественной науке серьезного теоретического, методологического и эмпирического опыта исследования университетского управления, профессионального развития академического персонала университетов, различных подходов к оцениванию его эффективности и продуктивности. Однако очевидно, что проблема мобилизации ресурсности НПС вузов не попала в фокус внимания ни зарубежных, ни отечественных ученых. Все высказанное аргументирует необходимость разработки и реализации проблемы мобилизации ресурсности НПС в российских вузах.

Для нас мобилизация ресурсов НПС означает приведение их в активное состояние, обеспечивающее выполнение стратегических задач развития высшего образования в целом, конкретных университетов в особенности и требующее сосредоточения всех необходимых сил и средств (ресурсов) для достижения поставленной цели. Применительно к ресурсам НПС мобилизация означает концентрацию действий представителей рассматриваемого сообщества, объединение их усилий для реализации значимых, требующих сосредоточения многочисленных профессионально-педагогических, научно-образовательных, исследовательских и иных ресурсов, задач.

Суть мобилизационного подхода к использованию ресурсности НПС состоит в тонкой настройке ее механизмов, в процессе которой актуализируются ранее неоцененные и невостребованные ресурсы этого сообщества. Мобилизация ресурсности НПС в первую очередь строится на формировании, сохранении и укреплении морально-идеологического ресурса, включающего доверие, солидарность, необходимый уровень знания, понимания, принятия целей, стратегии развития университета, готовности сообщества к участию в ее реализации. Морально-идеологический ресурс – один из наиболее эффективных способов управления мотивацией высокопрофессионального сообщества, изменением характера деятельности НПС. В равной мере мобилизационный подход учитывает такой ресурс НПС, как многообразие научных коллективов, научных школ и групп, их традиции, наставнический и социальный капитал.

Придание проблеме мобилизации ресурсов НПС статуса концептуальной повысит ее научную значимость и обеспечит возможность ее практической реализации с помощью создания модели этого процесса. Именно в этом мы видим прежде всего актуальность решения обозначенной проблемы. Она состоит также в том, чтобы привести в действие создаваемые механизмы повышения квалификации НПС, его научной коммуникации, научно-исследовательской и публикационной активности, направленные на мобилизацию его ресурсности. Под названными механизмами имеются в виду новые способы повышения уровня профессиональной квалификации научно-педагогических работников (через активизацию практик самообразования, сертификации результатов неформального образования), академического развития (выстраивание индивидуальных планов карьерного и профессионального развития), поддержки неинституционализированных научных групп, школ, творческих коллабораций и др.

В ситуации, описываемой в терминах высокой неопределенности, возникают предпосылки мобилизационной модели университетского менеджмента. В отличие от административной модели мобилизационная строится на принципах гибкости, внимания не только к сильным и видимым элементам университетской системы (а значит, и университетского сообщества), но и к слабым связям, непроявленным состояниям, процессам и ресурсам. Методология мобилизационного управления задействует максимально весь арсенал ресурсов НПС и методов их развития, фокусируясь на особо важных задачах университета, которые необходимо решить в краткосрочной перспективе. Цель мобилизационного подхода – приведение в активное, деятельное состояние предельно широкого спектра ресурсов НПС, которые обеспечивают гибкость и многообразие способов достижения стратегических задач. Преимущество данного подхода состоит в том, что благодаря концентрации ресурсов обеспечивается готовность университета к неожиданным вызовам и непроявленным рискам. Под ресурсами НПС мы предлагаем в общем виде понимать различные виды капитала социальной общности научно-педагогических работников, обеспечивающие возможности реализации ими задач профессиональной деятельности и профессионального развития. Ресурсы НПС, структуру которых мы рассмотрим далее, многообразны по своей природе, формам проявления, уровню их развития, источникам формирования.

Методологические подходы к исследованию НПС

Для решения поставленных задач изучения мобилизации ресурсности НПС мы предлагаем использовать социологическую методологию, обеспечивающую анализ поставленной проблемы через включение этого процесса в структуру общественных связей и отношений, через его взаимосвязь с другими социальными процессами и элементами как высшего образования, так и общества в целом. Социологический подход, направленный на изучение мобилизации ресурсности НПС, обладает методологическим арсеналом теоретической и эмпирической социологии, а также возможностями таких отраслей этой науки, как социология высшего образования, социология управления, социология науки, экономическая социология. Все они могут быть использованы в анализе проблемы мобилизации ресурса НПС, поскольку названные отрасли ориентированы на междисциплинарность и развиваются по принципам открытой системы научного знания.

Мы предлагаем интегрировать принципы нескольких методологических подходов к исследованию мобилизации ресурсности НПС российских вузов – институционального, нормативного, ресурсного, общностного и коммуникативного.

Институциональный подход позволяет развернуть теоретический и эмпирический анализ институциональных ресурсов НПС, а также модели мобилизационного университетского управления как инструмента институционального развития и трансформации отечественных вузов. Данный подход также необходим для изучения динамики институционального контекста функционирования российского высшего образования, включая стратегические цели его развития, государственную образовательную политику, связи и противоречия вузов с экономическими и социокультурными институтами регионов. Рассмотрение институционального ландшафта с позиций обозна-

ченного подхода позволяет конструировать параметры комплекса внешних макрофакторов, определяющих необходимость и возможности мобилизационного управления ресурсностью НПС вузов, в том числе с точки зрения его мобилизации в интересах регионов и в целом российского общества.

С институциональной методологией тесно связан *нормативный подход*. С его позиций национальные программы развития высшего образования и стратегии конкретных университетов трактуются как механизмы, конструирующие нормативное поле оценки и использования ресурсности НПС и имеющие ограничения в условиях общества травмы. Нормативный подход открывает возможность комплексного анализа противоречий, возникающих между: 1) нормами, выступающими внутренними регуляторами профессиональной деятельности НПС; 2) стандартами академического развития и эффективности деятельности вузов, заданными институциональными структурами высшего образования; 3) ресурсами НПС и ресурсами университетов, обеспечивающими соответствие данного сообщества институциональным нормам.

Применение общностного подхода означает изучение НПС как ключевого социального субъекта, качество ресурсности и поведенческие стратегии которого обеспечивают развитие и трансформацию отечественных вузов в условиях общества травмы. Методология названного подхода позволяет выделять и трактовать общностные характеристики НПС (взаимосвязи, модели взаимодействия, образ жизни, общность целей, задач профессиональной деятельности, интересов, капитал социальных связей, солидарности, доверия, идентичность, социальное время и др.) в качестве ресурсов, востребованных и мобилизуемых университетским управлением. Ресурсность НПС определяется в этом случае как продукт совместной деятельности и взаимодействия его представителей, выступающий относительно независимой переменной университетского универсума. Уникальность ресурсности НПС проявляется в ее способности к капитализации и самовоспроизводству в результате действия механизмов самоорганизации, саморазвития, самообразования, сохраняющихся в качестве социального «генотипа» рассматриваемого сообщества.

С позиций общностной методологии мобилизационный подход к управлению НПС включает в себя оценку, развитие и использование «новой ресурсности» НПС, в том числе тех общностных характеристик и элементов общностного человеческого и социального капитала НПС, которые ранее слабо учитывались или вовсе не использовались университетским управлением. К таким маловостребованным элементам капитала НПС мы можем отнести взаимопонимание, готовность к кооперации, лояльность, включенность в профессиональные сети и др. Таким образом, принципы общностного подхода позволяют сформировать новую повестку социолого-управленческого подхода в отечественных университетах, целью которого станут концентрация, опережающее формирование и бережливое использование социальных ресурсов НПС для сохранения устойчивого функционирования и развития университетов в российских регионах.

Достижение заявленных выше цели и задач возможно через обращение к *ресурсному подходу*, чьи методологические принципы требуют переоценки в контексте исследовательской проблематики, прежде всего для теоретической и эмпирической интерпретации ключевых понятий «ресурсы НПС», «новая ресурсность НПС», «ресурсный потенциал», «мобилизация ресурсности» и др.

Применение ресурсного подхода означает осуществление классификации и содержательной разработки различных видов ресурсов НПС, в числе которых мы предлагаем выделить: *исследовательский ресурс* (активность и / или готовность участия в грантовых и инициативных проектах, хоздоговорных работах, способность получать значимые научные результаты и др.); *публикационный ресурс* (публикационная активность, ее качество, степень вовлеченности в нее различных групп НПС и др.); *ресурс научно-педагогической квалификации* (реальный уровень научно-педагогической квалификации, активность НПС в области академического развития); *символический ресурс* («продуктивность» званий, научных степеней, наград, экспертных статусов и др.); *«идеологический» ресурс* (уровень знания, понимания, принятия целей стратегии развития университетов, а также готовности НПС к участию в ее реализации в новых условиях общества трубы); *ресурс научных коллективов* (наличие научных коллективов, школ и групп, их традиции и социальный капитал); *коммуникативный ресурс* (качество и плотность научных коммуникаций и др.); *temporalный ресурс* (ресурсы социального времени НПС, возраст и др.); *ресурс наставничества* (ресурсы НПС, необходимые для воспроизводства научно-педагогических кадров, в том числе мотивация, компетенции наставничества и др.); *образовательно-педагогический ресурс* (ресурсы НПС, необходимые для формирования кадров для новой экономики, включая профессиональную и академическую мобильность, взаимодействие с практиками, современное знание отрасли) и др.

Исследование ресурсов НПС требует разработки особой методики, включающей в себя как количественные, так и качественные показатели и индикаторы каждого ресурса. Некоторые количественные показатели уже выделены и апробированы в различных системах мониторинга высшей школы (например, в мониторинге деятельности образовательных организаций высшего образования¹, мониторинге рынка труда научных кадров высшей квалификации² и др.). Однако анализ баз статистических данных по высшему образованию свидетельствует о недостаточности показателей, используемых в официальной отчетности. Так, например, отсутствуют данные по таким параметрам НПС, как гендерная структура, динамика публикационной активности различных групп НПС (по возрасту, уровню научно-педагогической квалификации, времени защиты диссертации и т.д.). Абсолютной лакуной в методическом плане является система показателей и индикаторов качественных параметров ресурсности НПС, в частности, ресурсов коммуникаций (широты и плотности научных и образовательных связей, их продуктивности) или таких символических ресурсов, как репутация, экспертность и пр. Между тем проводимые российскими социологами исследования НПС предоставляют богатый методический материал, отражающий различный опыт замера качественных характеристик ресурсов НПС, обобщение которого – перспективная исследовательская задача.

Ресурсный подход в контексте мобилизационной проблематики позволяет ориентировать исследование на поиск управлеченческих возможностей оце-

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>

² Мониторинг рынка труда научных кадров высшей квалификации. URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mnk>

нивать и конвертировать специфические ресурсы НПС не только как индивидуально-личностные, но и общностные (коллективные).

Обращение к коммуникативному подходу обусловлено постановкой исследовательских задач, реализация которых требует методологического арсенала коммуникативистики. Прежде всего, это необходимость изучения коммуникативного ресурса НПС, включающего как формальные, организационные, институционализированные коммуникативные структуры, так и неформальные, личностные и общностно-групповые коммуникативные связи, отношения, сети. Потенциал названного методологического подхода означает не просто выявление количественных и качественных параметров этого неформального коммуникативного ресурса НПС, но и рассмотрение его в контексте управленческой мобилизационной проблематики.

Достоинством коммуникативной методологии является ее способность «работать» на разных уровнях – индивидуально-личностном, общностно-групповом, организационном, институциональном. Это позволяет осуществить комплексный, уровневый анализ коммуникативного ресурса НПС и разработать управленческие подходы к его мобилизации, интегрирующие различных субъектов коммуникативного процесса – отдельных научно-педагогических работников, коллективы, университетское сообщество, образовательные институты.

Потенциал коммуникативного подхода раскрывается в изучении управленческой проблематики исследования. Мобилизационное университетское управление трактуется с его позиций как особая коммуникативная стратегия и социальная технология, использующая в качестве основного ресурса достижения целей университетского развития личные и деловые связи НПС, их включенность в сетевое взаимодействие, каналы академического обмена информацией и поддержки, имиджевый капитал и т.д.

Использование общностного, ресурсного и коммуникативного подходов во взаимосвязи позволяет выявить внеинституциональные ресурсы и возможности НПС, «мягкое» управление которыми будет способствовать повышению эффективности мобилизационного подхода.

Каждый из названных выше методологических подходов обладает важным исследовательским потенциалом как сам по себе, так и в единстве с другими. Отсюда следует, что эти подходы позволяют продуктивно концептуализировать феномен мобилизации ресурсности НПС и осуществить его эмпирическое исследование.

Заключение

В статье доказывается, что мобилизация ресурсности НПС российских вузов для решения важнейших задач их развития является одним из основных направлений трансформации высшего образования. Исследование этой научной и практической проблемы требует использования целого ряда методологических подходов, обозначенных в тексте статьи, и выработки системы вузовского управления, базирующейся на мобилизации имеющихся и создания новых ресурсов НПС. По нашему мнению, эти ресурсы должны целостно и комплексно охватывать все основные сферы и формы деятельности сообщества в вузе и учитывать особенности стратегии развития университетов в условиях общества трубы.

Список источников

1. Индикаторы образования: 2021: стат. сб. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 508 с.
2. Etzioni A. Mobilization as a Macrosociological Conception // The British Journal of Sociology. 1968. Vol. 19, № 3. P. 243–253.
3. Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 6–23.
4. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб. : Наука, 1993. 172 с.
5. Staniland P. Cities on Fire: Social Mobilization, State Policy, and Urban Insurgency // Comparative Political Studies. 2010. Vol. 43, iss. 12. P. 1623–1649. doi:10.1177/0010414010374022
6. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ / отв. ред. Л.Л. Шпак. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2014. 369 с.
7. Rogers T., Goldstein N.J., Fox C.R. Social Mobilization // Annual Review of Psychology. 2018. Vol. 69. P. 357–381.
8. McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82, № 6. P. 149–172.
9. Cress D.M., Snow D.A. Mobilization at the Margins: Resources, Benefactors, and the Viability of Homeless Social Movement Organizations // American Sociological Review. 1996. Vol. 61, № 6. P. 1089–1109.
10. Barker-Plummer B. Producing Public Voice: Resource Mobilization and Media Access in the National Organization for Women // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2002. Vol. 76, № 1. P. 188–205. doi: 10.1177/107769900207900113
11. Jenkins C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 2003. Vol. 9, № 1. P. 527–553. doi: 10.1146/ANNREV.SO.09.080183.002523
12. Bob E., Gillham P. Resource Mobilization Theory // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell, 2013. P. 1096–1101. doi: 10.1002/9780470674871.wbsepman447
13. Seltzer J.B. What is Resource Mobilization and Why is it so Important? // Management Sciences for Health. 2014. 20 October. URL: <https://healthcommcapacity.org/resource-mobilization-important/>
14. Василенко В.Л., Бразевич Д.С. Формы и социальные технологии мобилизующего менеджмента в предпринимательской системе // Научный журнал НИУ ИТМО. Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 4. С. 190–200.
15. Шпак Л.Л., Токмашева Ю.В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местными сообществами // Вестник Томского госуниверситета. 2015. № 399. С. 28–33. doi: 10.17223/15617793/399/6
16. Bourdages M.-P. La mobilisation dans la littérature pédagogique managériale : une analyse de contenu de manuels de formation. Sociologie. Université René Descartes – Paris V, 2014. Français. NNT: 2014PA05H025. doi: 10.3917/pox.128.0143
17. Genereux N., Taylor S., O'Neill M. Resource mobilization for research: what we've learned. 2016. URL: <https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/handle/10625/59079>
18. Tiffin S., Kunc M. Resource Mobilization and Business Development in Regional Universities: the University of the West Indies // VIII Conference "Triple Helix-2010" (Madrid, October 20). P. 329–387.
19. Wangenge-Ouma G., Langa P.V. Universities and the mobilization of claims of excellence for competitive advantage // Higher Education. 2010. Vol. 59. P. 749–764. doi: 10.1007/s10734-009-9278-x
20. Okeyo B.O. Strategic stakeholder management and resource mobilization in the University of Nairobi. 2015. URL: <http://hdl.handle.net/11295/93774>
21. Resource mobilization for Universities: UVCF Bulletin 2015. URL: https://ucdir.uvu.ac.ug/bitstream/handle/20.500.11951/100/Senyonyi_Resource%20mobilization%20for%20Universities_2015.pdf?sequence=1&isAllowed=y
22. Resource Mobilization and Management For Research. June 2013. URL: <https://videa.ca/wp-content/uploads/2015/08/RESOURCE-MOBILIZATION-AND-MANAGEMENT1.pdf>
23. Суханова Е.А., Ковалева Т.М., Зоткин А.О. Инициативная среда университета как механизм управления персоналом в условиях трансформации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 1. С. 90–97.

References

1. Bondarenko, N.V., Gokhberg, L.M., Kuznetsova, V.I. et al. (2021) *Indikatory obrazovaniya: 2021* [Education Indicators: 2021]. Moscow: HSE.
2. Etzioni, A. (1968) Mobilization as a Macrosociological Conception. *The British Journal of Sociology*. 19(3). pp. 243–253.
3. Klimov, I.A. (2004) Sotsial'naya mobilizatsiya: k istorii ponyatiya [Social mobilization: towards the history of the concept]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*. 1. pp. 6–23.
4. Zdravomyslova, E.A. (1993) *Paradigmy zapadnoy sotsiologii obshchestvennykh dvizheniy* [Paradigms of Western Sociology of Social Movements]. St. Petersburg: Nauka.
5. Staniland, P. (2010) Cities on Fire: Social Mobilization, State Policy, and Urban Insurgency. *Comparative Political Studies*. 43(12). pp. 1623–1649. DOI: 10.1177/0010414010374022
6. Shpak, L.L. (ed.) (2014) *Sotsial'naya i politicheskaya mobilizatsiya: mikrosotsiologicheskiy analiz* [Social and political mobilization: A microsociological analysis]. Kemerovo: Kemerovo State University.
7. Rogers, T., Goldstein, N.J. & Fox, C.R. (2018) Social Mobilization. *Annual Review of Psychology*. 69. pp. 357–381.
8. McCarthy, J. & Zald, M. (1976) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*. 82(6). pp. 149–172.
9. Cress, D.M. & Snow, D.A. (1996) Mobilization at the Margins: Resources, Benefactors, and the Viability of Homeless Social Movement Organizations. *American Sociological Review*. 61(6). pp. 1089–1109.
10. Barker-Plummer, B. (2002) Producing Public Voice: Resource Mobilization and Media Access in the National Organization for Women. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 76(1). pp. 188–205. DOI: 10.1177/107769900207900113
11. Jenkins, C. (2003) Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements. *Annual Review of Sociology*. 9(1). pp. 527–553. DOI: 10.1146/ANNUREV.SO.09.080183.002523
12. Bob, E. & Gillham, P. (2013) Resource Mobilization Theory. In: della Porta, D., Klandermans, B., McAdam, D. & Snow, D.A. (eds) *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Chichester; Malden: Wiley-Blackwell. pp. 1096–1101. DOI: 10.1002/9780470674871.wbepsm447
13. Seltzer, J.B. (2014) What is Resource Mobilization and Why is it so Important? *Management Sciences for Health*. 20th October. [Online] Available from: <https://healthcommcapacity.org/resource-mobilization-important/>
14. Vasilenko, V.L. & Brazevich, D.S. (2015) Formy i sotsial'nye tekhnologii mobilizuyushchego menedzhmenta v predprinimatel'skoy sisteme [Forms and social technologies of mobilizing management in the entrepreneurial system]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment*. 4. pp. 190–200.
15. Shpak, L.L. & Tokmasheva, Yu.V. (2015) The mobilization management mechanism of municipal authorities interaction with local communities. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 28–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/6
16. Bourdages, M.-P. (2014) *La mobilisation dans la littérature pédagogique managériale: une analyse de contenu de manuels de formation*. Sociologie. Université René Descartes – Paris V. Francais. NNT: 2014PA05H025. DOI: 10.3917/pox.128.0143
17. Genereux, N., Taylor, S. & O'Neill, M. (2016) *Resource mobilization for research: what we've learned*. [Online] Available from: <https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/handle/10625/59079>
18. Tiffin, S. & Kunc, M. (2010) Resource Mobilization and Business Development in Regional Universities: The University of the West Indies. *Triple Helix – 2010*. Proc. of the 8th Conference. Madrid, October 20. pp. 329–387.
19. Wangenge-Ouma, G. & Langa, P.V. (2010) Universities and the mobilization of claims of excellence for competitive advantage. *Higher Education*. 59. pp. 749–764. DOI: 10.1007/s10734-009-9278-x
20. Okeyo, B.O. (2015) *Strategic stakeholder management and resource mobilization in the University of Nairobi*. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/11295/93774>
21. Uganda. (2015) *Resource mobilization for Universities*. UVCF Bulletin 2015. [Online] Available from: https://ucudir.ucu.ac.ug/bitstream/handle/20.500.11951/100/Senyonyi_Resource%20mobilization%20for%20Universities_2015.pdf?sequence=1&isAllowed=y
22. IDRC. (2013) *Resource Mobilization and Management For Research*. [Online] Available from: <https://videa.ca/wp-content/uploads/2015/08/RESOURCE-MOBILIZATION-AND-MANAGEMENT1.pdf>

23. Sukhanova, E.A., Kovaleva, T.M. & Zotkin, A.O. (2016) Initsiativnaya sreda universiteta kak mekhanizm upravleniya personalom v usloviyakh transformatsii [The initiative environment of the university as a mechanism of personnel management in the conditions of transformation]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 1. pp. 90–97.

Сведения об авторе:

Зборовский Г.Е. – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Школа государственного управления и предпринимательства, Институт экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, (Екатеринбург, Россия). E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zborovsky G.E. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, Honored Scientist of the Russian Federation, research professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, School of Public Administration and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022;
одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 21.12.2022;
approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 13.12.2023

Научная статья

УДК 316.77

doi: 10.17223/1998863X/76/20

РИСК-КОММУНИКАЦИЯ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ: ТЕМАТИЧЕСКАЯ ФОКУСИРОВКА СОБЫТИЙНОГО ПОТОКА COVID-19 В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Зоя Ивановна Резанова¹, Юлия Евгеньевна Сыпченкова²

^{1, 2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ rezanovazi@mail.ru

² korovina.juliaa@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты анализа соотношения событийного ряда развития коронавирусной инфекции и ее отражения в контенте ведущих российских новостных агентств ТАСС и РИА, проведенного с использованием метода автоматического анализа текстовой коллекции. Выявленные случаи рассогласования роста заболеваний к концу 2020 г. и снижения уровня информационной активности интерпретируются как потенциальные факторы инфодемии.

Ключевые слова: COVID-19, риск-коммуникация, новости, тематическое моделирование, инфодемия

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01001.

Для цитирования: Резанова З.И., Сыпченкова Ю.Е. Риск-коммуникация в сфере здоровья: тематическая фокусировка событийного потока COVID-19 в новостном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 217–228. doi: 10.17223/1998863X/76/20

Original article

RISK COMMUNICATION ABOUT HEALTH: THEMATIC FOCUS OF THE COVID-19 EVENT FLOW IN NEWS DISCOURSE

Zoya I. Rezanova¹, Yulia E. Sypchenkova²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ rezanovazi@mail.ru

² korovina.juliaa@gmail.com

Abstract. The article presents the results of an analysis of the relationship between the event series of the coronavirus infection and its reflection in the texts of the leading Russian news agencies TASS and RIA. Temporal dynamics (2020) and spatial-administrative (ratio between Moscow and the regions) variation were studied. The analysis was carried out using the method of automatic text analysis to identify information gaps as one of the reasons of the infodemic. The study is based on the basic concept of modern discourse analysis about the “non-neutrality” of news, about the structuring of events in news according to the principle of relevance, determined by the processes of institutional and social production and consumption of news. The empirical material is data from statistics on the spread of the coronavirus infection Stopcoronavirus from the Yandex DataLens service and Wikipedia, mentioning the most important events during the pandemic. Texts from news publications of RIA and TASS related to the pandemic and published in 2020 (794,611 words) were used as material for constructing a thematic model. The probabilistic topic modeling method was

used to highlight the thematic structure of news content. The constructed generative model determines which words generate each topic and which topics generate the document. Thus, the model makes an assumption about the surface semantic structure of the text. As a result of the use of automatic thematic modeling, the most frequent lexical units were identified, representing the development of the pandemic during 2020, organized into thematic units. On this basis, the following conclusions were made. 1. Leading Russian news agencies, with varying degrees of efficiency, reflected the dynamics of the development of the pandemic at different stages of its spread and significant events. 2. The characteristics of the reflection of the pandemic noted as positive are: 1) the combination of thematic updating (peaks of informational thematic highlighting) with the retention of a significant topic throughout the year, 2) the presence of variation in thematic focuses in its correlation with the administrative-territorial uniqueness of the Russian Federation. At the same time, a discrepancy was revealed between the increasing criticality in the development of the pandemic by the end of 2020 and the decreasing level of information activity as it was presented on the pages of leading federal news agencies. This fact can be interpreted as one of the factors in the formation of an infodemic in a situation characterized by high social risks in risk communication in the field of health.

Keywords: COVID-19, risk communication, news, topic modeling, infodemic

Acknowledgments: The study is supported by a grant of the Russian Science Foundation, Project No. №23-28-01001.

For citation: Rezanova, Z.I. & Sypchenkova, Yu.E. (2023) Risk communication about health: thematic focus of the COVID-19 event flow in news discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, Soziologiya, Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 217–228. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/20

Введение

Коммуникация о социальных рисках (риск-коммуникация) входит в актуальную исследовательскую повестку гуманитарных наук вследствие чрезвычайной социальной значимости выработки оптимальных ответов общества на кризисы, имеющие разную природу. В системе социальных ответов на риски разработка стратегий институциональной коммуникации занимает одно из значимых мест.

Как известно, оповещение населения об опасности с целью снижения степени обеспокоенности людей или, наоборот, трансляция обеспокоенности могут быть обусловлены разными политическими причинами. Риск-коммуникация в сфере здоровья как часть социальной политики государства представляет собой стратегически продуманные и планомерно осуществляемые действия по регулированию информационных потоков, начиная с кабинета конкретного врача и заканчивая публичными обсуждениями в СМИ.

Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19 дало весьма значимый материал для исследования информационного взаимодействия между обществом и властью, которое обеспечивается прежде всего государственными медиа. COVID-19 характеризовался беспрецедентно высокой скоростью распространения, породив кризис едва ли не во всех сферах жизни отдельного человека и государства в целом, включая и кризис информированности населения, инфодемию [1]. Инфодемия, характеризующаяся переизбыtkом онлайновой и офлайновой информации, проявляющаяся в существовании противоположных мнений, оценок, слухов, недостоверной информации, формируется на пересечении деятельности акторов с различными социальными статусами и функциями. По данным сайта <https://arxiv.org> [2], в настоящее вре-

мя наиболее исследованной является роль социальных сетей, прежде всего Твиттера, в формировании информационного поля инфодемии; работы, посвященные СМИ, единичны. В российских исследованиях роли СМИ в отражении ситуации COVID-19 наряду с выявлением тематического аспектирования кризисной ситуации [3, 4] уже были отмечены инфодемийный характер новостного потока [5], проблемы распространения недостоверной информации, актуализация страхов и рисков людей в ситуации кризиса [6, 7].

В данной статье нами поставлена задача выявления вариантов ответа ведущих российских новостных агентств на вызовы, связанные с оперативным информированием населения о развитии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Мы полагаем, что недостаточная синхронизация информационного потока СМИ с пиками развития кризисной ситуации может быть скрытым, неявным фактором появления слухов, фейков и других инфодемийных явлений. Решая задачу, мы сравниваем официальные статистические данные о развитии пандемии и тематические доминанты новостей информационных агентств РИА и ТАСС во временной динамике (на протяжении 2020 г.) и пространственно-административном (соотношение Москва и регионы) варьировании.

Исходной теоретической идеей исследования является положение современного дискурс-анализа о «ненейтральности» новости: новость в СМИ не копирует информационно событие, но моделирует, интерпретирует его в соответствии с интересами той социальной группы, которую представляет издание. Средством моделирования ситуации в тексте новости является структурирование событийного ряда по принципу релевантности: наиболее важная информация задается вначале, лексически и стилистически маркируется во всем пространстве текста [8. С. 125, 137]. Такое построение новости позволяет выявлять тематические фокусировки новостного потока в качестве способов объективации точек зрения, «фокусов» эмпатии официальных акторов медиа-дискурса [9. С. 19], что особенно актуально при освещении кризисных событий.

В настоящее время, когда цикл развития коронавирусной инфекции завершился, обращение к значительным объемам текстовых данных позволяет выявить направления в интерпретации риск-коммуникации в сфере здоровья ведущими информационными агентствами, являющимися рупорами государственной интерпретации кризисной ситуации.

Материал и метод

При решении этой задачи мы прежде всего обратились к данным статистики распространения коронавирусной инфекции [10, 11]. В анализе далее мы учитываем социально значимые факты и события, обусловленные распространением пандемии: появление официальной информации о вспышке в Китае неизвестной пневмонии (20 января состоялось заседание Комитета ВОЗ по чрезвычайной ситуации из-за вспышки неизвестного вируса), закрытие границ для туристов из Китая и прекращение железнодорожного сообщения с Китаем 28 января, с 5 февраля Россия начала эвакуировать своих граждан из центров активного распространения пандемии, 20 февраля был объявлен запрет въезда на территорию России граждан Китая. Значимыми для 2020 г. событиями стали регистрация «Спутник V» в августе и «ЭпиВак-Корона» в октябре, с начала декабря началась вакцинация в Москве. К 30 сентября завершилась третья стадия клинических испытаний.

Далее была решена задача тематического моделирования новостей. Задача сопоставления событийного ряда и его отражения в текстах СМИ потребовала привлечения значительного объема текстов и использования методов их автоматической обработки. Материалом для построения тематической модели послужили новости агентств РИА и ТАСС, касающиеся пандемии и опубликованные в период с 1 января по 30 декабря 2020, объемом 794 611 слов. Все тексты прошли стандартный этап предобработки для последующего автоматического анализа и были сгруппированы по дате публикации и по факту принадлежности к Москве или регионам. Группировка осуществлялась на основе метаинформации, сопровождающей текст новости. Объем текстов новостей о распространении пандемии в Москве составил 609 803 слова, в регионах – 184 808 слов.

Для выделения тематической структуры новостного контента нами был использован один из методов автоматической обработки естественного языка – метод вероятностного тематического моделирования. Объектом моделирования были лексические элементы поверхностной структуры текста, результатом – семантическая (тематическая) модель текста. Модель определяет вероятности слов в каждой теме и вероятности тем в каждом документе, т.е. выявляет то, какие слова формируют каждую тему (ключевые слова) и какие темы, в свою очередь, составляют специфику документа.

В результате работы алгоритма нами был выявлен набор ключевых слов и каждому набору в соответствии с его наполнением была дана номинация, или тема¹.

Приведем примеры выделенных тем и первых по частотности десяти ключевых слов в таблице.

Темы представления пандемии в текстах ТАСС и РИА в 2020 г.

Москва	Регионы
Вспышка коронавируса в Китае ['китай', 'человек', 'коронавирус', 'вспышка', 'случай', 'новый', 'провинция', 'воз', 'здравоохранение', 'заболевание']	Статистика распространения коронавируса ['человек', 'коронавирус', 'случай', 'инфекция', 'covid', 'данные', 'коронавирусный', 'последний', 'пациент', 'находиться']
Вспышка коронавируса в мире ['страна', 'коронавирус', 'город', 'новый', 'сообщить', 'ухань', 'заболеть', 'вирус', 'распространение', 'сша']	Лечение коронавируса ['пациент', 'больница', 'помощь', 'больной', 'скорый', 'лечение', 'минздрав', 'врач', 'место', 'госпиталь']
Статистика распространения коронавируса ['мир', 'covid', 'последний', 'россия', 'тысяча', 'данные', 'стопкоронавирусrf', 'портал', 'представить', 'март']	Вспышка коронавируса в Китае ['китай', 'вспышка', 'коронавирус', 'сообщить', 'кнр', 'новый', 'граждан', 'страна', 'здравоохранение', 'находиться']
Информирование о коронавирусе ['covid', 'случай', 'коронавирус', 'миллион', 'новый', 'число', 'данные', 'ситуация', 'заражение', 'выявить']	Коронавирус в регионах ['регион', 'область', 'коронавирус', 'случай', 'человек', 'инфекция', 'сообщить', 'режим', 'коронавирусный', 'работа']
Испытание вакцины ['вакцина', 'испытание', 'клинический', 'доброволец', 'исследование', 'актуальный', 'препарат', 'эпидемиология', 'второй', 'иммунитет']	Вакцинация ['медицинский', 'вакцина', 'препарат', 'вакцинация', 'первый', 'госпиталь', 'лечение', 'врач', 'декабрь', 'койка']
Заболеваемость коронавирусом в Москве ['медицинский', 'пациент', 'врач', 'помощь', 'москва', 'больной', 'больница', 'лечение', 'прессслужба', 'сергей']	Авиасообщение ['рейс', 'аэропорт', 'авиакомпания', 'пассажир', 'военный', 'российский', 'россия', 'рф', 'владивосток', 'округ']
Пандемия ['случай', 'заражение', 'человек', 'ограничение', 'неделя', 'работа', 'пандемия', 'объявить', 'распространение', 'режим']	
Авиасообщение ['рейс', 'рф', 'москва', 'полет', 'россиянин', 'авиакомпания', 'авиасообщение', 'вывозной', 'исключение', 'чартерный']	

¹ Алгоритм применения метода и результативные списки ключевых слов, объединенные в тему, представлены по ссылке: https://colab.research.google.com/drive/1V0SCPQaN7kJ4gz8ARTA0TiiPTQX02jpd?usp=drive_link

Таким образом, была выявлена тематическая организация каждого дня 2020 г., что позволило представить динамику частотности представления тем в анализируемых текстах информационных агентств в двух базах данных и соотнести их с динамикой развития заболеваемости и значимыми социальными фактами и событиями, обусловленными развитием пандемии.

Результаты и обсуждение

На рис. 1, 2 представлена визуализация динамики тем в текстах информационных агентств в Москве и регионах.

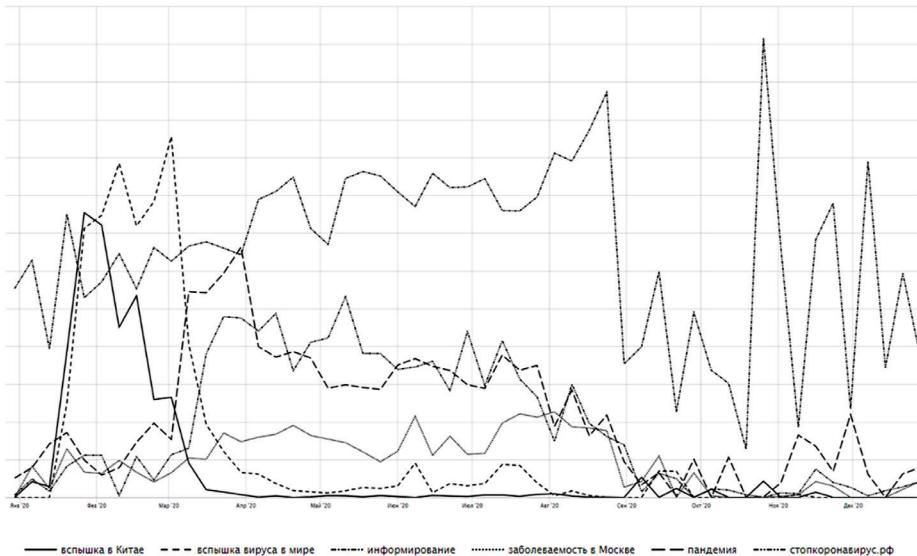

Рис. 1. Динамика представления тем в новостном контенте о развитии пандемии в Москве

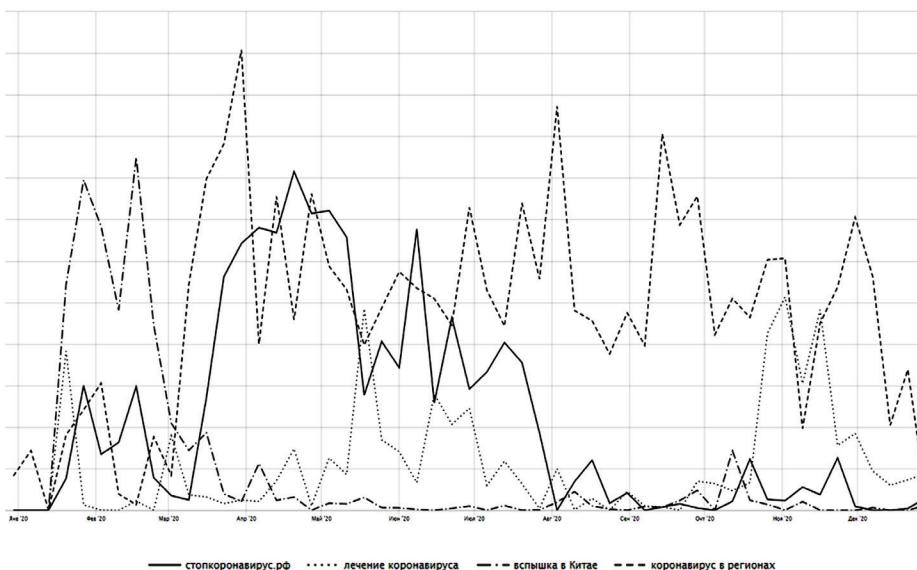

Рис. 2. Динамика представления тем в новостном контенте о развитии пандемии в регионах

Как можно видеть при сравнении графиков, информационный контур характеризуется как определенной общностью в представлении темы в новостях о Москве и регионах, так и ожидаемыми вариациями. Значимость темы вспышки коронавирусной инфекции в Китае в новостном контенте о Москве и о регионах представлена практически синхронными пиками активности в январе и феврале и резким спадом темы на протяжении остальных месяцев года.

При этом в московском новостном контенте в марте активность представления темы распространения коронавируса в Китае сменяется пиком интереса к его активизации в других странах мира, который также значительно снижается в мае, выходя периодически на небольшие пики на протяжении всего года. Наличие в теме «Статистика распространения коронавируса» в текстах новостей о Москве в качестве наиболее частотной лексемы *мир* также свидетельствует о стабильном интересе новостных агентств к этой теме. В региональном же новостном контенте эта тема не вошла в состав наиболее значимых на всем протяжении 2020 г. (симптоматично, что в соотносимой теме «Статистика распространения коронавируса» в региональных новостях наиболее частотное слово – *человек*). Результаты сравнения лексической презентации одноименных и связанных тем свидетельствуют о разнонаправленной фокусировке развития пандемии в новостях о Москве и регионах, которые можно определить как персоноцентрическая vs социоцентрическая.

Начиная с марта центр информационной фокусировки в отношении пандемии перемещается в Россию. Фокусы тематического моделирования – заболеваемость, лечение и информирование населения об основных аспектах распространения пандемии. Закономерно обращение к локальным аспектам распространения пандемии: в сравниваемых датасетах выделяются темы «Заболеваемость коронавирусом в Москве» и «Коронавирус в регионах». Однако представление соотносимых тем вариативно. Во-первых, в новостном контенте о Москве тема характеризовалась равномерным нарастанием к июню и спадом в сентябре, в то же время представление темы в региональных новостях характеризуются пиками: 30 марта, 3 августа, 14 сентября, 30 ноября. (Отметим, что такое соотношение актуальности тем может быть обусловлено меньшим количеством данных в датасете новостей о регионах). При этом сравнение наиболее частотных ключевых слов показывает, что эта тема в текстах с московской локацией раскрывается прежде всего через выделение аспектов лечения и госпитализации (*медицинский, пациент, врач, помощь, Москва, больной, больница, лечение*), в то время как в новостях о регионах это скорее информирование о пандемии как социальном значимом факте (*регион, область, коронавирус, случай, человек, инфекция, сообщить, режим, коронавирусный, работа*). При этом в новостном контенте о регионах тема лечения COVID-19 выделяется в качестве самостоятельной и занимает второе место по частотности после темы информирования (наиболее частотные слова: *пациент, больница, помощь, больной, скорый, лечение, Минздрав, врач, место, госпиталь*).

Сравним далее графики тематических доминант новостного потока ведущих федеральных агентств (см. рис. 1, 2) и динамики заболеваний и выздоровлений COVID-19 в Москве и регионах на протяжении 2020 г. (рис. 3, 4).

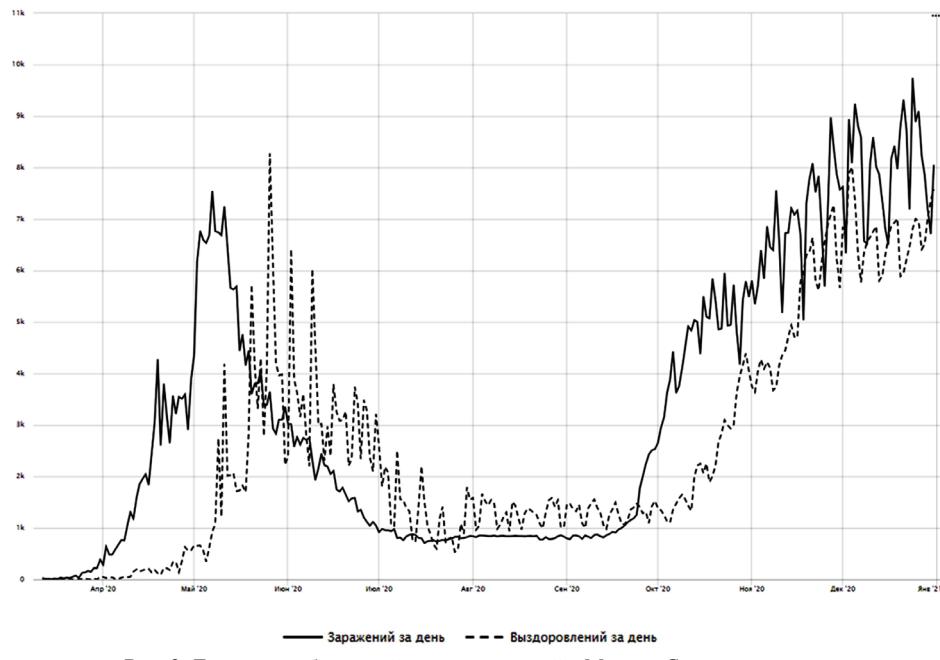

Рис. 3. Динамика заболеваний и выздоровлений в Москве. Стопкоронавирус.
URL: <https://объясняем.рф/stopkoronavirus> (дата обращения: 03.11.2023)

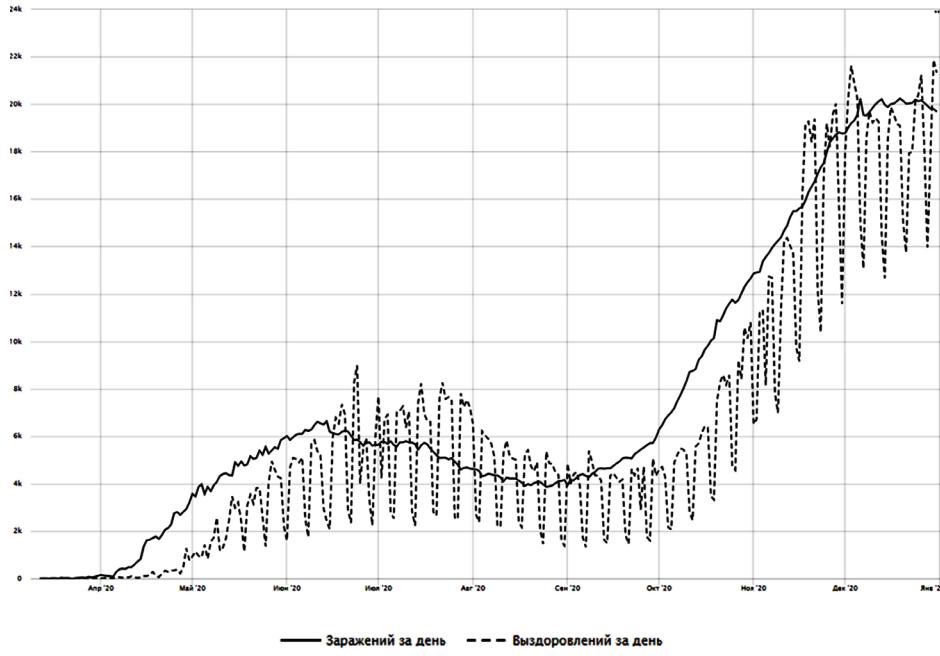

Рис. 4. Динамика заболеваний и выздоровлений в регионах. Стопкоронавирус.
URL: <https://объясняем.рф/stopkoronavirus> (дата обращения: 03.11.2023)

В Москве наблюдались два явно выраженных пика заболеваемости: 1) в мае с резким ростом заболеваний в апреле и 2) в октябре–ноябре с резким возрастанием в декабре. Как видим, активность представления темы «За-

болеваемость коронавирусом в Москве» не синхронизируется с динамикой развития пандемии, представленной в статистических данных. Активизация темы пандемийного характера распространения COVID-19 приходится на время спада уровня заболеваемости. Анализ наиболее частотных ключевых слов свидетельствует, что в этот период в фокусе находятся социальные аспекты пандемии, но не аспекты ее лечения («случай», «заражение», «человек», «ограничение», «неделя», «работа», «пандемия», «объявить», «распространение», «режим»).

В регионах весенний рост заболеваемости не отличался столь значительным ростом (что, возможно, связано с меньшей активностью тестирования в регионах в этот период), в декабре же рост заболеваемости имел столь же ярко выраженную, как и в Москве, форму пика. В текстах РИА и ТАСС с региональной локализацией мы наблюдаем резкий рост темы «Лечение коронавируса» в мае–июне, в конце года пик темы синхронизирован с пиком официальной статистики о резком росте заболеваний.

Далее сравним на рис. 5, 6 графики представления новостей о значимых событиях, связанных с пандемией: ограничения на международное авиасообщение и разработку вакцины и информирование населения о развитии пандемии.

Сравнение графиков активизации темы информирования населения «Стопкоронавирус.рф» в новостном контенте федеральных СМИ и официальной статистики о динамике показывает их значительную рассинхронизацию. В новостях о Москве резкое возрастание частотности темы информирования соотносится с первым пиком заболеваемости и сохраняется на протяжении лета, когда статистика свидетельствует о спаде числа заболевших, в то время как новый резкий скачок заболеваний в ноябре–декабре относится с падением активности медийного отражения темы. В региональном новостном контенте эта асимметрия еще более проявлена.

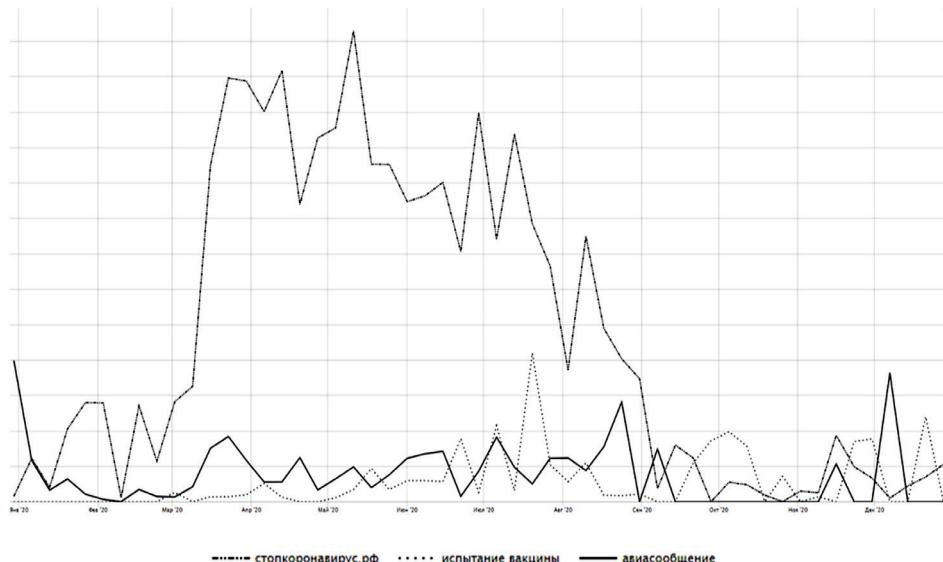

Рис. 5. Соотношение тем «Авиасообщение», «Испытание вакцины» и «Стопкоронавирус.рф» в новостном контенте о пандемии в Москве

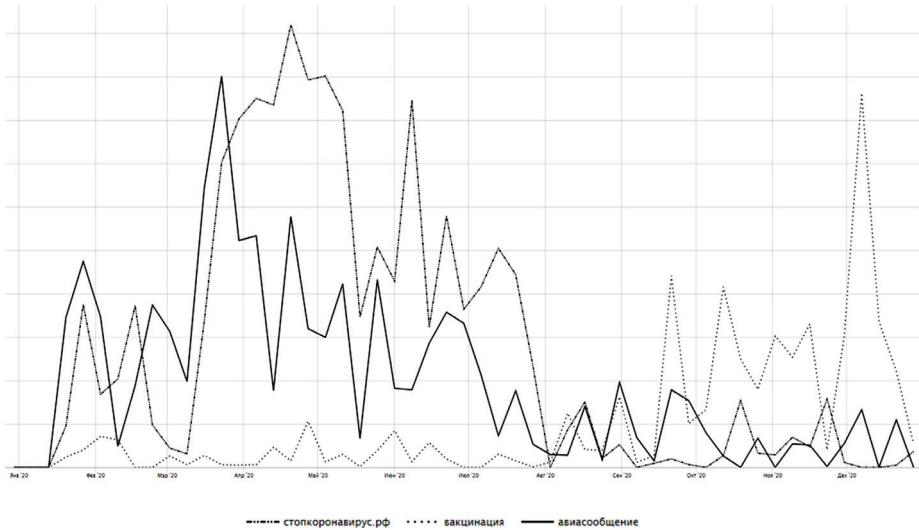

Рис. 6. Соотношение тем «Авиасообщение», «Испытание вакцины» и «Стопкоронавирус.рф» в новостном контенте о пандемии в регионах

Мы также сравнили тематическое представление развития пандемии социальных ситуаций, процессов, ею обусловленных: 1) разработка вакцины и вакцинация и 2) ограничение авиасообщения в мире.

Тема разработки вакцин, значительно уступая представлению информации о развитии самой пандемии, была представлена в новостях о Москве и регионах на протяжении всего 2020 г., закономерно отразив пиками активности регистрацию вакцин и начало вакцинации в Москве начиная с августа. Отметим различие в представлении данной темы в двух датасетах: новостных текстах о Москве наиболее частными являются лексемы, представляющие аспект исследования и испытания вакцины, в региональном контенте – процесс вакцинации, хотя в это время он еще не получил распространения в регионах.

Активизация в ведущих федеральных СМИ темы «Авиасообщение» была ответом на необходимость информирования о ситуациях эвакуации российских граждан из центров активного распространения пандемии, а затем о возможностях выезда из страны (для работы, отдыха и т.п.), что проявилось в высоком уровне пиков тем «Авиасообщение» в начале года, а затем на первой неделе марта. Два следующих и менее высоких пиков активизации данной темы в новостях о Москве соотносятся двумя решениями правительства о частичном возобновлении авиасообщения в августе и новых запретах в декабре. В региональных новостях «уровень ответа» на эти правительственные решения значительно ниже – общая частотность темы при наличии незначительных пиков активации значительно уступает летнему периоду.

Заключение

Таким образом, результаты применения автоматического тематического моделирования, выделения наиболее частотных лексических единиц, представляющих развитие пандемии в течение первого года, позволили выявить 1) значительную вариативность в синхронизации событийного ряда пандемии.

мии и его отражения в федеральных медиа, 2) сочетание тематического выделения (пики информационного тематического выделения) с удержанием значимой темы на протяжении всего года, 3) наличие варьирования тематических фокусов в соотношении с административно-территориальным своеобразием.

Вместе с тем было выявлено рассогласование нарастания критичности в развитии пандемии к концу 2020 г. и снижения уровня информационной активности в ее представлении на страницах ведущих федеральных новостных агентств, что, на наш взгляд, может интерпретироваться как один из факторов появления слухов и недостоверной информации в ситуации, характеризующейся высокими социальными рисками.

Теоретики риск-коммуникации отмечают опасность появления информационных лакун прежде всего в интерпретации реальной опасности (hazard), которая находится в фокусе внимания экспернского сообщества (в исследуемом случае – резкое повышение уровня заболеваемости в период, когда вакцинирование не приобрело массового характера). Неучет эксперты сообществом того, что волнует население, вызывает чувство возмущения, которое является фактором, усиливающим величину риска, перемноженную на вероятность того, что угроза станет реальной [12]. Как было отмечено ранее в опубликованных работах, недостаточная информированность является основанием роста недоверия к институтам власти и официальным источникам информации, что, в свою очередь, способствует распространению слухов и фейков ([3] со ссылкой на [13]). Проведенное нами исследование показало весьма высокий уровень синхронизации в изменениях событийного ряда пандемии и медийного информирования в ведущих государственных СМИ. Однако при этом были обнаружены и проявления дефицита информированности на этапах роста заболеваемости в конце 2020 г., что может, на наш взгляд, интерпретироваться как одна из неявных причин распространения слухов, заполняющих лакуны в официальных системах информации.

Список источников

1. *Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19: поощрение ответственного поведения и уменьшение пагубного воздействия ложных сведений и дезинформации.* URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 03.11.2023).
2. arXiv//. URL: <https://arxiv.org> (дата обращения: 03.11.2023).
3. Баринов Д.Н. Медиавирус страха: особенности препрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь–июнь 2020 года) // Социодинамика. 2021. № 2. С. 73–86. doi: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066
4. Пестова М.Е., Сафонов Е.А. Пандемия нового десятилетия: освещение темы коронавируса в СМИ // Медиасреда. 2020. № 17. С. 166–172.
5. *Инфодемия: существующие подходы к анализу паник, фобий, слухов, фейков во время эпидемий и предложения по борьбе с ними.* URL: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (дата обращения: 26.06.2023).
6. Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // PHILOLOGICAL SCIENCES / Colloquium-journal. 2020. № 8 (60). С. 78–79.
7. Мартыненко И.В., Стогова Е.С. Коронавирус в повестке дня информационных агентств РИА «Новости» и Reuters // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 2. С. 338–350.

8. Ван Дейк Т. Анализ новостей как дискурса // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 2000. С. 111–160.
9. Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород : ИД «Белгород» НИУ БелГУ, 2016. С. 13–22.
10. Стопкоронавирус. URL: <https://объясняем.рф/stopkoronavirus> (дата обращения: 03.11.2023).
11. Распространение COVID-19 в России. URL: <https://ria.ru/20210305/koronavirus-1599707836.html> (дата обращения: 03.11.2023).
12. Sandman P.M. Responding to community outrage: strategies for effective risk communication. Falls Church, VA: American Industrial Hygiene Association; 2012. URL: <https://www.psandman.com/media/RespondingtoCommunityOutrage.pdf> (дата обращения: 21.05.2023).
13. Gary Alan Fine. Rumor, Trust and Civil Society: Collective Memory and Cultures of Judgment // International Council for Philosophy and Human Sciences. Vol. 54, is. 1. P. 5–18. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0392192107073432> (дата обращения: 03.11.2023).

References

1. WHO. (2020) *Bor'ba s infodemiei na fone pandemii COVID-19: pooshchrenie otvetstvennogo povedeniya i umen'shenie pagubnogo vozdeystviya lozhnykh svedenii i dezinformatsii* [Combating the COVID-19 infodemic: Encouraging responsible behavior and reducing the harmful impact of misinformation and disinformation]. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (Accessed: 3rd November 2023).
2. ArXiv. [Online] Available from: <https://arxiv.org> (Accessed: 3rd November 2023).
3. Barinov, D.N. (2021) Mediavirus strakha: osobennosti reprezentatsii rossiyanskimi SMI pandemii koronavirusnoy infektsii (COVID-19) v period pervoy volny (yanvar'-iyun' 2020 goda) [Media virus of fear: features of the Russian media's representation of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic during the first wave (January–June 2020)]. *Sotsiodinamika*. 2. pp. 73–86. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066
4. Pestova, M.E. & Safonov, E.A. (2020) Pandemiya novogo desyatiletija: osveshchenie temy koronavirusa v SMI [Pandemic of the new decade: The coverage of the coronavirus topic in the media]. *Mediasreda*. 17. pp. 166–172.
5. Ranepa. (n.d.) *Infodemiya: sushchestvuyushchie podkhody k analizu panik, fobiy, slukhov, feykov vo vremya epidemiy i predlozheniya po bor'be s nimi* [Infodemic: Existing approaches to the analysis of panics, phobias, rumors, fakes during epidemics and proposals for combating them]. [Online] Available from: <https://www.ranepa.ru/documents/monitoring/120-infodemiya.pdf> (Accessed: 26th June 2023).
6. Sadykov, D.I. & Akhmetyanova, N.A. (2020) Rasprostranenie feykovykh novostey vo vremya pandemii COVID-19 [Spread of fake news during the COVID-19 pandemic]. *PHILOLOGICAL SCIENCES. Colloquium-journal*. 8(60). pp. 78–79.
7. Martynenko, I.V. & Stogova, E.S. (2021) Koronavirus v povestke dnya informatsionnykh agentstv RIA “Novosti” i Reuters [Coronavirus on the agenda of the news agencies RIA Novosti and Reuters]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 10(2). pp. 338–350.
8. Van Deyk, T. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveschensk: I.A. Baudouin de Courtenay BGK. pp. 111–160.
9. Dobrosklonskaya, T.G. (2016) Novostnoy diskurs kak ob'ekt medialingvisticheskogo analiza [News discourse as an object of medialinguistic analysis]. *Diskurs sovremennoykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya* [Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education]. Belgorod: BelSU. pp. 13–22.
10. Ob"yasnyaeem.rf. (n.d.) *Stopkoronavirus*. [Online] Available from: [https://ob"yasnyaeem.rf/stopkoronavirus](https://ob) (Accessed: 3rd November 2023).
11. RIA. (2021) *Rasprostranenie COVID-19 v Rossii* [The spread of COVID-19 in Russia]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210305/koronavirus-1599707836.html> (Accessed: 3rd November 2023).
12. Sandman, P.M. (2012) *Responding to community outrage: strategies for effective risk communication*. Falls Church, VA: American Industrial Hygiene Association. [Online] Available from: <https://www.psandman.com/media/RespondingtoCommunityOutrage.pdf> (Accessed: 21st May 2023).

13. Fine, G.A. (2007). Rumor, Trust and Civil Society: Collective Memory and Cultures of Judgment. *Diogenes*. 54(1). pp. 5–18. DOI: 10.1177/0392192107073432 (Accessed: 3rd November 2023).

Сведения об авторах:

Резанова З.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Сыпченкова Ю.Е. – лаборант лаборатории лингвистической антропологии филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: korovina.juliaa@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rezanova Z.I. – Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Department of General, Computational and Cognitive Linguistics, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Tomsk E-mail: rezanovazi@mail.ru

Sypchenkova Yu.E. – laboratory assistant at the Laboratory of Linguistic Anthropology, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: korovina.juliaa@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.11.2023;
одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 13.12.2023*

*The article was submitted 04.11.2023;
approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 13.12.2023*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 325.3

doi: 10.17223/1998863X/76/21

ИЗВИНЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ: НИДЕРЛАНДЫ В ПРОЦЕССЕ «ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОШЛОГО»

Анна Анатольевна Андреева¹, Наталья Владимировна Дрожащих²,
Галина Александровна Нелаева³

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ a.a.andreeva@utm.ru

² n.v.drozhashchikh@utm.ru

³ g.a.nelaeva@utm.ru

Аннотация. Авторы рассмотрели извинения Нидерландов перед бывшими колониями в период с 2001 по 2023 г. Были проанализированы основные дискурсивные стратегии этих текстов. Отмечается, что в извинениях обесценивается историческое прошлое, представленное жестоким и непоправимым, угрожающим стабильности и будущему европейского прогрессивного государства, а также отрицается ответственность голландцев за неподдающиеся изменениям факты насилия.

Ключевые слова: Нидерланды, Бенилюкс, извинения, дискурс анализ, историческая память, колониальное прошлое

Для цитирования: Андреева А.А., Дрожащих Н.В., Нелаева Г.А. Извинения государств за преступления колониальной эпохи: Нидерланды в процессе «преодоления прошлого» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 229–239. doi: 10.17223/1998863X/76/21

Original article

STATE APOLOGIES FOR COLONIAL-ERA CRIMES: THE NETHERLANDS “DEALING WITH ITS PAST”

Anna A. Andreeva¹, Natalia V. Drozhashchikh², Galina A. Nelaeva³

^{1, 2, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ a.a.andreeva@utm.ru

² n.v.drozhashchikh@utm.ru

³ g.a.nelaeva@utm.ru

Abstract. The resort to state apologies has become common practice in contemporary international relations. This practice is used not only by big ex-colonial powers but also by smaller states like the Benelux that are proud of their international image as progressive multicultural societies. As researchers note, state apologies for historical injustices have

become a common form of satisfaction for the inflicted harm, though without actual reparations. This diplomatic practice has become especially important in the conditions of “global crisis of liberalism” and “memory upsurge”. Post-colonial discourse has challenged North-South relations and brought about an alternative viewpoint of state responsibility for colonial crimes. This article examines the Netherlands’ apologies to the former colonies made by state representatives in the period of 2001–2023 (10 apologies in total). Using quantitative and qualitative content-analysis, we seek to uncover discursive strategies of the texts. We note that apologies tend to downplay the historical past, which is presented as cruel and irreparable, threatening the stability and future of a progressive European country. We have found out that the state’s representatives tend to deny the Netherlands’ responsibility for the past violence. Voices of victims and their descendants are silenced, subsumed by the dominant Eurocentric discourse. The past is framed as horrible/inactive, and the present/future are as positive/active. We conclude that the choice of such discursive strategies has to do with the unwillingness to address the question of reparations, with the maintenance of the country’s image as an open, tolerant liberal democracy. The plan of the future is constructed with the concepts of hope, forgiveness, development, and tolerance. The apologies reveal the dynamics of discourse associated with the increasing expression of remorse and the fact that the young generation of former colonists and their victims were included in a single multicultural space. The choice of such discursive strategies may be associated with a reluctance to resolve the issue of compensation for damage and with the maintaining of the image of the country as an open tolerant liberal democracy. Meanwhile, the discourse of apologies shows a steady tendency of European countries to engage in a dialogue with the former colonies and move away from considering them as the former victims in favor of future partners in international communication.

Keywords: Netherlands, apology, discourse analysis, historical memory, colonial past

For citation: Andreeva, A.A., Drozhashchikh, N.V. & Nelaeva, G.A. (2023) State apologies for colonial-era crimes: The Netherlands “dealing with its past”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 229–239. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/21

Введение

В последние годы в связи с актуализацией проблемы ответственности за преступления прошлого наблюдается тенденция «примирения с прошлым» путем принесения публичных извинений за совершение таких деяний, как работоговля, расовая сегрегация, уничтожение коренных народов и др. Извинения как жанр дипломатической коммуникации явление, конечно, не новое и не относящееся исключительно к европейским странам. Трагические события Второй мировой войны повлекли за собой ряд извинений со стороны стран-агрессоров, например Японии, и стали предметом обсуждения как в академической, так и в политической среде об уместности подобных заявлений как способе урегулирования межгосударственных споров и мере возмещения ущерба жертвам преступлений [1]. Несмотря на то, что проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, разработанный Комиссией международного права ООН, упоминает извинение как один из способов сatisfакции (часть 2, ст. 37), когда вред не может быть возмещен реституцией или компенсацией¹, вопрос компенсации тем не менее неразрывно связан с извинениями и отчасти объясняет *отказ* государства извиняться за определенные действия.

¹ Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. 2001. URL: www.legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf (accessed: 01.06.2023).

В литературе извинения государств рассматриваются в основном в связи с преступлениями Холокоста и других массовых нарушений прав человека. Как отмечает А. Багдонас, заблуждением было бы считать, что извинения всегда способствуют примирению сторон, бывает и наоборот – как извинения, так и отказ от извинения могут еще больше осложнить отношения между странами [2]. Тем не менее извинения остаются распространенным явлением в международных отношениях. С момента известного «коленопреклонения Вилли Брандта» в декабре 1970 г. у памятника жертвам восстания в Варшавском гетто, подобные публичные жесты и заявления стали настолько частым явлением, что позволило исследователям называть современный период истории «эпохой извинений» [3].

В настоящей статье мы рассмотрим извинения государств за преступления прошлого, а именно, колониализм и связанные с ним действия (работорговля, расовая сегрегация), а также за преступления, совершенные метрополиями в процессе деколонизации после Второй мировой войны на примере Нидерландов. Для раскрытия темы мы использовали исследовательскую литературу, посвященную проблеме «извинений государств» вообще и применительно опыта Нидерландов в частности. Кроме того, мы применили метод дискурсивного анализа для изучения официальных текстов, которые можно отнести к этому жанру. Дискурсивный анализ позволил выявить стратегии, которые используют официальные лица Нидерландов, обращаясь к проблеме колониального прошлого в отношениях с бывшими зависимыми странами. Теоретической рамкой исследования были постколониальная теория и критические исследования (анализ дискурса).

Извинения государств за «историческую несправедливость»

Большая часть извинений была принесена европейскими странами начиная с 1990-х гг., что, по мнению А. Багдонаса, связано с тремя факторами: во-первых, с огромным интересом к истории, «глобальным ростом роли памяти» (П. Нора), с осуждением Холокоста и с распространением либеральных норм защиты прав человека во всем мире [2. Р. 783]. Однако, несмотря на «каскад норм», о котором в 1990-е гг. писали представители конструктивистского подхода и который повлиял на распространение идеи универсальности прав человека в глобальном масштабе [4], идея ответственности за массовые нарушения прав человека разделяется далеко не всеми странами и в отношении не всех преступлений. Как показывает П. Селлерз, что касается рабства и работорговли, до сих пор существует заблуждение, что это явление можно рассматривать как нечто абстрактное, вне зависимости от исторического контекста. В сфере привлечения к ответственности за рабство, работорговлю и использование рабского труда нет ни адекватных правовых механизмов, ни понимания, какие действия можно отнести к «рабству» в современных условиях, не говоря уже о прошлом¹.

Рассматривая извинения за колониальные преступления, следует также учитывать «кризис либерализма», выражавшийся в «разочаровании в международном праве» [5], преодолеть который европейские страны пытаются

¹ Sellers P. Public International Law Lecture: Unlocking Slavery Crimes. Essex Law School. November 03, 2021. <https://www.youtube.com/watch?v=9gt72sEBav0> (accessed: 01.11.2023).

путем подтверждения своей идентичности как либеральных демократических держав, которые давно осознали «грехи прошлого» и готовы осуществлять «мультикультурный диалог» с бывшими колониями. Данная рамка продвигается европейскими странами в условиях «ценностной конкуренции» [6], когда Европейский союз стремится сохранить нормативную гегемонию, распространяя свои цивилизаторские идеи на «джунгли», представляющие угрозу европейскому «саду»¹. Частью этого взаимодействия с «джунглями» можно рассматривать и публичные извинения за преступления колониализма, которые, впрочем, не подразумевают каких-либо reparаций и не ориентированы на примирение с потомками жертв, а скорее являются инструментом межгосударственного взаимодействия.

Проблема преступлений колониализма и памяти об этих преступлениях в европейских странах достаточно хорошо освещена в литературе². Однако стоит отметить, что колониальная политика малых европейских государств, таких как страны Бенилюкс, изучена гораздо меньше. Эти страны представлены в литературе как движущая сила европейской интеграции, центры европейских институтов. Труды по истории европейской интеграции содержат нарративы о том, что Европейское объединение угля и стали было учреждено с целью преодоления разрушительных последствий Второй мировой войны, для достижения мира и безопасности в Европе, хотя в период создания европейских интеграционных объединений Франция, Бельгия, Нидерланды и в какой-то мере Италия, осуществлявшая «опеку» над Сомали, продолжали владеть обширными колониями. Вопрос удержания колоний играл не меньшую роль в самой инициативе европейской интеграции, чем абстрактная идея европейского единства [7]. Проблема переживания травмы и унижения в ходе немецкой оккупации рассматривается применительно к Нидерландам без упоминания того, что сразу после окончания Второй мировой войны Нидерланды осуществили крупнейшую в своей истории мобилизацию (150 000 солдат) с целью подавить индонезийское движение за независимость [8]. Лишь с конца 1990-х гг., в связи с необходимостью осмыслиения масштабов геноцида в Руанде 1994 г. и действий голландских миротворцев в Сребренице, начинается обсуждение роли отдельных европейских государств в возникновении таких трагедий – дискуссии, которые не завершены до сих пор [9].

«Цепи прошлого» в Нидерландах

История колониального прошлого Нидерландов связана с деятельностью West Indische Compagnie (WIC) и Verenigde Oostindische Compagnie (VOC) – Голландская Вест-Индская и Ост-Индская компании, занимавшиеся торговлей и колонизацией на американском континенте, в Западной Африке, Малакке, Синае и др. Голландское влияние простипалось от Нью-Йорка, основанного голландскими колонистами и носившего название Новый Амстердам, до стран и островов Вест-Индии, таких как Суринам и антильские острова Аруба, Бонэйр, Кюрасао и др. Некоторые из этих территорий до

¹ European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell at the inauguration of the pilot programme. Bruges. October 13, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (accessed: 01.06.2023).

² См., например: Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies. Book Series. URL: <https://link.springer.com/series/13937> (accessed: 12.09.2023).

сих пор являются частью Королевства Нидерландов как отдельные страны (Аруба, Кюрасао, Синт-Мартен) или как «особые» муниципалитеты (Бонэйр, Синт-Эстатиус и Саба). С обретением Индонезией и Суринамом независимости Нидерланды потеряли свои крупнейшие колонии. Война Индонезии за независимость, начавшаяся в 1945 г., сопровождалась многочисленными случаями насилия. В 2011 г. суд в Гааге принял к рассмотрению иск вдов, потерявших своих мужей в ходе событий в Равагеде, что стало толчком для дискуссий вокруг колониального прошлого страны [10]. Как отмечает П. Дулан, обсуждение трагических эпизодов войны Нидерландов и Индонезии начали не историки, а военные, недовольные тем, что их усилия по удержанию Индонезии обществом не были оценены. Историки же до сих пор предпочитают обсуждать этот период в терминах «эксцессов», имевших место в ходе конфликта [8]. Немаловажной группой акторов, чей опыт, по их мнению, был обесценен и забыт, были белые переселенцы, вернувшиеся в Нидерланды после начала военных действий. Во-первых, они пострадали от японской агрессии в ходе оккупации Индонезии Японией, так как были интернированы японцами в специальные лагеря, где их содержали в бесчеловечных условиях. Во-вторых, они, уезжая, потеряли собственность и долгие годы были вынуждены добиваться компенсации. Среди возвращавшихся бывших колонистов было много людей смешанного происхождения, которые были недовольны бытовой ксенофобией, не позволявшей интегрироваться в общество. И, наконец, большую группу переселенцев составляли молукканцы, сражавшиеся на стороне голландцев и вынужденные покинуть Индонезию из соображений безопасности. Именно молукканцы, проживавшие в малопригодных для жизни помещениях и не имевшие возможности полноценного участия в экономической и политической жизни страны, совершили несколько крупных терактов на территории Нидерландов, таких как захват посольства Индонезии в Гааге в 1970 г., что стало толчком для обсуждения проблемы интеграции мигрантов неевропейского происхождения в общество [11].

В конце 2010-х гг. появились исследования, в которых давалась переоценка действиям колониальных войск (например, книга историка Реми Лимпаха «De brandende kampongs van generaal Spoer» – «Горящие кампонги генерала Спур») и которые стали отправной точкой других исследовательских проектов, посвященных колониальному прошлому. Исследовательский проект «Независимость, деколонизация, насилие и война в Индонезии 1945–1950» начался в 2017 г. и завершился в феврале 2022 г. Эксперты пришли к выводу, что хотя насилие совершалось обеими сторонами конфликта, позиция голландского правительства, что в ходе конфликта были допущены «некоторые эксцессы», несостоятельна, так как голландцы применяли насилие систематически, исходя из убеждения в собственном превосходстве и своей «особой миссии на Востоке»¹.

В 2021 г. появился отчет специальной комиссии по истории рабства «Цепи прошлого», созданной Министерством внутренних дел и дел Королевства, где подчеркивалось, что население Нидерландов очень плохо осведомлено об участии страны в глобальной работорговле. Эксперты рекомендовали

¹ Independence, decolonization, violence and war in Indonesia, 1945–1950. NIOD. URL: <https://www.niod.nl/en/projects/independence-decolonization-violence-and-war-indonesia-1945-1950> (accessed: 01.11.2023).

признать свою роль в работоторговле и создать специальный фонд, из которого бы выплачивались репарации¹.

Извинения Нидерландов за колониальное прошлое: дискурсивные стратегии

Общей теоретической рамкой, используемой для анализа текстов извинений, является постколониальная теория (Э. Сайд, Х. Бхабха, Г.Ч. Спивак), которая позволяет рассмотреть то, как представлен и проблематизирован «другой», как сконструирована в текстах тема третьего мира и последствия насильственных действий европейских держав по отношению к бывшим колониям. Несмотря на противоречивость современных постколониальных исследований, некоторую предметную размытость, мы исходим из того, что деколониальная оптика дает возможность критически осмыслить современную действительность, сконструированную в «матрице» колониального мышления, что особенно характерно для риторики бывших империй по отношению к бывшим колониям. Методология исследования включает критический анализ дискурса, дополняемый качественным и количественным контент-анализом текстов извинений [12]. Мы фиксируем внимание на том, как в извинениях представлены концепция примирения, вина за насилие, его последствия, акторы извинения, временные парадигмы и версии прошлого [13].

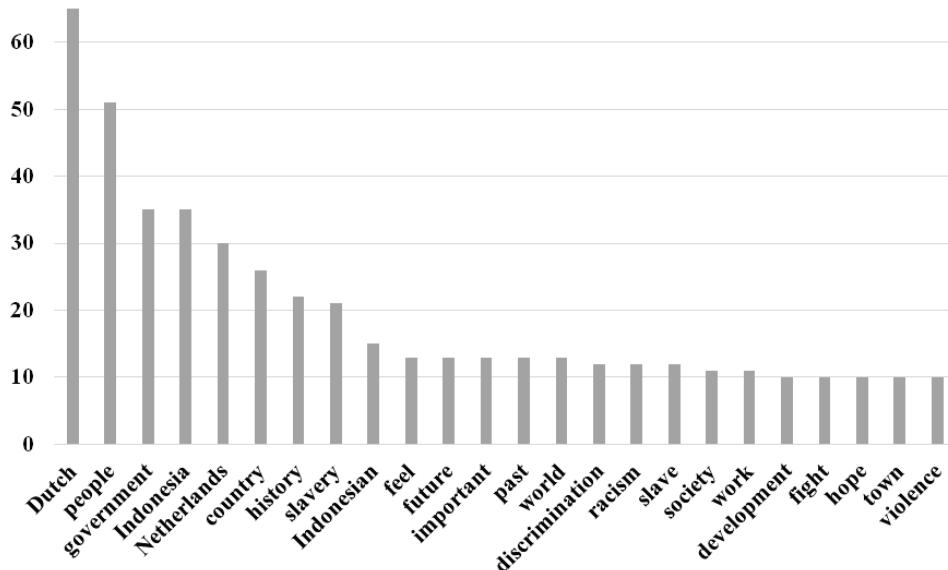
Материалом для анализа послужили тексты дипломатических извинений Нидерландов с сайта politicalapologies.com, находящегося в свободном доступе. Извинения можно отобрать по фильтрам (страна, конкретное нарушение прав человека, контекст события, акторы, жанр текста). Всего в базе данных по Нидерландам находятся 17 текстов извинений, из которых мы исключили извинения, касающиеся внутриполитических вопросов, в частности, таких как использование насильственного женского труда прачечными, управлявшими католической конгрегацией *Zusters van de Goede Herder* в 1940–1970-е гг., а также извинение министра обороны Нидерландов родственникам жертв геноцида в Сребренице. Оставшиеся 9 текстов из этого ресурса вошли в корпус. Это извинения, сделанные в 2001–2022 гг. официальными лицами страны, в частности, королем Нидерландов Виллемом-Александром, послом Нидерландов в Индонезии Тьеердом де Звааном, премьер-министром Нидерландов Марком Рютте и др. Извинения касались событий в Индонезии конца 1940-х гг., одно посвящено работоторговле в Гане, и одно извинение затрагивает участие Нидерландов в работоторговле вообще. Текст извинения 2023 г. был взят с официального сайта Королевского дома Нидерландов². Извинения были адаптированы как непосредственно странам (Индонезии, Гане), так и международному сообществу в целом.

Наиболее употребительные тематические лексемы включают 473 леммы с частотностью 10–65 из общего количества 2 400 словоупотреблений в

¹ Report of findings by the Slavery History Dialogue Group Advisory Board. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2023/07/20/chains-of-the-past---report-of-findings> (accessed: 01.11.2023).

² Dutch King Willem-Alexander speaks at an event to commemorate the anniversary of the abolition of slavery by the Netherlands in Amsterdam. Royal House of the Netherlands. July 01, 2023. URL: <https://www.royal-house.nl/documents/speeches/2023/07/01/speech-by-king-willem-alexander-at-the-commemoration-of-the-role-of-the-netherlands-in-the-history-of-slavery> (accessed: 28.10.2023).

текстах извинений Нидерландов. Эти наиболее частотные слова составляют 19,7% от общего количества всех словоупотреблений. Наиболее частотной оказывается лексема *голландский* (65 словоупотреблений), лексема *индонезийский* представлена 15 словоупотреблениями. Лексемы *голландский* и *Нидерланды* почти в два раза превышают использование лексем *Индонезия* и *индонезийский* (рисунок).

Наиболее частотные тематические лексемы в текстах извинений Нидерландов

Наиболее частотные лексемы ориентируют на два концептуальных пространства: 1) исторического прошлого; 2) настоящего и будущего. Прошлое (*past, history*) связано с рабством, дискриминацией, расизмом, оккупацией, насилием, несправедливостью, трагедией, пытками, болью. Прошлое несовершенно, его нельзя стереть, но из него можно извлечь уроки (ср.: *величайшая несправедливость прошлого; общее прошлое; учиться на уроках прошлого*) и даже оправдывать существовавшими в то время законами¹. Вместе с тем прошлое достойно сожаления и прощения, за него уже никто не несет ответственности. Контексты будущего (*future*), напротив, связаны с надеждой, прощением, совместной работой, развитием, исцелением, покорением будущего, диалогом культур, терпимостью (ср. *солнечное будущее; путешествие по пути в будущее; прощать зло; углубить нашу дружбу преданностью и гармонией; способствовать исцелению, примирению и выздоровлению; смотреть в будущее с открытыми глазами; универсальность прав человека; понимание и терпимость* и т.д.). Особо подчеркивается мультикультурализм нидерландского сообщества: *голландское общество является мультикульту-*

¹ Dutch King Willem-Alexander speaks at an event to commemorate the anniversary of the abolition of slavery by the Netherlands in Amsterdam. Royal House of the Netherlands. July 01, 2023. URL: <https://www.royal-house.nl/documents/speeches/2023/07/01/speech-by-king-willem-alexander-at-the-commemoration-of-the-role-of-the-netherlands-in-the-history-of-slavery> (accessed: 28.10.2023).

турным, это «салат» из людей, которые живут вместе в относительном мире и согласии¹.

Хотя тексты написаны на голландском / английском языках, они содержат вставки на индонезийском языке – приветствия, благодарности, пожелания, в частности: *Mari kita menyongsong masa depan bersama-sama dengan rupuh keyakinan* «Давайте отправимся в будущее, доверяя друг другу»; *Per-sahabatan tidak mengenal batas negara* «Дружба не знает границ»². В тексте извинения посла Нидерландов в Индонезии Николаоса ван Дама, за убийство голландскими солдатами 431 жителя Равагеде в Индонезии есть выражение на индонезийском языке: *rasa penyesalan* «глубокое сожаление».

Построение текста выдвигает на первый план информацию о Нидерландах и голландцах: «Когда я учился в школе, я узнал о Голландской империи, ее колониях... Я также узнал о Рембрандте, Ван Гоге и других известных голландцах... Мы мало слышали об эксплуатации чернокожих на плантациях»³. Информация о жертвах работорговли и насилия подается в минимальном объеме: непосредственные представители коренного населения упоминаются лишь в контексте рассказа о событиях прошлого и не являются главными героями происходящего. Из общего количества 2 400 единиц лексемы раб, жертва, африканцы, темнокожие, порабощенные и другие составляют 2,5% словоупотреблений. В целом высказывания, включающие ключевые слова, несущие семантику извинения извиняясь, извинение, прощать, раскаяние, сожаление и др., составляют 6,5% от общего количества 352 предложений в текстах извинений.

Таким образом, дискурсивные стратегии формируются избирательным представлением «другого», который остается в текстах извинений по большей части отсутствующим, тогда как современное голландское правительство, общество, Нидерланды – значимые, весомые акторы. Сами извинения, которые представлены богатым спектром лексем и включают в себя также элементы индонезийской, т.е. иной (экзотической) культуры в виде обращений, приветствий, возваний и т.п., не всегда содержательны, поскольку причины извинений, страдания жертв, причиненный урон и степень вины обсуждаются меньше, чем сам факт извинения.

Дополняя критический анализ дискурса качественным контент-анализом, можно отметить, что в текстах извинений конструируются локусы истории, которые в большей степени связаны с Нидерландами, чем с практиками насилия в Индонезии. В первом тексте извинений в 2001 г. используется кольцевая композиция «личной истории» голландского министра, распространенной на все поколение. Он начинает с опыта «невинного ребенка», в учебнике которого было едва пять строк о колониях Голландии, чем и объясняет личную и вместе с тем всеобщую неосведомленность голландского об-

¹ Speech by Roger van Boxtel, Netherlands Minister for Urban Policy and Integration of Ethnic Minorities. “A new beginning”. UN World Conference Against Racism. September 02, 2001. URL: https://www.politicalapologies.com/?page_id=1207 (accessed: 28.10.2023).

² Dutch Minister Ben Bot expressed profound regret for the suffering caused by country's large-scale deployment of military forces in Indonesia in 1947. August 16, 2005. URL: https://www.politicalapologies.com/?page_id=1118 (accessed: 28.10.2023).

³ Speech by Roger van Boxtel, Netherlands Minister for Urban Policy and Integration of Ethnic Minorities. “A new beginning”. UN World Conference Against Racism. September 02, 2001. URL: https://www.politicalapologies.com/?page_id=1207 (accessed: 28.10.2023).

щества о фактах колонизации, а заканчивает надеждой на то, что будущим поколениям будут доступны учебники с переработанной историей. Реальные исторические факты насилия и работорговли в этом же тексте заменяются проблемами современного мультикультурного голландского общества, расизма и дискриминации в нем. Таким образом, акцент делается на современной Европе и цивилизаторской, активной, прогрессивной миссии по отношению к бывшим колониям.

Между тем с 2013 г. можно увидеть некоторую тенденцию отхода от формальных слов раскаяния к выраженной экспрессии в оценке степени вины Голландии, эмоциональному накалу раскаяния. Образ будущего становится оппозиционен прошлому, он устойчиво ассоциируется с молодым поколением, которое объединяет страны и является общим, прогрессивным, активным. По большей мере извинения приносятся за несоблюдение западных норм и ценностей, таких как расизм, дискриминация, нарушение прав человека, чем за конкретные зверства и жестокости колонистов. В текстах извинений обнаруживаются попытки найти общий язык, например, через приветствия, благодарности, пожелания на индонезийском языке, однако они не выходят за рамки формальности.

Выводы

Как показывает проведенное исследование, дипломатические извинения за колониальное прошлое являются важной частью международной политики государств. Они создают новый нарратив о европейском прошлом, освобожденном через признание вины, раскаяние и предложение сотрудничества. Тексты извинений насыщены экспрессивной лексикой, драматизмом раскаяния. В европейских странах, в частности в Нидерландах, вопрос колониального прошлого тесно связан с имиджем государства как открытого, толерантного и современного, что объясняет, почему извинения за преступления в Индонезии или других колониях преподносятся как пройденный этап, часть трагического прошлого, которое нужно оставить позади и двигаться дальше. Данный подход характерен и для других европейских стран и всего Европейского союза в целом [14]. Универсалистский подход в стратегии извинения подразумевает согласие «другого», т.е. жертвы непоправимого колониального прошлого, с доминирующим европоцентристским дискурсом. Отметим, что процесс принятия своей «колониальной истории» европейскими странами происходит сложно и внутренне противоречиво, что подчеркивает стремление к диалогу с бывшими колониями и желание включить их в современное дискурсивное пространство как потенциальных партнеров, а не только жертв колонизации. Такие проекты, как «Цепи прошлого», призваны проблематизировать историческую память и пересобрать наднациональную европейскую идентичность.

Список источников

1. Seraphim F. A Japan that Cannot Say Sorry? // Replicating Atonement / ed. by M. Gabowitsch. Cham : Palgrave Macmillan, 2017. P. 25–36.
2. Bagdonas A. Historical State Apologies // The Palgrave Handbook of State-Sponsored History After 1945 / ed. by B. Bevernage, N. Wouters. London : Palgrave Macmillan, 2018. P. 775–779.
3. Zoodsma M., Schaafsma J. Examining the ‘age of apology’: Insights from the Political Apology database // Journal of Peace Research. 2022. Vol. 59, № 3. P. 436–448.

4. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52, № 4. P. 887–917.
5. Peters A. The deconstitutionalisation of international law in times of populism and pandemic // University of Nottingham. 2021. URL: www.mpil.de/files/pdf6/apeters_deconstitutionalisation-v1.pdf (accessed: 01.06.2023).
6. Kratochvíl P., Doležal T. The European Union and the Catholic Church. Central and Eastern European Perspectives on International Relations. London : Palgrave Macmillan, 2015.
7. Hansen P., Jonsson S. Building Eurafrica: Reviving Colonialism through European Integration. In: Echoes of Empire. Memory, Identity and the Legacy of Imperialism / ed. by K. Nicolaïdis et al. London ; New York : I.B. Tauris, 2015. P. 209–226.
8. Doolan P. Collective Memory and the Dutch East Indies: Unremembering Decolonization. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2021.
9. Schimmel N. A Postcolonial Reflection on the Rwandan Genocide Against the Tutsi and Statement of Solidarity with Its Survivors // Journal of Victimology and Victim Justice. 2021. Vol. 4, № 2. P. 179–196.
10. Immler N.L., Scagliola S. Seeking justice for the mass execution in Rawagede. Probing the concept of ‘entangled history’ in a postcolonial setting // Rethinking History. 2020. Vol. 24, № 1. P. 1–28.
11. Oostindie G. Postcolonial Netherlands: Sixty-Five Years of Forgetting, Commemorating, Silencing. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2011.
12. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse studies. A multidisciplinary introduction / ed. by T.A. van Dijk. SAGE Publications, 1997. P. 258–284.
13. van Dijk T.A. Ideology: a Multidisciplinary Approach. SAGE Publications, 2000.
14. Sierp A. EU Memory Politics and Europe’s Forgotten Colonial Past // Interventions. 2020. Vol. 22, № 6. P. 686–702.

References

1. Seraphim, F. (2017) A Japan that Cannot Say Sorry? In: Gabowitsch, M. (ed.) *Replicating Atonement*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 25–36.
2. Bagdonas, A. (2018) Historical State Apologies. In: Bevernage, B. & Wouters, N. (eds) *The Palgrave Handbook of State-Sponsored History After 1945*. London: Palgrave Macmillan. pp. 775–779.
3. Zoodsma, M. & Schaafsma, J. (2022) Examining the ‘age of apology’: Insights from the Political Apology database. *Journal of Peace Research*. 59(3). pp. 436–448.
4. Finnemore, M. & Sikkink, K. (1998) International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*. 52b(4). pp. 887–917.
5. Peters, A. (2021) *The deconstitutionalisation of international law in times of populism and pandemic*. [Online] Available from: www.mpil.de/files/pdf6/apeters_deconstitutionalisation-v1.pdf (Accessed: 1st June 2023).
6. Kratochvíl, P. & Doležal, T. (2015) *The European Union and the Catholic Church. Central and Eastern European Perspectives on International Relations*. London: Palgrave Macmillan.
7. Hansen, P. & Jonsson, S. (2015) Building Eurafrica: Reviving Colonialism through European Integration. In: Nicolaïdis, K. et al. (eds) *Echoes of Empire. Memory, Identity and the Legacy of Imperialism*. London; New York: I.B. Tauris. pp. 209–226.
8. Doolan, P. (2021) *Collective Memory and the Dutch East Indies: Unremembering Decolonization*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
9. Schimmel, N. (2021) A Postcolonial Reflection on the Rwandan Genocide Against the Tutsi and Statement of Solidarity with Its Survivors. *Journal of Victimology and Victim Justice*. 4(2). pp. 179–196.
10. Immler, N.L. & Scagliola, S. (2020) Seeking justice for the mass execution in Rawagede. Probing the concept of ‘entangled history’ in a postcolonial setting. *Rethinking History*. 24(1). pp. 1–28.
11. Oostindie, G. (2011) *Postcolonial Netherlands: Sixty-Five Years of Forgetting, Commemorating, Silencing*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
12. Fairclough, N. & Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: van Dijk, T.A. (ed.) *Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction*. SAGE Publications. pp. 258–284.
13. van Dijk, T.A. (2000) *Ideology: a Multidisciplinary Approach*. SAGE Publications.
14. Sierp, A. (2020) EU Memory Politics and Europe’s Forgotten Colonial Past. *Interventions*. 22(6). pp. 686–702.

Сведения об авторах:

Андреева А.А. – кандидат филологических наук, кафедра философии, медиа и журналистики, Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: a.a.andreeva@utmn.ru

Дрожащих Н.В. – доктор филологических наук, кафедра прикладной и теоретической лингвистики, Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.v.drozhashhikh@utmn.ru

Нелаева Г.А. – кандидат политических наук, кафедра международных отношений и зарубежного регионоведения, Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Andreeva A.A. – Cand. Sci. (Philology), Department of Philosophy, Media, and Journalism, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.a.andreeva@utmn.ru

Drozhashchikh N.V. – Dr. Sci. (Philology), Department of Applied and Theoretical Linguistics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.v.drozhashhikh@utmn.ru

Nelaeva G.A. – Cand. Sci. (Philology), Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: g.a.nelaeva@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*
*The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 32

doi: 10.17223/1998863X/76/22

ВОЗМОЖНОСТИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В СТАБИЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

Оксана Сергеевна Морозова¹, Тимофей Павлович Рудас²

^{1, 2} Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия

¹ *ok.morozova@365.rsu.edu.ru*

² *tim.rudas@mail.ru*

Аннотация. Неформальные институты все чаще становятся предметом научного интереса у исследователей как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. Одним из ярких примеров неформальных институтов являются локальные африканские течения и формации, которые постепенно все сильнее интегрируются в политическую жизнь на континенте.

Ключевые слова: традиционные охотники Дозо, неформальные институты, региональная безопасность

Для цитирования: Морозова О.С., Рудас Т.П. Возможности неформальных политических институтов в стабилизации политических отношений в Западной Африке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 240–248. doi: 10.17223/1998863X/76/22

Original article

THE CAPABILITY OF INFORMAL POLITICAL INSTITUTIONS TO STABILIZE POLITICAL RELATIONS IN WEST AFRICA

Oksana S. Morozova¹, Timofey P. Rudas²

^{1, 2} Ryazan State University, Ryazan, Russian Federation

¹ *ok.morozova@365.rsu.edu.ru*

² *tim.rudas@mail.ru*

Abstract. Modern political science within the framework of the study of informal institutions allows us to project the accumulated theoretical and empirical experience on the countries of the African continent. It becomes possible to trace the practice of integrating informal institutions with a touch of ethnic culture into the political life of the Sahel countries. The traditionality of society, and its simultaneous dynamism in development and change, is exactly what makes the African experience unique in comparison with any other. Considering informal institutions through the prism of the classification of Helmke, it is possible to find certain deviations from the proposed approach, which is associated with the absolute identity of the African society. Subjects to a brief comparison and analysis are West African units such as: Traditional Dozo hunters, which have spread in the Sahel countries; the Congolese May-May movement, which has become a kind of a symbol of the national militia in Africa; Azawadi combatants from the Platform and CMA associations in northern Mali; the Vigilance and Patriotic Defense Brigade, representing the national militia from Burkina Faso. This far from complete list of informal institutions, however, demonstrates

how widespread they are on the continent, and how serious an impact they have on the political situation in each of the states. Parallel attempts by European countries and UN missions to gain a foothold on the mainland and stabilize the processes of rapid escalation of armed conflicts are traced. Their effectiveness in some cases is called into question, which is proved by the gradual outflow of foreign military personnel from Africa. As a conclusion, it can be noted that national community-based armed groups in a legalized and “polished” form, taking into account their partial integration into regular army units, can be the very solution that many countries of the “golden” continent are looking for. The research of such observations is the subject of scientific interest within the framework of the article.

Keywords: Traditional Dozo hunters, informal institutions, regional safety and security

For citation: Morozova, O.S. & Rudas, T.P. (2023) The capability of informal political institutions to stabilize political relations in West Africa. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 240–248. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/22

Введение

История Африки насыщена драматическими событиями, и в условиях продолжающегося преодоления последствий колонизации развитие африканских стран крайне неравномерно и далеко от политической и экономической стабильности. Африканский континент богат залежами полезных ископаемых от западной части до южного побережья континента. Однако вопрос привлечения иностранных инвестиций базируется не только лишь на ресурсном потенциале, но и на возможности долгосрочного планирования проектов, для которых необходимым условием является минимизация рисков, связанных с экстремистской активностью в регионе. Проблема состоит в том, что формальные институты практически в любой африканской стране ослаблены и зачастую не способны полномасштабно функционировать, что приводит к интенсивному развитию неформальных.

Существует ряд подходов к изучению формальных и неформальных политических институтов. Формальные институты в большинстве случаев функционируют на основе правил взаимодействия в виде законодательных актов [1], неформальные могут базироваться на обычаях, привычках и неписанных кодексах [2]. Данной позиции также частично придерживается Г. Хелмке, профессор политологии Рочестерского университета. Она отмечает: «Некоторые исследователи ставят знак равенства между неформальными институтами и культурными традициями» [3. С. 192]. Вопрос о причинах и механизмах их возникновения нередко поднимается в рамках профессиональной полемики.

В работе «Неформальные институты и сравнительная политика», С. Левитски и Г. Хелмке разбирают четыре типа неформальных институтов, а также рассматривают разницу между понятиями «неформальные институты» и «неформальные организации». Авторы определяют неформальный институт как «*принятые в обществе, обычно не писаные правила, создающиеся, становящиеся известными и насажддающиеся вне официально санкционированных каналов*» [3. С. 192].

Метод структурного функционализма также используется для анализа рассматриваемых институтов, поскольку, как отмечает Г.В. Голосов, «*структурно-функциональный анализ – это выявление структуры общества (или любой его сферы) и последующее изучение функций, выполняемых ее*

элементами» [4. С. 25]. С. Левитски и Г. Хелмке находят общие структурные элементы в природе необходимости образования неформальных институтов и выделяют три основных. *Во-первых, акторы создают неформальные правила из-за неполноты формальных институтов; во-вторых, неформальные институты могут оказаться «запасной» стратегией для акторов, которые предпочитают формальные институциональные решения, но не всегда могут их добиться; третий мотив для создания неформальных институтов – стремление к целям, которые не считаются общественно приемлемыми.*

Таким образом, методологической основой исследования стали институциональный, сравнительный и структурно-функциональный подходы.

Основная часть

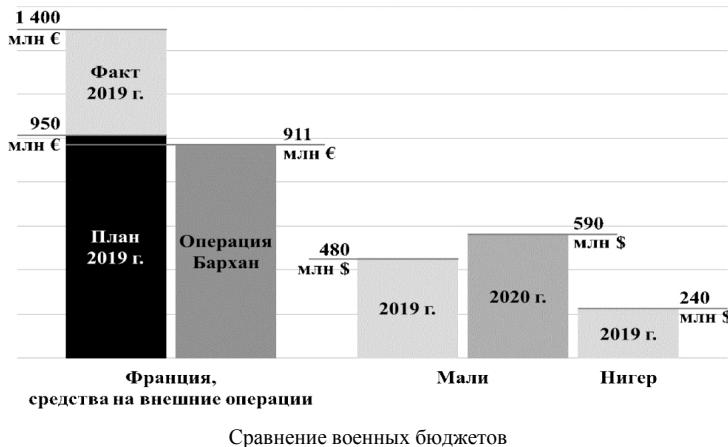
Полоса африканской земли южнее Сахары, от Атлантики до Красного моря, называется Сахелем. Центр региона образуют Мали, Буркина-Фасо и Нигер. Из-за перманентной эскалации вооруженных конфликтов территория погрузилась в голод и нищету, а транснациональные группировки используют торговлю золотом для финансирования своих расходов. По данным UN Refugee Agency [5] за 2020 г., по меньшей мере 13,4 млн человек, проживающих в Сахеле, нуждаются в гуманитарной помощи, а 2,7 млн вынуждены были покинуть свои дома. Регион испытывает многоуровневый системный кризис. Это касается в том числе и вопроса безопасности приисков, имеющих плотное сосредоточение на западной территории южнее Магриба. Конгломерат стран Западной Африки лишен возможности привлекать иностранных инвесторов, обеспечивая приток капитала в свою экономику в связи с напряженной ситуацией в аспектах безопасности. Францией был развернут контингент до 5 000 военнослужащих, действующих совместно с войсками Организации Объединенных Наций (ООН) и другими европейскими спецподразделениями, но это имело весьма ограниченный эффект.

Нередко вопреки всеобщему ожиданию международные коалиции и масштабные, организуемые внешними силами контртеррористические операции (далее – КТО) в регионе не дают желаемого результата. Присутствие контингента ООН, к примеру в Мали, как попытка решить сложившийся кризис терпит очередную неудачу. Страны – члены миссии одна за другой прекращают свою деятельность в регионе. Вслед за Германией [6] миротворческие силы выводят Великобритания и Кот-д'Ивуар.

Как известно, подразделения международной комплексной миссии ООН находятся в районе Гао. Там же, в Интахаке, расположен один из крупнейших золотых приисков, и в настоящее время, как утверждает France 24 [7], он контролируется туарегами. Также известно о завершении операции «Бархан», проводимой Францией против джихадистских формирований в регионе. Об этом открыто заявил французский президент Эммануэль Макрон в программной речи [8] по военной политике, произнесенной в Тулоне 9 ноября 2022 г.

Два вышеупомянутых фактора поднимают вопрос о том, каким образом стоит эффективно обеспечить безопасность региона и объектов инфраструктуры по добыче полезных ископаемых, если альянсы стран и мнонациональные миссии сворачивают свои миротворческие силы. Французский бюджет на внешние операции планово на 2019 г. должен был составить 950 млн евро, од-

нако перевалил за 1,4 млрд [9]. По сообщениям французской прессы, дополнительные расходы на операцию «Бархан» в 2020 г. достигли 911 млн евро уже в октябре. Естественно, подобными финансовыми мощностями для проведения контртеррористических операций страны Сахеля не обладают. К примеру, оборонный бюджет Мали в 2020 г. составил всего лишь 590 млн долл. [10], а в 2019 г. – 480 млн [11]. Еще менее перспективными кажутся показатели Нигера, где на 2020 г. пришлось всего 240 млн долл. [12] (рисунок).

Большой рост населения, а также слаборазвитая экономика не дают странам региона проводить успешные КТО, призванные стабилизировать безопасность в Сахеле, что, в свою очередь, как было упомянуто ранее, влияет на решение иностранных, в том числе российских, инвесторов осваивать регион добычи. Как известно, российский гигант горной индустрии Нордголд (*Nordgold*) объявил о заморозке рудника Тапако (*Taparko*) [13]. В своем интервью *France 24* итalo-швейцарский бизнесмен Д. Литтера, возглавляющий аффинажный завод в Бамако, сообщил, что планировал построить 15 центров сбора и обслуживания для старателей, однако ему также пришлось приостановить проект по соображениям безопасности [14].

Конфликтный потенциал региона создает запрос на пути решения сложившихся проблем. Элиты таких стран, как Мали, Нигер и Буркина-Фасо, из-за частой ротации не смогли обеспечить защиту для широких слоев населения и создать условия для привлечения иностранных инвестиций. На Африканском континенте, помимо частных военных компаний, использующихся повсеместно, имеются свои неординарные практики по обеспечению безопасности на приисках. Одной из них является вовлечение таких неформальных институтов, как братство традиционных охотников *Dozo*. *Dozo* (или *Donzo*) – традиционные охотники на севере Кот-д'Ивуара и юге Мали, а также Буркина-Фасо. Членство в братстве составляют только посвященные мужчины.

Ярким примером могут служить шахты, расположенные на границе Кот-д'Ивуара и Мали. Что интересно, инфраструктура добычи, расположенная в районе Тенгерла (TENGRELA), имеет легальный статус кооператива и не является объектом крупных корпораций. Большинство шахт расположено в супрефектуре Папара (*Papara*). С точки зрения единого комплексного про-

цесса охраны такого объекта ивуарийцы пользуются, как уже сказано, не самым стандартным, однако вполне эффективным и оправданным решением. Во-первых, предпочтение в охране отдается гражданам Кот-д'Ивуара (для того, чтобы предотвратить проникновение джихадистов), а во-вторых, охотники Dozo, поддерживающие правоохранительные органы в данном регионе, круглосуточно контролируют аспекты, связанные с безопасностью, обеспечивая стабильную работу прииска.

Формально в рамках исследования допускается сравнение Дозо со схожими организациями по всей Африке. Примером могут выступать *камаджоры*, традиционные охотники из Сьерра-Леоны, или либерийские *поро*. Нередко можно увидеть аналогию и с конголезским движением *Май-май*. Совершенно очевидно, что в политическом контексте сравнение с последними допустимо, однако в своем протоназначении течения сильно разнятся.

Фундаментальным отличием является тот факт, что Дозо в отличие от *Май-май* изначально сформировалось как охотничий коллектив, преимущественно относящийся к западноафриканской языковой группе «*мандё*» (*образует отдельную подсемью в семье нигеро-конголезских языков*). Дозо не являются самостоятельной этнической группой, а возможность непосредственного членства появляется после специальной процедуры посвящения и не передается по наследству. *Май-май* (в ином прочтении *Майи-майи*) является в чистом виде вооруженным отрядом местного населения, действующим в интересах национальных и иностранных, правительственныех и партизанских групп.

Уникальный по своей природе опыт демонстрирует Мали. Азавадское формирование «Платформа», объединяющее несколько движений туарегов, 1 октября 2022 г. опубликовало *communiqué* [15], в котором объявило о мобилизации для сдерживания наиболее агрессивного врага в лице Исламского государства в Большой Сахаре (EIGS) (*запрещено на территории Российской Федерации*). Еще одна влиятельная коалиция туарегов, СМА, запускает операцию «*Тартит*» [16], призванную стабилизировать обстановку и повысить меры безопасности на контролируемой ей территории. Не являясь государственными структурами, ополчения туарегов берут на себя пласт обязанностей, связанных с обеспечением безопасности северных регионов Мали, в том числе располагаемых на них приисках.

Несмотря на то, что некоторые течения (к примеру, СМА) носят сепаратистский характер, на севере Мали им принято отводить роль защитников самопровозглашенного региона «Азавад». Определенной лояльности официальных властей в Бамако добиться им все же удалось, однако ситуация осложняется тем, что туарегам приходится зачастую идти на компромисс с весьма спорными формированиями, такими как Джамаат Нусрат Аль-Ислам Валь-Муслимин (JNIM) (*запрещено на территории Российской Федерации*).

Алжирское соглашение [17], поддерживающее шаткий «мир» между Азавадом и Бамако, придает долю легитимности туарегским объединениям. В таком ракурсе допустимо рассматривать такие формирования, как «Платформа» и «Координация движения Азавада» (MNLA, HCUA, МАА), в качестве неформальных институтов, хоть и с трудом, но поддерживающих отношения с официальными органами власти в рамках территориальной обороны северных рубежей республики.

Буркина-Фасо также проводит мобилизационные мероприятия, направленные на формирование дополнительного резерва из числа добровольцев. *Comptinique* [18] требует от населения выделить 15 000 ополченцев, которые будут направлены на территорию, подверженную эскалации. Власти страны прибегали к схожим решениям до последнего военного переворота, однако на тот раз требовалось собрать 30 000 бойцов, которые оставались бы в своих округах и осуществляли деятельность по территориальной обороне от экстремистов.

В контексте Дозо уместно говорить о выполнении не только правоохранительных функций братством, но и частичной замены регулярной армии в некоторых странах западной Африки. Так, Г. Хелмке, являясь экспертом по Латинской Америке, приводит схожий пример с «*rondas campesinas*» (патрули самообороны), которые были популярны в северном Перу семидесятых годов прошлого столетия из-за недостаточной полицейской защиты. Для Африки это частая практика. Впервые об использовании братства охотников в политических целях заговорили еще во время гражданской войны в Кот-д'Ивуаре. Именно тогда они приобрели известность, выступая в качестве мощной вооруженной силы, взявшей на себя функции органов правопорядка на севере страны.

Рассматривая охотников Дозо как пример неформального института, можно описать его в ином, отличном от классификации Г. Хемлике формате. К примеру, Ивуарийское движение братства охотников Дозо прекрасно подходит под определение неформального института и попадает сразу под два из четырех типов в классификации авторов. Однако условие отсутствия официальной санкции спорно. По определению, Дозо – самобытная организация, не имеющая изначально политической ангажированности. Идея братства строится на культурных традициях, но его деятельность поддерживается действующим правительством. Подобный пример не единственный. Идея создания народной милиции в Буркина-Фасо нашла поддержку в парламенте государства. Таким образом, неформальные институты не просто существуют наряду с формальными, но и играют весомую роль в обеспечении их эффективности. По классификации Хелмке, подобные неформальные институты называются *дополняющими*. Схожими характеристиками обладают *замещающие*. Как описывают авторы, замещающие неформальные институты используются теми акторами, которые стремятся к результатам, совместимым с формальными правилами и процедурами. Они помогают добиться того, что теоретически должны выполнять формальные институты, если бы не их неэффективность [3. С. 198].

Выводы

Учитывая особый характер такого неформального института, которыми являются охотники Дозо, представляется целесообразным дополнить классификацию Г. Хелмке еще одним видом, который бы наиболее полно отражал его сущность, когда деятельность неформального института официально санкционируется государством, фактически приближая его к формальным институтам. В таком случае речь может вестись о *полуформальных* институтах. На наш взгляд, этот дополнительный вид в классификации позволит не только более четко описать различные виды неформальных институтов, но и показать трансформацию некоторых из них в формальные.

Приведенный пример охотников Дозо свидетельствует о том, что неформальные институты в ряде случаев из-за очевидной слабости формальных могут и готовы выполнять их функции, зачастую принимая на себя не только дополняющую роль, но и начиная развиваться в качестве самостоятельных, замещающих формальные институты по всем характеристикам.

Политическая нестабильность в Африке является сложной и многогранной проблемой, которая требует глубокого анализа и комплексных мер по ее решению. В случае если удастся создать более устойчивое управление и интегрировать неформальные механизмы раннего предупреждения опасных ситуаций, связанных с региональной безопасностью, то можно добиться относительного замедления темпов роста экстремизма и улучшения политической и экономической ситуации на континенте.

Список источников

1. Акерман Е.Н. Эволюция формальных и неформальных институтов в условиях «новой экономики» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 144. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=863&article_id=5818 (дата обращения: 01.02.2023).
2. Гульбина Н.И. Теория институциональных изменений Д. Норта // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 123. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=793&article_id=6888 (дата обращения: 05.02.2023).
3. Хельмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика / пер. с англ. Н. Эдельман. URL: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Helmke.pdf (дата обращения: 06.02.2023).
4. Голосов Г.В. Сравнительная политология. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.
5. Sahel Crisis Explained // The UN Refugee Agency. 2020. URL: <https://www.unrefugees.org/news/sahel-crisis-explained/> (дата обращения: 03.01.2023).
6. Rinaldi G. Germany to withdraw troops from Mali in 2024 // Politico. 2022. URL: <https://www.politico.eu/article/germany-military-bundeswehr-pull-out-mali-olaf-scholz/> (дата обращения: 30.12.2022).
7. Dumay C. Du Sahel à Dubaï: les routes de l'or sale // France24. 2022. URL: https://www.france24.com/fr/émissions/reporters/20220715-du-sahel-à-dubai-les-routes-de-l-or-sale?ref=yt_i (accessed: 29.12.2022).
8. President Macron unveils new Africa military strategy as Operation Barkhane ends // RFI. 2022. URL: <https://www.rfi.fr/en/france/20221110-french-president-macron-unveils-new-africa-military-strategy-as-operation-barkhane-ends-sahel> (дата обращения: 04.01.2023).
9. Lagneau L. Les surcouts de l'opération Barkhane ont déjà atteint 911 millions d'euros en 2020 // Opxex360. 2020. URL: <https://www.opex360.com/2020/10/17/les-surcouts-de-loperation-barkhane-ont-deja-atteint-911-millions-deuros-en-2020/> (дата обращения: 06.01.2023).
10. Mali Military Spending/Defense Budget 1961–2023 // Macrotrends. 2020. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/MLI/mali/military-spending-defense-budget> (дата обращения: 10.01.2023).
11. Mali Military Spending/Defense Budget 1961–2023 // Macrotrends. 2019. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/MLI/mali/military-spending-defense-budget> (дата обращения: 10.01.2023).
12. Niger Military Spending/Defense Budget 1975–2023 // Macrotrends. 2020. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/NER/niger/military-spending-defense-budget#~:text=Niger%20military%20spending%2Fdefense%20budget%20for%202019%20was%20%240.25B%2C,2017%20was%20%240.20B%2C%20a%2020.45%25%20increase%20from%202016> (дата обращения: 10.01.2023).
13. Синцова Н. Nordgold остановила добычу на руднике в Африке из-за угроз // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/04/2022/625457159a7947ec7b104b2c> (дата обращения: 28.12.2022).
14. Littera D. Du Sahel à Dubaï: les routes de l'or sale // France24. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=7N36tvYz2J0> (дата обращения: 29.12.2022).
15. Almahmoud F. Decision de mobilisation des combattants // Plateforme. 2022.

16. *Intalla A.* Décision N° 011/2022/BE/CMA portant mise en place d'une opération de sécurisation // CMA. 2022.
17. *Belghoul A.* Mali: Teboune receives ex-rebel signatories of the peace agreement // Africanews. 2022. URL: <https://www.africanews.com/2023/02/27/mali-teboune-receives-ex-rebel-signatories-of-the-peace-agreement/> (дата обращения: 28.02.2023).
18. *Zoungrana B.* Communiqué // Brigade de veille et de défense patriotique. 2022.

References

1. Akerman, E.N. (2011) Evolution of formal and informal institutions in the “new economy.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 350. p. 144.
2. Gubina, N.I. (2004) The theory of institutional changes of D. North. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 283. p. 123. (In Russian).
3. Helmke, G. & Levitsky, S. (2007) *Neformal'nye instituty i sravnitel'naya politika* [Informal Institutions and Comparative Politics]. Translated from English by N. Edelman. [Online] Available from: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Helmke.pdf (Accessed: 6th February 2023).
4. Golosov, G.V. (2018) *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Science]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
5. The UN Refugee Agency. (2020) *Sahel Crisis Explained*. [Online] Available from: <https://www.unrefugees.org/news/sahel-crisis-explained/> (Accessed: 3rd January 2023).
6. Rinaldi, G. (2022) *Germany to withdraw troops from Mali in 2024*. [Online] Available from: <https://www.politico.eu/article/germany-military-bundeswehr-pull-out-mali-olaf-scholz/> (Accessed: 30th December 2022).
7. Dumay, C. (2022) *Du Sahel à Dubaï: les routes de l'or sale*. [Online] Available from: https://www.france24.com/fr/émissions/reporters/20220715-du-sahel-à-dubaï-les-routes-de-l-or-sale?ref=yt_i (Accessed: 29th December 2022).
8. France. (2022) *President Macron unveils new Africa military strategy as Operation Barkhane ends*. [Online] Available from: <https://www.rfi.fr/en/france/20221110-french-president-macron-unveils-new-africa-military-strategy-as-operation-barkhane-ends-sahel> (Accessed: 4th January 2023)
9. Lagneau, L. (2020) *Les surcouts de l'opération Barkhane ont déjà atteint 911 millions d'euros en 2020*. [Online] Available from: <https://www.opex360.com/2020/10/17/les-surcouts-de-l-operation-barkhane-ont-deja-atteint-911-millions-deuros-en-2020/> (Accessed: 6th January 2023)
10. Mali. (2023) *Mali Military Spending/Defense Budget 1961–2023*. [Online] Available from: <https://www.macrotrends.net/countries/MLI/mali/military-spending-defense-budget> (Accessed: 10th January 2023).
11. Mali. (2019) *Mali Military Spending/Defense Budget 1961–2023*. [Online] Available from: <https://www.macrotrends.net/countries/MLI/mali/military-spending-defense-budget> (Accessed: 10th January 2023).
12. Niger. (2020) *Niger Military Spending/Defense Budget 1975–2023*. [Online] Available from: <https://www.macrotrends.net/countries/NER/niger/military-spending-defense-budget#:~:text=Niger%20military%20spending%2Fdefense%20budget%20for%202019%20was%20%240.25B%20C,2017%20was%20%240.20B%20C%20a%2020.45%25%20increase%20from%202016> (Accessed: 10th January 2023).
13. Sintsova, N. (2022) *Nordgold stopped mining in Africa due to high risk*. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/business/11/04/2022/625457159a7947ec7b104b2c> (Accessed: 28th December 2022).
14. Littera, D. (2022) *Du Sahel à Dubaï: les routes de l'or sale*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=7N36tvYz2J0> (Accessed: 29th December 2022).
15. Almahmoud, F. (2022) *Decision de mobilisation des combattants*. Plateforme. 2022.
15. Intalla, A. (2022) *Décision N° 011/2022/BE/CMA portant mise en place d'une opération de sécurisation*. CMA.
16. Belghoul, A. (2022) *Mali: Teboune receives ex-rebel signatories of the peace agreement*. [Online] Available from: <https://www.africanews.com/2023/02/27/mali-teboune-receives-ex-rebel-signatories-of-the-peace-agreement/> (Accessed: 28th February 2023).
17. Zoungrana, B. (2022) *Communiqué. Brigade de veille et de défense patriotique*.

Сведения об авторах:

Морозова О.С. – кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии и обществознания Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (Рязань, Россия). E-mail: ok.morozova@365.rsu.edu.ru

Рудась Т.П. – магистрант 1-го курса факультета политологии Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина (Рязань, Россия).
E-mail: tim.rudas@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Morozova O.S. – Cand. Sci. (Political Science), docent, head of the Department of Political Science and Social Science, Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: ok.morozova@365.rsu.edu.ru

Rudas T.P. – master's student, Political Science Faculty, Ryazan State University named after S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation). E-mail: tim.rudas@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.03.2023;
одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 13.12.2023*

*The article was submitted 23.03.2023;
approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/1998863X/76/23

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Ирина Владимировна Зеленева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
irina_zeleneva@mail.ru*

Аннотация. В статье определены направления стратегического присутствия России в регионе Индийского океана. Долгосрочное стратегическое взаимодействие России с регионом включает четыре основных направления: геополитическое, военно-стратегическое, экономическое и научное. Одним из ключевых союзников РФ в Индийском океане является Индия. Необходимо углубление сотрудничества РФ и стран региона Индийского океана в рамках БРИКС, Ассоциации регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана и ШОС.

Ключевые слова: внешняя политика, Россия, регион Индийского океана, Индия, Ассоциация регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана

Для цитирования: Зеленева И.В. Слагаемые успеха внешней политики России в Индийском океане // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 249–261. doi: 10.17223/1998863X/76/23

Original article

COMPONENTS OF RUSSIA'S FOREIGN SUCCESS IN THE INDIAN OCEAN

Irina V. Zeleneva

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, Irina_zeleneva@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to identify areas of Russia's strategic presence in the Indian Ocean region. In recent years, the Indian Ocean region has increasingly become an arena of strategic rivalry between great powers, primarily China and the United States, as well as China and India. A significant part of the planet's conflict potential – military, territorial, ethno-confessional, environmental conflicts – is concentrated in the Indo-Pacific space. In the 21st century, the geopolitical significance of the Indian Ocean and the Western Pacific has become more tangible both in the geo-economic and security aspects. The Indian Ocean region, stretching from the east coast of Africa to the Pacific zone, which includes New Zealand, Australia, New Guinea, Malaysia, Indonesia, the Philippines, and Indochina, has always been of strategic importance for Russia. During the Soviet period, Moscow maintained a permanent, including naval, presence in the Indian Ocean. With the end of the Cold War, the Russian Navy effectively withdrew from the Indian Ocean. After the collapse of the Soviet Union, Russia, due to predominantly internal circumstances, could not pay the same attention to the Indian Ocean region, but in recent years there has been a growing activity of Moscow in regional affairs. The Indian Ocean direction is defined as one of the six priority regional directions in Russia's maritime policy along with the Arctic, Pacific, Atlantic, and Caspian. Russia's long-term strategic interaction with the Indian Ocean region includes four main areas: geopolitical – expanding influence by attracting partners, participating in international associations; military-strategic – the fight against asymmetric security threats, including assistance to regional partners against organized crime, piracy,

regional terrorism, and internal militant opposition, strengthening regional defense ties and force projection; economic – strengthening economic interests in the Indian Ocean region and in Africa; scientific – conducting marine scientific research. One of the key allies of the Russian Federation in the Indian Ocean is India. Russia, with its significant military, economic, and scientific potential, could play an important role in ensuring the regional security of the Indian Ocean, in particular in operations to eliminate the consequences of natural disasters and catastrophes and maintain information security. Russia's participation in such international organizations as the SCO, BRICS, and IORA will allow it to stabilize regional security and strengthen its authority in the Indian Ocean region.

Keywords: foreign policy, Russia, Indian Ocean region, India, Indian Ocean Rim Association (IORA)

For citation: Zeleneva, I.V. (2023) Components of Russia's foreign success in the Indian Ocean. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 76. pp. 249–261. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/76/23

В последние годы регион Индийского океана все чаще становится ареной стратегического соперничества великих держав, в первую очередь, Китая и США, а также Китая и Индии. Американская стратегия «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» (Free and Open Indo-Pacific (FOIP)) направлена на сдерживание Китая, по сути являясь выражением растущего стратегического соперничества между Вашингтоном и Пекином [1]. Еще в 1951 г. был создан «Договор безопасности АНЗЮС», военно-политический блок с участием США, Австралии и Новой Зеландии, а в 1978 г. в сферу действия блока был включен и Индийский океан. Чтобы противостоять возвышению Китая, в 2007 г. был оформлен стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (QUAD), а в 2021 г. был создан AUKUS – трехсторонний военный альянс, образованный Австралией, Великобританией и США. Альянсы в регионе способствуют усилению напряженным отношениям с Китаем. «Стремительный рост Китая при одновременном ослаблении международных позиций США и углублении их внутренних кризисов побудил американские элиты к превентивному противодействию этой угрозе, главной для Америки в новом столетии. Как и прежде, процесс „реконструкции“ Южной и Восточной Азии оформляется в рамках новой большой идеи – конструировании ведомого Америкой Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) – „Индо-Пацифики“ – и сопровождается строительством институтов, которые такую идею должны олицетворять и поддерживать – QUAD, а теперь и AUKUS. Новая индо-тихоокеанская стратегия в формате AUKUS, по словам С.В. Лаврова, направлена на развал „системы, которая опиралась на необходимость уважать неделимость безопасности и открыто провозгласила своей целью сдерживание Китая“» [2].

Целью статьи является выявление направлений долгосрочного стратегического взаимодействия России в регионе Индийского океана. Международные отношения, политика великих держав, проблема безопасности в Индийском океане вызывают интерес у широкого круга исследователей. Научную литературу можно условно разделить на три группы. Первая группа исследований – это работы авторов, в которых анализируются концепт «Индо-Тихоокеанский регион», концепции и геополитические подходы к системе международных отношений в Индийском океане [3]. Вторая группа исследований посвящена проблемам безопасности в регионе [4]. К третьей группе

можно отнести труды авторов, в которых изучается внешняя политика России в Индийском океане [5]. Исследование проведено в рамках реалистической теории международных отношений, которая уделяет особое внимание национальным интересам, обеспечению национальной безопасности с опорой на силовые методы и коалиции коллективной безопасности. Системный подход был использован при анализе интересов глобальных и региональных игроков в Индийском океане, влияющих на формирование внешней политики России. Метод сравнительного анализа с комплексным анализом документов применялся при определении особенностей внешней политики РФ, США, Китая и Индии в данном регионе.

На индо-тихоокеанском пространстве сконцентрирована значительная часть конфликтного потенциала планеты – военных, территориальных, этно-конфессиональных, экологических конфликтов. В XXI в. геополитическая значимость Индийского океана и западной части Тихого океана стала более ощутимой как в геоэкономическом аспекте, так и в сфере безопасности. Важнейшими стратегическими проблемами, затрагивающими весь Индо-Тихоокеанский регион¹, которые имеют глобальное значение, являются: стабильность и безопасность экспорта нефти из Персидского залива; риск ядерного конфликта с участием Индии и Пакистана; общая безопасность морских перевозок и торговли во всем регионе.

Экономическое развитие стран Индийского океана растет быстрыми темпами. Экономики стран Индо-Тихоокеанского региона в совокупности выросли более чем на 300% за 25 лет – с 1993 по 2018 г. [6]. На долю региона приходится 65% населения мира, 63% мирового ВВП и 46% мировой товарной торговли. Ожидается, что к 2030 г. в нем будут жить две трети мирового среднего класса [7]. В экономическом развитии Индо-Тихоокеанского региона доминирует Китай. Быстрыми темпами растет экономика Индии.

Регион Индийского океана, простирающийся от восточного побережья Африки до тихоокеанской зоны, включающей в себя Новую Зеландию, Австралию, Новую Гвинею, Малайзию, Индонезию, Филиппины и Индокитай, всегда имел стратегическое значение для России. В советские времена Москва поддерживала постоянное, в том числе военно-морское, присутствие в Индийском океане. В ходе «холодной войны» с середины 1960-х гг. США начали крупномасштабные военные приготовления в зоне Индийского океана, создавая стратегическую угрозу Советскому Союзу с южного направления, притом, что СССР стратегической угрозы Соединенным Штатам из это-

¹ Существуют различные подходы типологии субрегионов Индо-Тихоокеанского региона. Например, российский исследователь А.В. Куприянов, предложил вариант «членения пространства Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)» на восемь субрегионов: субрегион непосредственного соседства Индии, включающий прибрежные воды Индостана, Мальдивы, Шри-Ланку, Бангладеш и побережье Мьянмы до Андаманских островов; субрегион восточной части Индийского океана (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур); субрегион западной части Тихого океана (Камбоджа, Вьетнам, Филиппины, Бруней, Корея, Япония); северная, центральная и восточная части Тихого океана; центр Индийского океана, включающий Маврикий, Сейшельы, Коморы и островные территории Британии и Франции; Австралия и Океания; Восточноафриканский субрегион, включая побережье Кении, Танзании, Мозамбика, ЮАР, Мадагаскар; северо-запад Индийского океана, включая Персидский залив [3]. По мнению Энтони Х. Кордесмана и Абдуллы Тукана, в Индо-Тихоокеанском регионе можно выделить пять субрегионов. Эти пять субрегионов включают: Ближний Восток и Персидский залив; Красное море и Африканский Рог; Восточную Африку и страны к югу от Сахары; Южную Азию; Юго-Восточную Азию / Океанию [3].

го района мира не создавал. Регулярные боевые службы советских кораблей в Индийском океане начались в 1960-х гг., в глобальном масштабе они являлись составной частью стратегического равновесия, нарушать которое в одностороннем порядке никто не решался [8. С. 14]. В 1971 г. для противодействия американскому военно-морскому присутствию в акватории Индийского океана и Персидского залива в составе Тихоокеанского флота ВМФ СССР была сформирована 8-я оперативная эскадра. В период ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) и американской операции «Буря в пустыне» (1991 г.) корабли эскадры обеспечивали безопасность советских танкеров и сухогрузов, выполнявших рейсы по Оманскому и Персидскому заливам. С завершением «холодной войны» российский военно-морской флот фактически ушел из Индийского океана. Вместе с тем США не только сохранили, но и усилили свое присутствие в его акватории. В декабре 1971 г. Генеральная Ассамблея ООН объявила Индийский океан зоной мира. Инициировавшие принятие этой декларации неприсоединившиеся государства исходили из того, что главную угрозу миру и спокойствию в регионе представляло соперничество великих держав. Как утверждает Чрезвычайный и Полномочный посол Г.А. Ивашенцов, «ракеты американских самолетов и подводных лодок в Индийском океане, как и 30–40 лет назад, продолжают быть нацеленными на Россию» [9].

После распада Советского Союза Россия в силу преимущественно внутренних обстоятельств не могла уделять региону Индийского океана прежнего внимания, однако в последние годы отмечается растущая активность Москвы в региональных делах. Россия как евроазиатская держава имеет национальные интересы не только в Европе, но и в Азии, в частности, в регионе Индийского океана. Сегодня в регионе Индийского океана отсутствует комплексная архитектура региональной безопасности. Нарастание напряженности в регионе, угроз традиционной безопасности, исходящих от негосударственных субъектов (пиратство, терроризм, незаконный оборот наркотиков и др.), увеличение глобальных миграционных потоков, экологические проблемы в регионе беспокоят Россию. Политика России в Индийском океане строится на фундаментальных принципах международного права (включая Конвенцию Организации Объединенных Наций по морскому праву), а также мировых и региональных многосторонних институтах, открытых для всеобщего участия (прежде всего ООН).

В основополагающих документах отмечается важная стратегическая роль РФ в Индийском океане. Основные доктринальные документы – Морская доктрина РФ (2015, 2022), Концепция внешней политики РФ (2023) – уделяют большое внимание регионам, таким как Южная Азия, Африка и Ближний Восток. Основные интересы и вызовы обозначены в Морской доктрине Российской Федерации (2022), определяющей государственную политику Российской Федерации в области морской безопасности. Индоокеанское направление определяется как одно из шести приоритетных региональных направлений в морской политике наряду с Арктическим, Тихоокеанским, Атлантическим и Каспийским. «Приоритетами национальной морской политики на Индоокеанском региональном направлении являются:

1) развитие стратегического партнерства и военно-морского сотрудничества с Республикой Индией, а также расширение взаимодействия с Исламской Республикой Иран, Республикой Ирак, Королевством Саудовская Аравия и другими государствами региона;

2) проведение целенаправленного курса на превращение региона в зону мира и стабильности, развитие отношений с государствами региона, направленных на развитие торгово-экономических, военно-технических и культурных связей, развитие туризма;

3) расширение российского судоходства в регионе;

4) сохранение и поддержание военно-морского присутствия Российской Федерации в районе Персидского залива на основе пунктов материально-технического обеспечения в Красном море и в Индийском океане и использование инфраструктуры государств региона в интересах обеспечения военно-морской деятельности Российской Федерации;

5) участие в обеспечении безопасности функционирования морских транспортных коммуникаций в регионе, включая борьбу с пиратством;

6) проведение морских научных исследований в интересах сохранения и закрепления позиций Российской Федерации в регионе» [10]. В Морской доктрине РФ (2022) обозначаются стратегические партнеры (Индия, Иран, Ирак, Саудовская Аравия), подчеркивается проведение курса на превращение региона в зону мира и стабильности. Целью сохранения военно-морского присутствия России в районе Персидского залива, в Красном море и в Индийском океане является обеспечение безопасности морских транспортных коммуникаций, борьба с пиратством и проведение морских научных исследований.

Одним из ключевых союзников РФ в Индийском океане является Индия. В Концепции внешней политики РФ (2023), которая является документом стратегического планирования и представляет собой систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели, основные задачи и приоритетные, утверждается, что «Россия будет и далее наращивать особо привилегированное стратегическое партнерство с Республикой Индией в целях повышения уровня и расширения взаимодействия во всех сферах на взаимовыгодной основе и уделять особое внимание увеличению объемов двусторонних торговых, инвестиционных и технологических связей, обеспечению их устойчивости к деструктивным действиям недружественных государств и их объединений» [11].

В 2010 г. РФ и Индия вышли на уровень «особо привилегированного стратегического партнерства», представляющего собой уникальный формат межгосударственного взаимодействия. Россия и Индия последовательно реализуют потенциал двустороннего партнерства во всех ключевых сферах с акцентом на ускоренное расширение промышленной кооперации, торговли и инвестиций. Обе страны нацелены на многополярное мироустройство, демократизацию экономики, стремятся играть ведущую роль в мировых делах. Позиция Индии важна для расширения присутствия РФ в Индийском океане. Однако необходимо понимать, что США и Индия также являются стратегическими партнерами. Превращение Индии в экономического и политического лидера Южной Азии делает ее желанным партнером для любой страны. Китайский фактор только укрепляет стратегическое партнерство США и Индии [12].

Долгосрочное стратегическое взаимодействие России с регионом Индийского океана включает четыре основных направления:

– геополитическое – расширение влияния за счет привлечения партнеров, участие в международных объединениях;

- военно-стратегическое – борьба с асимметричными угрозами безопасности, включая помочь региональным партнерам в борьбе с организованной преступностью, пиратством, региональным терроризмом и внутренней воинствующей оппозицией, укрепление региональных оборонных связей и проецирование силы;
- экономическое – усиление экономических интересов в самом Индийском океане и в Африке;
- научное направление – проведение морских научных исследований.

Геополитическое направление

В «большую игру» в Индийском океане включились не только великие державы (США, Китай, Индия), региональные державы (Иран, Египет, Пакистан), но и другие страны (Япония, Германия, Франция, Великобритания). Стратегическая безопасность региона во многом определяется безопасностью транзита через важные морские пути Индийского океана – Суэцкий канал (Египет), Баб-эль-Мандебский (Джибути–Йемен), Ормузский пролив (Иран–Оман) и Малаккский пролив (Индонезия–Малайзия). Индийский океан богат энергетическими и природными ресурсами. Более половины мировой морской торговли нефтью приходится на регион Индийского океана. Китай, Индия и Япония зависят от энергоресурсов, транспортируемых через регион Индийского океана. Внерегиональные акторы (Китай, США, Япония и Россия) уделяют этому региону пристальное внимание, стремясь повлиять на стабильность в регионе. Китай значительно расширил свое присутствие в регионе Индийского океана за последние 30 лет. Данный регион приобретает для Китая особое значение, поэтому Поднебесная все чаще акцентирует свои морские интересы, включающие экономическое развитие, управление территориями, энергетическую и продовольственную безопасность. Китайская инициатива «Морской шелковый путь XXI века» (The 21st-century Maritime Silk Road) предполагает создание трансконтинентального коридора через воды Средиземного моря, Индийского и Тихого океанов.

Основными интересами РФ в этом регионе является укрепление политического сотрудничества по вопросам международной безопасности; усиление политического взаимодействия в рамках отношений со странами БРИКС¹. Сегодня из африканских стран в БРИКС состоит только Южно-Африканская Республика (ЮАР), но существуют перспективы включения в объединение и других стран Африканского региона. Страны Африки заинтересованы не только в поставках из России продовольствия и энергоносителей, но и в стратегическом партнерстве в рамках таких структур, как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Участие в региональных объединениях может повысить роль РФ в регионе Индийского океана. Ассоциация регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана (АРСИО) в настоящее время является крупнейшей организацией, которая стремится содействовать устойчивому

¹ БРИКС – межгосударственное объединение, союз пяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР.

развитию, сотрудничеству и торговле в пространстве Индийского океана¹ [13]. В 2021 г. Россия получила статус партнера по диалогу Ассоциации регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана (АРСИО) для укрепления связей в регионе [14]. Приоритеты России совпадают с целями и задачами форума в таких областях, как морская безопасность и противодействие пиратству, торговля и инвестиции, чрезвычайное реагирование, туристические и культурные связи, образование, наука и технологии. В 2022 г. Россия приняла участие в Международном семинаре АРСИО «Защита и восстановление морской среды». Взаимодействие с ассоциацией АРСИО будет способствовать усилиям России по расширению своего стратегического присутствия и влияния в Индийском океане. Индия приветствовала присоединение России к АРСИО в качестве партнера по диалогу [15].

Страны региона Индийского океана сталкиваются с общими традиционными и новыми угрозами безопасности. Необходимость противодействия этим угрозам создает естественную основу для сотрудничества. Военный потенциал, обмен информацией, опыт многосторонней дипломатии России могут иметь большое значение в обеспечении региональной безопасности в регионе Индийского океана. ШОС может сыграть значительную роль в данном процессе. Присоединение Индии и Пакистана в качестве полноправных членов и получение Шри-Ланки статуса партнера ШОС включили регион Индийского океана в повестку дня организации. В 2023 г. Индия председательствует в ШОС и в Большой двадцатке, участвует в БРИКС, что создает позитивные прогнозы российско-индийского сотрудничества.

Российское военное присутствие в Индийском океане, как и присутствие в сфере безопасности, неуклонно расширяется. Россия становится активным участником операций по борьбе с пиратством в зоне побережья Сомали. Одной из важнейших задач, решаемых военно-морским флотом России, является защита интересов российского судоходства в Мировом океане. Наиболее существенной угрозой судоходству выступает международное морское пиратство, среди основных очагов которого особо сложной ситуацией характеризуется район Аденского залива. В начале 2009 г. Россия нараспашку военно-морское присутствие в Аденском заливе. К побережью Сомали прибыли большой противолодочный корабль Тихоокеанского флота «Адмирал Виноградов», тяжелый атомный ракетный крейсер (тарк) «Пётр Великий», большой противолодочный корабль «Адмирал Левченко» и ряд вспомогательных судов. Это был первый российский отряд боевых кораблей. В их задачу входило патрулирование вод Аденского залива, направленное на борьбу с пиратством. Российские моряки активно сотрудничали с коллегами из стран Евросоюза, НАТО и других государств, участвовавших в антиpirатской борьбе. Происходило оперативное взаимодействие, обмен информацией, совместные тренировки, обмен опытом [16].

В феврале 2023 г. в южной части Индийского океана вблизи от побережья ЮАР прошло совместное военно-морское учение Exercise MOSI, в кото-

¹ Ассоциация регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана (АРСИО) создана в 1997 г. По состоянию на 2022 г. в ее состав вошли 23 члена: Австралия, Бангладеш, Коморские острова, Франция, Индия, Индонезия, Иран, Кения, Мадагаскар, Малайзия, Мальдивы, Маврикий, Мозамбик, Оман, Сейшельские острова, Сингапур, Сомали, Южная Африка, Шри-Ланка, Танзания, Таиланд, Объединенные Арабские Эмираты и Йемен – и 10 партнеров по диалогу: Китай, Египет, Россия, Германия, Италия, Япония, Турция, Южная Корея, Великобритания и США.

ром участвовали боевые корабли России, КНР и ЮАР [17]. Впервые такие учения прошли в водах ЮАР в ноябре 2019 г. Демонстрируя свои военные возможности, в 2019 г. Россия направила два бомбардировщика дальнего действия в Южную Африку. В последние годы Россия регулярно проводила в западной части Индийского океана совместные военно-морские учения с Ираном, Южной Африкой и Китаем. В 2019 г. Иран, Россия и Китай провели совместные учения в северной части Индийского океана и Оманском заливе. Надо отметить, что после победы исламской революции (1979 г. – Ред.) Иран впервые проводит учения с двумя морскими державами мира на таком уровне. В 2021 г. были совместные военно-морские учения Ирана и России в северной части Индийского океана, получившие название «Пояс безопасности», целью которых было укрепление безопасности и ее основ в регионе, а также расширение военно-морского сотрудничества двух стран.

С 2017 г. Россия заключила двусторонние оборонные или военно-морские соглашения с рядом государств региона, в том числе с Египтом, Центральноафриканской Республикой (ЦАР), Эфиопией, Мадагаскаром, Мозамбиком и Суданом. Несколько стран (Мадагаскар, Мозамбик и Судан) предоставили российским военным кораблям право доступа в свои порты, а Египет, ЦАР, Мадагаскар, Мозамбик и Судан разрешили российским ВВС использовать свое воздушное пространство [18].

Российский исследователь А.В. Куприянов назвал возвращением России в большую политику Индийского океана получение права разместить на территории Судана «пункт материально-технического обеспечения» для военно-морского флота, Порт-Судан, имеющий стратегическое значение для всего Индийского океана. Открытие этой базы ознаменует начало регулярного военного присутствия России в западной части Индийского океана. По мнению А.В. Куприянова, «Россию в регионе ждут, причем не только страны, находившиеся ранее в зоне советского влияния, такие как Мозамбик, Мадагаскар и Сейшельы, но и другие государства на побережье Восточной Африки и островах Индийского океана. В условиях китайской, индийской, европейской, американской экономической экспансии присутствие еще одного заинтересованного игрока даст им возможность проводить более гибкую политику, лавировать и маневрировать, в обмен предоставляя российским компаниям контракты, а флоту – базы и пункты снабжения» [19].

Экономические интересы России в Индийском охватывают такие сферы, как развитие совместных проектов как в сфере торговли, инвестиций, энергетики, так и в ряде социальных направлений (здравоохранение, образование). Москва стремится обеспечить свое присутствие в регионе, включая всестороннее экономическое взаимодействие со старыми советскими партнерами (такими, как Индия, Эфиопия, Мадагаскар, Мозамбик, Сейшельские острова и Судан) и новыми партнерами (например, Пакистан, Южная Африка).

Еще в 2000 г. появилась Концепция Российской политики в Африке. Концепция предусматривала участие в совместных бизнес-проектах в Африке государственных и частных компаний. В 2015 г. основная доля российских проектов в Африке была ориентирована больше на разведку и разработку минеральных ресурсов. Остальное приходилось на телекоммуникации, энергетику, создание инфраструктурных объектов, туризм, здравоохранение, образование [20].

Россия укрепляет дружественные связи с африканскими странами. В Концепции внешней политики России 2023 г. приоритетное внимание уделяется Африке. Способствуя дальнейшему становлению Африки в качестве самобытного и влиятельного центра мирового развития, Российская Федерация оказывает содействие в сферах безопасности. Россия стремится укрепить российско-африканское взаимодействие в различных сферах на двусторонней и многосторонней основе, в первую очередь, в рамках Африканского союза, Форума партнерства Россия – Африка. Поставлена цель в Концепции – увеличить объемы торговли и инвестиций с африканскими государствами и интеграционными структурами Африки (прежде всего Африканской континентальной зоной свободной торговли, Африканским экспортно-импортным банком и другими ведущими субрегиональными организациями), в том числе по линии ЕАЭС. По словам директора Центра изучения Африки НИУ ВШЭ А.А. Маслова, «российские производители успешно выходят на рынки Северной и Западной Африки, но пока не так заметны в Восточной. А там спрос растет даже быстрее, чем на севере и западе, из-за включения региона в динамично развивающееся Индо-Тихоокеанское пространство. Для нашего сотрудничества с восточной частью препятствием остается отсутствие подходящих транспортных коридоров» [21]. Растущие экономические интересы России в Африке трудно обеспечить без надежных морских коммуникаций, в том числе вдоль восточного побережья Африки, которые теперь становятся «значимыми районами (зонами)». Важным направлением российско-африканского взаимодействия является военно-техническое сотрудничество (ВТС), которое осуществляется в соответствии с международными правилами и ограничениями. В настоящее время отмечается значительное расширение российского присутствия на африканском рынке вооружений.

Научное направление

Главной научной задачей закрепления позиций РФ в регионе Индийского океана является проведение морских научных исследований. Антарктика продолжает оставаться в сфере российских государственных интересов. В 2020 г. Правительство России утвердило Стратегию развития деятельности Российской Федерации в Антарктике до 2030 г. В 2021 г. Правительство РФ разработало План мероприятий по реализации Стратегии развития деятельности Российской Федерации в Антарктике до 2030 г., включающий 8 разделов – всестороннее содействие сохранению и прогрессивному развитию системы Договора об Антарктике, проведение комплексных экспедиционных исследований Антарктики в рамках Российской антарктической экспедиции, охрана окружающей среды Антарктики, развитие комплексных фундаментальных и прикладных научных исследований в Антарктике и др. В разделе «Развитие комплексных фундаментальных и прикладных научных исследований в Антарктике» предполагается определение текущих и будущих климатических изменений в Антарктике; исследование состояния антарктических экологических систем как основы мероприятий по охране окружающей среды Антарктики и Южного океана; развитие информационной системы по природной среде Антарктики и Южного океана [22]. План мероприятий, подготовленный Правительством РФ, позволит модернизировать структуру зимовых станций, создать на основе сезонной полевой базы «Русская» круг-

логодично действующую антарктическую станцию, планируется внедрить современные средства коммуникации и технологии, построить новое научно-исследовательское судно, оснастить Российскую антарктическую экспедицию двумя самолетами типа Ил-114, а на базе третьего создать комплексную аэрогеофизическую лабораторию [23].

Важную роль в научной дипломатии играет Индия. Научная дипломатия способствует достижению целей внешней политики страны – укреплению позиций в региональном соперничестве с Китаем; развитию научно-технологической сферы страны. Приоритетными направлениями научной дипломатии Индии стали участие в проектах мегасайенс, использование потенциала индийской научной диаспоры и вакцинной дипломатии, представляющую собой взаимодействие в области разработки и продвижения вакцин против COVID-19. Российский вектор сотрудничества реализуется в значительной мере в рамках БРИКС в области изучения климата, экологии, здравоохранения, агротехнологий. Однако двухстороннее сотрудничество между РФ и Индией может быть расширено в таких сферах, как энергетика, космос, здравоохранение, биотехнологии и кибербезопасность [24].

Заключение

Стратегическое соперничество мировых держав, в первую очередь Китая и США, а также Китая и Индии, конфликт России и Запада, возникновение феномена мирового большинства приводят к образованию союзов, выстраиванию новой архитектуры безопасности. Все заинтересованы в том, чтобы была система сдержек и противовесов, при которой все государства имели бы возможность реализовывать свои интересы, избегая конфликтов между крупными странами. Безопасность Индийского океана – это не региональная, а глобальная проблема. Современная конфронтация ускоряет российский поворот на Восток. Россия постепенно возвращает свое влияние в Индийском океане. Являясь членом СБ ООН, Россия опосредованно присутствует в регионе Большого Индийского океана и старается внести свой вклад в решение проблем сохранения мира и развития, входя в состав региональных организаций. Участие РФ в таких международных организациях, как ШОС, БРИКС, АРСИО, позволит ей стабилизировать региональную безопасность, укрепить свой авторитет в регионе Индийского океана. РФ проводит гибкую внешнюю политику, учитывая интересы региональных акторов, у которых на первый план выходят экономические задачи. Россия с ее значительным военным, экономическим, научным потенциалом могла бы сыграть важную роль в обеспечении региональной безопасности Индийского океана, в частности, в операциях по ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф, поддержанию информационной безопасности, экономического и культурного развития. Совместные проекты в сфере образования и здравоохранения, научной деятельности помогут развитию региона. Важным партнером РФ в сферах экономического, научного сотрудничества может стать Индия. Весомый вклад в укрепление экономической интеграции индоокеанских стран вносит участие России в ШОС, в которую входят страны бассейна Индийского океана (Индия, Пакистан, Иран и Афганистан).

Список источников

1. National Security Strategy of the United States of America (2017) // URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (accessed: 23.01.2023).

2. *Лавров С.В.*: создаваемые США альянсы AUKUS и Quad размывают форматы сотрудничества в АТР. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12562757?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 28.04.2023).
3. *Куприянов А.В.* Индо-Тихоокеанский регион: индийский взгляд // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 5. С. 49–58.
4. *Куприянов А.В.* QUAD и безопасность Индо-Тихоокеанского региона // Ежегодник СИПРИ 2020: Вооружения, разоружение и международная безопасность. М. : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, 2021. С. 809–820.
5. *Куприянов А.В.* Россия и Индия: проблемы и перспективы сотрудничества // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 63–76.
6. *International Monetary Fund (IMF)*, World Economic Outlook Database, April 2019. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx> (accessed: 28.04.2023).
7. *Дас Кунду Н.* Индо-Тихоокеанская экономическая структура: новый подход к региональному экономическому и торговому сотрудничеству. URL: <https://ru.valdaclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskaya-ekonomicheskaya-struktura/?ysclid=lgw0b08dtz320630496> (дата обращения: 16.04.2023).
8. *Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л.* Противостояние ВМФ СССР и ВМС США в Индийском океане в годы «холодной войны» // Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 14–18.
9. *Ивашенцов Г.А.* Индийский океан: в игру включаются новые игроки // Международная жизнь. 2015. № 2. С. 105–117. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1209?ysclid=lg9g92sozz643452789> (дата обращения: 28.04.2023).
10. *Морская доктрина Российской Федерации* (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 июля 2022 года). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69084> (дата обращения: 28.04.2023).
11. *Концепция внешней политики Российской Федерации* (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 28.04.2023).
12. *Гарусова Л.Н., Журбей Е.В.* Стратегическое партнерство Индии и США в XXI веке: региональный контекст // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24, № 10. С. 65–75.
13. *Moses O. Ogutu* The Indian Ocean Rim Association: Lessons from this regional cooperation model // South African Journal of International Affairs. 2021. Vol. 28:1. P. 71–92. URL: <http://file:///C:/Users/Irina%20Zeleneva/Desktop/%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D1%81%D1%82%D0%BB%D1%82%D1%8C%D0%B8/Ogutu2021TheIndianOceanRimAssociationLessonsfromthisregionalcooperationmodel.pdf> (accessed: 28.04.2023).
14. 25 Anniversary. 07 March 2022. Indian Ocean Rim Association. 1997–2022. URL: <https://www.iora.int/media/24335/final-iora-silver-jubilee-magazine-1.pdf> (accessed: 28.04.2023).
15. *Comment by Foreign Ministry Spokeswoman Maria Zakharova on the granting of dialogue partner status to Russia by the Indian Ocean Rim Association (IORA)*. URL: <https://thewire.in/diplomacy/russia-bid-iora-partner-india> (accessed: 28.03.2023).
16. *Прямыцын В.Н.* Военно-морской флот России вносит все возрастающий вклад в борьбу с пиратством в Индийском океане. К 10-летию открытия антипиратской вахты ВМФ РФ у берегов Сомали. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-morskoy-flot-rossii-vnosit-vsyo-vozrasta-yuschiy-vklad-v-borbu-s-piratstvom-v-indiyskom-okeane-k-10-letiyu-otkrytiya?ysclid=lgduk5zoo646657078> (дата обращения: 28.03.2023).
17. *Гаврилов Ю.* В Индийском океане начинается военно-морское учение Exercise MOSI с участием России, Китая и ЮАР. URL: <https://rg.ru/2023/02/17/v-indijskom-okeane-nachinaetsia-voenno-morskoe-uchenie-exercise-mosi-s-uchastiem-iuar-rossii-i-kitaia.html?ysclid=lh0ktz8wr0171783068>
18. *Ценный континент*: зачем Россия расширяет военное сотрудничество с Африкой. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/08/2018/5b7c05df9a7947342260319a> (дата обращения: 28.04.2023).
19. *Куприянов А.В.* В Африку гулять: что даст России военное присутствие на берегах Индийского океана. URL: <https://iz.ru/1086965/aleksei-kupriyanov/v-afriku-guliat-cto-dast-rossii-voennoe-prisutstvie-na-beregakh-indiiskogo-okeana> (дата обращения: 28.04.2023).
20. *Захарова С.В., Соколова О.Ю., Власова Н.Л., Скворцова В.А., Скворцов А.О.* Особенности внешнеэкономических связей России со странами Африки // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 103–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vneshneekonomiceskikh-svyazey-rossii-so-stranami-afriki?ysclid=lgqglohtz441466250> (дата обращения: 28.04.2023).

21. Селезнев М.Н. Чего ждать от российско-африканских экономических отношений. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62ddc8cb9a7947ad9188db4b> (дата обращения: 28.04.2023).
22. План мероприятий по реализации Стратегии развития деятельности Российской Федерации в Антарктике до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/l1MiwzpjXdaEO2h0tJZhbw12xAp7Mx8k.pdf>) (дата обращения: 28.04.2023).
23. Решения, принятые на заседании Правительства 19 августа 2020 года. URL: <http://government.ru/news/40250/> (дата обращения: 28.04.2023).
24. Дежина И.Г. Научная дипломатия в Индии. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-comments/Analytics/nauchnaya-diplomatiya-v-indii/?ysclid=lgw1h6j49q323586076> (дата обращения: 28.04.2023).

References

1. USA. (2017) *National Security Strategy of the United States of America*. [Online] Available from: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (Accessed: 23rd January 2023).
2. Lavrov, S.V. (2021) *Sozdavaemye SShA al'yansy AUKUS i Quad razmyvayut formaty sotrudничества в АТР* [The AUKUS and Quad alliances created by the United States are eroding the formats of cooperation in the Asia-Pacific region]. [Online] Available from: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12562757?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (Accessed: 28th April 2023).
3. Kupriyanov, A.V. (2021) Indo-Tikhookeanskii region: indiyskiy vzglyad [Indo-Pacific region: Indian view]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65(5). pp. 49–58.
4. Kupriyanov, A.V. (2021) QUAD i bezopasnost' Indo-Tikhookeanskogo regiona [QUAD and security in the Indo-Pacific region]. In: *Ezhegodnik SIPRI 2020: Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI Yearbook 2020: Arms, Disarmament and International Security]. Moscow: National Research Institute of World Economy and International Relations. pp. 809–820.
5. Kupriyanov, A.V. (2022) Rossiya i Indiya: problemy i perspektivy sotrudnichestva [Russia and India: Problems and prospects for cooperation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 4. pp. 63–76.
6. International Monetary Fund (IMF). (2019) *World Economic Outlook Database*. [Online] Available from: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx> (Accessed: 28th April 2023).
7. Das Kundu, N. (n.d.) *Indo-Tikhookeanskaya ekonomicheskaya struktura: novyy podkhod k regional'nому ekonomicheskomu i torgovomu sotrudnichestvu* [Indo-Pacific economic structure: a new approach to regional economic and trade cooperation]. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-tikhookeanskaya-ekonomicheskaya-struktura/?ysclid=lgw0b08dtz320630496> (Accessed: 16th April 2023).
8. Koryakovtsev, A.A. & Tashlykov, S.L. (2019) Protivostoyanie VMF SSSR i VMS SShA v Indiyskom okeane v gody "kholodnoy voyny" [Confrontation between the USSR Navy and the US Navy in the Indian Ocean during the Cold War]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 7. pp. 14–18.
9. Ivashentsov, G.A. (2015) Indiyskiy okean: v igru vklyuchayutsya novye igroki [Indian Ocean: new players are joining the game]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2. pp. 105–117. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1209?ysclid=lg9g92sozz643452789> (Accessed: 28th April 2023).
10. Russian Federation. (2022) *Morskaya doktrina Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V.V. Putinym 31 iyulya 2022 goda)* [Maritime doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on July 31, 2022)]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69084> (Accessed: 28th April 2023).
11. Russian Federation. (2023) *Konseptsiya vnesheiny politiki Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V.V. Putinym 31 marta 2023 g.)* [The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023)]. [Online] Available from: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (Accessed: 28th April 2023).
12. Garusova, L.N. & Zhurbey, E.V. (2018) Strategiccheskoe partnerstvo Indii i SShA v XXI veke: regional'nyy kontekst [Strategic partnership between India and the USA in the 21st century: The regional context]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 24(10). pp. 65–75.
13. Onyago Ogutu, M. (2021) The Indian Ocean Rim Association: Lessons from this regional cooperation model. *South African Journal of International Affairs*. 28(1). pp. 71–92.
14. IORA. (2022) *25 Anniversary. March 7, 2022. Indian Ocean Rim Association. 1997–2022*. [Online] Available from: <https://www.iora.int/media/24335/final-iora-silver-jubilee-magazine-1.pdf> (Accessed: 28th April 2023).

15. Russian Federation. (2020) *Comment by Foreign Ministry Spokeswoman Maria Zakharova on the granting of dialogue partner status to Russia by the Indian Ocean Rim Association (IORA)*. [Online] Available from: <https://thewire.in/diplomacy/russia-bid-iora-partner-india> (Accessed: 28th April 2023).
16. Pryamitsyn, V.N. (2018) The Russian Navy is making an ever-increasing contribution to the fight against piracy in the Indian Ocean. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 10. (In Russian).
17. Gavrilov, Yu. (2023) *V Indiyskom okeane nachinaetsya voenno-morskoe uchenie Exercise MOSI s uchastiem Rossii, Kitaya i YuAR* [The Exercise MOSI naval exercise begins in the Indian Ocean with the participation of Russia, China and South Africa]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/02/17/v-indijskom-okeane-nachinaetsia-voenno-morskoe-uchenie-exercise-mosi-s-uchastiem-iuar-rossii-i-kitaia.html?ysclid=lh0ktz8wr0171783068>
18. RBC. (2018) *Tsennyy kontinent: zachen Rossiya rasshiryaet voennoe sotrudnichestvo s Afrikoy* [Valuable continent: why Russia is expanding military cooperation with Africa]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/21/08/2018/5b7c05df9a7947342260319a> (Accessed: 28th April 2023).
19. Kupriyanov, A.V. (2020) *V Afriku gulyat': chto dast Rossii voennoe prisutstvie na beregakh Indiyskogo okeana* [To go for a walk in Africa: what a military presence on the shores of the Indian Ocean will give Russia]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1086965/aleksei-kupriyanov/v-afriku-guliat-chto-dast-rossii-voennoe-prisutstvie-na-beregakh-indiyskogo-okeana> (Accessed: 28th April 2023).
20. Zakharova, S.V., Sokolova, O.Yu., Vlasova, N.L., Skvortsova, V.A. & Skvortsov, A.O. (2021) Osobennosti vnesneekonomiceskikh svyazey Rossii so stranami Afriki [Foreign economic relations between Russia and African countries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*. 1. pp. 103–114.
21. Selezney, M.N. (2022) *Chego zhdat' ot rossiysko-afrikanskih ekonomicheskikh otnosheniy* [What to expect from Russian-African economic relations]. [Online] Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62ddc8cb9a7947ad9188db4b> (Accessed: 28th April 2023).
22. Russian Federation. (n.d.) *Plan meropriyatiy po realizatsii Strategii razvitiya deyatel'nosti Rossiyskoy Federatsii v Antarktike do 2030 goda* [Action plan for the implementation of the Strategy for the development of activities of the Russian Federation in Antarctica until 2030]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/11MiwzpjXdaEO2h0tJZHw12xAp7Mx8k.pdf> (Accessed: 28th April 2023).
23. Russian Federation. (2020) *Resheniya, priinyaty na zasedanii Pravitel'stva 19 avgusta 2020 goda* [Decisions adopted at the Government meeting on August 19, 2020]. [Online] Available from: <http://government.ru/news/40250/> (Accessed: 28th April 2023).
24. Dezhina, I.G. (2023) *Nauchnaya diplomatiya v Indii* [Science diplomacy in India]. [Online] Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nauchnaya-diplomatiya-v-indii/?ysclid=lgw1h6j49q323586076> (Accessed: 28th April 2023).

Сведения об авторе:

Зеленева И.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: irina_zeleneva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Зеленева И.В. – Dr. Sci. (History), professor of the Department of World Politics, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Irina_zeleneva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2023;
одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted 10.07.2023;
approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 13.12.2023*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2023. № 76

Редакторы *В.Г. Лихачева*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 10.01.2024 г. Дата выхода в свет 24.01.2024 г.

Формат 70x100¹/16. Печ. л. 16,4; усл. печ. л. 21,3; уч.-изд. 22,5.

Тираж 50 экз. Заказ № 5740. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru